П. Д. УСПЕНСКІЙ.

TERTIUM ORGANUM

— КЛЮЧЪ —

КЪ ЗАГАДКАМЪ МІРА

ИЗДАНІЕ 2-Е,

ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ АВТОРОМЪ.

ТАЙНА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ. ТѢНИ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. ОККУЛЬТИЗМЪ И ЛЮБОВЬ. ОДУШЕВЛЕННАЯ ПРИРОДА. ГОЛОСА КАМНЕЙ. МАТЕМАТИКА БЕЗКОНЕЧНАГО. ЛОГИКА ЭКСТАЗА. МИСТИЧЕСКАЯ ТЕОСОФІЯ. КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНІЕ. НОВАЯ МОРАЛЬ. РОЖДЕНІЕ СВЕРХЧЕЛОВѢКА.

ПЕТРОГРАДЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ТАБЕРІО
1916.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
631
31

СКЛАДЪ КНИГЪ
П. Д. УСПЕНСКАГО.
«ЛИТЕРАТУРНАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА» М. В. ПИРОЖКОВА.
Петроградъ, Ижорская, 14., кв. 12.

Типогр. Петр. Т-ва Печ. и Изд. дѣла «Трудъ». Кавалергардская, 40.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. 1
„ II. 12
„ III. 21
„ IV. 27
„ V. 40
„ VI. 46
„ VII. 59
„ VIII. 65
„ IX. 81
„ X. 94
„ XI. 105
„ XII. 116
„ XIII. 122
„ XIV. 137
„ XV. 146
„ XVI. 164
„ XVII. 186
„ XVIII. 200
„ XIX. 217
„ XX. 230
„ XXI. 240
„ XXII. 255
„ XXIII. 291
Эволюція или культура сознанія 316
Заключеніе 319
Таблица четырехъ формъ сознанія.

И клялся . . . . . .
что времени уже не будетъ.

Апокалипсисъ, X, 6.

...Чтобы вы, укорененные и утвержденные *въ любви*, могли *постигнуть* со всѣми *святыми* что — широта и долгота, и глубина, и высота,

Апостолъ Павелъ.

Посланіе къ Эфесянамъ, III, 18.

ГЛАВА I.

Что мы знаемъ и чего не знаемъ? Наши данныя и наши искомыя. Неизвѣстныя, принимаемыя за извѣстныя. Матерія и движеніе. Къ чему приходитъ позитивная философія? Тожество неизвѣстныхъ: x=y, y=x. Что мы дѣйствительно знаемъ? Существованіе сознанія въ насъ и міра внѣ насъ. Дуализмъ или монизмъ? Субъективное и объективное познаніе. Гдѣ лежатъ причины ощущеній? Система Канта. Время и пространство. Кантъ и «эфиръ». Замѣчаніе Маха. Съ чѣмъ въ дѣйствительности оперируетъ физикъ.

Научись отличать реальное отъ ложнаго.
«Гласъ Молчанія».
Е. П. Б.

Самое трудное: знать, что мы знаемъ, и чего не знаемъ.

Поэтому, желая что бы то ни было знать, мы должны прежде всего установить, ч т о мы принимаемъ, какъ данное, и ч т о считаемъ, требующимъ опредѣленія и доказательства; т. е. установить, ч т о мы уже знаемъ—и ч т о желаемъ знать.

По отношенію къ нашему познанію міра и себя мы находились бы въ идеальныхъ условіяхъ, если бы мы могли не принимать, какъ данное *ничего*, и считать *все*, требующимъ опредѣленія и доказательства; или, иначе говоря, лучше всего было бы предположить, что мы *ничего* не знаемъ—и итти отъ этого.

Но, къ сожалѣнію, создать такія условія невозможно. Что нибудь должно быть положено въ основу, что нибудь должно быть признано извѣстнымъ. Иначе намъ всегда придется опредѣлять одно неизвѣстное посредствомъ другого.

Съ другой стороны мы должны опасаться принять, какъ извѣстныя, какъ *данныя*, вещи въ сущности совершенно неизвѣстныя, только предполагаемыя, *искомыя*. Мы должны опасаться попасть въ такое положеніе, въ какомъ находится позитивная философія, въ основу которой долгое время клалось признаніе существованія *матеріи* (матеріализмъ), а теперь кладется признаніе существованія *энергіи*, т. е. силы или *движенія* (энергетизмъ), хотя въ дѣйствительности матерія и движеніе всегда были неизвѣстными, *иксомъ* и *игрекомъ* и опредѣлялись одно посредствомъ другого.

Всякому совершенно ясно, что нельзя *искомое* принимать за

данное, и нельзя одно неизвѣстное опредѣлять посредствомъ другого неизвѣстнаго. Въ результатѣ не получается ничего кромѣ *тожества неизвѣстныхъ* x = y, y = x.

Именно это *тожество неизвѣстныхъ* и есть конечный выводъ, къ которому приходитъ позитивная философія.

Матерія это—то, въ чемъ происходятъ измѣненія, называемыя движеніемъ; а движеніе это—тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ матеріи.

Что же мы знаемъ?

Мы знаемъ, что на первой же ступени самосознанія человѣку бросаются въ глаза два очевидныхъ факта:

Существованіе міра, въ которомъ онъ живетъ—и *существованіе сознанія въ немъ самомъ.*

Ни того, ни другого человѣкъ ни доказать, ни опровергнуть не можетъ, но и то, и другое для него *фактъ*, *дѣйствительность*.

Можно задумываться о взаимоотношеніи этихъ двухъ фактовъ. Можно стараться свести ихъ къ одному—т. е. разсматривать сознаніе, какъ часть или функцію міра—и міръ, какъ часть или функцію сознанія. Но это уже будетъ отвлеченіе отъ фактовъ, и всѣ такія соображенія для обыкновеннаго, не мудрствующаго, взгляда на міръ и на себя не будутъ имѣть характера очевидности. Наоборотъ, единственнымъ *очевиднымъ фактомъ* остается противоположеніе *Я* и *Не я*,—сознанія и міра.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ возвращаться къ этому основному положенію. Но пока у насъ нѣтъ никакихъ основаній возражать противъ очевиднаго факта существованія *насъ самихъ*, т. е. нашего сознанія—и *міра*, въ которомъ мы живемъ. Это мы и должны принять, какъ *данное*.

Но зато это единственное, что мы имѣемъ право принять, какъ данное. Все остальное требуетъ доказательства своего существованія и опредѣленія на основаніи имѣющихся у насъ двухъ данныхъ.

Пространство съ его протяженностью; *время* съ идеею *прежде*, *теперь* и *послѣ*; количество, масса, вещественность; число, равенство, неравенство; тожество и противорѣчіе: причина и слѣдствіе; эѳиръ, атомы, электроны, энергія, жизнь, смерть...—все, что кладется въ основу обычнаго знанія,—*это все неизвѣстныя.*

Изъ двухъ основныхъ данныхъ—существованія сознанія въ насъ и міра внѣ насъ—непосредственно вытекаетъ совершенно ясное для нашего обычнаго сознанія раздѣленіе всего, что мы знаемъ, на *субъективное* и *объективное.*

Именно—все то, что мы принимаемъ, какъ свойства міра, мы называемъ объективнымъ; а все то, что мы принимаемъ, какъ свойства нашего сознанія, мы называемъ субъективнымъ.

«Міръ субъективнаго» или субъективный міръ мы познаемъ *непосредственно*; онъ въ насъ; онъ и мы—это одно.

«Міръ объективнаго» или объективный міръ мы представляемъ себѣ существующимъ какъ бы внѣ насъ, помимо насъ. Онъ и мы—это разное. Намъ кажется, что если мы закрываемъ глаза, то объективный міръ продолжаетъ существовать такимъ же, какимъ мы его сейчасъ видѣли, и что, если погаснетъ наше сознаніе, исчезнетъ наше Я, исчезнетъ субъективный міръ,—то объективный міръ, будетъ существовать попрежнему, какъ существовалъ тогда, когда насъ не было, не было нашего субъективнаго міра.

Точнѣе всего опредѣляетъ наше отношеніе къ объективному міру то, что мы познаемъ его *во времени* и *въ пространствѣ*—и иначе, внѣ этихъ условій, ни познать, ни представить себѣ не можемъ. Обыкновенно мы говоримъ, что объективный міръ состоитъ изъ вещей и явленій, т. е. вещей и перемѣнъ въ состояніи вещей. *Явленіе* существуетъ для насъ во времени, *вещь* въ пространствѣ.

Но такое раздѣленіе субъективнаго и объективнаго міра насъ не удовлетворяетъ.

Путемъ разсужденія мы можемъ установить, что въ дѣйствительности мы знаемъ только свои собственныя ощущенія, представленія и понятія—и міръ объективнаго познаемъ, проектируя внѣ себя причины своихъ ощущеній, которыя мы у нихъ предполагаемъ.

Затѣмъ мы находимъ, что наше познаніе, какъ субъективнаго, такъ и объективнаго міра можетъ быть *истиннымъ* и *ложнымъ*, правильнымъ и неправильнымъ.

Критеріемъ для опредѣленія правильности или неправильности нашего познанія субъективнаго міра служитъ форма отношеній одного ощущенія къ другимъ и *сила* и характеръ *самаго ощущенія*. Иначе говоря, правильность одного ощущенія провѣряется сравненіемъ его съ другимъ, въ которомъ мы болѣе увѣрены *или интенсивностью и вкусомъ даннаго ощущенія*.

Критеріемъ для опредѣленія правильности или неправильности нашего познанія объективнаго міра *служитъ то же самое*. Намъ кажется, что мы опредѣляемъ вещи и явленія объективнаго міра путемъ сравненія ихъ между собою; и мы думаемъ, что находимъ законы ихъ существованія *помимо насъ* и нашего познанія ихъ. Но это иллюзія. О вещахъ *отдѣльно отъ насъ* мы ничего не знаемъ. И никакихъ

другихъ средствъ для провѣрки правильности нашего познанія объективнаго міра кромѣ ощущеній у насъ нѣтъ.

Вопросъ о нашемъ отношеніи къ истиннымъ причинамъ нашихъ ощущеній съ глубокой древности составлялъ главный предметъ философскихъ исканій. Люди всегда должны были имѣть какое-нибудь рѣшеніе этого вопроса, какой-нибудь отвѣтъ на него. И эти отвѣты колебались между двумя полюсами, отъ полнаго отрицанія самыхъ причинъ и утвержденія, что причины ощущеній лежатъ въ насъ самихъ, а не въ чемъ-либо внѣшнемъ—до признанія того, что мы эти причины знаемъ, что онѣ заключаются въ явленіяхъ внѣшняго міра, что эти явленія и составляютъ причину ощущеній; а причина наблюдаемыхъ явленій заключается въ движеніи «атомовъ» и въ колебаніяхъ «эфира». И что мы не можемъ наблюдать этихъ движеній и колебаній только потому, что у насъ нѣтъ достаточно сильныхъ аппаратовъ, и когда такіе аппараты будутъ, то мы увидимъ движеніе атомовъ такъ же, какъ теперь видимъ въ сильные телескопы звѣзды, самое существованіе которыхъ раньше не предполагалось.

Для нашего современнаго познанія центральное положеніе въ этой проблемѣ о причинахъ ощущеній заняла система Канта, не раздѣляющаго ни того, ни другого изъ крайнихъ взглядовъ, и занимающаго между ними среднее мѣсто. Именно, Кантъ установилъ, что наши ощущенія должны имѣть причины во внѣшнемъ мірѣ, но что этихъ причинъ мы *чувственнымъ путемъ*, т. е. такимъ образомъ, какимъ познаемъ явленія, познать не можемъ и *никогда не познаемъ*.

Кантъ установилъ, что все, что мы познаемъ чувственнымъ путемъ, мы познаемъ во времени и въ пространствѣ, что внѣ времени и пространства мы ничего чувственнымъ путемъ познать не можемъ, что время и пространство есть необходимыя условія чувственнаго воспріятія (т. е. воспріятія при помощи органовъ чувствъ). — И главное онъ установилъ, что протяженность въ пространствѣ и бытіе во времени не есть свойства вещей, *принадлежащія имъ*, а только свойства нашего чувственнаго воспріятія, что въ дѣйствительности, внѣ нашего чувственнаго познанія ихъ, вещи существуютъ внѣ времени и пространства, но, что мы никогда не можемъ ощутить ихъ внѣ времени и пространства и что, воспринимая вещи и явленія чувствами, мы этимъ самымъ *налагаемъ* на нихъ условія времени и пространства, какъ принадлежащую *намъ* форму представленія.

Такимъ образомъ пространство и время, опредѣляющія все то, что мы познаемъ чувственнымъ путемъ, сами по себѣ только формы

нашего воспріятія, категоріи нашего разсудка, призма, черезъ которую мы смотримъ на міръ — или, иначе говоря, пространство и время не представляютъ собой свойствъ міра, а только свойства нашего познанія міра при помощи органовъ чувствъ. Слѣдовательно, міръ, пока мы не познаемъ его, не имѣетъ протяженія въ пространствѣ и бытія во времени. Это свойства, которыя мы придаемъ ему.

Представленія пространства и времени возникаютъ *въ нашемъ умѣ* при соприкосновеніи его съ внѣшнимъ міромъ, черезъ посредство органовъ чувствъ, а не существуютъ во внѣшнемъ мірѣ помимо нашего соприкосновенія съ нимъ.

Пространство и время — это *категоріи разсудка*, т. е. свойства, *приписываемыя* нами внѣшнему міру. Это только вѣхи, знаки, поставленныя нами самими, такъ какъ безъ нихъ мы не можемъ представить себѣ внѣшняго міра. Это *графики*, въ которыхъ мы рисуемъ себѣ міръ. Проектируя внѣ себя причины нашихъ ощущеній, мы мысленно (и только мысленно) конструируемъ эти причины въ пространствѣ—и представляемъ себѣ непрерывную дѣйствительность въ видѣ ряда слѣдующихъ одинъ за другимъ временныхъ моментовъ. Намъ это необходимо, потому что, не имѣя извѣстнаго протяженія въ пространствѣ, не занимая извѣстной части пространства и не существуя извѣстное время, вещь для насъ совсѣмъ не существуетъ. Т. е. вещь безъ идеи пространства, не вложенная въ пространство, не взятая въ категоріи пространства, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ другой вещи, будетъ занимать одно съ ней мѣсто, будетъ сливаться съ ней;—а безъ идеи времени, т. е. не вложенныя во время, не взятыя такъ или иначе съ точки зрѣнія *прежде теперь и послѣ*, всѣ явленія будутъ для насъ происходить какъ бы сразу, смѣшиваясь одно съ другимъ, и нашъ слабый интеллектъ не будетъ въ состояніи разбираться въ безконечномъ разнообразіи *одного момента*.

Поэтому наше сознаніе выдѣляетъ изъ хаоса впечатлѣній отдѣльныя группы, и мы строимъ въ пространствѣ и во времени представленія о предметахъ, соотвѣтствующихъ этимъ группамъ впечатлѣній.

Намъ необходимо какъ-нибудь раздѣлять вещи, и мы раздѣляемъ ихъ по категоріямъ пространства и времени.

Но мы должны помнить, что эти раздѣленія существуютъ только въ насъ, въ нашемъ познаніи вещей, а не въ самихъ вещахъ, что настоящаго отношенія вещей другъ къ другу мы не знаемъ и настоящихъ вещей не знаемъ, знаемъ только фантомы, призраки вещей — и не знаемъ, какія отношенія существуютъ между вещами въ дѣйствительности. Въ то же время мы совершенно опредѣленно знаемъ,

что *наше* раздѣленіе вещей по времени и пространству совершенно не соотвѣтствуетъ раздѣленію *вещей въ себѣ*, независимо отъ нашего воспріятія ихъ, — и совершенно опредѣленно знаемъ, что если между *вещами въ себѣ* существуетъ какое-нибудь раздѣленіе, то это ни въ какомъ случаѣ не есть раздѣленіе по времени и пространству, потому что послѣднее есть свойство не вещей, а нашего познанія вещей при помощи органовъ чувствъ. И мы не знаемъ, можно ли даже замѣтить *тѣ раздѣленія, которыя видимъ мы*, т.-е. по пространству и времени, смотря не человѣческими глазами, не съ человѣческой точки зрѣнія. Т.-е. мы не знаемъ, не представлялъ-ли бы собою нашъ міръ для иначе устроеннаго организма совершенно другого вида.

Мы не можемъ *образно представлять* себѣ вещи внѣ категорій пространства и времени, но *мыслимъ* мы ихъ постоянно внѣ времени и пространства.

Когда мы говоримъ, *этотъ столъ*, мы представляемъ себѣ столъ во времени и въ пространствѣ. Но когда мы говоримъ, *предметъ, сдѣланный изъ дерева*, не подразумѣвая опредѣленнаго предмета, а говоря вообще, то это относится ко всѣмъ предметамъ изъ дерева во всемъ мірѣ, во всѣ вѣка. Человѣкъ съ воображеніемъ можетъ сказать, что мы говоримъ о какомъ-то *большомъ предметѣ* изъ дерева, который состоитъ изъ всѣхъ когда-либо и гдѣ-либо существовавшихъ деревянныхъ предметовъ, представляющихъ собою какъ бы его *атомы*.

Мы не особенно ясно отдаемъ себѣ въ этомъ отчетъ, но вообще во времени и въ пространствѣ мы мыслимъ только представленіями;— понятіями мы мыслимъ уже внѣ времени и пространства.

Кантъ называлъ свои взгляды *критическимъ идеализмомъ*, отличая его отъ *догматическаго идеализма*, представителемъ котораго былъ Беркли.

Согласно догматическому идеализму, весь міръ, всѣ вещи, т. е. истинныя причины ощущеній, не существуютъ иначе, какъ въ нашемъ знаніи — т. е. онѣ *существуютъ* постольку, поскольку мы ихъ знаемъ. Весь представляемый нами міръ есть только отраженіе насъ самихъ.

Кантовскій идеализмъ признаетъ существованіе міра причинъ внѣ насъ, но утверждаетъ, что мы не можемъ познать этого міра путемъ чувственнаго воспріятія—и что все, что мы вообще видимъ, есть наше собственное созданіе, «продуктъ познающаго субъекта».

Такимъ образомъ по Канту все, что мы находимъ въ предметахъ, вкладывается въ нихъ нами самими. Каковъ міръ независимо отъ насъ, мы не знаемъ. При этомъ наше представленіе о вещахъ не имѣетъ ничего общаго съ вещами, какъ онѣ есть помимо насъ, сами въ себѣ.

И главное, наше незнаніе вещей въ себѣ проистекаетъ совсѣмъ не отъ *недостаточнаго знанія*, а отъ того, что мы *совсѣмъ* не можемъ познать міръ *правильно* путемъ чувственнаго воспріятія. Т. е. невѣрно говорить, что теперь мы знаемъ еще мало, потомъ будемъ знать больше и, наконецъ, дойдемъ до правильнаго пониманія міра. Это невѣрно потому, что наше опытное знаніе не есть *смутное* представленіе *реальнаго міра*. Оно есть *очень яркое* представленіе *совершенно нереальнаго міра*, возникающаго кругомъ насъ въ моментъ нашего соприкосновенія съ міромъ истинныхъ причинъ, до котораго мы не можемъ добраться, потому что заблудились въ нереальномъ «матеріальномъ» мірѣ.—Такимъ образомъ расширеніе объективныхъ знаній нисколько не приближаетъ насъ къ познанію *вещей въ себѣ* или *истинныхъ причинъ*.

Въ «Критикѣ Чистаго Разума» Кантъ говоритъ:

Представляемое нами въ пространствѣ не есть вещь сама въ себѣ— и не есть форма вещей, принадлежащая имъ самимъ въ себѣ. Предметы сами по себѣ намъ неизвѣстны и такъ называемые внѣшніе предметы суть не болѣе, какъ представленія нашего чувственнаго воспріятія, ихъ форма есть пространство—истинное же соотношеніе, т. е. вещь сама въ себѣ намъ неизвѣстна и не можетъ быть познана, тѣмъ болѣе, что въ опытѣ никогда не возникаетъ о ней и вопроса.

Представляемыя нами вещи не существуютъ сами по себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ представляемъ, и ихъ отношенія вовсе не таковы, какъ онѣ являются намъ. И если бы мы уничтожили субъективное свойство чувствъ, то всѣ признаки, всѣ отношенія предметовъ въ пространствѣ и во времени, самое пространство и время тоже уничтожились бы.

Намъ остается совершенно неизвѣстнымъ, что дѣлается съ предметами самими въ себѣ независимо отъ нашего чувственнаго воспріятія. Мы знаемъ только тотъ *способъ*, какимъ мы воспринимаемъ ихъ. Самое ясное познаніе явленій (чувственнымъ воспріятіемъ) никогда не познакомитъ насъ съ вещами въ себѣ.

Думать, что наше чувственное воспріятіе даетъ намъ смутное представленіе вещей, что въ этомъ представленіи мы выражаемъ предметы сами въ себѣ и только смѣшиваемъ при этомъ признаки и частныя представленія, которыхъ ясно опредѣлить не можемъ,—значитъ обезображивать понятія о чувственномъ воспріятіи и явленіяхъ, которыя при такомъ взглядѣ становятся совершенно безплодными.

Различіе яснаго и неяснаго представленія имѣетъ только логическое значеніе и не касается самаго содержанія.

Положенія Канта остались до настоящаго времени почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ ихъ оставилъ Кантъ. Несмотря на обиліе новыхъ философскихъ системъ, появлявшихся въ теченіе XIX столѣтія, и несмотря на обиліе философовъ, спеціально занимавшихся

комментированіемъ и толкованіемъ сочиненій Канта—главныя положенія Канта остались совершенно неразработанными, прежде всего потому, что Канта совсѣмъ не умѣютъ читать, и читаютъ у него все неважное и несущественное, не замѣчая важнаго и существеннаго.

Между тѣмъ Кантъ въ сущности только поставилъ вопросъ, бросилъ міру проблему, требующую разрѣшенія, но пути къ ея разрѣшенію не указалъ.

Это обыкновенно упускаютъ изъ виду, говоря о Кантѣ. Кантъ указалъ на загадку, но разрѣшенія ея не далъ.

И до сихъ поръ мы повторяемъ положенія Канта, считаемъ ихъ неизбѣжными, но въ сущности очень плохо представляемъ себѣ что они значатъ. И они не связаны съ другими областями нашего знанія. Вся наша позитивная наука—физика (съ химіей) и біологія—построена на гипотезахъ, *противорѣчащихъ* положеніямъ Канта.

И мы не знаемъ, какимъ образомъ мы сами налагаемъ на міръ свойства пространства, т. е. протяженность; не знаемъ, какимъ образомъ міръ:—земля, море, деревья, люди—могутъ *не обладать* этой протяженностью.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ можемъ мы видѣть и *измѣрять* эту протяженность, *если ея нѣтъ*,—и что представляетъ собою міръ, если онъ не обладаетъ протяженностью.

И существуетъ-ли міръ на самомъ дѣлѣ?—Или, какъ логическій выводъ изъ идей Канта, мы должны признать идею Беркли и отрицать самое существованіе міра, кромѣ какъ въ нашемъ воображеніи?

Позитивная философія очень странно относится ко взглядамъ Канта. Она и принимаетъ ихъ и не принимаетъ. Именно принимаетъ и считаетъ вѣрными по отношенію къ непосредственному опыту органовъ чувствъ, по отношенію къ тому, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ.—Т. е. позитивная философія признаетъ субъективность нашихъ воспріятій и признаетъ, что все, что мы воспринимаемъ въ предметахъ, вкладывается въ нихъ нами самими. Но это только по отношенію къ непосредственному опыту органовъ чувствъ.

Что касается «научнаго опыта», пользующагося точными аппаратами и вычисленіями, то позитивная философія, повидимому считаетъ по отношенію къ нему взглядъ Канта невѣрнымъ и полагаетъ, что «научный опытъ» знакомитъ насъ съ самой сущностью вещей, съ истинными причинами нашихъ ощущеній—или если не знако-

митъ сейчасъ, то приближаетъ къ этому и можетъ познакомить впослѣдствіи.

Такая двойственность въ основныхъ идеяхъ познанія дѣлаетъ то, что, напримѣръ физики, признавая субъективность красочныхъ впечатлѣній, въ которыхъ мы воспринимаемъ міръ глазомъ, т. е. чувственно, въ то же время считаютъ реально существующими колебанія эфира и вычисляютъ число колебаній въ секунду, соотвѣтствующее тому или другому цвѣту. Фактъ эфирныхъ колебаній, опредѣленнаго числа колебаній въ секунду для каждаго цвѣта, кажется имъ установленнымъ совершенно независимо отъ чувственнаго воспріятія красокъ, при помощи глаза, зрительныхъ нервовъ и пр.

Слѣдовательно *зеленый цвѣтъ*, какъ онъ воспринимается глазомъ, признается субъективнымъ, т. е. продуктомъ познающаго субъекта. Но тотъ же *зеленый цвѣтъ*, изслѣдуемый физикомъ, вычисляющимъ число эфирныхъ колебаній, соотвѣтствующихъ зеленому цвѣту, считается реальнымъ и объективно существующимъ. Физикъ увѣренъ, что именно извѣстное число колебаній эфира производитъ субъективное ощущеніе зеленаго цвѣта. И онъ совершенно не хочетъ знать, что единственная реальность во всемъ этомъ построеніи—это *субъективное ощущеніе зеленаго цвѣта*, и что опредѣленіе зеленаго цвѣта, какъ колебаній эфира, это есть ничто иное, какъ рѣшеніе уравненія съ двумя неизвѣстными: *цвѣтъ* и *зеленый*, при помощи введенія двухъ новыхъ неизвѣстныхъ: *эфира* и *колебаній*. Такимъ образомъ, конечно, очень легко рѣшить всякое уравненіе. Но этотъ способъ можно назвать только *подстановкой неизвѣстныхъ*. Весь «позитивизмъ» въ сущности есть замѣна однихъ неизвѣстныхъ другими.

Тѣмъ не менѣе въ противоположность Канту «позитивисты» увѣрены, что «болѣе ясное познаніе явленій знакомитъ ихъ съ вещами въ себѣ». Они полагаютъ, что, разсматривая физическія явленія, какъ движенія эфира, или электроновъ, и вычисляя эти движенія, они знакомятся съ самой сущностью явленій. Т. е. они *вѣрятъ* какъ разъ въ то, возможность чего отрицалъ Кантъ—постиженіе истинной сущности вещей путемъ изученія явленій. При этомъ многіе физики не считаютъ даже нужнымъ знать Канта и сами не могли бы точно опредѣлить, въ какомъ отношеніи они къ нему стоятъ. Между тѣмъ Канта можно не знать, но обойти его нельзя. Каждое описаніе физическаго явленія, каждымъ своимъ словомъ такъ или иначе относится къ проблемѣ, поставленной Кантомъ, стоитъ къ ней въ томъ или другомъ отношеніи.

Для того, чтобы принять теорію эфирныхъ колебаній, или дѣятельности электроновъ, нужно признать пространство и время

существующими внѣ насъ, признать ихъ реальными свойствами міра, а не только свойствами нашего чувственнаго познанія; признать, что пространство и время не нами налагаются на міръ, а воспринимаются нами извнѣ, какъ нѣчто присущее міру.

Вообще положеніе «науки» въ этомъ вопросѣ о границахъ *субъективно налагаемаго* или *объективно познаваемаго* болѣе чѣмъ шатко, и для того, чтобы дѣлать свои заключенія, «наука» должна очень много чисто гипотетическихъ предположеній принимать, какъ извѣстныя, какъ несомнѣнныя *данныя*, не требующія доказательствъ.

Обыкновенно это упускается изъ виду, и опредѣленіе физическихъ явленій, какъ волнообразныхъ колебаній эфира, или развитія энергіи электроновъ настолько вошло въ обиходъ нашего знанія, что мы считаемъ это почти фактомъ и забываемъ, что это *все сплошь гипотеза.* Мы такъ привыкли къ «эфиру» и къ его «колебаніямъ» или «вибраціямъ», или къ «электронамъ» и ихъ энергіи, что не можемъ обойтись безъ нихъ и забываемъ даже посмотрѣть, въ какомъ отношеніи стоятъ эти гипотезы къ проблемѣ пространства и времени, поставленной Кантомъ. Мы просто «не думаемъ» о томъ, что одно исключаетъ другое и что эти гипотезы, т. е. гипотеза «эфира» или электроновъ и гипотеза Канта вмѣстѣ невозможны.

Кромѣ того физики забываютъ одну очень интересную вещь, высказанную Махомъ въ его книгѣ «Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому», (*стр. 54*).

Изслѣдуя чисто физическіе процессы, говоритъ Махъ, мы пользуемся столь абстрактными понятіями, что обыкновенно лишь мелькомъ думаемъ, или даже вовсе не думаемъ о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя лежатъ въ основѣ этихъ понятій... Въ основѣ всѣхъ чисто физическихъ опредѣленій лежитъ почти необозримый рядъ чувственныхъ ощущеній, въ особенности если принять еще во вниманіе вывѣрку аппаратовъ, что должно предшествовать самимъ опредѣленіемъ. Съ *физикомъ*, незнакомымъ съ *психологіей* своихъ операцій, легко можетъ случиться, что онъ, не видя по пословицѣ за деревьями лѣсу, не замѣтитъ ощущеній, какъ основы своихъ понятій... Психологическій анализъ учитъ насъ, что удивительнаго здѣсь ничего нѣтъ, такъ какъ физикъ *всегда* оперируетъ ощущеніями.

Махъ указываетъ здѣсь на очень важную вещь. Физики не считаютъ себя обязанными знать психологію и не считаютъ необходимымъ считаться съ ней въ своихъ заключеніяхъ.

Когда же они знаютъ психологію и считаются съ ней, то у нихъ получается самая фантастическая раздвоенность мнѣній ортодоксально вѣрующаго человѣка, старающагося примирить догматы вѣры съ доказательствами разсудка и принужденнаго одновременно вѣ-

рить и въ сотвореніе міра въ семь дней, семь тысячъ лѣтъ тому назадъ— и въ геологическіе періоды, продолжавшіеся сотни тысячъ лѣтъ и въ эволюціонную теорію. Тогда ему приходится прибѣгать къ софистикѣ и доказывать, что *семь дней* нужно понимать, какъ *семь періодовъ*. Но почему именно *семь*—онъ объяснить не можетъ. У физиковъ роль «сотворенія міра» играетъ атомистическая теорія и эфиръ съ его волнообразными колебаніями и дальше электроны и энергетическая или электромагнетическая теорія міра.

Или бываетъ еще хуже, что физикъ въ глубинѣ души *знаетъ, гдѣ правда*—знаетъ, чего стоятъ въ дѣйствительности всѣ атомистическія и энергетическія теоріи, но онъ боится повиснуть въ воздухѣ, остаться съ однимъ отрицаніемъ. У него нѣтъ стройной системы взамѣнъ той, ложность которой онъ уже знаетъ. Онъ боится сдѣлать прыжокъ въ пустоту. И, не имѣя достаточно смѣлости открыто признать, *что онъ уже ни во что не вѣритъ*, онъ носитъ на себѣ всѣ матеріалистическія теоріи, какъ оффиціальный мундиръ, только потому, что съ этимъ мундиромъ связаны права и преимущества, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, состоящія изъ извѣстной увѣренности въ себѣ и въ окружающемъ, отказаться отъ которыхъ у него нѣтъ силъ и рѣшимости. «Невѣрующій матеріалистъ»—это трагическая фигура нашей современности, подобная «атеисту» или «невѣрующему священнику» временъ Вольтера.

Изъ этого же страха пустоты вытекаютъ всѣ дуалистическія теоріи, признающія «духъ» и «матерію» разными началами, одновременно существующими и независящими одно отъ другого.

Вообще для посторонняго наблюдателя современное состояніе нашей «науки» представляло бы большой психологическій интересъ. Во всѣхъ областяхъ научнаго знанія набирается множество фактовъ, нарушающихъ стройность признанныхъ системъ. И эти системы могутъ существовать только благодаря героическимъ усиліямъ ученыхъ, старающихся закрывать глаза на цѣлые длинные ряды новыхъ фактовъ, грозящихъ затопить все неудержимымъ потокомъ. Хотя въ дѣйствительности, если собрать эти факты, разрушающіе системы, то ихъ въ каждой области окажется, вѣроятно, больше чѣмъ фактовъ, на основаніи которыхъ утверждаются системы. И систематизированіе того, *чего мы не знаемъ*, можетъ дать намъ больше для правильнаго познанія міра и себя, чѣмъ систематизированіе того, что, по мнѣнію «точной науки» мы знаемъ.

ГЛАВА II.

Новый взглядъ на проблему Канта. Идеи Хинтона. «Чувство пространства» и его эволюція. Система развитія чувства четвертаго измѣренія при помощи упражненій съ разноцвѣтными кубами. Геометрическое понятіе пространства. Три перпендикуляра. Почему ихъ три? Все-ли, что существуетъ, можетъ быть измѣряемо тремя перпендикулярами? Факты физическіе и факты метафизическіе. Признаки существованія. Реальность идей. Недостаточная очевидность существованія матеріи и движенія. Матерія и движеніе только логическія понятія, какъ «добро» и «зло».

Я уже сказалъ, что Кантъ поставилъ проблему, но разрѣшенія ея не далъ и пути къ ея разрѣшенію не указалъ. Точно такъ же ни одинъ изъ извѣстныхъ комментаторовъ, толкователей, послѣдователей и противниковъ Канта не нашелъ ни этого разрѣшенія, ни пути къ нему.

Первые проблески правильнаго пониманія проблемы Канта и первые намеки на возможный путь къ ея разрѣшенію я нахожу у англійскаго писателя Хинтона (C. H. Hinton), автора книгъ «Новая эра мысли» и «Четвертое измѣреніе» [1]).

Эти книги заключаютъ въ себѣ интересную сводку многаго изъ того, что писалось до нихъ по проблемамъ высшихъ измѣреній и собственныя идеи автора, имѣющія непосредственную связь съ затрагиваемыми здѣсь темами.

Хинтонъ говоритъ, что при комментированіи идей Канта обыкновенно берется только ихъ *отрицательная сторона*. Именно—тотъ фактъ, что мы можемъ чувственно познавать вещи только во времени и въ пространствѣ, разсматривается, *какъ препятствіе*, мѣшающее намъ видѣть, каковы въ дѣйствительности вещи сами по себѣ, не дающее намъ познавать ихъ такъ, какъ онѣ есть, налагающее на нихъ то, что имъ не присуще, закрывающее ихъ отъ насъ.

---

[1]) У Хинтона есть двѣ отдѣльныя книги «Четвертое измѣреніе» (The Fourth Dimension) и «Новая эра мысли» (A New Era of Thought). Кромѣ того три книги популярныхъ статей и беллетристическихъ произведеній, «Scientific Romances» въ которыхъ онъ излагаетъ тѣ же идеи.

Но, говоритъ Хинтонъ, если мы возьмемъ положеніе Канта просто, какъ оно есть—не видя непремѣнно въ пространственномъ воспріятіи *препятствія* къ правильному воспріятію—и скажемъ себѣ, что мы *воспринимаемъ вѣщи при помощи пространства*, тогда мы можемъ разсматривать наше *чувство пространства* (space sense) не какъ отрицательное условіе, *мѣшающее* намъ воспринимать міръ, а какъ положительное средство, *при помощи котораго* умъ получаетъ свои опыты, т. е. при помощи котораго мы познаемъ міръ.

Существуетъ много книгъ, въ которыхъ вопросъ, поставленный Кантомъ, трактуется съ нѣкоторымъ унынiемъ—какъ будто познаніе въ пространствѣ есть родъ завѣсы, отдѣляющій насъ отъ природы. Но нѣтъ никакой надобности раздѣлять это уныніе. Мы должны признать, что при помощи пространства мы познаемъ то, что есть.

Пространство есть орудіе ума.

Очень часто бываетъ, что высказываемое положеніе кажется очень глубокимъ, темнымъ и труднымъ для пониманія просто вслѣдствіе того, что глубокіе мыслители заключили въ непонятную форму простое и практическое замѣчаніе. Но попробуемъ посмотрѣть на великую кантовскую идею пространства съ практической точки зрѣнія. Мы приходимъ къ слѣдующему. Необходимо развивать чувство пространства, потому что это есть средство, при помощи котораго мы думаемъ о реальныхъ вещахъ.

Согласно Канту, пишетъ Хинтонъ дальше, чувство пространства или интуиція пространства есть самая основная сила ума. Но я нигдѣ не встрѣчалъ идеи систематическаго воспитанія чувства пространства. Это представляется случаю. Между тѣмъ спеціальное развитіе чувства пространства знакомитъ насъ съ цѣлыми серіями новыхъ понятій.

Фихте, Шеллингъ, Гегель развили нѣкоторыя изъ идей Канта и написали замѣчательныя книги. Но истинными преемниками его являются Гауссъ и Лобачевскій.

Потому что, если интуиція пространства есть средство, при помощи котораго мы познаемъ, изъ этого слѣдуетъ, что могутъ быть различные роды интуицій пространства. Интуиція пространства должна быть, такъ сказать, окрашена условіями (психической дѣятельности) существа, пользующагося ею.

Замѣчательнымъ анализомъ упомянутые великіе геометры показали что пространство не ограничено, какъ, повидимому, позволяетъ намъ думать обычный опытъ, но что мы вполнѣ способны постигать новые роды пространства. *(A New Era of Thought)*.

Хинтонъ изобрѣлъ сложную систему воспитанія и развитія чувства пространства при помощи упражненій съ серіями разноцвѣтныхъ кубовъ. Изложенію этой системы посвящены его упомянутыя книги. По моему мнѣнію упражненія Хинтона интересны со стороны теоріи, но практическое значеніе могутъ имѣть только въ отдѣльныхъ случаяхъ, для людей одного склада ума съ самимъ Хинтономъ.

Упражненія ума по системѣ Хинтона должны прежде всего повести къ развитію способности *представлять вещи* не такъ, какъ

ихъ видитъ глазъ, т. е. не въ перспективѣ, а какъ онѣ есть геометрически, т. е., напримѣръ, пріучить представлять кубъ сразу со всѣхъ сторонъ. А установленіе такой способности представленія не въ перспективѣ въ свою очередь должно необыкновенно расширить предѣлы дѣятельности нашего сознанія, создавая *новыя понятія* и усиливая *способность аналогіи* [1]).

Кантъ установилъ, что расширеніе знаній при существующихъ условіяхъ воспріятія не приблизитъ насъ къ вещамъ въ себѣ. Хинтонъ же утверждаетъ, что можно при желаніи измѣнить самыя условія воспріятія и такимъ образомъ приблизиться къ истиннымъ сущностямъ.

Наше пространство, какъ мы обыкновенно думаемъ о немъ, постигается ограниченнымъ—не въ протяженіи, но въ нѣкоторомъ отношеніи, которое мы можемъ реализовать только тогда, когда мы думаемъ о нашихъ способахъ измѣренія пространственныхъ объектовъ. Найдено, что существуютъ только три независимыхъ направленія, въ которыхъ можетъ быть измѣряемо тѣло. Оно должно имѣть высоту, длину и ширину; но оно не имѣетъ измѣренія сверхъ этихъ. Всякое новое измѣреніе будетъ слагаться изъ этихъ старыхъ.

Въ тѣлѣ нѣтъ точки, которой бы мы не могли достигнуть, двигаясь по комбинаціи этихъ трехъ направленій.

Но почему пространство должно быть ограничено тремя независимыми направленіями?

Геометры находятъ, что нѣтъ никакой причины, почему тѣла должны быть такъ ограничены. Но въ дѣйствительности тѣла, которыя мы можемъ измѣрять ограничены именно такъ. Поэтому мы приходимъ къ заключенію, что пространство, которое мы употребляемъ для познанія обычныхъ объектовъ въ мірѣ ограничено тремя измѣреніями. Но весьма возможно, что въ мірѣ есть существа, способныя познавать пространство четырехъ измѣреній.

Можно сказать очень много относительно пространства высшихъ измѣреній, чѣмъ наше и можно разработать аналитически много проблемъ, относящихся къ этому, которыя представятся по пути. Но можемъ ли мы познать четырехмѣрное пространство такимъ же способомъ, какимъ познаемъ наше пространство? Можемъ ли мы думать о тѣлѣ четырехъ измѣреній, какъ о единицѣ имѣющей свои свойства, такимъ же способомъ, какимъ мы думаемъ о тѣлѣ, имѣющемъ опредѣленную форму въ пространствѣ, съ которымъ мы знакомы.

Въ четырехмѣрныхъ тѣлахъ нѣтъ никакой тайны и, если мы идемъ правильнымъ путемъ, то познаніе ихъ представляетъ не больше трудности, чѣмъ познаніе обыкновенныхъ трехмѣрныхъ формъ.

Когда пріобрѣтена способность познавать въ четырехъ измѣреніяхъ или, говоря вѣрнѣе, когда эта способность сдѣлана сознательной, потому

---

[1]) О системѣ Хинтона болѣе подробно см. «Четвертое измѣреніе», изд. 2, СПБ. 1913 г. гл. II—VI

что въ несовершенной формѣ она существуетъ во всѣхъ—открываются новые горизонты. Способности ума развиваются и пользованіе болѣе широкимъ пространствомъ, какъ орудіемъ мышленія, раскрываетъ передъ сознаніемъ новый путь. При чемъ мы пользуемся здѣсь той самой истиной, которая, когда ее впервые высказалъ Кантъ, повидимому, запирала умъ въ такія тѣсныя границы. Наше воспріятіе подвержено условіямъ бытія въ пространствѣ. Но пространство не ограничено, какъ мы сначала думали.

Слѣдующимъ шагомъ, послѣ того, какъ мы образовали эту силу понятія въ болѣе обширномъ пространствѣ, должно быть изслѣдованіе природы и выясненіе, какіе феномены могутъ быть объясняемы четырехмѣрными отношеніями.

Мысль прошедшихъ вѣковъ пользовалась понятіемъ трехмѣрнаго пространства, на основаніи его, классифицировала многія явленія—и выработала много полезныхъ правилъ для практическаго дѣйствія. Путь, который открывается передъ нами въ будущемъ, заключается въ примѣненіи понятія четырехмѣрнаго пространства къ явленіямъ природы и къ изслѣдованіямъ того, что можетъ быть найдено этими новыми способами познанія.

Для расширенія познанія необходимо насколько возможно дальше отдѣлить элементы себя, т. е. личные элементы, вкладываемые нами во все познаваемое нами, *отъ того, что познается*, чтобы наше вниманіе не отвлекалось (на насъ самихъ) отъ свойствъ собственно воспринимаемаго.

Только освободившись отъ элементовъ себя въ воспріятіи, мы становимся въ положеніе, въ которомъ можемъ задавать разумные вопросы. Только освободившись отъ идеи кругового движенія солнца вокругъ земли (т. е. вокругъ *насъ*—элементъ себя) мы получаемъ возможность изучать солнце.

Худшая сторона элемента себя въ воспріятіи заключается въ томъ, что мы даже не подозрѣваемъ въ себѣ этого элемента, пока не освободимся отъ него.

Чтобы понять, что значитъ элементъ себя въ нашемъ воспріятіи, вообразимъ себя внезапно перенесенными въ другую часть вселенной, гдѣ мы находимся среди разумныхъ существъ, съ которыми мы вступаемъ въ разговоръ. Представимъ себѣ, что мы начинаемъ описывать имъ нашъ міръ и наше солнце и говоримъ, что солнце эта—яркое, горячее тѣло движущееся кругомъ насъ. Они отвѣтятъ на это:—Вы сказали намъ нѣчто относительно солнца, но въ то же время вы сказали нѣчто относительно себя.

Поэтому, желая знать что-нибудь относительно солнца, мы должны прежде всего освободиться отъ элемента себя, внесеннаго въ наше познаніе солнца, движеніемъ вокругъ него земли, на которой мы находимся.

Одна изъ серьезныхъ частей работы по воспитанію и развитію чувства пространства должна заключаться въ освобожденіи отъ элементовъ себя въ познаніи расположенія предметовъ.

Каковы могутъ быть отношенія нашей вселенной или нашего пространства ко вселенной четырехмѣрнаго пространства—совершенно не опредѣлено. Чтобы понять эти отношенія, потребуется очень много работы и изученія и когда они будутъ поняты—они покажутся такъ же естественными и простыми, какъ кажется намъ

теперь простымъ и естественнымъ положеніе земли среди другихъ планетъ.

Изученіе расположенія должно быть раздѣлено на два класса:— первое, создающее эту способность и второе, дающее возможность упражнять ее. Математика представляетъ собою такое упражненіе; но я не думаю, что она можетъ создать эту способность, И къ несчастію въ математикѣ, какъ она теперь обыкновенно преподается, ученика пускаютъ сразу въ море символовъ, не давая ему возможности схватить ихъ смыслъ и значеніе.

Изъ всѣхъ единицъ которыя могутъ служить для изученія расположенія, я выбираю кубъ. Я нашелъ, что, когда я бралъ какую нибудь другую единицу, я сбивался и терялъ путь. Съ кубомъ мы пойдемъ не очень быстро, но все будетъ совершенно очевидно и ясно и мы построимъ цѣлое, каждая часть котораго будетъ видна.

Наша работа будетъ заключаться въ слѣдующемъ: изученіе при помощи кубовъ фактовъ расположенія; и процессъ изученія будетъ состоять въ дѣйствительномъ построеніи кубовъ. Такимъ образомъ мы приведемъ нашъ умъ въ соприкосновеніе съ природой.

Къ книгамъ Хинтона мнѣ придется нѣсколько разъ возвращаться. Но прежде необходимо установить наше отношеніе къ идеямъ, которыхъ касается проблема Канта.

Что такое пространство?

Взятое, какъ объектъ, т. е. представляемое внѣ нашего сознанія, пространство есть для насъ *форма вселенной*, или форма матеріи во вселенной.

Пространство обладаетъ безконечной протяженностью по всѣмъ направленіямъ. Но при этомъ оно можетъ быть измѣряемо только въ трехъ независимыхъ другъ отъ друга направленіяхъ, въ длину, ширину и высоту; эти направленія мы называемъ измѣреніями пространства и говоримъ, что наше пространство имѣетъ три измѣренія, что оно трехмѣрно.

Независимымъ направленіемъ мы въ этомъ случаѣ называемъ линію, лежащую подъ прямымъ угломъ къ другой.

Такихъ линій, т. е. лежащихъ одновременно подъ прямымъ угломъ одна къ другой и не параллельныхъ между собою, наша геометрія (т. е. наука объ измѣреніи *земли* или матеріи въ пространствѣ) знаетъ *только три*.

Если бы мы *независимымъ направленіемъ* назвали линію, лежащую не подъ прямымъ угломъ къ другой, т. е. не подъ угломъ въ 90°, а подъ угломъ, скажемъ, въ 30°, то тогда число измѣреній у насъ было бы не три, а девять.

Изъ этого видно, что *трехмѣрность* нашего пространства есть просто геометрическая условность, и зависитъ отъ того, что при измѣреніи мы пользуемся, какъ единицей, *прямымъ угломъ*.

Но въ то же время въ нашемъ пространствѣ и въ нашей вселенной мы знаемъ только три перпендикуляра, т. е. только три независимыхъ прямыхъ угла.

Почему именно три, а не десять и не пятнадцать?

Этого мы не знаемъ.

И замѣчателенъ еще одинъ фактъ, что больше трехъ перпендикуляровъ мы—или въ силу какого-то таинственнаго свойства вселенной, или въ силу ограниченности своего умственнаго аппарата—*представить* себѣ не можемъ.

Но мы называемъ вселенную безконечной. А такъ какъ первое условіе безконечности это безконечность *по всѣмъ направленіямъ* и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, то мы должны предположить въ пространствѣ безконечное число измѣреній, т. е. предположить возможность безконечнаго числа линій перпендикурярныхъ и не параллельныхъ одна другой. И предположить при этомъ, что изъ этихъ линій мы *почему то* знаемъ только три.

Въ такомъ видѣ является вопросъ о высшихъ измѣреніяхъ обычному сознанію.

И такъ какъ больше трехъ перпендикуляровъ мы построить все-таки не можемъ, то должны во всякомъ случаѣ признать, что если *трехмѣрность* нашего пространства условна, то *ограниченность* нашего пространства по отношенію къ геометрическимъ возможностямъ—несомнѣнный фактъ. Хотя, конечно, если свойства пространства создаются какими-то свойствами насъ самихъ, то и ограниченность лежитъ въ насъ самихъ.

Отъ чего бы эта ограниченность ни зависѣла, фактъ тотъ, что она существуетъ.

Данная точка можетъ быть вершиной только *восьми* независимыхъ трехстороннихъ прямоугольныхъ пирамидъ. Изъ данной точки можно провести только три перпендикулярныя и не параллельныя одна другой линіи.

Исходя изъ этого, мы опредѣляемъ *мѣрность* пространства количествомъ возможныхъ въ немъ линій, лежащихъ подъ прямымъ угломъ одна къ другой.

На линіи, перпендикуляра къ ней, т. е. *другой линіи* не можетъ быть.—Это одномѣрное пространство.

На поверхности возможны два перпендикуляра. Это двумѣрное пространство.

Въ «пространствѣ»—три перпендикуляра. Это трехмѣрное пространство.

Идея *четвертаго измѣренія* возникла изъ предположенія, что

кромѣ трехъ извѣстныхъ нашей геометріи измѣреній существуетъ еще четвертое, намъ почему то недоступное и неизвѣстное, т. е., что кромѣ трехъ намъ извѣстныхъ возможенъ таинственный четвертый перпендикуляръ. Практически это предположеніе основывается на томъ соображеніи, что въ мірѣ существуютъ вещи и явленія, несомнѣнно *реально существующія*, но совершенно неизмѣримыя въ длину ширину и высоту и лежащія какъ бы въ сторонѣ отъ трехмѣрнаго пространства.

Реально существующимъ мы можемъ считать то, что производитъ извѣстное дѣйствіе, что имѣетъ извѣстныя функціи, является причиной чего-либо другого.

То, что *не существуетъ*, не можетъ произвести никакого дѣйствія, не имѣетъ функціи, не можетъ быть причиной.

Но есть разные виды существованія. Есть *физическое* существованіе, узнаваемое по извѣстнаго рода дѣйствіямъ и функціямъ и есть *метафизическое* существованіе, узнаваемое по своимъ дѣйствіямъ и по своимъ функціямъ.

И *домъ* существуетъ, и *идея добра и зла* существуетъ. Но они существуютъ не одинаково. Одинъ и тотъ же способъ доказательства существованія не годится для доказательства существованія дома и для доказательства существованія идеи. Домъ—это *физическій фактъ*, идея—это *метафизическій фактъ*. И физическій и метафизическій факты *существуютъ*, но существуютъ различно.

Для того, чтобы доказать идею раздѣленія добра и зла, т. е. метафизическій фактъ, я долженъ доказать *ея возможность*. Этого будетъ уже достаточно. Но, если я докажу, что домъ, т. е. физическій фактъ, *можетъ* существовать, то это еще совсѣмъ не значитъ, что онъ дѣйствительно существуетъ. Если доказать, что человѣкъ *можетъ* имѣть домъ, это—не доказательство, что онъ его имѣетъ.

И наше отношеніе къ идеѣ и къ дому совершенно различныя. Домъ извѣстнымъ усиліемъ можно уничтожить—сжечь, сломать. Домъ перестанетъ существовать, но попробуйте усиліемъ уничтожить *идею*. Чѣмъ больше бороться съ ней, спорить, опровергать, осмѣивать, тѣмъ больше будетъ расти идея, увеличиваться и усиливаться. Напротивъ—молчанье, забвенье, *недѣланіе*, «непротивленіе» уничтожатъ, во всякомъ случаѣ ослабятъ идею. Молчаніе, забвеніе не повредятъ дому, не повредятъ камню. Ясно, что существованіе дома и существованіе идеи—это разныя существованія.

Такихъ *разныхъ существованій* мы знаемъ очень много. Существуетъ *книга* и существуетъ *содержаніе книги*. Существуютъ *ноты*,

и существуетъ *заключенная въ нихъ музыка*. Существуетъ *монета* и, существуетъ *покупная сила* монеты. Существуетъ *слово* и существуетъ заключенная въ немъ *энергія*.

Мы видимъ съ одной стороны рядъ физическихъ фактовъ, съ другой стороны рядъ метафизическихъ фактовъ.

Какъ факты перваго ряда, такъ и факты второго ряда существуютъ, но существуютъ различно.

Для обычнаго позитивнаго взгляда покажется въ высшей степени наивнымъ говорить *о покупной силѣ монеты* отдѣльно отъ монеты; *объ энергіи слова* отдѣльно отъ слова; *о содержаніи книги* отдѣльно отъ книги и т. п. Мы всѣ знаемъ, что это «только такъ говорится», что на самомъ дѣлѣ покупной силы, энергіи слова и содержанія книги не существуетъ, что мы этими понятіями только обозначаемъ рядъ явленій, извѣстнымъ образомъ связанныхъ съ монетой, со словомъ, съ книгой, но въ сущности совершенно отдѣльныхъ.

Но такъ-ли это?

Мы рѣшили ничего не принимать, какъ данное, и, слѣдовательно, не должны ничего *отрицать*, какъ данное.

Мы видимъ въ вещахъ, кромѣ внѣшняго, нѣчто внутреннее. Знаемъ, что это внутреннее составляетъ неразрывную часть вещей, обыкновенно, ихъ *главную сущность*. И вполнѣ естественно мы спрашиваемъ себя, *гдѣ* находится это внутреннее и *что* оно собой представляетъ. Мы видимъ, что это внутреннее не заключается въ нашемъ пространствѣ. У насъ составляется идея «высшаго пространства», имѣющаго большее число измѣреній, чѣмъ наше. И наше пространство является тогда какъ бы частью высшаго пространства, т. е. мы начинаемъ предполагать, что знаемъ, ощущаемъ и измѣряемъ только часть пространства, ту часть, которая измѣрима въ длину, ширину и высоту.

Раньше было сказано, что пространство мы обыкновенно разсматриваемъ, какъ форму вселенной или какъ форму матеріи во вселенной. Чтобы пояснить это, можно сказать, что «кубъ» есть форма матеріи въ кубѣ; «шаръ» есть форма матеріи въ шарѣ; «пространство»—безконечная сфера—есть форма всей матеріи во вселенной.

Е. П. Блаватская въ «Тайной Доктринѣ» говоритъ о пространствѣ такъ:

Чрезвычайная абсурдность предположенія, что пространство можетъ быть измѣряемо въ какомъ-нибудь направленіи, не имѣетъ даже особен-

наго значенія. Фамильярная фраза о четвертомъ измѣреніи пространства можетъ быть только сокращеніемъ болѣе полной формы:—четвертое измѣреніе матеріи въ пространствѣ... Ходъ эволюціи можетъ имѣть цѣлью ввести насъ въ новыя характеристики матеріи...

Но формула, опредѣляющая «пространство», какъ «форму матеріи во вселенной», страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что въ нее введено понятіе «матерія», т. е. *неизвѣстное*.

О тушкѣ x = y, y = x, къ которому приводятъ попытки физическаго опредѣленія матеріи, я уже говорилъ.

Психологическія опредѣленія приводятъ къ тому же.

Въ извѣстной книгѣ «Физіологія Души» А. И. Герценъ говоритъ:

Мы называемъ матеріей все, что прямо или косвенно оказываетъ сопротивленіе движенію, прямо или косвенно производимому нами, обнаруживая при этомъ замѣчательную аналогію съ нашими *пассивными* состояніями.

И мы называемъ силой (движеніемъ) то, что прямо или косвенно сообщаетъ движеніе намъ самимъ или другимъ тѣламъ, обнаруживая при этомъ величайшее сходство съ нашими *активными* состояніями.

Слѣдовательно «матерія» и «движеніе»—какъ бы проэкціи нашего активнаго и пассивнаго состоянія. Ясно, что пассивное состояніе можно опредѣлить только при помощи активнаго, и активное при помощи пассивнаго. Слѣдовательно опять два неизвѣстныхъ, опредѣляющихъ одно другое.

Очень хорошо говоритъ о матеріи Е. Дугласъ Фоусетъ, авторъ статьи «Идеализмъ и проблема природы» въ журналѣ «The Quest» (Апрѣль, 1910 г.).

Матерія (подобно силѣ) не представляетъ для насъ никакого затрудненія. Мы знаемъ все относительно ея по той простой причинѣ что *сами изобрѣли ее*. При помощи «матеріи» мы думаемъ о чувственныхъ объектахъ. Это умственная замѣна конкретныхъ, но черезчуръ сложныхъ фактовъ, съ которыми трудно обращаться.

...Строго говоря, матерія существуетъ, только какъ понятіе... Но характеръ матеріи, даже если ее разсматривать, какъ понятіе, настолько неочевиденъ, что большинство людей не въ состояніи даже сказать точно, что они подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ.

Здѣсь указывается на очень важный фактъ: *матерія* и *сила* это только *логическія понятія*, т. е. только *слова*, принятыя для обозначенія длинныхъ рядовъ разнообразныхъ фактовъ. Намъ, воспитаннымъ на «физикѣ», очень трудно понять это. Но въ сущности:—кто и когда видѣлъ *матерію* или *силу*? Мы видимъ вещи, видимъ явленія. *Матеріи*, отдѣльно отъ вещества, изъ котораго состоитъ или

сдѣлана данная вещь, мы никогда не видали и никогда не увидимъ, а *данное вещество* это совсѣмъ не *матерія*, это *дерево* или *желѣзо*, или *каменъ*. Точно такъ же никогда мы не увидимъ *силы* отдѣльно отъ *дѣйствія*. Что это значитъ?—Это значитъ, что *матерія* и *сила* это такія же отвлеченныя понятія, какъ «цѣнность» или «трудъ», какъ «покупная сила» монеты, какъ «содержаніе» книги;—это значитъ, что *матерія*—есть «то вещество, изъ котораго сдѣланы сны» (Шекспиръ). И, какъ это «вещество» мы никогда не можемъ осязать и видимъ только во снѣ, такъ и *физическую матерію* мы никогда не можемъ ни осязать, ни увидѣть, ни услышать, ни сфотографировать *отдѣльно отъ вещей*. Мы познаемъ плохо или хорошо вещи и явленія. Но никогда не познаемъ *матеріи и силы* отдѣльно отъ *вещей и явленій*.

Матерія—это такое же отвлеченное понятіе, какъ истина, добро, зло.

Матерію или часть матеріи нельзя заключить въ химическую реторту или колбу, такъ же какъ нельзя продавать въ пузыречкахъ *тьму египетскую*. Но говорятъ, что «тьма египетская» въ видѣ чернаго порошка продается на Аѳонѣ, поэтому можетъ быть кто-нибудь видѣлъ и матерію.

Чтобы разбираться въ этихъ вопросахъ нужна извѣстная подготовка или большое внутреннее чутье. Къ сожалѣнію, люди очень легко берутся разсуждать объ основныхъ вопросахъ міроздания.

Человѣкъ легко признаетъ свою некомпетентность въ музыкѣ или въ высшей математикѣ, или въ балетномъ искусствѣ, но онъ всегда оставляетъ за собой право *имѣть мнѣніе* и судить въ вопросахъ, относящихся къ «основнымъ началамъ».

Говорить съ такими людьми очень трудно.

Потому, что какъ отвѣтить человѣку, который съ недоумѣніемъ смотритъ на васъ, стучитъ пальцемъ по столу и говоритъ: *это матерія*, я это *знаю*, *чувствую*? какъ же *это* можетъ быть отвлеченное понятіе? Отвѣтить на это такъ же трудно, какъ отвѣтить человѣку, который говоритъ: *я же вижу*,—что солнце восходитъ и заходитъ!

Возвращаясь къ пространству, мы должны во всякомъ случаѣ не вводить неизвѣстныхъ въ его опредѣленіе. Мы должны опредѣлить его при помощи тѣхъ двухъ *данныхъ*, которыя мы рѣшили принять въ самомъ началѣ.

Міръ и *сознаніе* это два факта, которые мы рѣшили признать существующими.

Міромъ мы называемъ комбинацію неизвѣстныхъ причинъ нашихъ ощущеній.

Матеріальнымъ міромъ мы называемъ комбинацію неизвѣстныхъ причинъ *опредѣленныхъ рядовъ ощущеній*, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ, ощущеній вѣса, массы и т. п.

Пространство есть или свойство міра, или свойство нашего познанія міра.

Трехмѣрное пространство есть или свойство *матеріальнаго міра*, или свойство нашего воспріятія матеріальнаго міра.

Вопросъ заключается въ томъ: какъ подойти къ изученію пространства?

ГЛАВА III.

Что мы можемъ узнать о четвертомъ измѣреніи, изучая геометрическія отношенія внутри нашего пространства? Какимъ должно быть отношеніе трехмѣрнаго тѣла къ четырехмѣрному? Четырехмѣрное тѣло, какъ слѣдъ отъ движенія трехмѣрнаго тѣла по направленію, въ немъ не заключающемуся. Четырехмѣрное тѣло, какъ состоящее изъ безконечнаго количества тѣлъ трехмѣрныхъ. Трехмѣрное тѣло, какъ разрѣзъ четырехмѣрнаго. Части тѣлъ и цѣлыя тѣла въ трехъ и въ четырехъ измѣреніяхъ. Несоизмѣримость трехмѣрнаго и четырехмѣрнаго тѣла. Матеріальный атомъ, какъ разрѣзъ линіи четвертаго измѣренія.

Въ другой своей книгѣ «The Fourth Dimension» («Четвертое измѣреніе») Хинтонъ дѣлаетъ интересное замѣчаніе относительно способа, при помощи котораго мы можемъ подойти къ вопросу о высшихъ измѣреніяхъ.

Онъ говоритъ такъ:

Наше пространство несетъ въ себѣ самомъ отношенія, которыя позволяютъ намъ опредѣлить отношенія извѣстнаго намъ пространства къ высшему.

Мы знаемъ въ пространствѣ отношенія точки къ линіи, линіи къ поверхности, поверхности къ тѣлу. Такого же рода должно быть отношеніе трехмѣрнаго пространства къ высшему.

Дѣйствительно, если мы остановимся на этой мысли и разсмотримъ глубокое различіе между точкой и линіей, между линіей и поверхностью, между поверхностью и тѣломъ,—мы поймемъ, какъ много новаго и непонятнаго для насъ должно лежать въ четвертомъ измѣреніи.

Какъ въ точкѣ невозможно представить себѣ линію и законы линіи, какъ въ линіи нельзя представить себѣ поверхность и законы поверхности, какъ въ поверхности нельзя представить тѣло и понять законы тѣла, такъ и въ нашемъ пространствѣ нельзя представить себѣ тѣла, имѣющаго больше трехъ измѣреній, и нельзя понять законовъ существованія этого тѣла.

Но, изучая взаимныя отношенія точки, линіи, поверхности и тѣла, мы начинаемъ узнавать что-то и о четвертомъ измѣреніи, т. е.

о пространствѣ четырехъ измѣреній. Начинаемъ узнавать, *чѣмъ оно можетъ быть* въ сравненіи съ нашимъ трехмѣрнымъ пространствомъ, и *чѣмъ не можетъ быть*.

Послѣднее мы узнаёмъ прежде всего. И это особенно важно, потому что избавляетъ насъ отъ множества глубоко укоренившихся иллюзій, очень вредныхъ для правильнаго познанія.

Мы узнаёмъ, *чего не можетъ быть* въ пространствѣ четырехъ измѣреній, и это позволяетъ намъ установить, *что тамъ можетъ быть*.

Попробуемъ разсмотрѣть эти отношенія внутри нашего пространства и посмотримъ, какія заключенія мы можемъ сдѣлать на основаніи ихъ изученія.

Мы знаемъ, что наша геометрія разсматриваетъ линію, какъ слѣдъ отъ движенія точки, поверхность, какъ слѣдъ отъ движенія линіи, и тѣло, какъ слѣдъ отъ движенія поверхности. На основаніи этого мы задаемъ себѣ вопросъ: нельзя ли разсматривать «тѣло четырехъ измѣреній», какъ слѣдъ отъ движенія тѣла трехъ измѣреній.

Что же это за движеніе и по какому направленію?

Точка, двигаясь въ пространствѣ и оставляя слѣдъ своего движенія въ видѣ линіи, движется по направленію, въ ней не заключающемуся, потому что въ точкѣ нѣтъ никакого направленія.

Линія, двигаясь въ пространствѣ и оставляя слѣдъ своего движенія въ видѣ поверхности, движется по направленію, въ ней не заключающемуся, потому что, двигаясь по направленію, заключающемуся въ ней, линія всегда останется только линіей.

Поверхность, двигаясь въ пространствѣ и оставляя слѣдъ своего движенія въ видѣ тѣла, тоже движется по направленію, въ ней не заключающемуся. Если она будетъ двигаться по одному изъ направленій, заключающихся въ ней, то она всегда останется поверхностью. Чтобы оставить слѣдъ своего движенія въ видѣ «тѣла» или трехмѣрной фигуры, она должна *отойти сама отъ себя*, двигаться по тому направленію, котораго нѣтъ въ ней самой.

По аналогіи со всѣмъ этимъ и тѣло для того, чтобы оставить слѣдъ своего движенія въ видѣ четырехмѣрной фигуры, должно двигаться по направленію, въ немъ не заключающемуся; иначе говоря, тѣло должно выйти само изъ себя, *отойти отъ себя*. Дальше будетъ установлено, какъ мы это должны понимать.

Пока мы можемъ сказать, что направленіе движенія по четвертому измѣренію лежитъ *внѣ всѣхъ тѣхъ направленій, которыя возможны въ трехмѣрной фигурѣ*.

Мы разсматриваемъ линію, какъ безконечное число точекъ;

поверхность, какъ безконечное число линій; тѣло, какъ безконечное число поверхностей.

По аналогіи съ этимъ можно предположить, что тѣло четырехъ измѣреній слѣдуетъ разсматривать, какъ безконечное число тѣлъ трехъ измѣреній, а пространство четырехъ измѣреній, какъ безконечное число трехмѣрныхъ пространствъ.

Затѣмъ мы знаемъ, что линія ограничена точками, поверхность ограничена линіями, тѣло ограничено поверхностями.

Возможно, что пространство четырехъ измѣреній ограничено *тѣлами трехъ измѣреній.*

Или можно сказать, что линія есть разстояніе между точками, поверхность—разстояніе между линіями, тѣло—разстояніе между поверхностями.

Или такъ, что линія отдѣляетъ одну отъ другой двѣ или нѣсколько точекъ (прямая линія кратчайшее разстояніе между двумя точками); поверхность отдѣляетъ одну отъ другой двѣ или нѣсколько линій; тѣло отдѣляетъ одну отъ другой нѣсколько поверхностей:—такъ *кубъ* отдѣляетъ одну отъ другой шесть плоскихъ поверхностей, которыя мы называемъ его сторонами.

При этомъ линія связываетъ нѣсколько отдѣльныхъ точекъ въ нѣчто цѣлое (прямая, кривая, ломаная); поверхность связываетъ нѣсколько линій въ нѣчто цѣлое (квадратъ, треугольникъ); тѣло связываетъ нѣсколько поверхностей въ нѣчто цѣлое (кубъ, пирамида).

Возможно, что пространство четырехъ измѣреній есть разстояніе между рядомъ тѣлъ, отдѣляющее эти тѣла одно отъ другого—и въ то же время связывающее въ какое-то непонятное намъ цѣлое тѣла, которыя кажутся намъ отдѣльными.

Затѣмъ—точку мы разсматриваемъ, какъ *разрѣзъ* линіи; линію, какъ разрѣзъ поверхности; поверхность, какъ разрѣзъ тѣла.

По аналогіи съ этимъ трехмѣрное тѣло (кубъ, шаръ, пирамиду), вѣроятно, можно разсматривать, какъ *разрѣзъ* тѣла четырехъ измѣреній, а все трехмѣрное пространство, какъ разрѣзъ четырехмѣрнаго.

Если всякое трехмѣрное тѣло есть разрѣзъ четырехмѣрнаго, то всякая точка трехмѣрнаго тѣла является разрѣзомъ линіи четвертаго измѣренія. «Атомъ» физическаго тѣла можно разсматривать *не какъ нѣчто матеріальное*, а какъ пересѣченіе плоскостью нашего сознанія линіи четвертаго измѣренія.

Взглядъ на трехмѣрное тѣло, какъ на разрѣзъ четырехмѣрнаго, приводитъ къ мысли, что многія отдѣльныя для насъ трехмѣрныя тѣла могутъ быть *разрѣзами частей* одного четырехмѣрнаго тѣла.

Простой примѣръ поясниτъ эту мысль. Если мы представимъ себѣ горизонтальную плоскость, пересѣкающую вершину дерева параллельно землѣ, то *на этой плоскости* разрѣзы вѣтвей покажутся отдѣльными и совершенно несвязанными другъ съ другомъ. Между тѣмъ въ нашемъ пространствѣ, съ нашей точки зрѣнія, это разрѣзы вѣтвей *одного* дерева, составляющихъ вмѣстѣ одну вершину, питающихся отъ одного корня, дающихъ одну тѣнь.

Или еще интересный примѣръ, показывающій ту же мысль, приводимый въ одномъ изъ его сочиненій, теософическимъ писателемъ Лэдбитеромъ. Если мы прикоснемся къ поверхности стола кончиками пяти пальцевъ одной руки, то на поверхности стола будутъ только пять кружковъ, и *на этой поверхности* нельзя составить никакой идеи о рукѣ и о человѣкѣ, которому принадлежитъ эта рука. На поверхности стола будутъ пять *отдѣльныхъ* кружковъ. Какъ представить себѣ по нимъ человѣка, со всѣмъ богатствомъ его физической и духовной жизни? Это невозможно. Наше отношеніе къ міру четырехъ измѣреній можетъ быть именно таково, какъ отношеніе къ *человѣку* того сознанія, которое видитъ пять кружковъ на столѣ. Мы видимъ только «кончики пальцевъ», поэтому для насъ и непостижимо четвертое измѣреніе.

Затѣмъ мы знаемъ, что на плоскости можно *изобразить* трехмѣрное тѣло, можно нарисовать кубъ, многогранникъ, шаръ. Это не будетъ настоящій кубъ или настоящій шаръ, а только проэкція куба или шара на плоскости. Можетъ быть, мы имѣемъ право думать, что трехмѣрныя тѣла нашего пространства являются какъ бы *изображеніями* въ нашей сферѣ непостижимыхъ для насъ четырехмѣрныхъ тѣлъ.

ГЛАВА IV.

Въ какомъ направленіи можетъ лежать четвертое измѣреніе? Что такое движеніе? Два рода движенія—движеніе по пространству и движеніе по времени—заключающіяся во всякомъ движеніи. Что такое время? Двѣ идеи, заключающіяся въ понятіи времени. Новое протяженіе пространства и движеніе по этому пространству. Время, какъ четвертое измѣреніе пространства. Невозможность понять идею 4-го измѣренія безъ идеи движенія. Идея движенія и «чувство времени». Чувство времени, какъ граница (поверхность) чувства пространства. Хинтонъ о законѣ поверхностей. «Эфиръ», какъ поверхность. Идея Римана о переходѣ времени въ пространство въ четвертомъ измѣреніи. Настоящее, прошедшее и будущее. Почему мы не видимъ прошедшаго и будущаго? Жизнь наощупь. Вундтъ о нашемъ чувственномъ познаніи.

Мы установили по аналогіи съ отношеніемъ фигуръ низшаго измѣренія къ фигурамъ высшаго измѣренія, что тѣло четырехъ измѣреній можно разсматривать, какъ слѣдъ отъ движенія тѣла трехъ измѣреній по направленію, въ немъ не заключающемуся, т. е. что направленіе движенія по четвертому измѣренію лежитъ внѣ всѣхъ тѣхъ направленій, которыя возможны въ пространствѣ трехъ измѣреній.

Что же это за направленіе?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны посмотрѣть вообще, не знаемъ ли мы движенія по направленію, не заключающемуся въ трехмѣрномъ пространствѣ.

Мы знаемъ, что всякое движеніе въ пространствѣ сопровождается тѣмъ, что мы можемъ назвать *движеніемъ во времени*. Кромѣ того мы знаемъ, что даже не двигаясь въ пространствѣ, все существующее вѣчно движется во времени.

И одинаково во всѣхъ случаяхъ, говоря о движеніи или объ отсутствіи движенія, мы имѣемъ въ умѣ идею того, что было прежде, что стало теперь, и что будетъ послѣ. Иначе говоря, идею времени. Идея движенія, всякаго, какого бы то ни было, а также идея отсутствія движенія, неразрывно связана съ идеей времени. Всякое движеніе и отсутствіе движенія происходитъ во времени и внѣ времени происходить не можетъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ говорить о томъ, что такое движеніе, мы должны отвѣтить на вопросъ: что такое время?

Время—это самая большая и самая трудная загадка, которая стоитъ передъ человѣчествомъ.

Кантъ считаетъ время такой же субъективной формой нашего воспріятія, какъ пространство, т. е. онъ говоритъ, что мы сами *создаемъ время* для удобства воспріятія внѣшняго міра въ зависимости отъ свойствъ нашего воспринимательнаго аппарата. Дѣйствительность непрерывна и постоянна. Но мы для того, чтобы имѣть возможность воспринимать ее, должны расчленять ее на отдѣльные моменты, т. е. представлять ее себѣ въ видѣ безконечнаго ряда отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ для насъ всегда существуетъ только одинъ. Иначе говоря, мы воспринимаемъ дѣйствительность какъ бы черезъ узкую щель. И то, что мы *видимъ* въ эту щель, мы называемъ настоящимъ, то что видѣли, а теперь не видимъ,—прошедшимъ, а чего совсѣмъ не видимъ, но ожидаемъ —будущимъ.

Разсматривая каждое явленіе, какъ *слѣдствіе* другого или другихъ—и въ свою очередь, какъ причину третьяго или третьихъ, т. е. разсматривая всѣ явленія въ функціональной зависимости другъ отъ друга, мы этимъ самымъ разсматриваемъ ихъ во времени, потому что мы совершенно ясно и отчетливо представляемъ себѣ прежде причину и потомъ слѣдствіе, прежде дѣйствіе, потомъ его функцію, и иначе представить не можемъ. И мы можемъ сказать, что идея времени неразрывно связана съ идеей причинности и функціональной зависимости. Безъ времени причинность существовать не можетъ, точно такъ же какъ безъ времени не можетъ существовать движеніе или отсутствіе движенія.

Но наше представленіе о нашемъ «бытіи во времени» у насъ до невѣроятія спутанное и неясное.

Прежде всего разберемъ наше отношеніе къ прошедшему, настоящему и будущему. Обыкновенно мы считаемъ, что прошедшаго теперь *уже* нѣтъ. Оно прошло, исчезло, измѣнилось, превратилось въ другое. Будущаго тоже нѣтъ. Его *еще* нѣтъ. Оно еще не пришло, не образовалось.—Настоящимъ мы называемъ моментъ перехода будущаго въ прошедшее, *т. е. моментъ перехода явленія изъ одного небытія въ другое*. Только этотъ короткій моментъ явленіе для насъ существуетъ въ дѣйствительности, раньше оно существовало, въ возможности, теперь будетъ существовать въ воспоминаніи. Но этотъ короткій моментъ въ сущности фикція. Онъ не имѣетъ измѣренія. Мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что настоящаго не существуетъ. Мы никогда не можемъ уловить его. То, что мы уловили, *всегда уже прошедшее*!

Если мы остановимся на этомъ, то мы должны признать, что

міра не существуетъ. Существуетъ только какая-то фантасмагорія иллюзій, вспыхивающихъ и гаснущихъ.

Обыкновенно мы не отдаемъ себѣ въ этомъ отчета и не замѣчаемъ, что нашъ обычный взглядъ на время приводитъ насъ къ полному абсурду.

Представимъ себѣ глупаго путешественника, ѣдущаго изъ одного города въ другой и находящагося на полпути между этими двумя городами. Глупый путешественникъ думаетъ, что городъ, изъ котораго онъ выѣхалъ на прошлой недѣлѣ, *теперь* уже не существуетъ, отъ него осталось одно воспоминаніе: стѣны разрушены, башни упали, жители вымерли или разбѣжались.—А тотъ городъ, куда онъ долженъ пріѣхать черезъ нѣсколько дней тоже *теперь* еще не существуетъ, но спѣшно строится къ его пріѣзду и въ день его пріѣзда будетъ готовъ, населенъ и устроенъ, на другой день послѣ его отъѣзда такъ же какъ и первый будетъ разрушенъ.

Мы думаемъ о вещахъ во времени именно такимъ образомъ.—Все проходитъ, ничто не возвращается! Весна прошла, ея *уже* нѣтъ. Осень не наступила, она *еще* не существуетъ.

Что же существуетъ?

Настоящее.

Но *настоящее* неуловимый моментъ, непрерывно переходящій въ прошедшее.

Такимъ образомъ, строго говоря, для насъ не существуетъ ни прошедшаго, ни будущаго, ни настоящаго. *Ничего не существуетъ*! А, между тѣмъ, мы живемъ, чувствуемъ, думаемъ—и что-то окружаетъ насъ. Слѣдовательно, въ нашемъ обычномъ отношеніи къ времени есть какая-то ошибка. Эту ошибку мы должны постараться найти.

Мы признали въ самомъ началѣ, что *нѣчто* существуетъ. Мы назвали это нѣчто міромъ. Какъ же міръ можетъ существовать, если онъ не существуетъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ?

То представленіе о мірѣ, которое мы вывели изъ обычнаго взгляда на время, дѣлаетъ міръ похожимъ на непрерывно бьющій огненнымъ фонтаномъ фейерверкъ, каждая искра котораго вспыхиваетъ на мгновеніе и гаснетъ, чтобы больше уже *никогда* не явиться. Вспышки идутъ непрерывно одна за другой, искръ безконечное множество и все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе пламени, *хотя въ дѣйствительности не существуетъ*.

Осень еще не наступила.—*Она будетъ, но сейчасъ ея нѣтъ*. И мы не отдаемъ себѣ отчета, какъ это можетъ *появиться* то, *чего нѣтъ*.

Мы движемся по плоскости и признаемъ реально существующимъ только небольшой кругъ, освѣщенный нашимъ сознаніемъ. Все остальное за этимъ кругомъ, чего мы не видимъ, мы отрицаемъ, не хотимъ признать, что оно существуетъ. Мы движемся по плоскости въ одномъ направленіи. Это направленіе мы считаемъ вѣчнымъ и безконечнымъ. Но направленія *перпендикулярнаго* ему, тѣхъ линій, которыя мы пересѣкаемъ, мы не хотимъ признать вѣчными и безконечными. Мы думаемъ, что онѣ уходятъ въ небытіе сейчасъ же, какъ мы прошли черезъ нихъ, а линіи впереди насъ еще не возникли изъ небытія. Если предположить, что мы движемся по сферѣ, по ея экватору или по одной изъ параллелей, то окажется, что мы всегда признаемъ реально существующимъ *только одинъ* меридіанъ, тѣ, которые сзади насъ уже исчезли, тѣ которые впереди еще не возникли.

Мы идемъ, какъ слѣпой, который ощупываетъ своей палкой плиты тротуара и фонари и стѣны домовъ и *вѣритъ* въ реальное существованіе только того, до чего *сейчасъ* дотрагивается, что *сейчасъ* ощупываетъ. То, что прошло, уже исчезло и никогда больше не вернется! Чего *еще* не было, то не существуетъ. Слѣпой помнитъ дорогу, которую прошелъ. Ожидаетъ, что и впереди будетъ дорога, но онъ не видитъ ни впередъ ни назадъ, *потому что онъ ничего не видитъ*; потому, что орудіе его познанія—палка съ крючкомъ—имѣетъ опредѣленную, очень небольшую длину, и *за этой палкой* для него начинается небытіе.

Вундтъ въ одной изъ своихъ книгъ обращаетъ вниманіе на то, что наши знаменитые пять органовъ чувствъ это въ сущности *щупальцы*, которыми мы ощупываемъ міръ вокругъ себя. Мы живемъ наощупь. *Мы никогда, ничего не видимъ.* Всегда и все только ощупываемъ. При помощи зрительныхъ трубъ и телескоповъ, телеграфовъ и телефоновъ мы немного удлиняемъ, такъ сказать, наши щупальцы, но не начинаемъ *видѣть*. Сказать, что мы *видимъ*, можно было бы только въ такомъ случаѣ если бы мы знали прошедшее и будущее. Но мы не видимъ и поэтому никогда не можемъ убѣдиться въ существованіи того, чего не можемъ *ощупать*.

Поэтому мы и считаемъ реально существующимъ только тотъ кругъ, который въ данный моментъ охватываютъ наши щупальцы. За этимъ кругомъ—тьма и небытіе.

Но имѣемъ-ли мы право такъ *думать*?

Представимъ себѣ сознаніе, не связанное условіями чувственнаго воспріятія. Такое сознаніе можетъ подняться надъ плоскостью, по которой мы движемся; можетъ увидать далеко за предѣлами круга, освѣщеннаго нашимъ обычнымъ сознаніемъ; можетъ увидать, что *су-*

ществуетъ не только та линія, по которой мы движемся, а всѣ линіи, перпендикулярныя ей, которыя мы пересѣкаемъ, которыя мы когда-либо пересѣкали и которыя будемъ пересѣкать. Поднявшись надъ плоскостью это сознаніе можетъ *увидать* плоскость, убѣдиться, что это дѣйствительно плоскость, а не одна линія. Тогда оно можетъ увидать *прошедшее* и *будущее*, лежащими рядомъ и существующимъ одновременно.

Сознаніе, не связанное условіями чувственнаго воспріятія, можетъ опередить глупаго путешественника, подняться на гору, увидать въ дали городъ, въ который онъ ѣдетъ, и убѣдиться, что этотъ городъ не строится заново къ его пріѣзду, а существуетъ самъ по себѣ, совершенно независимо отъ глупаго путешественника. И оно можетъ посмотрѣть назадъ и увидать на горизонтѣ башни того города, гдѣ путешественникъ былъ и убѣдиться, что башни не упали, что городъ продолжаетъ стоять и жить, какъ стоялъ и жилъ до путешественника.

Оно можетъ подняться надъ плоскостью времени и увидать сзади весну и впереди осень, увидать одновременно распускающіеся цвѣты и созрѣвающіе плоды. Можетъ заставить *слѣпого* прозрѣть и *увидать* дорогу, ту которую онъ прошелъ, и ту которая лежитъ передъ нимъ.

Прошедшее и будущее не могутъ *не существовать*, потому что если они не существуютъ, то не существуетъ и настоящее. Непремѣнно они *гдѣ-то* существуютъ вмѣстѣ, только мы ихъ не видимъ.

Настоящее, если его противопоставлять прошедшему и будущему, это самая нереальная изъ всѣхъ нереальностей.

Мы должны признать, что прошедшее, настоящее и будущее ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, что есть только *одно настоящее*, *Вѣчное Теперь* индійской философіи. Но мы не видимъ этого, потому что въ каждый данный моментъ ощущаемъ только маленькій кусочекъ этого настоящаго, который и считаемъ реально существующимъ, отрицая реальное существованіе за всѣмъ остальнымъ.

Если мы признаемъ это, то нашъ взглядъ на все окружающее долженъ сильно перемѣниться.

Обыкновенно мы разсматриваемъ *время*, какъ *отвлеченіе*, сдѣланное нами *при наблюденіи реально существующаго движенія*. Т. е. мы думаемъ, что, наблюдая движеніе или перемѣны отношеній между вещами и сравнивая отношенія, существовавшія раньше, существующія теперь и могущія существовать въ дальнѣйшемъ, мы выводимъ идею времени. Насколько этотъ взглядъ правиленъ, мы увидимъ дальше.

Затѣмъ идея времени слагается изъ понятія прошедшаго, изъ понятія настоящаго и изъ понятія будущаго.

Понятія прошедшаго и настоящаго, хотя и очень неясны, но однообразны. Что же касается *будущаго*, то на этотъ счетъ существуетъ большое разнообразіе взглядовъ.

Намъ необходимо разсмотрѣть *теоріи будущаго*, какъ онѣ существуютъ въ умѣ современнаго человѣка.

Существуютъ двѣ главныя теоріи—предопредѣленнаго будущаго и свободнаго будущаго.

Предопредѣленность доказывается слѣдующимъ образомъ: говорятъ, что всякое будущее событіе является результатомъ прежде бывшихъ и создается именно такимъ, а не другимъ, вслѣдствіе извѣстнаго направленія силъ, заключающагося въ предшествующихъ событіяхъ. Иначе говоря, это значитъ, что будущія событія цѣликомъ заключаются въ предшествующихъ, и если бы мы знали силу и направленіе всѣхъ событій, бывшихъ до настоящаго момента, т. е. знали бы все прошедшее, то мы этимъ самымъ знали бы *все* будущее. И иногда, зная хорошо *настоящій моментъ* во всѣхъ его деталяхъ, мы дѣйствительно можемъ *предсказывать* будущее. Если предсказаніе не оправдывается, мы говоримъ, что мы *не все знали, что было*, и дѣйствительно мы видимъ въ прошедшемъ какую-нибудь *причину*, ускользнувшую отъ нашего наблюденія.

Идея *свободы будущаго* основывается на возможности произвольныхъ поступковъ и *случайныхъ* новыхъ комбинацій причинъ. Будущее считается или совсѣмъ неопредѣленнымъ или опредѣленнымъ только отчасти, потому что въ каждый моментъ рождаются новыя силы, новыя событія, новыя явленія, лежавшія въ скрытомъ состояніи, не безпричинныя, но настолько несоизмѣримыя съ причинами,—какъ, напримѣръ, пожаръ большого города отъ одной искры, что ихъ ни учесть, ни соразмѣрить нельзя.

Эта теорія говоритъ, что одно и то же дѣйствіе можетъ имѣть разные результаты, одна и та же причина—разныя слѣдствія; и она приводитъ еще гипотезу совершенно произвольныхъ волевыхъ актовъ человѣка, вносящихъ полное измѣненіе въ дальнѣйшія событія его собственной жизни и жизни другихъ людей.

Сторонники предопредѣленности возражаютъ, что волевые, непроизвольные акты тоже зависятъ отъ какихъ-нибудь причинъ, дѣлающихъ ихъ необходимыми и неизбѣжными въ данный моментъ; что ничего «случайнаго» нѣтъ и быть не можетъ; что мы называемъ случайнымъ только то, причины чего не видимъ, благодаря нашей ограниченности—и что различныя слѣдствія причинъ, кажущихся

одинаковыми бываютъ отъ того, что причины на самомъ дѣлѣ различны и только кажутся одинаковыми, потому что мы ихъ недостаточно хорошо знаемъ и недостаточно хорошо видимъ.

Споръ теоріи предопредѣленнаго будущаго съ теоріей свободнаго будущаго—это споръ безконечный. Ничего рѣшающаго ни та, ни другая теорія сказать не можетъ. Это происходитъ потому, что обѣ теоріи черезчуръ буквальны, черезчуръ негибки, черезчуръ матеріальны и одна отрицаетъ другую; обѣ говорятъ:—«или то или другое». Получается—съ одной стороны полная холодная предопредѣленность:—*будетъ то, что будетъ, ничего измѣнить нельзя*—то, что будетъ завтра, предопредѣлено десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны жизнь на какомъ то остріѣ иголки, именуемомъ *настоящимъ*, которое со всѣхъ сторонъ окружено бездной небытія, *путешествіе въ страну, которая еще не существуетъ*. Жизнь въ мірѣ, который каждый мигъ рождается и умираетъ, въ которомъ *никогда ничто* не возвращается. И оба эти *противоположные* взгляда одинаково невѣрны, потому что истина, въ этомъ случаѣ такъ же, какъ во многихъ другихъ, заключается въ соединеніи противоположныхъ пониманій въ одно.

Въ каждый данный моментъ все будущее міра предопредѣлено и существуетъ, но предопредѣлено условно, т. е. должно быть то или другое будущее согласно направленію событій даннаго момента, если не войдетъ *новаго факта*, а новый фактъ можетъ войти только со стороны *сознанія* и, вытекающей изъ него воли. Это необходимо понять и усвоить.

Затѣмъ намъ мѣшаетъ правильно видѣть отношеніе настоящаго къ будущему, наше непониманіе отношеній настоящаго къ прошедшему. Разница мнѣній существуетъ только относительно *будущаго*; относительно прошедшаго всѣ согласны, что оно прошло, что его теперь нѣтъ—*и что оно было такимъ, какимъ было*. Въ послѣднемъ лежитъ ключъ къ пониманію неправильностей взгляда на будущее. Дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности наше отношеніе и къ прошедшему и будущему гораздо сложнѣе, чѣмъ намъ кажется. Въ прошедшемъ, сзади насъ, лежитъ не только то, что было, *но и то, что могло быть*. Точно такъ же и въ будущемъ лежитъ не только то, что будетъ, *но и все то, что можетъ быть*.

Прошедшее и будущее одинаково неопредѣленны, одинаково существуютъ во всѣхъ возможностяхъ и одинаково существуютъ одновременно съ настоящимъ.

Временемъ мы называемъ *разстояніе*, раздѣляющее событія въ порядкѣ ихъ послѣдовательности и связывающее ихъ въ различ-

ныя цѣлыя. Это разстояніе лежитъ по направленію, не заключающемуся *въ трехмѣрномъ* пространствѣ. Если мы будемъ мыслить это направленіе въ пространствѣ, то оно и будетъ *новымъ протяженіемъ пространства*.

Это новое протяженіе отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, которыя мы на основаніи предыдущихъ разсужденій можемъ предъявить къ четвертому измѣренію.

Оно несоизмѣримо съ *измѣреніями трехмѣрнаго пространства*, какъ *годъ* несоизмѣримъ съ *Петербургомъ*. Оно перпендикулярно ко всѣмъ направленіямъ трехмѣрнаго пространства и не параллельно ни одному изъ нихъ.

Какъ выводъ изъ всего изложеннаго, мы можемъ сказать, что *время*, (какъ оно обыкновенно берется), заключаетъ въ себѣ *двѣ идеи*: нѣкотораго неизвѣстнаго намъ пространства (четвертаго измѣренія) и движенія по этому пространству. Наша постоянная ошибка заключается въ томъ, что мы никогда не видимъ *двухъ идей* во времени, а всегда видимъ только одну. Обыкновенно мы видимъ во *времени* идею движенія, но не можемъ сказать, откуда и куда и гдѣ или по какому пространству. Попытки соединить идею четвертаго измѣренія съ временемъ бывали раньше. Но въ тѣхъ теоріяхъ, которыя пытались соединить съ временемъ идею четвертаго измѣренія, всегда являлась идея какого-то *пространства во времени* и вмѣстѣ съ тѣмъ допускалось *движеніе по этому пространству*. Строившіе эти теоріи очевидно не понимали, что, оставляя возможность движенія, они выставляли требованіе *новаго* времени, потому что движенія внѣ времени происходить не можетъ. И въ результатѣ *время* идетъ впереди насъ, какъ наша собственная тѣнь, отступая по мѣрѣ того, какъ мы къ нему подходимъ. Всякое представленіе о движеніи совершенно спутывается. Потому что, если представить новое протяженіе пространства и *возможность движенія* по этому новому протяженію, то время опять немедленно станетъ передъ нами, и заявитъ, что оно ровно настолько же необъяснено, насколько было необъяснено раньше.

Необходимо признать, что однимъ терминомъ *время* мы обозначили, собственно, двѣ идеи—«нѣкотораго пространства» и «движенія по этому пространству». При чемъ движенія этого въ дѣйствительности не существуетъ, а оно представляется намъ существующимъ только потому, что мы *не видимъ* пространства времени. Т. е. ощущеніе движенія во времени (а движенія не во времени нѣтъ) возникаетъ у насъ потому, что мы смотримъ на міръ какъ бы черезъ узкую щелку, видимъ только *линіи пересѣченія* плоскости времени съ нашимъ трехмѣрнымъ пространствомъ.

Такимъ образомъ необходимо сказать, что глубоко невѣрна обычная теорія, что идея времени выводится нами изъ наблюденія движенія, и есть ничто иное, какъ идея послѣдовательности наблюдаемой нами въ движеніи.

Нужно признать какъ разъ наоборотъ, что идея движенія выведена нами изъ ощущенія времени или изъ чувства времени, т. е. изъ чувства или ощущенія четвертаго измѣренія пространства, но изъ *неполнаго ощущенія*. Неполное ощущеніе времени (четвертаго измѣренія)—ощущеніе сквозь щелку—даетъ намъ ощущеніе движенія, т. е. создаетъ иллюзію движенія, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, и вмѣсто котораго въ дѣйствительности существуетъ только *протяженіе* по непостижимому для насъ направленію.

Затѣмъ очень большое значеніе имѣетъ еще одна сторона вопроса. Четвертое измѣреніе связано со «временемъ» и съ «движеніемъ». Но мы не поймемъ *четвертаго измѣренія* до тѣхъ поръ, пока не поймемъ *пятаго измѣренія*.

Дѣлая попытку посмотрѣть на время, какъ на объектъ, Кантъ говоритъ, что оно имѣетъ одно измѣреніе; т. е. онъ представляетъ себѣ время какъ бы линіей, идущей изъ безконечнаго будущаго въ безконечное прошедшее. Одну точку этой линіи мы сознаемъ. Всегда только одну точку. И эта точка не имѣетъ никакого измѣренія, потому что то, что въ обыкновенномъ смыслѣ мы называемъ настоящимъ, есть только недавно прошедшее и иногда еще скоро будущее.

Это было бы вѣрно, по отношенію къ нашему *иллюзорному* представленію времени. Но въ дѣйствительности *вѣчность* не есть безконечное протяженіе времени, а линія *перпендикулярная ко времени;* потому что, если вѣчность существуетъ, то каждый моментъ вѣченъ. Мы можемъ считать у времени *два измѣренія*. Второе измѣреніе времени т. е. вѣчность будетъ *пятымъ измѣреніемъ* пространства. Линія перваго измѣренія времени идетъ по порядку послѣдовательности явленій въ причинной зависимости—сначала причина, потомъ слѣдствіе: *прежде, теперь, послѣ*. Линія второго измѣренія времени—*линія вѣчности*—идетъ перпендикулярно къ этой линіи.

И нельзя понять времени, не составивъ себѣ идеи вѣчности, точно такъ же какъ нельзя понять пространства, не составивъ себѣ идеи вѣчности.

Съ точки зрѣнія вѣчности *время* ничѣмъ не отличается отъ другихъ линій и протяженій пространства—*длины, ширины и высоты*. Т. е. это значитъ, что какъ въ пространствѣ существуютъ вещи, которыхъ мы не видимъ или, иначе говоря, существуетъ не только то, что мы

видимъ, такъ и во времени «событія» существуютъ, прежде чѣмъ къ нимъ прикоснулось наше сознаніе, и они остаются существовать послѣ того, какъ наше сознаніе отъ нихъ отошло. Слѣдовательно, *протяженность во времени* есть протяженность по неизвѣстному *пространству*, и, слѣдовательно, время является *четвертымъ измѣреніемъ пространства*.

Но время, какъ уже было указано, есть понятіе не простое, а сложное. И это мы должны имѣть въ виду.—Оно состоитъ изъ понятія *неизвѣстнаго пространства*, уходящаго въ прошедшее и будущее, и *кажущагося* движенія по этому пространству.

Намъ необходимо разсмотрѣть вопросъ о времени, *какъ о пространственномъ понятіи*, сопоставивъ его съ двумя нашими данными—вселенной и сознаніемъ.

Идея времени возникаетъ при соприкосновеніи сознанія съ міромъ при посредствѣ чувственнаго воспріятія. На это уже было указано. Именно, благодаря свойствамъ чувственнаго воспріятія, сознаніе видитъ міръ, какъ бы черезъ узенькую щелку.

Изъ этого создаются вопросы:

1) Почему существуетъ въ мірѣ кажущееся движеніе? Т. е. почему сознаніе не видитъ въ эту щелку *всегда одного и того же*? Почему за щелкой происходятъ перемѣны, создающія иллюзію движенія, т. е. какимъ образомъ и отчего перебѣгаетъ по міру явленій фокусъ нашего сознанія?—При всемъ этомъ нужно помнить, что черезъ ту же щелку, черезъ которую оно видитъ міръ, сознаніе смотритъ на себя, какъ на часть міра, и видитъ въ себѣ перемѣны, подобныя перемѣнамъ во всемъ остальномъ.

2) Почему сознаніе не можетъ расширить этой щели?

На эти вопросы мы должны постараться отвѣтить.

Прежде всего мы должны замѣтить, что наше сознаніе въ предѣлахъ нашего обычнаго наблюденія всегда находится въ одинаковыхъ условіяхъ и изъ этихъ условій не можетъ выйти. Говоря иначе, оно какъ бы приковано къ какой-то плоскости, надъ которой не можетъ подняться. Эти *условія* или эту *плоскость* мы называемъ м а т е р і е й. Наше сознаніе живетъ, такъ сказать, *на самой плоскости*, и никогда не поднимается надъ ней. Если бы сознаніе могло подняться надъ этой плоскостью, то оно несомнѣнно увидѣло бы подъ собой *одновременно* гораздо большее количество событій, чѣмъ оно видитъ обыкновенно, находясь на плоскости. Какъ человѣкъ, поднимаясь на гору или взлетая на воздушномъ шарѣ, начинаетъ видѣть *одновременно*

и *сразу* очень много вещей, которыхъ нельзя одновременно и сразу видѣть, находясь на землѣ:—движеніе навстрѣчу другъ другу двухъ поѣздовъ, между которыми должно произойти столкновеніе; приближеніе непріятельскаго отряда къ спящему лагерю; два города, раздѣленные горнымъ кряжемъ и т. п.; такъ и въ этомъ случаѣ сознаніе, поднимаясь надъ плоскостью, на которой оно обыкновенно живетъ, должно увидѣть одновременно явленія, для обычнаго сознанія раздѣленныя *періодами времени*. Это будутъ такія явленія, которыхъ обычное сознаніе *никогда* не видитъ вмѣстѣ, какъ *причину* и *слѣдствіе*;—работу и полученіе денегъ; преступленіе и наказаніе; движеніе поѣздовъ навстрѣчу другъ другу и ихъ столкновеніе; приближеніе непріятеля и сраженіе; восходъ и закатъ солнца; утро и вечеръ, день и ночь; весну, осень, лѣто и зиму; рожденье и смерть человѣка.

Уголъ зрѣнія при такомъ подъемѣ будетъ увеличиваться, *моментъ* будетъ расширяться.

Если мы представимъ себѣ сознаніе, находящееся выше *нашего сознанія*, обладающее бо́льшимъ угломъ зрѣнія, то это сознаніе будетъ въ состояніи схватывать, какъ нѣчто одновременное, *т. е. какъ моментъ*, все происходящее *для насъ* въ теченіе извѣстнаго времени—минуты, часа, дня, мѣсяца. Въ предѣлахъ *своего момента* такое сознаніе не будетъ въ состояніи раздѣлить *прежде*, *теперь* и *послѣ*, все это для него будетъ *теперь*. Т е п е р ь—будетъ расширяться.

Но для того чтобы это осуществилось, нужно чтобы мы могли освобождаться отъ матеріи, потому что матерія есть ничто иное, какъ тѣ условія пространства и времени, въ которыхъ мы живемъ. И вопросъ—можетъ ли сознаніе выходить изъ условій матеріальнаго существованія не измѣняясь кореннымъ образомъ само или не исчезая совершенно, какъ сказали бы люди позитивныхъ воззрѣній.

Это вопросъ очень спорный. И дальше я приведу примѣры и доказательства, говорящіе въ пользу того, что наше сознаніе можетъ выходить изъ условій матеріальности. Пока я хочу чисто теоретически установить, *что должно произойти* при этомъ выходѣ.

Произойти должно именно *расширеніе момента*. т. е. все, что мы воспринимаемъ *во времени*, станетъ для насъ какъ бы однимъ моментомъ, въ которомъ будетъ видно сразу прошедшее, настоящее и будущее. Это показываетъ относительность движенія, зависящаго для насъ отъ крайности момента, включающаго только очень малую часть воспринимаемыхъ нами впечатлѣній жизни.

И мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что не «время» выводится изъ «движенія», а движеніе ощущается благодаря *чувству времени*. У насъ есть это чувство, поэтому мы ощущаемъ движеніе.

Чувство времени, это есть ощущеніе смѣняющихся моментовъ. Не будь у насъ чувства времени, мы бы не ощущали движенія. Самое же «чувство времени» есть въ сущности *граница* или *поверхность* нашего «чувства пространства». Тамъ, гдѣ кончается «чувство пространства», начинается «чувство времени». Мы выяснили, что «время» по своимъ свойствамъ тожественно съ «пространствомъ», т. е. оно имѣетъ всѣ признаки *протяженія пространства*. Однако, мы не ощущаемъ его, какъ протяженіе пространства, а ощущаемъ, какъ *время*, т. е. какъ нѣчто специфическое, не передаваемое другими словами, неразрывно связанное съ *движеніемъ*. Эта неспособность ощутить время пространственно проистекаетъ отъ того, что чувство времени есть *туманное чувство* пространства; чувствомъ времени мы смутно ощущаемъ новыя характеристики пространства, выходящія изъ сферы трехъ измѣреній.

Что же такое чувство времени и почему возникаетъ иллюзія движенія?

На этотъ вопросъ сколько нибудь удовлетворительно можно отвѣтить, только изучая наше сознаніе, наше Я.

Я—величина сложная и въ немъ самомъ идетъ непрерывное движеніе. О природѣ этого движенія будетъ говориться дальше. И вотъ это движеніе внутри нашего Я создаетъ иллюзію движенія вокругъ насъ, движенія въ матеріальномъ мірѣ.

Извѣстный математикъ Риманъ понималъ, что въ вопросѣ о высшихъ измѣреніяхъ *время какимъ-то образомъ переходитъ въ пространство*, и онъ разсматривалъ м а т е р і а л ь н ы й а т о м ъ, какъ *вступленіе четвертаго измѣренія въ пространство трехъ измѣреній*.

Въ одной изъ своихъ книгъ Хинтонъ очень интересно говоритъ о «законахъ поверхностей».

«Отношеніе поверхности къ тѣлу или тѣла къ высшему тѣлу часто встрѣчается въ природѣ.

Поверхность есть ни что иное, какъ отношеніе между двумя вещами. Два тѣла касаются другъ друга. Поверхность есть отношеніе одного къ другому.

Если наше пространство находится къ высшему пространству въ такомъ же отношеніи, какъ поверхность къ нашему пространству, то можетъ быть наше пространство дѣйствительно есть поверхность, т. е. мѣсто соприкосновенія двухъ пространствъ высшаго порядка.

Интересно замѣтить слѣдующій фактъ, что на поверхности жидкости дѣйствуютъ законы, отличные отъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ внутри жидкости. Существуетъ цѣлая серія фактовъ, суршированныхъ вмѣстѣ подъ

названіемъ «поверхностныхъ натяженій» (surface tensions), которыя играютъ большую роль въ физикѣ, и управляютъ свойствами поверхностей жидкостей.

И очень легко можетъ быть, что законы нашей вселенной есть «поверхностныя натяженія» высшей вселенной.

Если разсматривать поверхность, какъ нѣчто, лежащее между двумя тѣлами, то, конечно, она не будетъ имѣть вѣса, но будетъ служить для передачи вибрацій изъ одного тѣла въ другое. Она не будетъ похожа ни на какое другое вещество и отъ нея никогда нельзя будетъ избавиться. Какую бы совершенную пустоту не образовали между двумя тѣлами, въ этой пустотѣ будетъ столько же этого неизвѣстнаго вещества (т. е. поверхности) сколько было раньше.

Матерія будетъ свободно проходить сквозь эту среду. Вибраціи этой среды будутъ разрывать на куски части матеріи. И невольно будетъ выведено заключеніе, что эта среда не похожа ни на какую другую матерію. Она обладаетъ свойствами, трудно примиримыми между собою.

Нѣтъ ли въ нашемъ опытѣ чего нибудь соотвѣтствующаго этой средѣ?

Не представляемъ-ли мы себѣ среды, черезъ которую свободно проходитъ матерія, но которая однако своими вибраціями можетъ разрушать комбинаціи матеріи;—не представляемъ-ли мы такой среды, которая находится во всякой пустотѣ, проникаетъ всѣ тѣла, и при этомъ невѣсома и неощутима?

«Вещество», обладающее всѣми этими свойствами, намъ извѣстно, и мы называемъ его «эфиромъ»...

Свойства эфира являются постояннымъ объектомъ научныхъ изслѣдованій. Но въ виду всѣхъ высказанныхъ соображеній интересно было бы посмотрѣть на міръ, предполагая, что мы не погружены въ эфиръ, а, такъ сказать, стоимъ на немъ; при чемъ «эфиръ» является только поверхностью соприкосновенія двухъ тѣлъ высшихъ измѣреній.

Хинтонъ высказываетъ здѣсь необыкновенно интересную мысль и сближаетъ идею «эфира», которая въ матеріалистическомъ или даже энергетическомъ пониманіи современной физики совершенно безплодна и является только тупикомъ, съ идеей «времени». Эфиръ для него не вещество, а только «поверхность», «граница» *чего-то*. Но чего же? Опять не *вещества*, а только граница, поверхность, предѣлъ *одной формы воспріятія* и начало другой...

Одной фразой здѣсь ломаются стѣны и заборы матеріалистическаго тупика и передъ нашей мыслью открываются широкіе горизонты неизвѣданныхъ полей.

ГЛАВА V.

Пространство четырехъ измѣреній. «Временное тѣло»—Линга Шарира. Форма человѣческаго тѣла отъ рожденія до смерти. Несоизмѣримость трехмѣрнаго и четырехмѣрнаго тѣла. Флюэнты Ньютона. Нереальность постоянныхъ величинъ въ нашемъ мірѣ. Правая и лѣвая рука въ трехмѣрномъ и четырехмѣрномъ пространствѣ. Различія трехмѣрнаго и четырехмѣрнаго пространства.—Не два разныхъ пространства, а два разныхъ способа воспріятія одного и того же міра.

Пространство четырехъ измѣреній, если мы попытаемся представить себѣ такое, будетъ безконечнымъ повтореніемъ нашего пространства, нашей безконечной трехмѣрной сферы, какъ линія есть безконечное повтореніе точки.

Многое изъ раньше сказаннаго станетъ для насъ гораздо яснѣе, когда мы остановимся на томъ, что «четвертое измѣреніе» нужно искать *во времени*.

Станетъ ясно, что значитъ, что тѣло четырехъ измѣреній можно разсматривать, какъ слѣдъ отъ движенія въ пространствѣ тѣла трехъ измѣреній по направленію, въ немъ не заключающемуся. Направленіе, не заключающееся въ трехмѣрномъ пространствѣ, по которому движется всякое трехмѣрное тѣло — это направленіе времени. Всякое тѣло трехъ измѣреній, *существуя*, какъ бы движется во времени и оставляетъ слѣдъ своего движенія въ видѣ временнаго или четырехмѣрнаго тѣла. Этого тѣла, мы въ силу свойствъ нашего воспринимательнаго аппарата, никогда не видимъ и не ощущаемъ, а видимъ только его *разрѣзъ*, который и называемъ трехмѣрнымъ тѣломъ. Поэтому мы очень ошибаемся, думая, что трехмѣрное тѣло представляетъ собою нѣчто реальное. Оно только *проэкція* четырехмѣрнаго тѣла, его рисунокъ, изображеніе *на нашей плоскости*.

Четырехмѣрное тѣло есть безконечное число тѣлъ трехмѣрныхъ. Т. е. четырехмѣрное тѣло есть безконечное число *моментовъ существованія* трехмѣрнаго тѣла,—его состояній и положеній. Трехмѣрное тѣло, которое мы видимъ, является какъ бы фигурой, однимъ изъ ряда снимковъ на кинематографической лентѣ.

Пространство четвертаго измѣренія—время,—дѣйствительно есть разстояніе между формами, состояніями и положеніями одного

и того же тѣла (и разныхъ тѣлъ, т. е. кажущихся намъ разными). Оно отдѣляетъ эти формы, состоянія и положенія другъ отъ друга, и оно же связываетъ ихъ въ какія то непонятныя намъ цѣлыя. Это непонятное намъ цѣлое можетъ образовываться во времени изъ одного физическаго тѣла—и можетъ образовываться изъ *разныхъ* тѣлъ.

Временное цѣлое, относящееся къ *одному* физическому тѣлу, намъ легче себѣ представить.

Если мы возьмемъ физическое тѣло человѣка, то мы найдемъ въ немъ кромѣ «матеріи» *нѣчто*, правда, мѣняющееся, но несомнѣнно *одно и то же* отъ рожденія до смерти.

Это нѣчто есть *Линга Шарира* индійской философіи, т. е. *форма, въ которую отливается наше физическое тѣло* («Тайная Доктрина»—Е. П. Блаватской). Восточная философія разсматриваетъ физическое тѣло, какъ нѣчто *непостоянное*, находящееся въ вѣчномъ *обмѣнѣ* съ окружающимъ. Частицы приходятъ и уходятъ. Черезъ секунду тѣло уже не абсолютно то, чѣмъ было секундой раньше. Сегодня уже въ значительной степени не то, что вчера. Черезъ семь лѣтъ—это уже *совершенно другое тѣло*. Но несмотря на это *нѣчто* остается всегда отъ рожденія до смерти, измѣняя слегка свой видъ, но оставаясь тѣмъ же самымъ. Это—Линга Шарира.

Линга Шарира—форма, *образъ*, она мѣняется, но остается *той-же самой*. Образъ человѣка, который мы можемъ себѣ представить, это не есть *Линга Шарира*. Но если мы попытаемся мысленно представлять себѣ образъ человѣка отъ рожденія до смерти, со всѣми подробностями и чертами дѣтства, зрѣлаго возраста и старости, какъ бы вытянутымъ во времени, то это будетъ *Линга Шарира*.

Форма есть у всѣхъ *вещей*. Мы говоримъ, что всякая вещь состоитъ изъ *матеріи* и изъ *формы*. Подъ «матеріей», какъ мы уже говорили, подразумѣваются причины длиннаго ряда смѣшанныхъ ощущеній, но матерія безъ формы не воспринимается нами, мы даже *мыслимъ* не можемъ матерію безъ формы. Форму же мы можемъ мыслить и представлять безъ матеріи.

Вещь, т. е. соединеніе формы и матеріи, никогда не бываетъ *постоянной*, она всегда измѣняется съ теченіемъ времени. Эта идея дала Ньютону возможность построить его теорію *флюэнтъ* и *флюксій*.

Ньютонъ пришелъ къ заключенію, что *постоянныхъ величинъ* въ природѣ не существуетъ. Существуютъ только перемѣнныя величины, *текучія*,—*флюэнты*. Скорости, съ которыми измѣняются отдѣльныя флюэнты, были названы Ньютономъ *флюксіями*.

Съ точки зрѣнія этой теоріи всѣ извѣстныя намъ вещи—люди,

растенія, животныя, планеты, это — флюэнты и онѣ различаются только величиной своихъ флюксій. Но *вещь*, непрерывно мѣняясь во времени, иногда очень сильно и быстро, какъ, напр., живое тѣло, все таки остается *тѣмъ же самымъ*. Тѣло человѣка въ молодости, тѣло человѣка въ старости—это одно и то же тѣло, хотя мы знаемъ, что въ старомъ тѣлѣ не осталось ни одного атома, бывшаго въ молодомъ. Матерія мѣняется, но *нѣчто* остается *однимъ* при всѣхъ перемѣнахъ, это нѣчто—Линга Шарира.—Теорія Ньютона справедлива для трехмѣрнаго міра, существующаго во времени. Въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего постояннаго. Все перемѣнно, потому что каждый слѣдующій моментъ вещь уже не та, что была раньше. Мы никогда не видимъ тѣла Линга Шарира, всегда видимъ только его части и онѣ представляются намъ перемѣнными. Но если вглядѣться пристальнѣе, мы увидимъ, что это иллюзія. Нереальны и перемѣнны вещи трехъ измѣреній. И онѣ не могутъ быть реальными, потому что ихъ въ дѣйствительности не существуетъ, какъ не существуетъ *воображаемыхъ разрѣзовъ* тѣла. Реальны только четырехмѣрныя тѣла.

Въ одной изъ лекцій собранныхъ въ книгѣ «Плюралистическая вселенная». («A Pluralistic Universe») проф. Джемсъ указываетъ на замѣчаніе проф. Бергсона, что наука изучаетъ всегда только t *вселенной*, т. е. не вселенную въ цѣломъ, а только *моментъ*, «временной разрѣзъ» вселенной.

Свойства четырехмѣрнаго пространства станутъ для насъ яснѣе, если мы детально сравнимъ трехмѣрное пространство съ поверхностью и выяснимъ существующія между ними различія.

Хинтонъ въ книгѣ «Новая эра мысли» внимательно разбираетъ эти различія. Онъ представляетъ себѣ на плоскости два вырѣзанныхъ изъ бумаги равныхъ прямоугольныхъ треугольника, обращенныхъ прямыми углами въ разныя стороны. Эти треугольники будутъ совершенно равны, но *почему то* совершенно различны. Одинъ обращенъ въ правую сторону прямымъ угломъ, другой въ лѣвую.—Если кто нибудь хочетъ сдѣлать эти треугольники *совершенно одинаковыми*, то это можно сдѣлать только при помощи трехмѣрнаго пространства. Т. е. одинъ треугольникъ нужно взять, перевернуть и положить обратно на плоскость. Тогда будутъ два равныхъ и *совершенно одинаковыхъ* треугольника. Но чтобы сдѣлать это, нужно было треугольникъ взять съ плоскости въ трехмѣрное пространство и въ этомъ пространствѣ перевернуть. Если треугольникъ оставить на плоскости, то его никогда нельзя сдѣлать одинаковымъ

другимъ, сохраняя въ то же время соотношеніе угловъ одного треугольника съ углами другого. Если треугольникъ только вращать, то нарушится соотношеніе. Въ нашемъ мірѣ есть фигуры совершенно аналогичныя двумъ этимъ треугольникамъ.

Мы знаемъ формы совершенно равныя одна другой и совершенно подобныя, но которыя тѣмъ не менѣе не могутъ занимать одного и того же пространства, и которыя мы не можемъ заставить совпадать между собой— ни на дѣлѣ, ни въ воображеніи.

Если мы посмотримъ на свои руки, мы увидимъ совершенно ясно, что наши двѣ руки представляютъ собой очень сложный случай несимметрическаго подобія. Онѣ и одинаковы и совершенно разны. Одна *правая*, другая *лѣвая*. Мы можемъ представить себѣ только одинъ способъ сдѣлать двѣ руки совершенно одинаковыми.—Если мы возьмемъ перчатку съ правой руки и перчатку съ лѣвой руки, онѣ такъ же не будутъ совпадать одна съ другой, какъ правая рука не совпадаетъ съ лѣвой рукой. Но, если мы вывернемъ одну перчатку наизнанку, онѣ будутъ совпадать одна съ другой. Если мы хотимъ представить себѣ, что правая рука дѣлается одинаковой съ лѣвой, мы должны мысленно вывернуть ее наизнанку, т. е., такъ сказать, протащить ее сквозь нее самое. Если бы такая операція была возможна, то мы получили бы двѣ совершенно одинаковыя руки.

Но такая операція была бы возможна только въ пространствѣ высшаго измѣренія, такъ же какъ перевертываніе треугольника возможно только въ пространствѣ высшемъ сравнительно съ плоскостью. Возможно, что даже при существованіи пространства четвертаго измѣренія вывертываніе руки наизнанку, протаскиваніе ея сквозь нее самое неисполнимо по причинамъ, независящимъ отъ геометрическихъ условій. Но это не мѣняетъ примѣра. Вещи, подобныя вывертыванію руки наизнанку, теоретически должны быть возможны въ пространствѣ четырехъ измѣреній, такъ какъ въ этомъ пространствѣ должны соприкасаться или имѣть возможность соприкасаться различныя, даже очень отдаленныя точки нашего пространства *и времени*. Всѣ точки листа бумаги, лежащаго на столѣ, лежатъ отдѣльно одна отъ другой. Но, взявъ листъ со стола, его можно сложить, сближая при этомъ любыя точки. И если на одномъ углу написано *Петербургъ*, а на другомъ *Мадрасъ*, то это не можетъ помѣшать сложить вмѣстѣ эти углы. И если на третьемъ углу написано 1812 годъ, а на другомъ 1912 годъ, то эти углы тоже могутъ соприкоснуться. И если на одномъ углу годъ написанъ красными чернилами, и чернила еще не высохли, то цифры могутъ отпечататься на другомъ углу. И если послѣ этого листъ расправить и положить на столъ, то для человѣка не знающаго, что его можно снимать со стола и складывать въ любомъ направленіи, будетъ совершенно не-

постижимо, какъ цифра съ одного угла могла отпечататься на другомъ. Для него будетъ непостижима возможность соприкосновенія отдаленныхъ точекъ листа—и это останется непостижимымъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ мыслить листъ только въ двумѣрномъ пространствѣ. Какъ только онъ представитъ себѣ листъ въ трехмѣрномъ пространствѣ, эта возможность станетъ для него реальной и очевидной.

Разсматривая отношеніе четвертаго измѣренія къ тремъ извѣстнымъ намъ измѣреніямъ, мы должны сказать, что нашей геометріи очевидно недостаточно для изслѣдованія высшаго пространства.

Раньше было указано, что тѣло четырехъ измѣреній несоизмѣримо съ тѣломъ трехъ измѣреній, какъ *годъ* несоизмѣримъ съ *Петербургомъ*.

Совершенно ясно, почему это такъ. Тѣло четырехъ измѣреній состоитъ изъ безконечно большого количества тѣлъ трехъ измѣреній, поэтому для нихъ не можетъ быть общей мѣры. Тѣло трехъ измѣреній въ сравненіи съ тѣломъ четырехъ измѣреній *равно точкѣ* въ сравненіи съ линіей.

И какъ точка *несоизмѣрима* съ линіей, какъ линія несоизмѣрима съ поверхностью, какъ поверхность несоизмѣрима съ тѣломъ, такъ трехмѣрное тѣло несоизмѣримо съ четырехмѣрнымъ.

Ясно также, почему геометріи трехъ измѣреній недостаточно для опредѣленія *положенія* области четвертаго измѣренія по отношенію къ трехмѣрному пространству.

Какъ въ геометріи одного измѣренія, т. е. на линіи, нельзя опредѣлить *положенія* поверхности, сторону которой составляетъ данная линія; какъ на поверхности въ геометріи двухъ измѣреній нельзя опредѣлить положенія тѣла, сторону котораго составляетъ данная поверхность, такъ въ геометріи трехъ измѣреній, въ трехмѣрномъ пространствѣ нельзя опредѣлить четырехмѣрнаго пространства. Говоря короче, какъ планиметріи недостаточно для изслѣдованія вопросовъ стереометріи, такъ стереометріи недостаточно для четырехмѣрнаго пространства.

Какъ выводъ изъ всего сказаннаго можно опять повторить, что каждая точка нашего пространства является разрѣзомъ линіи высшаго пространства, или какъ выразилъ это Риманъ: матеріальный атомъ является вступленіемъ четвертаго измѣренія въ пространство трехъ измѣреній.

Чтобы подойти ближе къ проблемѣ высшихъ измѣреній и высшаго пространства, прежде всего необходимо понять сущность области

высшихъ измѣреній и ея свойства сравнительно съ областью трехъ измѣреній. Только тогда явится возможность болѣе точнаго изслѣдованія этой области и выясненія дѣйствующихъ въ ней законовъ.

Что же нужно понять?

Мнѣ кажется, прежде всего нужно понять, что здѣсь рѣчь идетъ *не о двухъ* областяхъ пространственно разныхъ—и не о двухъ областяхъ, изъ которыхъ одна (опять пространственно, «геометрически») составляетъ часть другой—а о двухъ способахъ воспріятія одного и того же *единаго* міра единаго пространства.

Затѣмъ нужно понять, что всѣ извѣстные намъ предметы существуютъ не только въ тѣхъ категоріяхъ, въ какихъ мы ихъ воспринимаемъ, но въ безконечномъ количествѣ другихъ, въ которыхъ мы не умѣемъ или не можемъ ощущать ихъ. И мы должны научиться сначала *мыслить* вещи въ другихъ категоріяхъ, потомъ представлять ихъ, насколько можемъ, въ другихъ категоріяхъ, и только послѣ этого у насъ можетъ появиться способность воспринимать ихъ въ высшемъ пространствѣ—и ощущать самое «высшее пространство».

Или можетъ быть прежде всего нужно непосредственное воспріятіе всего того, что въ окружающемъ насъ мірѣ не входитъ въ рамку трехъ измѣреній, что существуетъ внѣ категоріи времени и пространства—и что поэтому мы привыкли считать несуществующимъ. Если *перемѣнность* есть признакъ трехмѣрнаго міра, то мы должны искать *постояннаго* и такимъ образомъ можемъ приблизиться къ пониманію четырехмѣрнаго міра. Затѣмъ, мы привыкли считать реально существующимъ только то, что поддается измѣренію въ длину, ширину и высоту. Но, какъ уже было указано, предѣлы *реально существующаго* необходимо расширить. *Измѣримость* слишкомъ грубый признакъ существованія, потому что сама измѣримость черезчуръ условное понятіе. И мы можемъ сказать, что для приближенія къ точному изслѣдованію области высшихъ измѣреній нужна, вѣроятно, увѣренность, получаемая путемъ непосредственнаго ощущенія, что многое *неизмѣримое* существуетъ такъ же реально и даже болѣе реально, чѣмъ многое *измѣримое*.

ГЛАВА VI.

Способы изслѣдованія проблемы высшихъ измѣреній. Аналогія между воображаемыми мірами разныхъ измѣреній. Одномѣрный міръ на линіи. «Пространство» и «время» одномѣрнаго существа. Двумѣрный міръ на плоскости. «Пространство» и «время»; «эфиръ», «матерія» и «движеніе» двумѣрнаго существа. Реальность и иллюзія на плоскости. Невозможность видѣть «уголъ». Уголъ, какъ движеніе. Непостижимость для двумѣрнаго существа функцій предметовъ нашего міра. Феномены и нумены двумѣрнаго существа.

Какимъ образомъ плоское существо могло бы постигнуть третье измѣреніе?

Для опредѣленія того, чѣмъ можетъ и *чѣмъ не можетъ быть* область высшихъ измѣреній, пользуются рядомъ аналогій и сравненій. Такъ дѣлаютъ Фехнеръ, Хинтонъ и многіе другіе.

Представляютъ себѣ «міры» одного, двухъ измѣреній—и изъ отношеній низшихъ міровъ къ высшимъ выводятъ возможныя отношенія нашего міра къ четырехмѣрному, точно такъ же, какъ изъ отношеній точекъ къ линіямъ, линій къ поверхностямъ и поверхностей къ тѣламъ, мы выводимъ отношеніе нашихъ тѣлъ къ четырехмѣрнымъ.

Попробуемъ разсмотрѣть все, что можетъ дать этотъ методъ аналогій.

Представимъ себѣ *міръ одного измѣренія*.

Это будетъ линія. На этой линіи представимъ себѣ живыхъ существъ. Они будутъ въ состояніи двигаться только впередъ и назадъ по этой линіи, составляющей ихъ вселенную, и сами будутъ имѣть видъ точекъ или отрѣзковъ линіи. Ничего внѣ ихъ линіи для нихъ существовать не будетъ,—и самой линіи, на которой они живутъ и движутся, они тоже сознавать не будутъ. Для нихъ будутъ существовать только двѣ точки, спереди и сзади, или можетъ быть только одна точка спереди. Замѣчая измѣненія въ состояніяхъ этихъ точекъ, одномѣрное существо будетъ эти измѣненія называть *явленіями*. Если мы предположимъ, что линія, на которой живетъ одномѣрное существо, проходитъ сквозь различные предметы нашего міра, то во всѣхъ этихъ предметахъ одномѣрное существо будетъ видѣть одну только точку; если его линію будутъ пересѣкать различныя тѣла, то одномѣрное существо будетъ ощущать ихъ только, какъ появленіе, болѣе или менѣе долгое существованіе и исчезновеніе точки. Это появленіе,

существованіе и исчезновеніе точки будетъ *явленіемъ*. Явленія, сообразно характеру и свойствамъ проходящихъ предметовъ и скорости и свойству ихъ движенія, будутъ для одномѣрнаго существа постоянными и перемѣнными, долгими и короткими, періодическими и неперіодическими. Но объяснить постоянность или перемѣнность, долготу или краткость, періодичность или неперіодичность явленій своего міра одномѣрное существо не будетъ имѣть никакой возможности и будетъ считать это просто присущими имъ свойствами. Тѣла, пересѣкающія линію, могутъ быть очень различны, но для одномѣрнаго существа всѣ явленія будутъ совершенно *одинаковы*,—это будетъ только появленіе и исчезновеніе точки—и явленія будутъ различаться только длительностью и большей или меньшей періодичностью.

Это необыкновенное однообразіе и однородность разнообразныхъ и разнородныхъ съ нашей точки зрѣнія явленій будетъ характерной особенностью одномѣрнаго міра.

Затѣмъ, если мы предположимъ, что одномѣрное существо обладаетъ памятью, мы увидимъ, что, называя всѣ видѣнныя имъ точки *явленіями*, оно ихъ всѣ относитъ ко времени. Точка, которая *была*, это явленіе *уже* не существующее, а точка, которая можетъ быть завтра, это явленіе *еще* не существующее. Все наше пространство за исключеніемъ одной линіи будетъ называться временемъ, т. е. чѣмъ то, откуда приходятъ и куда уходятъ явленія. И одномѣрное существо скажетъ, что идея времени составилась у него изъ наблюденія движенія, т. е. появленія и исчезновенія точекъ. Точки будутъ считаться явленіями временными, т. е. возникающими въ тотъ моментъ, когда они стали видны, и исчезающими, *перестающими быть*, въ тотъ моментъ, когда ихъ стало не видно. Представить себѣ, что гдѣ то существуетъ явленіе, котораго не видно, одномѣрное существо будетъ не въ состояніи или будетъ представлять себѣ это явленіе гдѣ-то на своей линіи, далеко впереди себя.

Это одномѣрное существо мы можемъ представить себѣ болѣе реальнымъ. Возьмемъ атомъ, носящійся въ пространствѣ, или просто пылинку, уносимую вѣтромъ, и предположимъ, что этотъ атомъ или пылинка обладаетъ сознаніемъ, т. е. отдѣляетъ себя отъ внѣшняго міра; и сознаетъ то, что лежитъ на линіи ея движенія, съ чѣмъ она непосредственно соприкасается. Это будетъ въ полномъ смыслѣ слова одномѣрное существо. Оно можетъ летать и двигаться по всѣмъ направленіямъ, но ему всегда будетъ казаться, что оно движется по одной линіи; внѣ этой линіи для него одно большое *Ничто*, т. е. вся вселенная будетъ представляться ему одной линіей.

Поворотовъ своей линіи, ея угловъ, оно чувствовать и представлять себѣ не будетъ. Для того, чтобы чувствовать уголъ, нужно чувствовать то, что лежитъ направо и налѣво, или сверху и снизу. Въ остальномъ такое существо будетъ совершенно одинаково съ описаннымъ, воображаемымъ существомъ, живущимъ на воображаемой линіи. Все, съ чѣмъ оно соприкасается, т. е. все, что сознаетъ, будетъ казаться ему приходящимъ изъ времени, т. е. изъ ничего, и уходящимъ во время, т. е. въ ничто. Это *ничто* будетъ весь нашъ міръ Весь нашъ міръ, кромѣ одной линіи, будетъ называться *временемъ* и считаться *реально не существующимъ*.

Затѣмъ возьмемъ двумѣрный міръ и существо, живущее на плоскости. Вселенная этого существа будетъ одной большой плоскостью. На этой плоскости представимъ себѣ существа, имѣющія видъ точекъ, линій и плоскихъ геометрическихъ фигуръ. Предметы и тѣла этого міра тоже будутъ имѣть видъ плоскихъ геометрическихъ фигуръ.

Какимъ образомъ существо, живущее на такой плоскости вселенной, будетъ познавать свой міръ?

Прежде всего мы можемъ сказать, что оно не будетъ ощущать плоскости, на которой живетъ. Не будетъ просто потому, что будетъ ощущать предметы, т. е. фигуры, находящіяся на этой плоскости. Оно будетъ ощущать ограничивающія ихъ линіи и поэтому самому не будетъ ощущать своей плоскости, такъ какъ иначе оно не могло бы отличить линій. Линіи будутъ отличаться отъ плоскости тѣмъ, что производятъ ощущенія, слѣдовательно, существуютъ. Плоскость не производитъ ощущеній, слѣдовательно, не существуетъ. Двигаясь по плоскости, двумѣрное существо, не испытывая никакихъ ощущеній, будетъ говорить, что сейчасъ ничего нѣтъ. Приблизившись къ какой нибудь фигурѣ, ощутивъ ея линіи, оно скажетъ, что что-то появилось. Но постепенно, путемъ размышленій, двумѣрное существо придетъ къ заключенію, что встрѣчаемыя имъ фигуры существуютъ *на чемъ нибудь* или *въ чемъ нибудь*. Тогда эту плоскость (конечно, оно не будетъ знать, что это именно плоскость) оно можетъ назвать «эфиромъ». При этомъ оно скажетъ, что «эфиръ» наполняетъ все пространство, но по своимъ свойствамъ отличается отъ «матеріи». «Матеріей» будутъ названы линіи. Затѣмъ, все происходящее, двумѣрное существо будетъ считать происходящимъ въ его «эфирѣ», т. е. въ его пространствѣ. Ничего внѣ этого эфира, т. е. внѣ его плоскости, оно не будетъ въ состояніи представить. Если до его сознанія дойдетъ что либо, происходящее внѣ его плоскости, то оно или будетъ отрицать это, счи-

тать это субъективнымъ, т. е. созданіемъ своего воображенія, или думать, что это происходитъ здѣсь же на плоскости, *въ эфирѣ*, какъ всѣ другія явленія.

Ощущая только однѣ линіи, плоское существо будетъ ощущать ихъ совсѣмъ не такъ, какъ мы. *Прежде всего оно не будетъ видѣть угла.* Намъ очень легко провѣрить это на опытѣ. Если мы будемъ держать *передъ глазами* двѣ спички подъ угломъ одна къ другой на горизонтальной плоскости, то мы увидимъ одну линію. Чтобы увидѣть уголъ, мы должны *посмотрѣть сверху*. Двумѣрное существо сверху посмотрѣть не можетъ и поэтому угла видѣть не будетъ. Но, измѣряя разстояніе между линіями различныхъ «тѣлъ» своего міра, двумѣрное существо будетъ постоянно наталкиваться на уголъ и будетъ считать уголъ страннымъ свойствомъ линіи, которое иногда проявляется—иногда нѣтъ. Т. е. оно будетъ относить уголъ ко времени, считать его временнымъ, проходящимъ явленіемъ, измѣненіемъ въ состояніи тѣла, или *движеніемъ*. Намъ это трудно понять, трудно представить себѣ, какъ уголъ можетъ приниматься, какъ движеніе. Но это непремѣнно такъ должно быть, и иначе быть не можетъ. Если мы попробуемъ представить себѣ, какъ плоское существо изучаетъ квадратъ,—то мы непремѣнно найдемъ, что для плоскаго существа квадратъ будетъ *движущимся тѣломъ*. Представимъ себѣ, что плоское существо стоитъ противъ одного изъ угловъ квадрата. Угла оно не видитъ,—передъ нимъ линія, но линія, обладающая очень странными свойствами. Приближаясь къ этой линіи, двумѣрное существо видитъ, что съ линіей происходитъ странная вещь. Одна точка остается на мѣстѣ, а другія точки съ обѣихъ сторонъ *отступаютъ назадъ*. Повторяемъ, что идеи угла у двумѣрнаго существа нѣтъ. *На видъ* линія остается такой же, какой была. Между тѣмъ съ ней несомнѣнно что-то происходитъ. Плоское существо скажетъ, что линія движется, но настолько быстро, что на видъ остается неподвижной.—Если плоское существо отойдетъ отъ угла и пойдетъ вдоль линіи квадрата, то линія станетъ неподвижной. Дойдя до угла, оно опять замѣтитъ *движеніе*. Обойдя нѣсколько разъ вокругъ квадрата, оно установитъ правильныя періодическія движенія этой линіи. По всей вѣроятности квадратъ будетъ сохраняться въ умѣ плоскаго существа въ видѣ представленія о тѣлѣ, обладающемъ свойствомъ періодическихъ движеній, незамѣтныхъ для глаза, но производящихъ опредѣленные физическіе эффекты (*молекулярное движеніе*)—или въ видѣ представленія о періодическихъ *моментахъ* покоя и движенія въ одной сложной линіи, а еще вѣрнѣе представится ему *вращающимся тѣломъ*.

Очень можетъ быть, что плоское существо будетъ считать уголъ своимъ субъективнымъ представленіемъ, сомнѣваться въ томъ, соотвѣтствуетъ ли этому субъективному представленію какая нибудь объективная реальность. Но все-таки будетъ думать, что разъ есть *дѣйствіе*, поддающееся измѣренію, то должна быть и причина его, заключающаяся въ измѣненіи въ состояніи линіи, т. е. въ движеніи.

Видимыя имъ линіи плоское существо можетъ назвать *матеріей*, а углы *движеніемъ*. Т. е. ломаную линію съ угломъ плоское существо можетъ назвать *движущейся* матеріей. И, дѣйствительно, такая линія по своимъ свойствамъ будетъ для него совершенно аналогична матеріи въ движеніи.

Если къ плоскости, на которой живетъ плоское существо, приложить кубъ, то этотъ кубъ не будетъ существовать для двумѣрнаго существа, кромѣ только квадрата, соприкасающагося съ плоскостью, т. е. въ видѣ линіи съ періодическими движеніями. Точно такъ же для двумѣрнаго существа не будутъ существовать лежащія внѣ его плоскости другія тѣла, соприкасающіяся съ его плоскостью или проходящія сквозь нея. Изъ нихъ будутъ ощутимы только плоскости соприкосновенія или разрѣзы. Но если эти плоскости или разрѣзы будутъ двигаться или мѣняться, то двумѣрное существо, разумѣется, будетъ думать, что *причина* измѣненія или движенія лежитъ въ нихъ самихъ, т. е. здѣсь же на его плоскости.

Какъ уже было сказано, двумѣрное существо будетъ считать неподвижной матеріей только прямыя линіи; ломаныя линіи и кривыя для него будутъ казаться движущимися. Что же касается до линій *дѣйствительно движущихся*, т. е. линій, ограничивающихъ разрѣзы или плоскости соприкосновенія тѣлъ, движущихся сквозь плоскость или вдоль плоскости, то для двумѣрнаго существа въ нихъ будетъ что то непонятное и *неизмѣримое*. Въ нихъ будетъ какъ будто присутствіе чего то самостоятельнаго, зависящаго только отъ себя, *одушевленнаго*. Это будетъ происходить по двумъ причинамъ:— неподвижные углы и кривыя, свойства которыхъ двумѣрное существо называетъ движеніемъ, *оно можетъ измѣрять*,—именно, потому что они неподвижны;—движущихся же фигуръ оно не будетъ въ состояніи измѣрять, потому что измѣненія въ нихъ будутъ внѣ его контроля. Эти измѣненія будутъ зависѣть отъ свойства *всего тѣла* и его движенія, а двумѣрное существо будетъ знать изъ всего тѣла только одну сторону или разрѣзъ. Не представляя себѣ существованія этого тѣла и считая движеніе, присущимъ сторонамъ и разрѣзамъ, *оно, вѣроятно, будетъ считать ихъ живыми существами*. Оно будетъ говорить, что въ нихъ есть что то, чего нѣтъ въ другихъ

обыкновенныхъ тѣлахъ, жизненная энергія или даже душа. Это что-то будетъ считаться непостижимымъ и, дѣйствительно, будетъ непостижимымъ для двумѣрнаго существа, такъ какъ является результатомъ непонятнаго для него движенія непонятныхъ тѣлъ.

Если мы представимъ себѣ неподвижный кругъ на плоскости, то для двумѣрнаго существа это будетъ движущаяся линія съ какими то очень странными непонятными для насъ движеніями.

Видѣть этого движенія плоское существо никогда не будетъ. Можетъ быть, оно назоветъ его *молекулярнымъ движеніемъ*, т. е. движеніемъ мельчайшихъ невидимыхъ частицъ «матеріи».

Затѣмъ кругъ, вращающійся вокругъ оси, лежащей въ центрѣ, будетъ чѣмъ то непонятнымъ отличаться для двумѣрнаго существа отъ неподвижнаго круга. *Оба будутъ казаться движущимися, но движущимися различно.*

Кругъ или квадратъ на плоскости, вращающійся вокругъ своего центра, для двумѣрнаго существа будетъ, благодаря двойному движенію, необъяснимымъ и непзмѣримымъ явленіемъ, въ родѣ *явленія жизни* для современнаго физика.

Такимъ образомъ для двумѣрнаго существа прямая линія будетъ неподвижной матеріей, ломаная или кривая матеріей въ движеніи, а движущаяся линія—*живой* матеріей.

Центръ круга или квадрата будетъ для плоскаго существа недоступенъ, какъ для насъ недоступенъ центръ шара или куба плотной матеріи;—и центръ будетъ даже непостижимъ, потому что у двумѣрнаго существа не будетъ идеи центра.

Не представляя себѣ явленій, происходящихъ внѣ плоскости, т. е. внѣ его пространства, плоское существо всѣ явленія, какъ уже было сказано, будетъ считать происходящими на своей плоскости. И всѣ явленія, которыя оно считаетъ происходящими на плоскости, оно будетъ считать находящимися въ причинной зависимости *другъ отъ друга*, т. е. оно будетъ думать, что одно явленіе есть слѣдствіе другого, *происшедшаго здѣсь же*, и причина третьяго, *которое произойдетъ здѣсь же.*

Если сквозь плоскость будетъ проходить разноцвѣтный кубъ, то весь кубъ и его движеніе плоское существо будетъ воспринимать, какъ измѣненіе цвѣта линій, лежащихъ на поверхности. При этомъ если синяя линія смѣнитъ красную, то плоское существо будетъ считать красную линію *прошедшимъ явленіемъ*. Оно не будетъ въ состояніи представить себѣ, что красная линія гдѣ-нибудь существуетъ. Оно скажетъ, что линія одна, но *посинѣла* въ силу какихъ-то причинъ физическаго характера. Если кубъ двинется обратно, и послѣ

синей опять появится красная линія, то для плоскаго существа это будетъ *новое явленіе*. Оно скажетъ, что линія опять покраснѣла.

Все, находящееся сверху и снизу, если плоскость горизонтальная—и справа и слѣва, если плоскость вертикальная, будетъ для существа, живущаго на этой плоскости, лежать во времени, т. е. въ прошедшемъ и будущемъ. Т. е. то, что на самомъ дѣлѣ лежитъ внѣ плоскости, будетъ считаться несуществующимъ: или уже прошедшимъ, т. е. исчезнувшимъ, переставшимъ быть, тѣмъ, что никогда не вернется; или будущимъ, т. е. еще не существующимъ, не проявившимся, только возможнымъ.

Представимъ себѣ, что сквозь плоскость, на которой живетъ двумѣрное существо, вращается колесо съ разноцвѣтными спицами. Двумѣрному существу все движеніе спицъ будетъ представляться перемѣной цвѣта линіи, лежащей на поверхности. Это измѣненіе цвѣта линіи плоское существо назоветъ явленіемъ, и, наблюдая эти явленія, оно замѣтитъ въ нихъ нѣкоторую послѣдовательность. Оно будетъ знать, что за черной линіей идетъ бѣлая, за бѣлой голубая, за голубой розовая. Если съ появленіемъ бѣлой линіи будетъ связано какое-нибудь другое явленіе, напр. звонокъ, то двумѣрное существо скажетъ, что бѣлая линія есть причина звонка. Самая перемѣна цвѣта линій, по мнѣнію двумѣрнаго существа, будетъ зависѣть отъ какихъ нибудь причинъ, лежащихъ здѣсь же на плоскости. Предположеніе о возможности существованія причинъ, лежащихъ *внѣ плоскости*, оно назоветъ совершенно фантастическимъ и абсолютно ненаучнымъ. Это будетъ казаться ему такимъ потому, что оно никогда не будетъ въ состояніи представить себѣ *колеса*, т. е. частей колеса по обѣ стороны отъ плоскости. Изучивъ перемѣну цвѣта линій и зная ихъ порядокъ, плоское существо, видя одну изъ нихъ, скажемъ, голубую, будетъ думать, что черная и бѣлая уже прошли, т. е. исчезли, перестали существовать, *ушли въ прошедшее*, а тѣ линіи, которыя еще не появились—желтая, зеленая и др. въ томъ числѣ и *новыя*, бѣлая и черная, которыя еще будутъ—еще не существуютъ, лежатъ въ будущемъ.

Такимъ образомъ, хотя и не сознавая формы своей вселенной и считая ее безконечной во всѣхъ направленіяхъ, плоское существо невольно будетъ думать, что гдѣ-то съ одной стороны *отъ всего* лежитъ прошедшее, а съ другой стороны *отъ всего* лежитъ будущее. Такъ составится у двумѣрнаго существа *идея времени*. Мы видимъ, что она возникаетъ благодаря тому, что двумѣрное существо изъ трехъ измѣреній пространства ощущаетъ только два, третье измѣреніе оно ощущаетъ только по его эффектамъ на плоскости и потому считаетъ

чѣмъ-то отличнымъ отъ двухъ первыхъ измѣреній пространства, называя его *временемъ*.

Представимъ себѣ, что сквозь плоскость, на которой живетъ двумѣрное существо, вращаются *два колеса* съ разноцвѣтными спицами и вращаются въ противоположныя стороны. Спицы одного приходятъ сверху и уходятъ внизъ;—спицы другого приходятъ снизу и уходятъ вверхъ.

Плоское существо этого никогда не замѣтитъ.

Оно никогда не замѣтитъ, что тамъ, гдѣ для одной линіи (которую оно видитъ), лежитъ прошедшее—для другой линіи лежитъ будущее. Ему даже никогда въ голову не придетъ эта мысль, потому что и прошедшее и будущее оно будетъ представлять себѣ очень смутно и будетъ считать ихъ только *понятіями*, не реальными фактами. Но въ то же время оно будетъ твердо увѣрено, что прошедшее идетъ въ *одну сторону*, а будущее *въ другую*. И ему будетъ казаться дикимъ абсурдомъ, что съ одной стороны можетъ лежать рядомъ нѣчто прошедшее и *нѣчто будущее*, а съ другой тоже рядомъ нѣчто будущее *и нѣчто прошедшее*. И такой же нелѣпостью будетъ казаться ему, что одни явленія приходятъ оттуда, куда другія уходятъ и наоборотъ. Оно будетъ упорно думать, что будущее это то, откуда все приходитъ, а прошедшее это то, куда все уходитъ, и *откуда ничто не возвращается*. Понять, что событія могутъ итти изъ прошедшаго, такъ же какъ изъ будущаго, плоское существо не будетъ въ состояніи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что плоское существо будетъ очень наивно относиться къ измѣненію цвѣта линіи, лежащей на поверхности. Появленіе *разныхъ* спицъ оно будетъ считать измѣненіемъ цвѣта *одной и той же линіи*, и повторяющееся появленіе спицы какого-нибудь цвѣта оно будетъ считать каждый разъ *новымъ* появленіемъ даннаго цвѣта.

Но тѣмъ не менѣе, замѣтивъ періодичность измѣненія цвѣта линій на поверхности, запомнивъ порядокъ ихъ появленія и научившись опредѣлять «время» появленія извѣстныхъ спицъ по сравненію съ какимъ-нибудь другимъ болѣе постояннымъ явленіемъ, плоское существо будетъ въ состояніи предсказать измѣненіе линіи въ тотъ или другой цвѣтъ.

Тогда оно скажетъ, что *изучило* это явленіе, т. е. можетъ примѣнять къ нему «математическій методъ»,—«вычислять его».

Если мы войдемъ въ міръ плоскихъ существъ, то плоское существо ощутитъ только линіи, ограничивающія разрѣзы нашихъ тѣлъ. Эти разрѣзы», которые для него будутъ *живыми существами*,

будутъ неизвѣстно откуда появляться, неизвѣстно почему мѣняться и неизвѣстно куда исчезать *чудеснымъ образомъ*. Точно такими же самостоятельными живыми существами будутъ казаться имъ разрѣзы всѣхъ нашихъ неодушевленныхъ, но движущихся предметовъ.

Если бы сознаніе плоскаго существа заподозрило наше существованіе и вошло въ какое-нибудь общеніе съ нашимъ сознаніемъ, то мы оказались бы для него высшими, всезнающими, можетъ быть всемогущими, а главное непостижимыми существами, *совершенно непонятной категоріи*.

Мы видѣли бы его міръ, *какъ онъ есть*, а не такъ, какъ онъ кажется ему. Мы видѣли бы прошедшее и будущее, могли бы предсказывать, направлять и даже создавать событія.

Мы знали бы сущность вещей. Знали бы, что такое «матерія» (прямая линія), что такое «движеніе» (кривая и ломаная линія, уголъ).—Мы видѣли бы *уголъ* и видѣли бы *центръ*. И все это давало бы намъ огромное преимущество передъ двумѣрнымъ существомъ.

Во всѣхъ явленіяхъ міра двумѣрнаго существа мы видѣли бы гораздо больше, чѣмъ видитъ оно—или видѣли бы совсѣмъ другое, чѣмъ оно.

И мы могли бы разсказать ему очень много новаго, неожиданнаго и поразительнаго о явленіяхъ его міра,—если бы оно могло слушать насъ и могло *понимать насъ*.

Прежде всего мы могли бы сказать ему, что то, что оно считаетъ явленіями, напр., углы или кривыя, есть *свойства высшихъ тѣлъ*, что другія «явленія» его міра не есть явленія, а только части или «разрѣзы» явленій, что, то, что оно называетъ «тѣлами», есть только разрѣзы тѣлъ—и многое другое кромѣ этого.

Мы могли бы сказать ему, что съ обѣихъ сторонъ его плоскости (т. е. его пространства или его эфира) лежитъ безконечное пространство (которое плоское существо называетъ временемъ). И что въ этомъ пространствѣ лежатъ причины всѣхъ его «явленій» и самыя явленія, какъ прошедшія такъ и будущія—и мы могли бы прибавить еще, что самыя «явленія» не есть нѣчто случающееся и перестающее быть, а только комбинаціи свойствъ высшихъ тѣлъ.

Но при этомъ намъ было бы очень трудно что-нибудь объяснить плоскому существу. А ему было бы очень трудно понять насъ. И прежде всего это было бы трудно потому, что у него не было бы *понятій*, соотвѣтствующихъ нашимъ понятіямъ. Не было бы нужныхъ «словъ».

Напр., *разрѣзъ*—это было бы для него совершенно новое и непонятное слово. Затѣмъ *уголъ*—опять непонятное слово. *Центръ*—

еще болѣе непонятное. *Третій* перпендикуляръ—нѣчто непостижимое, лежащее внѣ геометріи.

Неправильность его представленій о времени плоскому существу понять было бы труднѣе всего. Оно никакъ не могло бы себѣ представить, что то, *что прошло*, и то, *что будетъ*, существуетъ одновременно на линіяхъ, перпендикулярныхъ къ его плоскости. И оно никакъ не могло бы себѣ представить, что прошедшее тожественно съ будущимъ, потому что явленія приходятъ съ обѣихъ сторонъ и въ обѣ стороны уходятъ.

Но труднѣе всего двумѣрному существу было бы понять то, что «время» заключаетъ въ себѣ *двѣ идеи*:—идею пространства и идею движенія по этому пространству.

Мы уже указали, что то, *что* двумѣрное существо, живущее на плоскости, будетъ называть движеніемъ, для насъ будетъ имѣть совершенно другой видъ.

Въ книгѣ «The Fourth Dimension» подъ заголовкомъ «Первая глава въ исторіи четырехмѣрнаго пространства» Хинтонъ пишетъ:

«Парменидъ и азіатскіе мыслители, къ которымъ онъ очень близокъ, излагали теорію существованія, совершенно согласную съ возможнымъ отношеніемъ между высшимъ и низшимъ пространствомъ. Эта теорія во всѣ вѣка обладала большой притягательной силой для чистаго интеллекта, и она представляетъ собой естественный способъ мышленія тѣхъ людей, которые воздерживаются отъ проэктированія въ природу подъ маской причинности своей собственной воли, (volition).

Согласно Пармениду изъ Элеатической школы все есть единое, неподвижное и неизмѣнное. Постоянное среди переходнаго—та опора для мысли, та твердая почва для чувства, отъ открытія которой зависитъ вся наша жизнь—не фантомъ; это среди обмана образъ истиннаго существа, вѣчнаго, неподвижнаго, единаго. Такъ говоритъ Парменидъ.

Но какъ объяснить бѣгущія сцены, вѣчныя перемѣны вещей?

Иллюзія, отвѣчаетъ Парменидъ. И, проводя различіе между истиной и заблужденіемъ, онъ говоритъ объ истинной доктринѣ единаго—и о ложномъ представленіи мѣняющагося міра. И онъ интересенъ не только задачей, которую разбираетъ, но и своей манерой ея изслѣдованія.

Умъ не можетъ представить себѣ болѣе восхитительной интеллектуальной картины, чѣмъ та, которую рисуетъ Парменидъ, указывающій на единое, истинное, неизмѣнное—и, однако, въ то же время готовый обсуждать всѣ виды ложныхъ мнѣній...

Истинное мнѣніе онъ поддерживалъ, идя путемъ отрицанія и указанія противорѣчій въ идеяхъ перемѣны и движенія. Чтобы выразить его идею тяжеловѣснымъ современнымъ образомъ, мы должны сказать, что движеніе не реально, а феноменально.

Попробуемъ представить себѣ его ученіе.

Представимъ себѣ поверхность тихой воды, въ которую опускается

палка въ наклонномъ положеніи, движеніемъ вертикальнымъ сверху внизъ Пускай 1, 2, 3 на рисункѣ 1-мъ будутъ тремя послѣдовательными положеніями палки. А, В, С, будутъ три послѣдовательныя положенія пункта встрѣчи палки съ поверхностью воды. При опусканіи палки внизъ, этотъ пунктъ встрѣчи будетъ двигаться отъ А къ В и С.

Предположимъ теперь, что вся вода исчезла, кромѣ тонкой пленки на поверхности. Палка, опускаясь, будетъ прорывать пленку. Но если мы предположимъ, что пленка обладаетъ свойствами пленки мыльнаго пузыря закрываться вокругъ проникающаго черезъ нее предмета, тогда при вертикальномъ движеніи палки сверху внизъ, прорывъ пленки будетъ двигаться отъ А къ С.

Если мы пропустимъ спираль черезъ пленку, ихъ пересѣченіе дастъ точку, двигающуюся по кругу, показанному пунктиромъ на рисункѣ 2-мъ.

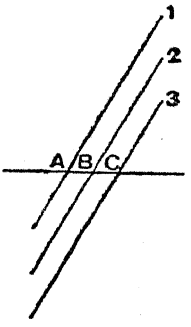


Рис. 1.

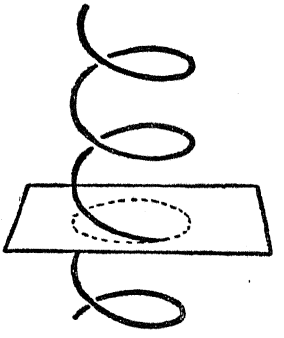


Рис. 2.

Для плоскаго существа такая, двигающаяся по кругу точка на его плоскости будетъ, вѣроятно, космическимъ явленіемъ въ родѣ движенія планеты по орбитѣ.

Если мы предположимъ, что спираль неподвижна, а пленка непрерывно движется вверхъ, то круговое движеніе точки будетъ итти пока не остановится это движеніе.

Если вмѣсто одной спирали мы возьмемъ сложное построеніе изъ спиралей, наклонныхъ и прямыхъ, ломаныхъ и кривыхъ линій,—то при движеніи пленки вверхъ на ней получается *цѣлый міръ* движущихся точекъ, движенія которыхъ плоскому существу будутъ казаться самостоятельными.

Разумѣется, плоское существо будетъ объяснять эти движенія, какъ зависящія одно отъ другого, и ему даже въ голову не придетъ фиктивность этого движенія и зависимость его отъ спиралей и другихъ линій, лежащихъ внѣ его пространства».

Возвращаясь къ плоскому существу и къ его представленію о мірѣ и разбирая его отношеніе къ трехмѣрному міру, мы видимъ, что двумѣрному и плоскому существу будетъ очень трудно понять всю *сложность* явленій нашего міра, какъ она является для насъ. Оно (плоское существо) привыкло представлять себѣ міръ черезчуръ простымъ.

Принимая разрѣзы тѣлъ за тѣла, плоское существо будетъ сравнивать ихъ только въ отношеніи длины и большей или меньшей кривизны, т. е. *для него* болѣе или менѣе быстраго движенія. Различій, существующихъ *для насъ* между вещами нашего міра, для него быть не могло бы. Функціи предметовъ нашего міра были бы совершенно недоступны его пониманію, непостижимы, «сверхъестественны».

Представимъ себѣ, что на плоскость, на которой живетъ двумѣрное существо, положена монета и поставлена свѣча одного діаметра съ монетой. Для плоскаго существа—это будутъ два равныхъ круга, т. е. двѣ движущіяся линіи *абсолютно тожественныя*; никакого различія между ними оно никогда не найдетъ. Функціи монеты и свѣчи *въ нашемъ мірѣ*, это для него совершенно terra incognita.—Если мы только попробуемъ представить себѣ, какую огромную эволюцію должно продѣлать плоское существо, чтобы понять функціи монеты и свѣчи и различіе этихъ функцій,—мы поймемъ, *что* раздѣляетъ плоскій міръ отъ трехмѣрнаго. Раздѣляетъ прежде всего полнѣйшая невозможность даже представить на плоскости что-нибудь похожее на трехмѣрный міръ съ разнообразіемъ его функцій.

Свойства явленій плоскаго міра будутъ крайне однообразны, они будутъ различаться порядкомъ появленія, длительностью, періодичностью. Тѣла и предметы этого міра будутъ плоски и однообразны, *какъ тѣни*, т. е. какъ тѣни совершенно разныхъ предметовъ, которыя намъ представляются одинаковыми.—Даже если бы плоское существо своимъ сознаніемъ вступило въ общеніе съ нашимъ сознаніемъ, то оно всетаки никогда не было бы въ состояніи понять все разнообразіе и богатство явленій нашего міра и разнообразіе функцій нашихъ предметовъ.

Плоскія существа не были бы въ состояніи усвоить себѣ самыхъ обыкновенныхъ для насъ понятій.

Для нихъ было бы очень трудно понять, что явленія, *одинаковыя для нихъ*, на самомъ дѣлѣ *разныя*—и что, съ другой стороны, явленія совершенно отдѣльныя для нихъ, на самомъ дѣлѣ части одного большого явленія и даже одного предмета или одного существа.

Это послѣднее будетъ одно изъ самыхъ трудныхъ вещей для пониманія плоскаго существа. Если мы предположимъ, что наше плоское существо живетъ на горизонтальной плоскости, пересѣкающей вершину дерева параллельно землѣ, то для этого существа разрѣзы вѣтвей будутъ представляться, каждый *совершенно отдѣльнымъ* явленіемъ или предметомъ. Идея дерева и его вѣтвей никогда не можетъ представиться его воображенію.

Вообще пониманіе даже самыхъ основныхъ и простыхъ вещей нашего міра будетъ безконечно долгимъ и труднымъ для плоскаго существа. Оно должно совершенно перестроить свои представленія о пространствѣ и времени. Это должно быть первымъ шагомъ. Пока это не сдѣлано, нѣтъ ничего. Пока всю нашу вселенную плоское существо представляетъ во времени, т. е. относитъ ко времени все, лежащее по сторонамъ его плоскости, оно никогда ничего не пойметъ. Чтобы начать постигать «третье измѣреніе», двумѣрное существо, живущее на плоскости, должно представить себѣ *пространственно* свои временныя понятія, т. е. перенести свое время въ пространство.

Чтобы получить только искру правильнаго представленія о нашемъ мірѣ, оно должно будетъ совершенно перестроить всѣ свои идеи о мірѣ,—*переоцѣнить всѣ цѣнности*, пересмотрѣть всѣ понятія, объединяющія понятія разъединить, разъединяющія соединить и главное создать безконечно много новыхъ.

Если мы поставимъ на плоскость двумѣрнаго существа пять пальцевъ нашей руки, то это будутъ для него пять отдѣльныхъ *явленій*.

Попробуемъ представить себѣ мысленно, какую огромную умственную эволюцію должно продѣлать плоское существо, чтобы понять, что пять отдѣльныхъ явленій на его плоскости—это концы пальцевъ руки большого, дѣятельнаго и разумнаго существа—человѣка.

Разобрать подробно шагъ за шагомъ, какъ плоское существо переходило бы къ пониманію нашего міра, лежащаго для него въ области таинственнаго *третьяго измѣренія*, т. е. частью въ прошедшемъ, частью въ будущемъ—было бы въ высшей степени интересно. Чтобы постигнуть міръ трехъ измѣреній, плоское существо прежде всего должно *перестать быть* двумѣрнымъ, — т. е. должно само стать трехмѣрнымъ, или, иначе говоря, должно почувствовать интересы жизни въ трехмѣрномъ пространствѣ. Почувствовавъ интересы этой жизни, оно уже этимъ самымъ отойдетъ отъ своей плоскости и никогда не будетъ въ состояніи на нее вернуться. Все больше и больше входя въ кругъ бывшихъ для него раньше совершенно непостижимыми идей и понятій, оно уже станетъ не двумѣрнымъ существомъ, а трехмѣрнымъ. А для этого плоское существо должно въ сущности *быть* трехмѣрнымъ [1]) т. е., само не сознавая этого, *имѣть* третье измѣреніе. Существо—*на самомъ дѣлѣ двумѣрное*—никогда трехмѣрнымъ не станетъ. Чтобы *стать* трехмѣрнымъ, оно должно трехмѣрнымъ *быть*. Тогда оно можетъ въ концѣ концовъ освободиться отъ *иллюзіи* двумѣрности міра и себя и почувствовать трехмѣрный міръ.

---

[1]) «Четвертое измѣреніе» изд. 2, Спб. 1914 г., гл. VI.

ГЛАВА VII.

Невозможность математическаго опредѣленія измѣреній. Почему математика не чувствуетъ измѣреній? Полная условность изображенія измѣреній степенями. Возможность представить себѣ всѣ степени на линіи. Кантъ и Лобачевскій. Различіе Не-Эвклидовой геометріи и мета-геометріи. Гдѣ должны мы искать объясненія трехмѣрности міра, если вѣрны идеи Канта? Не заключаются ли условія трехмѣрности міра въ нашемъ воспринимательномъ аппаратѣ, въ нашей психикѣ?

Разобравъ теперь «отношенія, которыя несетъ въ себѣ самомъ наше пространство», мы должны вернуться къ вопросу о томъ: *что же въ дѣйствительности представляютъ собой измѣренія пространства?—и почему ихъ три?*

Самымъ страннымъ должно представляться то, что невозможно опредѣлить *трехмѣрность* математически.

Мы плохо сознаемъ это, и это кажется парадоксомъ, потому что мы все время говоримъ *объ измѣреніи* пространства, но это фактъ. Математика *не чувствуетъ* измѣреній пространства.

Возникаетъ вопросъ, какъ можетъ такое тонкое орудіе анализа, какъ математика, не чувствовать измѣреній, если они представляютъ собой какія то реальныя свойства пространства.

Говоря о математикѣ, необходимо прежде всего признать, какъ основную предпосылку, что *всякому математическому выраженію соотвѣтствуетъ отношеніе какихъ то реальностей.*

Если этого нѣтъ, если это не вѣрно,—то нѣтъ математики. Это ея главная сущность, главное содержаніе.—Выражать отношенія величинъ, вотъ задача математики. Но отношенія должны быть между чѣмъ нибудь. Вмѣсто алгебраическихъ a, b и c всегда должно быть можно подставить какую-нибудь реальность. Это азбука всей математики; a, b и c—это кредитные билеты, они могутъ быть настоящими, если за ними есть реальное *нѣчто*, и могутъ быть фальшивыми, если за ними нѣтъ никакой реальности.

«Измѣренія» играютъ здѣсь очень странную роль. Если мы изобразимъ ихъ алгебраическими знаками a, b и c, то они будутъ имѣть характеръ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Эти a, b и c нельзя

замѣнить никакими реальными величинами, которыя выражали бы отношенія измѣреній.

Обыкновенно изображаютъ измѣренія степенями, первой, второй и третьей, т. е. если линію называютъ a, то квадратъ, стороны котораго равны этой линіи, называютъ a^2, и кубъ, стороны котораго равны этому квадрату, называютъ a^3.

Это между прочимъ дало основаніе Хинтону строить теорію *тессарактовъ*, тѣлъ четырехъ измѣреній, a^4. Но это чистая беллетристика. Прежде всего потому, что изображеніе «измѣреній» степенями совершенно условно.—Всѣ степени можно изобразить на линіи. Возьмемъ отрѣзокъ a, равный пяти миллиметрамъ;—тогда отрѣзокъ въ 25 миллиметровъ будетъ его квадратомъ, т. е. a^2; а отрѣзокъ въ 125 миллиметровъ будетъ кубомъ, т. е. a^3.

Какъ же понять, что математика не чувствуетъ измѣреній,—т. е. что математически нельзя выразить разницу между измѣреніями?

Это можно понять и объяснить только однимъ—именно, *что этой разницы не существуетъ*.

И, дѣйствительно, мы знаемъ, что всѣ три измѣренія въ сущности тожественны, т. е. каждое изъ трехъ измѣреній можно по очереди разсматривать, *какъ первое*, *какъ второе*, *какъ третье*, и наоборотъ. Это уже ясно доказываетъ, что измѣренія не есть математическія величины. Всѣ реальныя свойства вещи могутъ быть выражены математически въ видѣ величинъ, т. е. числами, показывающими отношеніе этихъ свойствъ къ другимъ свойствамъ.

Но математика въ вопросѣ объ измѣреніяхъ видитъ какъ будто больше насъ или дальше насъ, *черезъ* какія то грани, которыя останавливаютъ насъ, но не стѣсняютъ ее,—и видитъ, что нашимъ понятіямъ измѣреній не соотвѣтствуютъ никакія реальности.

Если бы три измѣренія соотвѣтствовали *дѣйствительно* тремъ степенямъ, то мы имѣли бы право сказать, что только три степени относятся къ геометріи, а всѣ остальныя отношенія высшихъ степеней, начиная съ четвертой, лежатъ за геометріей.

Но у насъ нѣтъ даже этого. Изображеніе измѣреній степенями совершенно условно.

Вѣрнѣе сказать—геометрія съ точки зрѣнія математики есть искусственное построеніе для разрѣшенія задачъ *на условныхъ данныхъ*, выведенныхъ, вѣроятно, изъ свойствъ нашей психики.

Систему изслѣдованія «высшаго пространства» Хинтонъ называетъ *мета-геометріей*, и онъ связываетъ съ мета-геометріей имена Лобачевскаго, Гаусса и др. изслѣдователей Не-Эвклидовой геометріи.

Мы должны разсмотрѣть въ какомъ отношеніи къ затронутымъ нами вопросамъ находятся теоріи этихъ ученыхъ.

Хинтонъ выводитъ свои идеи изъ Канта и Лобачевскаго.

Другіе наоборотъ противопоставляютъ идеи Канта идеямъ Лобачевскаго. Такъ Роберто Бонола въ «Неевклидовой Геометріи» говоритъ, что воззрѣніе Лобачевскаго на пространство противоположно Кантовскому. Онъ говоритъ:

> Ученіе Канта разсматриваетъ пространство, какъ нѣкоторую форму субъективнаго созерцанія, необходимо предшествующую всякому опыту; ученіе Лобачевскаго, примыкающее скорѣе къ сенсуализму и обычному эмпиризму, возвращаетъ геометрію въ область опытныхъ наукъ [1]).

Какой же взглядъ правиленъ, и въ какомъ отношеніи стоятъ идеи Лобачевскаго къ нашей проблемѣ? Вѣрнѣе всего будетъ сказать: ни въ какомъ отношеніи. Не-Эвклидова геометрія не есть *мета-геометрія*, и Не-Эвклидова геометрія стоитъ къ мета-геометріи въ такомъ же отношеніи, какъ Эвклидова геометрія.

Результаты всей Не-Эвклидовой геометріи, подвергшей переоцѣнкѣ основныя аксіомы Эвклида, и нашедшей свое наиболѣе полное выраженіе въ работахъ Больяи, Гаусса и Лобачевскаго, выражается въ формулѣ:

Аксіомы данной геометріи выражаютъ свойства даннаго пространства.

Такъ геометрія на плоскости принимаетъ всѣ три аксіомы Эвклида, т. е.:

1) прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками.

2) Каждую фигуру можно переносить на другое мѣсто, не нарушая ея свойствъ.

3) Параллельныя линіи не встрѣчаются.

(Эта послѣдняя аксіома обыкновенно выражается по Эвклиду иначе).

Въ геометріи на сферѣ или на вогнутой поверхности вѣрны только двѣ первыя аксіомы, такъ какъ меридіаны, параллельные у экватора, у полюсовъ уже встрѣчаются.

Въ геометріи на поверхности съ неправильной кривизной вѣрна только первая аксіома, вторая—о переносѣ фигуръ, уже невозможна, такъ какъ фигура, взятая въ одномъ мѣстѣ неправильной поверхности, можетъ измѣниться при переносѣ на другое мѣсто. И сумма угловъ треугольника можетъ быть и больше и меньше двухъ прямыхъ.

---

[1]) Роберто Бонола—«Неевклидова Геометрія», стр. 77. Спб., 1910.

Такимъ образомъ *аксіомы* выражаютъ различіе свойствъ различнаго рода поверхностей. Геометрическая аксіома есть законъ *данной* поверхности.

Но что такое поверхность?

Заслуга Лобачевскаго въ томъ, что онъ находилъ необходимымъ пересмотрѣть основныя понятія геометріи. Но онъ никогда не шелъ такъ далеко, чтобы переоцѣнивать эти понятія съ точки зрѣнія Канта. Въ то же время онъ ни въ какомъ смыслѣ не возражалъ противъ Канта. *Поверхность* въ умѣ Лобачевскаго, какъ геометра, была только средствомъ обобщенія нѣкоторыхъ свойствъ, въ которыхъ строилась та или другая геометрическая система, или обобщеніемъ свойствъ данныхъ линій. О реальности или нереальности поверхности онъ, вѣроятно, совсѣмъ не думалъ.

Такимъ образомъ съ одной стороны совершенно не правъ Бонола, который приписываетъ Лобачевскому воззрѣнія, противоположныя Кантовскимъ, и близость къ «сенсуализму» и «обычному эмпиризму»,—а съ другой стороны можно думать, что Хинтонъ совершенно субъективно приписываетъ Гауссу и Лобачевскому, что они открыли новую эру *въ философіи*.

Не-Эвклидова геометрія, въ томъ числѣ и геометрія Лобачевскаго, не имѣетъ никакого отношенія къ *мета-геометріи*.

Лобачевскій не выходитъ изъ сферы трехъ измѣреній.

Мета-геометрія разсматриваетъ сферу трехъ измѣреній, какъ *разрѣзъ* высшаго пространства. Изъ математиковъ ближе всѣхъ къ этой идеѣ стоялъ Риманъ, понимавшій отношеніе времени къ пространству.

Точка трехмѣрнаго пространства есть разрѣзъ мета-геометрической линіи. Линіи, которыя разсматриваетъ мета-геометрія, нельзя обобщить ни въ какой поверхности.—Это послѣднее можетъ быть самое важное для опредѣленія различія геометріи (Эвклидовой и Не-Эвклидовой) и мета-геометріи.—Мета-геометрическія линіи нельзя разсматривать, какъ разстояніе между точками въ нашемъ пространствѣ. И нельзя представить себѣ образующими какія-либо фигуры въ нашемъ пространствѣ.

Разсмотрѣніе возможныхъ свойствъ линій, лежащихъ внѣ нашего пространства, ихъ угловъ и отношеній этихъ линій и угловъ къ линіямъ, угламъ, поверхностямъ и тѣламъ нашей геометріи и составляетъ предметъ *мета-геометріи*.

Изслѣдователи Не-Эвклидовой геометріи не могли рѣшиться отойти отъ поверхности. Въ этомъ есть что-то прямо трагическое. Посмотрите, какія поверхности придумывалъ Лобачевскій при своихъ

изслѣдованіяхъ 11-го постулата Эвклида (о параллельныхъ линіяхъ, или объ углахъ, образуемыхъ линіей, пересѣкающей двѣ параллельныя)—одна изъ его поверхностей *похожа на поверхность лопастей вентилятора*[1]), другая на поверхность воронки. Но отойти отъ поверхности совсѣмъ, бросить ее разъ и навсегда, представить себѣ, *что линія можетъ быть не на поверхности*, т. е. что рядъ линій параллельныхъ, или близкихъ къ параллельнымъ не можетъ быть обобщенъ ни на какой поверхности и даже вообще въ трехмѣрномъ пространствѣ—онъ не могъ рѣшиться. И поэтому—и онъ и очень многіе другіе геометры, создавая Не-Эвклидову геометрію, не могли выйти изъ трехмѣрнаго міра.

Механика признаетъ *линію во времени*, т. е. такую линію, какую никакъ нельзя представить себѣ на поверхности или какъ разстояніе между двумя точками пространства,—эта линія берется въ разсчетъ при вычисленіи машинъ. Но геометрія никогда не касалась этой линіи и имѣла дѣло *всегда только* съ ея разрѣзами.

Теперь можно вернуться къ вопросу: *что такое пространство?* и посмотрѣть, найденъ ли отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Отвѣтомъ было бы точное опредѣленіе и объясненіе *трехмѣрности* пространства, какъ явленія міра.

Но этого нѣтъ. *Трехмѣрность* пространства, какъ объективное явленіе осталась такой же загадочной и непонятной, какъ прежде. По отношенію къ ней необходимо:

или принять ее, *какъ данное*, и прибавить это данное къ тѣмъ двумъ даннымъ, которыя мы установили въ началѣ;

или признать неправильность всего объективнаго метода разсужденія и вернуться къ другому методу, указанному въ началѣ.

Тогда, исходя изъ двухъ основныхъ данныхъ *міра* и *сознанія*, должно установить, *свойствомъ чего* является трехмѣрное пространство, *свойствомъ міра* или *свойствомъ нашего познанія міра*.

Начавъ съ Канта, который утверждаетъ, что пространство есть *свойство воспріятія міра нашимъ сознаніемъ*, я дальше намѣренно уклонился отъ этой идеи и разсматривалъ пространство, какъ *свойство міра*.

Я допустилъ вмѣстѣ съ Хинтономъ, что наше пространство въ самомъ себѣ несетъ условія, которыя позволяютъ намъ установить его отношенія къ высшему пространству и на основаніи этого предположенія построилъ цѣлый рядъ аналогій, кое-что выяснившихъ для насъ въ вопросахъ пространства и времени и ихъ взаимныхъ

---

[1]) Роберто Бонола—«Неевклидова Геометрія», стр. 112, 113.

отношеній, но, какъ уже было сказано, ничего не разъяснившихъ относительно главнаго вопроса *о причинахъ трехмѣрности пространства.*

Методъ аналогій вообще довольно мучительная вещь. Вы ходите съ нимъ въ замкнутомъ кругу. Онъ помогаетъ уяснить нѣкоторыя вещи и отношенія вещей, но въ сущности никогда и ни на что не даетъ прямого отвѣта. Послѣ долгихъ и многочисленныхъ попытокъ разобраться въ сложныхъ вопросахъ при помощи аналогій, вы чувствуете тщетность всѣхъ вашихъ усилій, чувствуете, что съ этими аналогіями ходите вдоль стѣны—и тогда вы начинаете испытывать прямо ненависть и отвращеніе къ аналогіямъ и находите необходимымъ искать прямого пути, непосредственно ведущаго туда, куда вамъ нужно.

Проблема высшихъ измѣреній обыкновенно разбиралась путемъ аналогій. Только самое послѣднее время въ наукѣ начинаетъ вырабатываться прямой методъ, который дальше будетъ указанъ.

И если мы хотимъ итти прямымъ путемъ, не уклоняясь отъ него, мы должны строго держаться основныхъ положеній Канта. Если же мы съ точки зрѣнія этихъ положеній формулируемъ приведенную выше мысль Хинтона, то получится слѣдующее:—мы въ себѣ самихъ несемъ условія нашего пространства и поэтому въ себѣ же должны найти условія, которыя позволили бы намъ установить отношенія нашего пространства къ высшему.

Иначе говоря, мы должны въ нашей психикѣ, въ нашемъ воспринимательномъ аппаратѣ найти условія трехмѣрности міра—и тамъ же найти условія возможности міра высшихъ измѣреній.

Поставивъ себѣ такую задачу, мы становимся на совершенно прямой путь и должны будемъ получить отвѣтъ на нашъ вопросъ, что такое пространство и его трехмѣрность?

Какимъ образомъ можемъ мы подойти къ рѣшенію этой задачи?

Совершенно ясно, что путемъ изученія нашего сознанія и его свойствъ.—Мы освободимся отъ всякихъ аналогій и станемъ на правильный и прямой путь къ рѣшенію основного вопроса объ объективности или субъективности пространства, если рѣшимъ разсмотрѣть психическія формы, въ которыхъ нами познается міръ—и посмотрѣть нѣтъ ли соотвѣтствія между ними и трехмѣрной протяженностью міра,—т. е. не вытекаетъ ли изъ извѣстныхъ намъ свойствъ нашей психики это представленіе трехмѣрной протяженности міра съ его свойствами.

ГЛАВА VIII.

Нашъ воспринимательный аппаратъ. Ощущеніе. Представленіе. Понятіе. Интуиція. Искусство, какъ языкъ будущаго. Въ какой мѣрѣ трехмѣрность міра зависитъ отъ свойствъ нашего воспринимательнаго аппарата? Что могло бы доказать эту зависимость? Гдѣ мы можемъ найти реальное подтвержденіе этой зависимости? Психика животныхъ. Въ чемъ ея отличіе отъ человѣческой? Рефлексъ. Раздражаемость клѣточки. Инстинктъ. Пріятное и непріятное. Эмоціональное мышленіе. Отсутствіе понятій Языкъ животныхъ. Логика животныхъ. Разные уровни психики животныхъ. Гусь, кошка, собака и обезьяна.

Для того, чтобы точно выяснить отношеніе нашего Я къ внѣшнему міру и опредѣлить, *что* въ нашемъ воспріятіи міра принадлежитъ міру и *что* принадлежитъ намъ самимъ, мы должны обратиться къ элементарной психологіи и разсмотрѣть механизмъ нашего воспринимательнаго аппарата.

Основной единицей нашего воспріятія является *ощущеніе*. Ощущеніе есть элементарная перемѣна въ состояніи сознанія, производимая, *какъ намъ кажется*, какой-нибудь перемѣной въ состояніи внѣшняго міра по отношенію къ нашему сознанію или перемѣной въ состояніи нашего сознанія по отношенію къ внѣшнему міру. Такъ насъ учитъ физика и психофизика. Я не буду здѣсь входить въ разсмотрѣніе правильности или неправильности построеній этихъ наукъ. Достаточно опредѣлить ощущеніе, какъ *элементарную* перемѣну въ состояніи сознанія, какъ элементъ, т. е. основную единицу этой перемѣны. Испытывая ощущеніе, мы предполагаемъ, что оно является, такъ сказать, отраженіемъ какихъ то измѣненій во внѣшнемъ мірѣ.

Испытанныя ощущенія оставляютъ извѣстный слѣдъ въ нашей памяти. Накопляясь, воспоминанія ощущеній начинаютъ сливаться въ сознаніи въ группы по сходству, ассоціироваться, слагаться, противополагаться;—ощущенія, испытываемыя, обыкновенно, въ близкой связи одно съ другимъ, будутъ возникать въ памяти въ такой же связи. И постепенно изъ *воспоминаній ощущеній* образуются *представленія*. Представленія—это, такъ сказать, групповыя воспоминанія ощущеній. При образованіи представленій ощущенія группируются по двумъ ясно выраженнымъ направленіямъ. Первое направленіе *по характеру ощущеній*:—такъ ощущенія желтаго цвѣта будутъ соединяться

съ ощущеніями желтаго цвѣта, ощущенія кислаго вкуса съ ощущеніями кислаго вкуса; и второе—*по времени полученія ощущеній*. Когда въ одну группу, образующую *одно* представленіе, входятъ разнообразныя ощущенія, испытанныя одновременно, тогда воспоминаніе опредѣленной группы ощущеній приписывается общей причинѣ. «Общая причина» проэктируется во внѣшній міръ, какъ объектъ, при чемъ предполагается, что данное представленіе отражаетъ въ себѣ реальныя свойства этого объекта. Такое групповое воспоминаніе есть *представленіе*, напр., представленіе дерева—*этого дерева*. Въ группу входитъ зеленый цвѣтъ листьевъ, ихъ запахъ, тѣнь, шумъ вѣтра въ вѣтвяхъ и пр. и пр. — Все это вмѣстѣ взятое образуетъ какъ бы фокусъ лучей, идущихъ изъ сознанія, постепенно наводимый на внѣшній объектъ и плохо или хорошо совпадающій съ нимъ.

Въ дальнѣйшемъ усложненіи психической жизни съ воспоминаніями представленій происходитъ то же самое, что съ воспоминаніями ощущеній. Накопляясь, воспоминанія представленій или «образы представленія» ассоціируются по самымъ разнообразнымъ линіямъ, слагаются, противополагаются, образуютъ группы и въ концѣ концовъ даютъ понятія.

Такъ изъ различныхъ, испытанныхъ въ разное время (въ группахъ) ощущеній у ребенка, возникаетъ представленіе дерева (этого дерева), а затѣмъ изъ образовъ представленія разныхъ деревьевъ образуется *понятіе дерева*, т. е. не этого дерева, а дерева вообще.

Образованіе понятій ведетъ за собой образованіе *словъ* и появленіе *рѣчи*.

Начало рѣчи можетъ явиться на самой низкой психической жизни, въ періодъ жизни ощущеніями, и уже значительно усложниться въ періодъ жизни представленіями. Но, пока нѣтъ понятій, это не будетъ *рѣчь* въ настоящемъ значеніи этого слова.

На низшихъ ступеняхъ психической жизни извѣстныя ощущенія могутъ выражаться извѣстными звуками. Такимъ образомъ можно передавать общія впечатлѣнія страха, гнѣва, удовольствія. Эти звуки могутъ служить сигналами объ опасности, призывнымъ крикомъ, просьбой, угрозой и т. п. Но много сказать ими нельзя.

Въ дальнѣйшемъ развитіи рѣчи, если слова или звуки выражаютъ *представленія*, какъ у дѣтей, то это значитъ, что данный звукъ или данное слово обозначаетъ только *этотъ* данный предметъ. Для каждаго новаго *подобнаго* предмета долженъ быть другой *новый* звукъ, или новое слово. Если говорящій обозначаетъ однимъ и тѣмъ же звукомъ, или словомъ *разные* предметы, то это значитъ, что или по его

мнѣнію это все одинъ и тотъ же предметъ, или онъ называетъ одинаково *завѣдомо* разные предметы. Въ обоихъ случаяхъ его понять очень трудно. И такая рѣчь не можетъ служить образцомъ ясной рѣчи. Напр., если извѣстнымъ словомъ или звукомъ ребенокъ назоветъ дерево, имѣя въ виду только *это дерево*, и совершенно не зная другихъ деревьевъ, то новое дерево, которое онъ увидитъ, онъ назоветъ другимъ словомъ, или будетъ думать, что то же самое дерево. Рѣчь, въ которой «слова» соотвѣтствуютъ представленіямъ, состоитъ какъ бы изъ собственныхъ именъ, нарицательныхъ именъ въ ней нѣтъ; при этомъ не только существительныя, но и глаголы, и прилагательныя, и нарѣчія тоже имѣютъ въ ней характеръ «собственныхъ именъ», т. е. приложимыхъ только къ *данному* дѣйствію, *данному* качеству, *къ данному* свойству.

Появленіе словъ *общаго значенія* въ рѣчи означаетъ появленіе понятій въ сознаніи.

Рѣчь состоитъ изъ словъ, каждое слово выражаетъ понятіе. Понятіе и слово въ сущности одно и то же;—только одно (понятіе), такъ сказать, внутренняя сторона; другое (слово)—наружная. Или, какъ говоритъ д-ръ Р. Бёккъ (R. Bucke, авторъ книги «Cosmic Consciousness», о которой мнѣ придется много говорить дальше):—*слово*, т. е. (*понятіе*), *есть алгебраическій* знакъ вещи.

«Тысячи разъ было отмѣчено, говоритъ Беккъ, что мозгъ мыслящаго человѣка не превосходитъ по величинѣ мозгъ немыслящаго человѣка, пропорціонально тому, насколько умственная работа мыслителя превосходитъ умственную работу дикаря. Причина этого лежитъ въ томъ, что мозгу Герберта Спенсера нужно было работать только немного больше, чѣмъ мозгу австралійскаго дикаря,—по той причинѣ, что Гербертъ Спенсеръ совершалъ свойственную ему и избранную имъ умственную работу при помощи знаковъ, замѣнявшихъ понятія, тогда какъ дикарь совершаетъ почти всю свою умственную работу при помощи громоздкихъ представленій. Дикарь находится въ положеніи астронома, дѣлающаго всѣ свои вычисленія при помощи ариѳметики; тогда какъ Спенсеръ находился въ положеніи астронома, дѣлающаго свои вычисленія при помощи алгебры. Первому придется исписать цифрами много большихъ листовъ бумаги и совершить колоссальный трудъ для того, чтобы получить такіе же результаты, какіе второму дадутъ вычисленія, которыя можно сдѣлать на маленькомъ конвертѣ съ очень небольшой сравнительно затратой умственнаго труда».

Въ нашей рѣчи слова выражаютъ понятія или идеи. Идеями называются понятія болѣе широкія, не представляющія грушового знака однородныхъ представленій, а охватывающія группы разнородныхъ представленій, или даже *группы понятій*; такимъ образомъ, идея есть сложное или отвлеченное понятіе.

Кромѣ простыхъ ощущеній органовъ чувствъ: цвѣта, звука, осязанія, обонянія и вкуса—кромѣ простыхъ эмоцій удовольствія, неудовольствія, радости, страха, неожиданности, удивленія, любопытства, смѣха, гнѣва и многихъ другихъ въ нашемъ сознаніи проходятъ ряды сложныхъ ощущеній и высшихъ (сложныхъ) эмоцій:—моральной, эстетической, религіозной. Содержаніе эмоціональныхъ переживаній даже самыхъ простыхъ, не говоря уже о сложныхъ, никогда цѣликомъ не укладывается въ понятія или въ идеи и поэтому никогда не можетъ быть правильно и точно выражено въ словахъ. Слова могутъ только намекнуть, навести на него. Передача эмоціональныхъ переживаній и *эмоціональнаго пониманія* составляетъ цѣль *искусства*. Въ сочетаніяхъ словъ, въ ихъ смыслѣ, въ ритмѣ, въ музыкѣ, сочетаніи смысла, ритма и музыки;—въ звукахъ, въ краскахъ, въ линіяхъ, въ формахъ—люди создаютъ новый міръ и стараются выразить и передать въ немъ то, что они чувствуютъ, но чего не могутъ выразить и передать просто въ словахъ, т. е. въ понятіяхъ. Эмоціональные тона жизни, т. е. «чувства» лучше всего выражаетъ музыка, но зато она совсѣмъ не выражаетъ понятій, т. е. мысли. Поэзія стремится выражать то и другое вмѣстѣ. Сочетаніе чувства и мысли высокаго напряженія приводитъ къ *интуиціи*, т. е. къ высшей формѣ сознанія. Такимъ образомъ въ искусствѣ мы уже имѣемъ первые опыты языка интуицій или *языка будущаго*. Искусство идетъ въ авангардѣ психической эволюціи, предугадываетъ ея завтрашнія формы.

Въ настоящій моментъ у людей есть три единицы психической жизни:—*ощущеніе*, *представленіе*, *понятіе* (и идея), и рѣдко проявляющаяся четвертая единица—высшая *интуиція* (которой и служитъ искусство).

Если идея Канта вѣрна, если пространство съ его характеристиками есть свойство нашего сознанія, а не внѣшняго міра—то трехмѣрность міра должна такъ или иначе зависѣть отъ устройства нашего психическаго аппарата.

Вопросъ конкретно можно поставить такъ:—въ какомъ отношеніи къ трехмѣрной протяженности міра стоитъ тотъ фактъ, что въ нашемъ психическомъ аппаратѣ имѣются и именно въ указанномъ отношеніи—ощущенія, представленія, понятія и интуиціи?

Мы обладаемъ *такимъ* психическимъ аппаратомъ, и міръ *трехмѣренъ*. Какъ доказать, что трехмѣрность міра зависитъ отъ *такого* устройства нашего психическаго аппарата?

Несомнѣнно доказать или опровергнуть это можно бы было только при помощи опыта.

Если бы мы могли *измѣнить свой психическій аппаратъ* и уви-

дѣли бы при этомъ, что *измѣнился міръ кругомъ насъ*, то это было бы для насъ доказательствомъ зависимости свойствъ пространства отъ свойствъ нашего сознанія.

Напримѣръ если бы мы могли высшую интуицію, существующую сейчасъ только въ зачаточномъ видѣ, сдѣлать такой же опредѣленной, точной *и дѣйствующей согласно нашей волѣ*, какъ понятіе — и если бы при этомъ увеличилось число характеристикъ пространства, т.-е. если бы пространство изъ трехмѣрнаго стало четырехмѣрнымъ,—то это подтвердило бы наше предположеніе и доказало бы идею Канта, что пространство съ его свойствами является *формой нашего чувственнаго воспріятія*.

Или если бы мы могли уменьшить число единицъ нашей психической жизни и произвольно лишить себя или другого человѣка *понятій*, оставивъ психику дѣйствовать только представленіями и ощущеніями—и если бы при этомъ уменьшилось число характеристикъ пространства въ окружающемъ мірѣ, т.-е. если бы міръ для испытуемаго субъекта сталъ изъ трехмѣрнаго двумѣрнымъ, а при дальнѣйшемъ ограниченіи психическаго аппарата, т.-е. при лишеніи субъекта и представленій—одномѣрнымъ,—то это подтвердило бы наше предположеніе, и мысль Канта могла бы считаться доказанной.

Такимъ образомъ *экспериментально* идея Канта была бы доказана, если бы мы убѣдились, что для существа, обладающаго одними ощущеніями,—міръ одномѣренъ; для существа, обладающаго ощущеніями и представленіями,—міръ двумѣренъ; и для существа, обладающаго сверхъ понятій и идей еще высшими формами познанія,—міръ четырехмѣренъ.

Т.-е., говоря яснѣе, положеніе Канта о субъективности представленія пространства можно было бы считать доказаннымъ: a) если бы для существа, обладающаго одними ощущеніями, весь нашъ міръ со всѣмъ его разнообразіемъ формъ казался *одной линіей*, если бы вселенная этого существа имѣла одно измѣреніе, т.-е. если бы это существо было *одномѣрнымъ* по свойствамъ своего воспріятія; и b) если бы для существа, кромѣ способности испытывать ощущенія обладающаго еще способностью образовывать представленія, міръ имѣлъ бы двумѣрную протяженность,—т.-е. если бы весь нашъ міръ съ голубымъ небомъ, съ облаками, съ зелеными деревьями, съ горами и съ пропастями—казался ему одной плоскостью; если бы вселенная этого существа имѣла только два измѣренія, т.-е. если бы это существо было *двумѣрнымъ* по свойствамъ своего воспріятія.

Короче—положеніе Канта будетъ доказано, если мы увидимъ,

что число характеристикъ міра измѣняется для субъекта въ зависимости отъ измѣненія его психическаго аппарата.

Продѣлать такой опытъ, вызывая *уменьшеніе* психическихъ характеристикъ невозможно,—ограничивать произвольно свой или чужой психическій аппаратъ мы не умѣемъ.

Опыты *съ увеличеніемъ* психическихъ характеристикъ существуютъ, но въ силу многихъ очень разнообразныхъ причинъ недостаточно убѣдительны. Главная изъ этихъ причинъ та, что увеличеніе психическихъ способностей даетъ прежде всего такъ много *новаго* въ душевномъ мірѣ, что это *новое* заглушаетъ, происходящія одновременно, *перемѣны* въ прежнихъ воспріятіяхъ міра.

Цѣлый рядъ ученій и религіозно-философскихъ теченій ставитъ своей явной или скрытой цѣлью именно *расширеніе сознанія*. Это—цѣль *мистики* всѣхъ временъ и всѣхъ религій, цѣль *оккультизма*, цѣль *восточной іоги*. Но проблема расширенія сознанія требуетъ особаго изученія; ей посвящены послѣднія главы этой книги, а болѣе детально она будетъ разобрана въ книгѣ «Мудрость боговъ».

Пока для доказательства высказанныхъ положеній объ измѣненіи міра съ измѣненіемъ психики достаточно разсмотрѣть вопросъ объ уменьшеніи психическихъ характеристикъ.

Если невозможенъ опытъ въ этомъ направленіи,—можетъ быть возможно наблюденіе.

Мы должны поставить вопросъ:—нѣтъ ли на свѣтѣ существъ съ психикой ниже нашей *въ нужномъ намъ отношеніи*?

Такія существа съ психикой ниже нашей несомнѣнно есть. Это—животныя.

Въ чемъ заключается отличіе психики животнаго отъ психики человѣка,—мы знаемъ очень плохо; въ обычной «разговорной» психологіи не знаемъ совсѣмъ. Обыкновенно мы совсѣмъ отрицаемъ у животныхъ разсудокъ или наоборотъ приписываемъ имъ свою собственную психологію, только «ограниченную», но *какъ* и *въ чемъ*, мы не знаемъ;—и тогда мы говоримъ, что у животнаго не разумъ, а инстинктъ, т.-е. какъ будто какой то не *сознающій себя*, а автоматическій аппаратъ. Вообще, что именно значитъ *инстинктъ*, мы представляемъ себѣ очень плохо. Я говорю не только о публикѣ, но и о «научной» психологіи.

Но попробуемъ разобрать, что такое инстинктъ, и какова психика животнаго. Прежде всего разсмотримъ *дѣйствія* животнаго и опредѣлимъ, чѣмъ они отличаются отъ нашихъ. Если это дѣйствія инстинктивныя, то что это значитъ?

Какія дѣйствія бываютъ вообще и чѣмъ они различаются?

Мы различаемъ у живыхъ существъ дѣйствія: рефлективныя, инстинктивныя, сознательныя (и автоматическія) и интуитивныя.

Рефлективныя дѣйствія—это просто *отвѣты движеніемъ*, реакціи на внѣшнія раздраженія, происходящія всегда одинаковымъ образомъ, безотносительно къ полезности или не полезности, къ цѣлесообразности или нецѣлесообразности ихъ въ данномъ случаѣ. Начало ихъ и ихъ законы вытекаютъ изъ простой *раздражаемости* клѣточки.

Что такое раздражаемость клѣточки и каковы эти законы?

Раздражаемостью клѣточки называется ея способность отвѣчать движеніемъ на внѣшнія раздраженія. Опыты съ простѣйшими живыми одноклѣточными организмами показали, что *раздражаемость* дѣйствуетъ въ строго опредѣленныхъ законахъ. Клѣточка отвѣчаетъ движеніемъ на внѣшнее раздраженіе. Сила отвѣтнаго движенія увеличивается при увеличеніи силы раздраженія, но точной пропорціональности установить не удалось. Для того, чтобы вызвать отвѣтное движеніе, раздраженіе должно быть достаточно сильно. Всякое испытанное раздраженіе оставляетъ въ клѣточкѣ *нѣкоторый слѣдъ*, дѣлающій ее болѣе воспріимчивой къ новымъ раздраженіямъ.—Это мы видимъ изъ того, что на *повторное* раздраженіе *одинаковой силы* клѣточка отвѣчаетъ болѣе сильнымъ движеніемъ, чѣмъ на первое. И если раздраженія повторять дальше, то клѣточка будетъ отвѣчать на нихъ все болѣе и болѣе сильными движеніями, до извѣстнаго предѣла. Дойдя до этого предѣла, клѣточка *какъ бы устаетъ* и начинаетъ на то же самое раздраженіе отвѣчать все болѣе и болѣе слабыми реакціями. Клѣточка какъ бы привыкаетъ къ раздраженію. Оно дѣлается для нея частью *постояннаго окружающаго*, и она перестаетъ на него реагировать, такъ какъ она вообще реагируетъ только на *перемѣны* постоянныхъ условій. Если раздраженіе съ самаго начала настолько слабо, что оно не вызываетъ отвѣтнаго движенія, то оно всетаки оставляетъ въ клѣточкѣ нѣкоторый *невидимый* слѣдъ.—Это мы видимъ изъ того, что, повторяя эти слабыя раздраженія, можно добиться того, что, клѣточка начнетъ реагировать на нихъ.

Такимъ образомъ *въ законахъ раздражаемости* мы видимъ какъ бы зачатки способностей памяти, усталости и привычки. Клѣточка производитъ иллюзію, если не сознающаго и разсуждающаго, то во всякомъ случаѣ помнящаго, привыкающаго и устающаго *существа*.—Если насъ почти обманываетъ клѣточка, то насколько легче обмануть насъ животному съ его сложной жизнью.

Но вернемся къ анализу *дѣйствій*. Рефлективными дѣйствіями организма называются такія дѣйствія, въ которыхъ или весь организмъ, или его отдѣльныя части дѣйствуютъ, *какъ клѣточка*, т.-е. въ

предѣлахъ закона раздражаемости. Такія дѣйствія мы наблюдаемъ и у человѣка, и у животныхъ. Человѣкъ весь вздрагиваетъ отъ неожиданнаго холода или прикосновенія. Его вѣко мигаетъ отъ быстраго приближенія или прикосновенія какого нибудь предмета. Свободно висящая нога сидящаго человѣка двигается впередъ отъ удара по сухожилію ниже колѣна. Эти движенія совершаются помимо сознанія, могутъ совершаться вопреки сознанію. Обыкновенно сознаніе воспринимаетъ ихъ, какъ уже совершившійся фактъ. И эти движенія не непремѣнно цѣлесообразны. Нога все равно двигается впередъ отъ удара по сухожилію, даже если впереди будетъ ножъ или огонь.

Инстинктивными дѣйствіями называются дѣйствія цѣлесообразныя, но совершаемыя безъ сознанія *выбора* и безъ сознанія *цѣли*.

Они появляются съ появленіемъ чувственнаго тона ощущенія, т.-е. съ того момента, когда съ ощущеніемъ начинаетъ быть связано *сознаваемое* чувство удовольствія или страданія. И ими управляетъ, по прекрасному выраженію Уэльса, pleasure-pain guidance of the animal life, т.-е. «*удовольствіе-страданіе*, руководящее животной жизнью».

Дѣйствительно, до появленія самосознанія, т.-е. человѣческаго интеллекта, во всемъ животномъ царствѣ «дѣйствія» управляются стремленіемъ получить или удержать наслажденіе, или избѣгнуть страданія.—Шопенгауэръ не признавалъ другого наслажденія, кромѣ *избавленія отъ страданія* и находилъ, что одно страданіе управляетъ всей животной жизнью. Но эта мысль черезчуръ парадоксальна и по существу невѣрна. Наслажденіе и страданіе не есть различныя степени одного и того же. И наслажденіе не есть только и всегда прекращеніе страданія. Въ немъ есть не только погашеніе минуса, но и активный плюсъ. *Вкусъ* наслажденія отъ прекращенія страданія и *вкусъ* самостоятельнаго наслажденія совершенно различенъ.

Мы можемъ съ полной увѣренностью сказать, что инстинктъ есть *удовольствіе-страданіе*, которое, какъ положительный и отрицательный полюсы электро-магнита, толкая и притягивая животное то въ ту, то въ другую сторону, заставляетъ его совершать цѣлые сложные ряды дѣйствій, иногда настолько цѣлесообразныхъ, что они кажутся сознательными; и не только сознательными, но основанными на предвидѣніи будущаго, на какомъ то почти ясновидѣніи, какъ перелеты птицъ, витье гнѣздъ для непоявившихся еще птенцовъ, нахожденіе дороги на югъ осенью и на сѣверъ весной и т. п.

Но всѣ эти дѣйствія въ дѣйствительности объясняются однимъ инстинктомъ, т.-е. подчиненіемъ *удовольствію-страданію*.

Періодами, въ которыхъ тысячелѣтія могутъ считаться днями,

путемъ отбора, у всѣхъ животныхъ выработался типъ, живущій по линіямъ этого подчиненія. Это подчиненіе цѣлесообразно, т.-е. результаты его ведутъ къ *нужной* цѣли. Почему это такъ—вполнѣ понятно. Если бы чувство удовольствія шло отъ вреднаго, данный видъ не могъ бы жить и очень скоро вымеръ бы. Инстинктъ—руководитель его жизни. Но только, пока инстинктъ цѣлесообразенъ, какъ только онъ перестаетъ быть цѣлесообразнымъ—онъ дѣлается руководителемъ смерти, и видъ быстро вымираетъ. Нормально—«удовольствіе-страданіе» пріятны и непріятны не *для* той пользы или вреда, которые они приносятъ, а *вслѣдствіе* этого. Вліянія, оказавшіяся *полезными* для даннаго вида во время растительной жизни, съ переходомъ въ животную начинаютъ ощущаться, какъ *пріятныя*; вредныя вліянія, какъ непріятныя. У двухъ разныхъ видовъ одно и то же вліяніе—скажемъ извѣстная температура—можетъ быть для одного полезнымъ и пріятнымъ, для другого вреднымъ и непріятнымъ. Ясно поэтому, что подчиненіе «удовольствію-страданію» должно быть цѣлесообразно. Пріятное—*пріятно*, потому что оно *полезно*, непріятное—*непріятно*, потому что оно *вредно*.

Слѣдующей ступенью за инстинктивными являются дѣйствія сознательныя и автоматическія.

Сознательнымъ дѣйствіемъ называется такое, которое извѣстно совершающему субъекту *до своего совершенія*;—такое дѣйствіе, которое совершающій субъектъ можетъ назвать, опредѣлить, объяснить, указать его причину и цѣль—*раньше совершенія*. Иногда сознательныя дѣйствія совершаются такъ быстро, что кажутся безсознательными. Но всетаки это *сознательное дѣйствіе*, если совершающій его субъектъ *знаетъ*, *что онъ дѣлаетъ*.

Автоматическія дѣйствія—это дѣйствія, *бывшія раньше сознательными* у даннаго субъекта и отъ частаго повторенія ставшія привычными и совершающіяся безъ сознанія. Заученныя автоматическія дѣйствія дрессированныхъ животныхъ были раньше сознательными не у животнаго, а у учившаго его человѣка. Такія дѣйствія кажутся часто совершенно сознательными, но это полная иллюзія. Животное помнитъ порядокъ дѣйствій, и поэтому его дѣйствія кажутся обдуманными и цѣлесообразными. И они, дѣйствительно, были обдуманы, *но не имъ*. Автоматическія дѣйствія часто смѣшиваются съ инстинктивными—на самомъ дѣлѣ они похожи на инстинктивныя, но въ то же время между ними огромная разница. Автоматическія дѣйствія создаются субъектомъ въ теченіе его собственной жизни. И они, прежде чѣмъ стать автоматическими, должны долгое время быть у него (или у другого лица) сознательными. Инстинктивныя дѣй-

ствія создаются въ теченіе жизни *вида*, и способность къ нимъ въ готовомъ видѣ передается путемъ наслѣдственности. Автоматическія дѣйствія *можно* назвать инстинктивными дѣйствіями, выработанными даннымъ субъектомъ для себя. Инстинктивныя дѣйствія *нельзя* назвать автоматическими, выработанными даннымъ видомъ, потому что они *никогда* не были сознательными у отдѣльныхъ индивидуумовъ даннаго вида, а образовались изъ ряда сложныхъ рефлексовъ.

И рефлексы, и инстинктивныя и «сознательныя» дѣйствія можно считать отраженными, т. е. не самостоятельными. И тѣ, и другія, и третьи идутъ не изъ самаго человѣка, а изъ внѣшняго міра. Человѣкъ только передаточная или трансформаторная станція силъ; всѣ его дѣйствія *этихъ трехъ категорій* создаются впечатлѣніями внѣшняго міра. Человѣкъ въ этихъ трехъ родахъ дѣйствія въ сущности автоматъ, безсознательный или сознающій свои дѣйствія. Ничто не идетъ изъ него самого.

Только высшая категорія дѣйствій, т. е. дѣйствія интуитивныя, повидимому, не зависятъ отъ внѣшняго міра. Но способность къ такимъ дѣйствіямъ встрѣчается очень рѣдко и только у немногихъ людей, которыхъ можно опредѣлить, какъ высшій типъ человѣка.

Установивъ различіе между дѣйствіями, мы должны вернуться къ поставленному вопросу:—*чѣмъ отличается психика животныхъ отъ человѣческой*? Изъ четырехъ категорій дѣйствій животнымъ доступны двѣ низшія (и въ очень рѣдкихъ случаяхъ высшая, интуитивная.) Категорія «разумныхъ» дѣйствій животнымъ не доступна. Это доказывается прежде всего тѣмъ, что животныя не говорятъ такъ, какъ мы.

Раньше было показано, что обладаніе рѣчью неразрывно связано съ обладаніемъ понятіями.—Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что животныя не обладаютъ понятіями.

Вѣрно ли это, и возможно ли обладаніе инстинктивнымъ разумомъ безъ обладанія понятіями?

Все, что мы знаемъ объ инстинктивномъ разумѣ, говоритъ намъ, что онъ дѣйствуетъ, обладая одними только представленіями и ощущеніями, а на низшихъ ступеняхъ обладая одними ощущеніями. Сознаніе, мыслящее представленіями, должно быть инстинктивнымъ разумомъ, т.-е. зависѣть отъ эмоцій. Только эмоціи даютъ ему возможность производить тотъ *выборъ* между имѣющимися на лицо представленіями, который со стороны производитъ впечатлѣніе сужденія и умозаключенія. Въ дѣйствительности животное не обдумываетъ своихъ поступковъ, а живетъ эмоціями, подчиняясь въ каждый данный моментъ той эмоціи, которая въ данный моментъ сильнѣе.—

Хотя, конечно, въ жизни животнаго бываютъ очень острые моменты, когда передъ нимъ стоитъ необходимость *выбора* изъ извѣстнаго ряда представленій. Тогда его дѣйствія въ данный моментъ могутъ показаться совершенно обдуманными. Напр., животное, поставленное въ опасность, дѣйствуетъ часто удивительно осторожно и умно. Но въ дѣйствительности дѣйствія животнаго руководятся только эмоціями. Раньше было показано, что эмоціи цѣлесообразны, и подчиненіе имъ у нормальнаго существа должно быть цѣлесообразно. Всякое представленіе животнаго, всякій образъ воспоминанія связанъ съ какимъ-нибудь эмоціональнымъ ощущеніемъ или эмоціональнымъ воспоминаніемъ, никакихъ *неэмоціональныхъ* холодныхъ мыслей и образовъ въ душѣ животнаго нѣтъ. А если есть, то они бездѣятельны, не способны подвинуть его ни на какой поступокъ.

Такимъ образомъ всѣ дѣйствія животныхъ, иногда очень сложныя, цѣлесообразныя и на видъ разумныя мы можемъ объяснить, не предполагая у животныхъ существованія понятій, сужденій и умозаключеній. Наоборотъ, мы должны признать, что у животныхъ *нѣтъ понятій*. Доказательствомъ этого служитъ то, что у нихъ нѣтъ рѣчи.

Если взять двухъ *людей* разныхъ національностей, разныхъ расъ, не знающихъ языка другъ друга, и поселить ихъ вмѣстѣ, они сейчасъ же найдутъ способъ объясняться.—Одинъ нарисовалъ пальцемъ кругъ, другой рядомъ нарисовалъ другой кругъ. Вотъ они уже и установили, что могутъ понимать другъ друга. Если между людьми поставить толстую каменную стѣну, это имъ тоже не помѣшаетъ. Одинъ стукнулъ три раза; другой въ отвѣтъ стукнулъ три раза.—Сообщеніе установлено. Идея сообщенія съ жителями другой планеты основана именно на проектѣ свѣтовыхъ сигналовъ. На землѣ долженъ быть устроенъ огромный свѣтящійся кругъ или квадратъ. Его должны замѣтить съ Марса или откуда-нибудь тамъ и отвѣтить такимъ же сигналомъ.—Съ животными мы живемъ рядомъ, а установить такого сообщенія не можемъ. Очевидно, разстояніе между нами больше, и разница глубже, чѣмъ между *людьми*, раздѣленными незнаніемъ языка, каменными стѣнами и огромными разстояніями.

Другимъ доказательствомъ отсутствія у животнаго понятій можетъ служить неспособность животнаго дѣйствовать рычагомъ, т.-е. неспособность животнаго самостоятельно притти къ пониманію значенія и дѣйствія рычага.—Обыкновенное возраженіе, что животное не умѣетъ дѣйствовать рычагомъ просто потому, что его органы—лапы и пр. не приспособлены для такихъ дѣйствій, не выдерживаетъ критики, потому что любое животное можно *выучить*

дѣйствовать рычагомъ. Значитъ, тутъ дѣло не въ органахъ. Просто животное не можетъ *само* притти къ идеѣ рычага.

Изобрѣтеніе рычага сразу отдѣлило первобытнаго человѣка отъ животныхъ, и оно было неразрывно связано съ появленіемъ понятій. Психическая сторона *пониманія дѣйствія рычага* состоитъ въ построеніи правильнаго силлогизма. Не построивъ мысленно силлогизма, нельзя понять дѣйствія рычага. Не имѣя понятій, нельзя построить силлогизма. Силлогизмъ въ сферѣ психической буквально то же самое, что рычагъ въ сферѣ физической.

Дѣйствіе рычагомъ такъ же сильно отличаетъ человѣка отъ животныхъ, какъ рѣчь. Если бы на землю смотрѣли какіе-нибудь ученые марсіане и изучали-бы ее объективно, въ телескопъ, издали не слыша рѣчи, не входя въ субъективный міръ обитателей земли и не соприкасаясь съ нимъ—они раздѣлили бы существъ, живущихъ на землѣ, на два разряда:—знакомыхъ съ дѣйствіемъ рычага и незнакомыхъ съ дѣйствіемъ рычага.

Психологія животныхъ для насъ вообще очень туманна. Безконечное количество наблюденій, сдѣланныхъ надъ всѣми животными отъ слоновъ до пауковъ, и безконечное количество анекдотовъ объ умѣ и сообразительности и о нравственныхъ качествахъ животныхъ ничего не мѣняютъ въ этомъ. Мы представляемъ себѣ животныхъ или живыми автоматами, или глупыми людьми.

Мы слишкомъ замкнулись въ кругу *своей* психики. Мы не представляемъ себѣ другой и невольно думаемъ, что единственно возможный видъ психики это такой, какимъ обладаемъ мы. Но это иллюзія, которая мѣшаетъ намъ понять жизнь. Если бы мы могли войти въ психическій міръ животнаго, понять, *какъ* оно воспринимаетъ, понимаетъ и дѣйствуетъ, мы увидѣли бы много необыкновенно интереснаго. Напр., если бы мы могли представить себѣ, возсоздать мысленно *логику* животнаго, то это очень сильно помогло бы намъ понять нашу собственную логику и законы нашего мышленія. Прежде всего мы поняли бы условность и относительность нашихъ собственныхъ логическихъ построеній и вмѣстѣ съ тѣмъ условность всего нашего представленія міра.

У животнаго должна быть очень своеобразная логика. Это, конечно, не будетъ логика въ настоящемъ значеніи слова, потому что логика подразумѣваетъ существованіе *логоса*, т.-е. слова или понятія.

Наша обычная логика, которой мы живемъ, безъ которой «сапожникъ не сошьетъ сапога», сводится къ простой схемѣ, формулированной Аристотелемъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя были из-

даны его учениками подъ общимъ заглавіемъ Organon, т.-е. «Орудіе» (мысли). Эта схема заключается въ слѣдующемъ:

А есть А.
А не есть не А.
Всякая вещь есть или А, или не А.

Яснѣе это можно изобразить такъ:

Я есмь Я.
Я не есмь не Я.
Все, что есть на свѣтѣ, должно быть или Я, или не Я.

Логики, заключенной въ этой схемѣ—логики Аристотеля, вполнѣ достаточно *для наблюденія*. Но *для опыта* ея недостаточно, потому что опытъ идетъ *во времени*, а въ формулахъ Аристотеля время въ разсчетъ не принимается. Это было замѣчено на самой зарѣ установленія нашего опытнаго знанія; отмѣчено Роджеромъ Бэкономъ и формулировано черезъ нѣсколько столѣтій его знаменитымъ однофамильцемъ лордомъ Фрэнсисомъ Бэкономъ въ сочиненіи Novum Organum «Новое Орудіе» (мысли). Вкратцѣ формулировку Бэкона можно свести къ слѣдующему.

То, что было А, будетъ А.
То, что было не А, будетъ не А.
Всякая вещь была и будетъ или А, или не А.

На этихъ формулахъ, сознаваемыхъ или не сознаваемыхъ, построенъ весь нашъ научный опытъ, и на нихъ же собственно построено шитье сапогъ, потому что если бы сапожникъ не былъ увѣренъ, что купленная вчера кожа будетъ кожей завтра, то онъ бы, вѣроятно, не рѣшился шить сапоги, а сталъ бы искать какой-нибудь болѣе вѣрной профессіи.

Формулы логики, какъ Аристотеля, такъ и Бэкона, сами по себѣ выведены изъ наблюденія фактовъ, и ничего другого кромѣ содержанія этихъ фактовъ въ себѣ не заключаютъ и заключать не могутъ. Это не есть законы *мышленія*, а только законы внѣшняго міра, какъ онъ воспринимается нами, или законы нашего отношенія къ внѣшнему міру.

Если бы мы могли представить себѣ «логику» животнаго, то мы поняли бы его отношеніе къ внѣшнему міру. Наша главная ошибка относительно душевнаго міра животныхъ заключается въ томъ, что мы приписываемъ имъ свою собственную логику. Мы думаемъ, что *логика одна*, что наша логика есть нѣчто абсолютное, существующее внѣ насъ и помимо насъ. Между тѣмъ это только

законы отношенія нашего специфическаго Я къ внѣшнему міру или законы, которые находитъ во внѣшнемъ мірѣ наше специфическое Я. Другое Я найдетъ другіе законы.

Логика животнаго будетъ отличаться отъ нашей прежде всего тѣмъ, что она не будетъ *общей*. Она будетъ существовать для каждаго случая, для каждаго представленія отдѣльно. Общихъ свойствъ, классовыхъ, родовыхъ и видовыхъ признаковъ *категорій* для животныхъ существовать не будетъ. Каждый предметъ будетъ самъ по себѣ, и всѣ его свойства будутъ *его* специфическими свойствами.

Этотъ домъ и *тотъ домъ* это совершенно разные предметы для животнаго, потому что это *свой* домъ, а то *чужой*. Мы, вообще говоря, узнаемъ предметы по признакамъ сходства, животное должно узнавать ихъ по признакамъ различія. Всякій предметъ оно помнитъ по тому его признаку, который имѣлъ для него наиболѣе эмоціональное значеніе. Въ такомъ видѣ—т.-е. съ эмоціональными тонами, представленія сохраняются въ памяти животнаго. Легко видѣть, что такія представленія сохранять въ памяти гораздо труднѣе, и поэтому память животнаго обременена больше нашей, хотя по количеству знаній и по количеству того, что сохраняется въ памяти, оно стоитъ много ниже насъ.

Мы, разъ увидавъ предметъ, относимъ его къ извѣстному классу, роду и виду, подводимъ его подъ то или другое понятіе и связываемъ его въ умѣ съ какимъ-нибудь «словомъ», т.-е. алгебраическимъ знакомъ, потомъ съ другимъ, опредѣляющимъ и т. д.

Животное не имѣетъ понятій, у него нѣтъ этой умственной алгебры, при помощи которой мы мыслимъ. Оно должно знать *данный предметъ* и запомнить его со всѣми его признаками и особенностями. Ни одинъ забытый признакъ ужъ не вернется. Тогда какъ для насъ главные признаки подразумѣваются въ понятіи, съ которымъ мы связали этотъ предметъ. И мы можемъ найти его въ памяти по любому его признаку.

Изъ этого ясно, что память животнаго отягощена больше нашей, и что *именно это* есть главная причина, мѣшающая умственной эволюціи животнаго. Его умъ *слишкомъ* занятъ. Ему *некогда* двигаться впередъ.—Можно остановить умственное развитіе ребенка, заставляя его заучивать наизусть ряды словъ и ряды цифръ. Въ такомъ положеніи находится животное. Это и объясняетъ тотъ странный фактъ, что животное *умнѣе въ молодости*.

У человѣка расцвѣтъ интеллектуальной силы приходится на зрѣлый возрастъ, очень часто даже на старость. У животнаго

какъ разъ наоборотъ. Оно *воспріимчиво* только въ молодости. Къ зрѣлому возрасту его развитіе останавливается и къ старости несомнѣнно идетъ назадъ.

Логика животнаго, если мы попытаемся выразить ее въ формулахъ, подобныхъ формуламъ Аристотеля и Бэкона, будетъ такова:

Формулу *А есть А* — животное пойметъ. Оно скажетъ: Я это Я и т. п. Но формулы *А не есть не А*—оно уже не пойметъ. *Не А*— это уже *понятіе*. Животное скажетъ такъ:

Это есть это.
То есть то.
Это не то.

или

Этотъ человѣкъ есть этотъ человѣкъ.
Тотъ человѣкъ есть тотъ человѣкъ.
Этотъ человѣкъ не тотъ человѣкъ.

Дальше мнѣ еще придется вернуться къ логикѣ животныхъ. Пока нужно было только установить, что психологія животныхъ очень своеобразна и кореннымъ образомъ отличается отъ нашей. И она не только своеобразна, но и очень *разнообразна*.

Среди извѣстныхъ намъ животныхъ, даже среди домашнихъ животныхъ, психологическія различія такъ велики, что ставятъ ихъ на совершенно различныя плоскости. Мы не замѣчаемъ этого и ставимъ всѣхъ въ одну рубрику—*«животныя»*.

Гусь наступилъ лапой на арбузную корку, тянетъ ее носомъ, и не можетъ вытащить, а поднять лапу у него не хватаетъ соображенія. Это значитъ, что его психика настолько туманна, что онъ плохо знаетъ свое собственное тѣло, плохо отличаетъ его отъ другихъ предметовъ. [1]) Ни съ собакой, ни съ кошкой этого произойти не можетъ. Свое тѣло они знаютъ прекрасно. Но въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшнимъ предметамъ собака и кошка сильно различаются.

Я наблюдалъ собаку, «очень умнаго» сеттера. Когда у нея сбивался ковликъ, на которомъ она спала, и ей было неловко лежать, она понимала, что неудобство *внѣ ея*, и что оно заключается

[1]) В. А. Данилов (изслѣдователь религіозныхъ вопросовъ, народной жизни и сектантства, много занимавшійся также сравнительной психологіей и психологіей животныхъ) замѣтилъ мнѣ по этому вопросу, что примѣромъ «глупаго» животнаго нужно взять курицу, а не гуся. Гуси, по словамъ В. А. Данилова, обладаютъ уже довольно развитой психикой, разговариваютъ между собой и т. п. Въ описанномъ случаѣ гусь могъ стараться *оторвать* кусокъ арбузной корки.

въ коврикѣ и именно въ положеніи коврика,—и она хватала его зубами и вертѣла, и возила туда и сюда, и при этомъ ворчала, и вздыхала, и стонала, пока кто нибудь не приходилъ помочь ей. Но сама расправить коврикъ она никогда не могла.

У кошки не явилось бы даже подобнаго вопроса. Кошка хорошо знаетъ свое тѣло, но все *внѣ себя* она принимаетъ, какъ должное, какъ данное. *Исправлять* внѣшній міръ, приспособлять его для своего удобства кошкѣ никогда не приходитъ въ голову. Можетъ быть, потому, что она больше живетъ въ другомъ мірѣ, въ мірѣ сновъ и фантазій, чѣмъ въ этомъ. Поэтому, если бы что нибудь было не такъ съ ея постелью, кошка сама вертѣлась бы сотни разъ, пока не улеглась бы удобно;—или пошла бы и легла въ другомъ мѣстѣ.

Обезьяна, конечно, легко разостлала бы себѣ коврикъ.

Вотъ *четыре психологіи* совершенно различныхъ. И это только одинъ примѣръ, такихъ примѣровъ можно набрать сотни. А между тѣмъ для насъ все это *одно животное*. Мы смѣшиваемъ вмѣстѣ очень много различнаго, наши «дѣленія» очень часто неправильны, и это мѣшаетъ намъ разобраться въ самихъ себѣ.

При этомъ сказать, что указанныя различія опредѣляютъ «эволюціонныя ступени», что животныя одного типа *выше* или *ниже* другихъ было бы совершенно невѣрно. Собака и обезьяна *разсудкомъ*, способностью перенимать и (собака) привязчивостью къ человѣку какъ будто выше кошки, но кошка безконечно выше ихъ по интуиціи, по эстетическому чувству, по самостоятельности и по силѣ воли. Собака и обезьяна проявляются цѣликомъ. Все, что у нихъ есть, то и видно. Но кошка не даромъ считается магическимъ и оккультнымъ животнымъ. Въ ней очень много скрытаго, чего она сама не знаетъ. Если говорить объ эволюціи, то гораздо правильнѣе сказать, что это — животныя разныхъ эволюцій; такъ же, какъ, вѣроятно, не одна, а нѣсколько эволюцій идутъ въ человѣчествѣ.

Признаніе нѣсколькихъ самостоятельныхъ и (механически) равноцѣнныхъ эволюцій, вырабатывающихъ совершенно различныя свойства, вывело бы насъ изъ лабиринта безконечныхъ противорѣчій въ нашемъ пониманіи *человѣка*.

ГЛАВА IX.

Воспріятіе міра человѣкомъ и животнымъ. Иллюзіи животнаго и отсутствіе у него контроля надъ воспріятіями. Міръ движущихся плоскостей. Углы и кривыя, какъ движеніе. Третье измѣреніе, какъ движеніе. Двумѣрный видъ нашего трехмѣрнаго міра для животныхъ. Животное, какъ реальное двумѣрное существо. Низшія животныя, какъ одномѣрныя существа. Время и пространство улитки. Чувство времени, какъ неясное чувство пространства. Время и пространство собаки. Измѣненіе міра при измѣненіи психическаго аппарата. Доказательство проблемы Канта. — Трехмѣрный міръ—иллюзорное представленіе.

Мы установили огромную разницу, существующую между психикой человѣка и животнаго. Разница эта, несомнѣнно, должна сильно вліять на воспріятіе животнымъ внѣшняго міра. Но *какъ* и *въ чемъ*? Это именно то, чего мы не знаемъ, и что мы должны постараться установить.

Для этого мы должны еще разъ вернуться къ *нашему* воспріятію міра и разсмотрѣть *детально*, какъ мы воспринимаемъ міръ, а затѣмъ посмотрѣть, какъ должно воспринимать міръ животное со своей ограниченной психикой.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что по отношенію къ внѣшнему виду и формѣ міра воспріятіе у насъ самое неправильное. Мы знаемъ, что міръ состоитъ изъ тѣлъ, но мы видимъ и осязаемъ всегда только *одну поверхности*. Мы никогда не видимъ и не осязаемъ *тѣла*. Тѣло это уже *понятіе*, составленное изъ ряда представленій путемъ разсужденія и опыта. Для непосредственнаго ощущенія существуютъ только однѣ поверхности. Ощущенія тяжести, массы, объема, которыя мы мысленно связываемъ съ «тѣломъ», на самомъ дѣлѣ связаны для насъ съ ощущеніями поверхностей. Мы только *знаемъ*, что это ощущеніе поверхностей идетъ отъ тѣла, но самаго тѣла мы никогда не ощущаемъ. Можетъ быть, можно назвать «ощущеніемъ тѣла» сложное ощущеніе поверхностей, вѣса, массы, плотности, сопротивленія и пр. Но мы должны *мысленно* связать всѣ эти ощущенія въ одно и назвать это общее ощущеніе тѣломъ. Непосредственно мы ощу-

щаемъ только поверхности и затѣмъ *отдѣльно* вѣсъ, сопротивленіе тѣла, какъ такового, мы никогда не ощущаемъ.

Но мы *знаемъ*, что міръ состоитъ не изъ поверхностей, знаемъ, что видимъ міръ неправильно. Знаемъ, что *никогда* не видимъ міръ, *какъ онъ есть*, даже не въ философскомъ смыслѣ этого выраженія, а въ самомъ обыкновенномъ *геометрическомъ*. Мы никогда не видали *куба*, *шара* и т. п., а всегда только поверхности. Зная это, мы мысленно исправляемъ то, что видимъ. За поверхностями *мыслимъ* тѣло. Но мы никогда не можемъ даже *представить себѣ* тѣла. Не можемъ представить себѣ куба или шара не въ перспективѣ, а сразу со всѣхъ сторонъ.

Ясно, что міръ не существуетъ въ перспективѣ, однако, мы его иначе видѣть не можемъ. Мы видимъ все только въ перспективѣ, т. е. при воспріятіи искажаемъ міръ нашимъ глазомъ. И мы знаемъ, что искажаемъ его. Знаемъ, что онъ не таковъ, какимъ мы его видимъ. И мысленно мы непрерывно *поправляемъ* то, что видитъ глазъ, *подставляемъ* реальное содержаніе подъ тѣ символы вещей, которые показываетъ намъ наше зрѣніе.

Наше зрѣніе—сложная способность. Оно состоитъ изъ зрительныхъ ощущеній *плюсъ* память осязательныхъ ощущеній. Ребенокъ старается ощупать все, что видитъ—носъ своей няньки, луну, «зайчика» на стѣнѣ. Только постепенно онъ научается *однимъ зрѣніемъ* различать близкое и далекое. Но мы знаемъ, что и въ зрѣломъ возрастѣ мы очень легко подвергаемся оптическимъ иллюзіямъ.

Отдаленные предметы мы видимъ плоскими, т. е. еще болѣе неправильно, потому что рельефъ это всетаки символъ, указывающій на какое-то свойство предметовъ. Человѣкъ на большомъ разстояніи рисуется намъ силуэтомъ.—Это происходитъ потому, что на большомъ разстояніи мы никогда ничего не осязаемъ, и глазъ не былъ пріученъ замѣчать различія поверхностей, на близкомъ разстояніи ощущаемыя кончиками пальцевъ *).

---

*) Очень интересны въ этомъ случаѣ наблюденія надъ слѣпыми, начинающими видѣть.

Въ журналѣ «Слѣпецъ» (1912 года) на основаніи непосредственныхъ наблюденій описано, какъ слѣпорожденные *учатся видѣть послѣ операціи*, вернувшей имъ зрѣніе.

Вотъ какъ описываетъ свои впечатлѣнія 17-лѣтній юноша, прозрѣвшій послѣ удаленія съ глаза катаракты. На третій день послѣ операціи его спросили, что онъ видитъ: онъ отвѣтилъ, что видитъ обширное поле свѣта съ туманными движущимися на немъ предметами. Онъ не различалъ эти предметы. Только черезъ четыре дня началъ онъ ихъ различать и лишь черезъ двѣ недѣли, когда глаза привыкли къ свѣту, сталъ практически пользоваться своимъ зрѣніемъ для распознаванія предметовъ. Ему показали всѣ цвѣта солнечнаго спектра, и онъ скоро усвоилъ ихъ, кромѣ желтаго и зеленаго, которые долго смѣшивалъ. Поставленные передъ нимъ кубъ, шаръ и пирамида

Мы никогда не можемъ, хотя бы на очень небольшомъ пространствѣ увидать часть внѣшняго міра такъ, какъ она есть, *т. е. такъ, какъ мы ее знаемъ*. Мы никогда не можемъ увидать письменный столъ или шкафъ *сразу, со всѣхъ сторонъ и внутри*. Нашъ глазъ извѣстнымъ образомъ искажаетъ внѣшній міръ для того, чтобы мы, поглядѣвъ кругомъ, могли опредѣлить положеніе предметовъ относительно себя. Но посмотрѣть на міръ *не со своей точки*, мы никогда не можемъ. И никогда не можемъ увидать его правильно неискаженнымъ нашимъ зрѣніемъ.

Рельефъ и перспектива—это искаженіе предмета нашимъ глазомъ. Это—оптическая иллюзія, обманъ зрѣнія. Кубъ въ перспективѣ это условный знакъ трехмѣрнаго куба. И все, что мы видимъ, это только условное изображеніе того условно-реальнаго трехмѣрнаго міра, который изучаетъ наша геометрія, а не самый этотъ міръ. На основаніи того, что мы видимъ, мы должны догадываться, что это въ дѣйствительности есть. Мы знаемъ, что то, что мы видимъ—неправильно, и мыслимъ міръ не такимъ, какимъ видимъ. Если бы у насъ не было сомнѣнія въ правильности нашего зрѣнія, если бы мы знали, что міръ такой и есть, какимъ мы его видимъ, то, очевидно, мы и мыслили бы міръ такъ, какъ видимъ. На дѣлѣ мы постоянно дѣлаемъ къ этому поправки.

Способность дѣлать поправки къ тому, что видитъ глазъ, непремѣнно требуетъ обладанія понятіями, такъ какъ поправки производятся путемъ разсужденія, невозможнаго безъ понятій. Не обладая способностью дѣлать поправки къ тому, что видитъ глазъ, мы бы видѣли міръ инымъ, т. е. многое, *что есть*, мы видѣли бы неправильно, не видѣли бы многаго, *что есть*, и видѣли бы очень многое, *чего въ дѣйствительности вовсе нѣтъ*. Прежде всего мы видѣли

казались ему квадратомъ, плоскимъ кругомъ и треугольникомъ. Когда рядомъ съ шаромъ поставили плоскій кружокъ, онъ не видѣлъ между ними разницы. Когда его спросили, какое впечатлѣніе произвели на него въ первый разъ обѣ фигуры, онъ сказалъ, что тотчасъ же замѣтилъ разницу между кубомъ и шаромъ и понялъ, что это не рисунки, но не былъ въ состояніи вывести изъ нихъ представленія о квадратѣ и кругѣ, пока не почувствовалъ въ кончикахъ пальцевъ ощущеніе, какъ если бы онъ дотронулся до этихъ предметовъ. Когда ему позволили взять въ руки кубикъ, шаръ и пирамиду, онъ тотчасъ же узналъ эти тѣла осязаніемъ и очень удивился, что не сразу узналъ ихъ по виду. Ему еще не хватало представленія о пространствѣ, перспективы. Всѣ предметы казались ему плоскими. Хотя онъ и зналъ, что носъ выдается, а глаза лежатъ во впадинахъ, человѣческое лицо представлялось ему тоже плоскимъ. Возстановленное зрѣніе очень радовало его, но на первыхъ порахъ онъ уставалъ смотрѣть; впечатлѣнія подавляли и утомляли его. Вотъ почему, обладая прекраснымъ зрѣніемъ, онъ иногда прибѣгалъ въ видѣ отдыха къ осязанію.

бы огромное количество *несуществующихъ движеній*. Всякое наше собственное движеніе, для непосредственнаго ощущенія, связано съ движеніемъ всего кругомъ насъ. Мы *знаемъ*, что это движеніе иллюзорно, но мы *видимъ* его, какъ реальное. Предметы поворачиваются передъ нами, бѣгутъ мимо насъ, обгоняютъ другъ друга. Дома, мимо которыхъ мы тихо ѣдемъ, медленно поворачиваются; если мы ѣдемъ быстро, они тоже поворачиваются быстро; деревья неожиданно вырастаютъ передъ нами, бѣгутъ и исчезаютъ.

Эта *кажущаяся* одушевленность предметовъ вмѣстѣ со сновидѣніями давала и даетъ главную пищу сказочной фантазіи.

И «движенія» предметовъ въ этихъ случаяхъ бываютъ очень сложными. Посмотрите, какъ странно ведетъ себя полоска хлѣба передъ окномъ вагона, въ которомъ вы ѣдете. Она подбѣгаетъ къ самому окну, останавливается, медленно поворачивается кругомъ себя и бѣжитъ въ сторону.—Деревья въ лѣсу бѣгутъ явно съ разной скоростью, одно обгоняя другое.—Цѣлый пейзажъ иллюзорнаго движенія. А солнце, которое до сихъ поръ на всѣхъ языкахъ «восходитъ» и «заходитъ»—и «движеніе» котораго нѣкогда такъ страстно защищалось!

Все это такъ представляется для насъ. И хотя мы уже знаемъ, что эти движенія иллюзорны, мы всетаки *видимъ* ихъ и порой обманываемся.—Насколько больше иллюзій видѣли бы мы, если бы не могли разбираться умомъ въ причинахъ, ихъ производящихъ—и считали бы, что все существуетъ именно такъ, какъ мы видимъ?

Я вижу, значитъ, это есть.

Это утвержденіе—главный источникъ всѣхъ иллюзій. Правильно нужно говорить:

Я вижу, значитъ, этого нѣтъ! Или по крайней мѣрѣ:—*я вижу, значитъ это не такъ*!

Но мы *можемъ* сказать послѣднее, а животное не можетъ. Для него, что оно видитъ, то и есть. Оно должно *вѣрить* тому, что видитъ.

Какимъ же для него является міръ?

Міръ для животнаго является рядомъ сложныхъ движущихся поверхностей. Животное живетъ *въ мірѣ двухъ измѣреній*, его вселенная имѣетъ для него свойство и видъ *поверхности*. И на этой поверхности для него идетъ огромное количество всевозможныхъ движеній самаго фантастическаго характера.

Почему для животнаго міръ будетъ являться поверхностью?

Прежде всего потому, что онъ *для насъ* является поверхностью.

Но мы *знаемъ*, что міръ не поверхность, а животное этого знать не можетъ. Оно принимаетъ все такимъ, какимъ оно ему кажется.

Поправлять то, что говоритъ глазъ, оно не можетъ—или не можетъ въ такой мѣрѣ, какъ мы.

Мы можемъ мѣрить по тремъ направленіямъ, свойство нашего ума позволяетъ намъ это. Животное можетъ мѣрить только по двумъ направленіямъ одновременно. Никогда не можетъ мѣрить сразу по тремъ.—Это зависитъ оттого, что, не обладая понятіями, оно не въ состояніи отложить въ умѣ мѣры перваго направленія, измѣряя второе и третье.

Поясню это точнѣе.

Представимъ себѣ, что мы измѣряемъ *кубъ*. При измѣреніи куба въ трехъ направленіяхъ нужно, измѣряя одно направленіе, два другія держать въ умѣ, *помнить*. А въ умѣ ихъ можно держать только въ видѣ понятій, т. е. только связавъ съ разными понятіями, наклеивъ на нихъ разные ярлыки. Такъ, наклеивъ на два первыя направленія ярлычки *длины и ширины*, можно мѣрить *вышину*. Иначе невозможно. *Какъ представленія*, двѣ первыя мѣры куба совершенно тожественны и непремѣнно сольются въ умѣ въ одно. Животное не обладаетъ понятіями, не можетъ на двѣ первыя мѣры куба наклеить ярлычки длины и ширины. Поэтому въ тотъ моментъ, когда оно начнетъ мѣрить вышину куба, двѣ первыя мѣры сольются въ нѣчто одно. Животное, мѣряющее кубъ, обладая одними представленіями, безъ понятій, будетъ похоже на кошку, которую я разъ наблюдалъ. Она растащила своихъ котятъ—ихъ было штукъ пять или шесть—по разнымъ комнатамъ и не могла собрать ихъ вмѣстѣ. Она хватала одного, приносила и клала рядомъ съ другимъ. Потомъ бѣжала отыскивать третьяго, приносила и клала его къ двумъ первымъ, но сейчасъ же хватала перваго и уносила его въ другую комнату, клала тамъ рядомъ съ четвертымъ, потомъ опять бѣжала сюда, хватала второго и тащила его куда-то къ пятому, и т. д., и т. д. Кошка билась со своими котятами цѣлый часъ, искренно мучилась и ничего не могла сдѣлать. Было ясно, что у нея не хватало понятій запомнить, сколько всего котятъ.

Объяснить себѣ отношеніе животнаго къ измѣренію тѣлъ въ высшей степени важно.

Все дѣло въ томъ, что животное видитъ однѣ поверхности. (Это мы можемъ сказать съ полной увѣренностью, потому что сами видимъ только поверхности). Видя однѣ поверхности, животное можетъ *представлять* себѣ только два измѣренія. Третье измѣреніе, рядомъ съ первыми двумя, оно должно бы было уже *мыслить*, т. е. это измѣреніе должно быть понятіемъ. Но понятій у животнаго нѣтъ. Третье измѣреніе является тоже, какъ представленіе. Поэтому въ

моментъ его появленія два первыя представленія неизбѣжно сливаются въ одно. Различіе между двумя измѣреніями животное видитъ. Различіе между *тремя* оно видѣть не можетъ. Это различіе нужно уже *знать*. А для того, чтобы знать, нужно обладать понятіями.

Тожественныя представленія должны у животнаго сливаться въ одно, какъ для насъ сливаются въ одно два одновременныхъ, одинаковыхъ явленія, происходящихъ въ одной точкѣ. Для него это будетъ *одно явленіе*, какъ для насъ *одно явленіе* всѣ одинаковыя, одновременныя явленія, происходящія въ одной точкѣ.

Такимъ образомъ животное будетъ видѣть міръ, какъ поверхность, и измѣрять эту поверхность только по двумъ направленіямъ.

Какъ же объяснить, что животное, находясь въ двумѣрномъ мірѣ, или видя себя въ двумѣрномъ мірѣ, прекрасно оріентируется въ нашемъ трехмѣрномъ мірѣ? Какъ объяснить, что птица летаетъ и вверхъ, и внизъ, и прямо, и въ стороны, по всѣмъ тремъ направленіямъ; лошадь прыгаетъ черезъ канавы и барьеры; собака и кошка, повидимому, понимаютъ свойства глубины и вышины одновременно съ длиной и шириной?

Чтобы объяснить это, мы должны вернуться къ основнымъ началамъ психологіи животныхъ. Мы уже указывали раньше, что очень многія свойства предметовъ, которыя мы запоминаемъ, *какъ общія* родовыя, видовыя свойства, животное должно запоминать, какъ *индивидуальныя* свойства предметовъ. Разбираться въ этомъ огромномъ запасѣ сохраняющихся въ памяти индивидуальныхъ свойствъ имъ помогаетъ эмоціональный тонъ, соединяемый у нихъ съ каждымъ представленіемъ и съ каждымъ воспоминаніемъ ощущенія.

Животное знаетъ, скажемъ, двѣ дороги, какъ совершенно отдѣльныя явленія, не имѣющія между собой ничего общаго; одно явленіе, т. е. одна дорога состоитъ изъ ряда опредѣленныхъ представленій, окрашенныхъ въ опредѣленные эмоціональные тона;—другое явленіе, т. е. другая дорога, состоитъ изъ ряда другихъ опредѣленныхъ представленій, окрашенныхъ въ другіе тона. Мы говоримъ, что и то, и другое дорога. Одна въ одно мѣсто, другая въ другое. Для животнаго двѣ дороги не имѣютъ *ничего общаго*. Но оно помнитъ всѣ эмоціональные тона въ ихъ послѣдовательности, связанные съ первой дорогой и связанные со второй, и поэтому помнитъ обѣ дороги съ ихъ поворотами, съ ямами, съ заборами и т. д.

Такимъ образомъ *запоминаніе* опредѣленныхъ свойствъ видѣнныхъ предметовъ помогаетъ животному оріентироваться въ мірѣ явленій. Но, какъ правило, передъ *новыми* явленіями животное гораздо болѣе безпомощно, чѣмъ человѣкъ.

Животное видитъ два измѣренія. Третье измѣреніе оно постоянно ощущаетъ, но не видитъ его. Оно ощущаетъ его, какъ нѣчто *преходящее*, какъ мы ощущаемъ *время*.

Поверхности, которыя видитъ животное, обладаютъ для него многими странными свойствами, прежде всего *многочисленными и разнообразными движеніями*.

Какъ уже было сказано, для него должны быть совершенно реальными всѣ иллюзорныя движенія, которыя намъ тоже *кажутся* реальными, но относительно которыхъ мы *знаемъ*, что они иллюзорны: поворачиваніе дома, мимо котораго мы ѣдемъ, вырастаніе дерева изъ за угла, движеніе луны между облаками и пр. пр.

Но кромѣ этого для животнаго будетъ существовать много движеній, которыхъ мы даже не подозрѣваемъ. Дѣло въ томъ, что очень многіе, совершенно неподвижные для насъ предметы—собственно *всѣ предметы*, должны казаться животному *движущимися*. И именно въ этихъ движеніяхъ ему будетъ являться третье измѣреніе тѣлъ, т. е. третье измѣреніе тѣлъ будетъ ему представляться движеніемъ.

Попробуемъ представить себѣ, какъ животное воспринимаетъ предметы внѣшняго міра.

Предположимъ, что передъ нимъ стоятъ: *большой кругъ* и рядомъ съ нимъ *большой шаръ* того же діаметра.

Стоя прямо противъ нихъ на извѣстномъ разстояніи, животное будетъ видѣть два круга. Начавъ обходить его кругомъ, оно замѣтитъ, что шаръ остается кругомъ, а кругъ постепенно суживается,—превращается въ узкую полосу. При дальнѣйшемъ движеніи кругомъ полоска опять начинаетъ расширяться и постепенно превратится въ кругъ. Шаръ при движеніи кругомъ него не измѣнится. Съ нимъ начинаютъ происходить странные феномены, когда животное приблизится къ нему.

Постараемся понять, какъ животное воспримете поверхность шара въ отличіе отъ поверхности круга.

Несомнѣнно одно, что оно воспримете сферическую поверхность *иначе, чѣмъ мы*. Мы воспринимаемъ выпуклость или сферичность, какъ *общее свойство* многихъ поверхностей. Животное по свойству своего психическаго аппарата должно воспринять сферичность, какъ *индивидуальное свойство* даннаго шара. Чѣмъ же должна казаться сферичность въ качествѣ индивидуальнаго свойства даннаго шара?

Съ полной увѣренностью можно сказать, что сферичность представится животному въ видѣ движенія поверхности, которую оно видитъ.

При приближеніи животнаго къ шару должно произойти нѣчто въ родѣ слѣдующаго:—поверхность, которую животное видитъ, приходитъ въ быстрое движеніе. Ея центръ выдвигается, а всѣ остальныя точки удаляются отъ центра съ быстротой, пропорціональной ихъ разстоянію отъ центра (или квадрату разстоянія отъ центра).

Именно такимъ образомъ животное должно ощущать сферическую поверхность.

Похоже на то, какъ мы ощущаемъ звукъ.

На извѣстномъ разстояніи отъ шара животное видитъ плоскость. Приближаясь и дотрагиваясь до какой нибудь точки на шарѣ, оно видитъ, что отношеніе всѣхъ другихъ точекъ къ этой точкѣ *измѣнилось* въ сравненіи съ тѣмъ, какъ должно бы было быть на плоскости, точно всѣ остальныя точки подвинулись, отступили въ сторону. Дотрагиваясь до другой точки, оно видитъ, что и отъ этой всѣ остальныя тоже отступили.

Это свойство шара будетъ казаться его *движеніемъ*, «вибраціей». Шаръ, дѣйствительно, будетъ похожъ на вибрирующую, колеблющуюся поверхность. Точно такъ же *движеніемъ* долженъ представляться животному *всякій уголъ* неподвижнаго предмета.

Видѣть уголъ трехмѣрнаго предмета животное можетъ только, двигаясь мимо него, и при этомъ ему будетъ казаться, что предметъ повернулся,—появилась новая сторона, а прежняя ушла или отодвинулась. *Уголъ* будетъ восприниматься, какъ поворотъ, какъ движеніе предмета, т. е. какъ нѣчто преходящее, *временное*, какъ перемѣна въ состояніи предмета. Вспоминая раньше видѣнные углы, которые оно *видѣло*, какъ движенія тѣлъ, животное будетъ считать, что они уже прошли, кончились, исчезли,—что они *въ прошедшемъ*.

Конечно, животное не можетъ такъ *разсуждать*, но оно будетъ дѣйствовать, какъ будто оно такъ разсуждало.

Если бы животное могло подумать о тѣхъ явленіяхъ (т. е. объ углахъ и кривыхъ поверхностяхъ), которыя еще не входили въ его жизнь, то несомнѣнно оно представило бы себѣ ихъ *только во времени*, т. е. никакого реальнаго существованія у нихъ въ настоящій моментъ, *когда они еще не появлялись*, животное предположить не могло бы. И если бы оно могло выразить свое мнѣніе о нихъ, то оно сказало бы, что эти углы *существуютъ въ возможности*, что они *будутъ*, но что *сейчасъ ихъ нѣтъ*.

Уголъ дома, мимо котораго она каждый день пробѣгаетъ, для

лошади есть *явленіе, повторяющееся при извѣстныхъ обстоятельствахъ*, но всетаки только *происходящее во времени* явленіе, а не пространственное и постоянное свойство дома.

Уголъ для животнаго долженъ быть временнымъ явленіемъ, а не пространственнымъ, какъ для насъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что животное—свойства нашего третьяго измѣренія будетъ воспринимать, какъ движенія, и относить эти свойства ко *времени*, т. е. къ прошедшему или будущему, или къ настоящему, т. е. къ моменту перехода будущаго въ прошедшее.

Это—въ высшей степени важное обстоятельство, въ которомъ лежитъ ключъ къ пониманію нашего собственнаго воспріятія міра, и поэтому мы должны остановиться на немъ подробнѣе.

До сихъ поръ мы брали высшее животное: собаку, кошку, лошадь. Теперь попробуемъ взять низшее. Возьмемъ улитку. Мы ничего не знаемъ о ея внутренней жизни, но несомнѣнно ея воспріятіе очень мало похоже на наше. По всей вѣроятности, улитка обладаетъ неяснымъ ощущеніями окружающаго. Вѣроятно, она чувствуетъ тепло, холодъ, свѣтъ, темноту, голодъ—и она *инстинктивно* (т. е. подталкиваемая pleasure-pain guidance—руководящимъ *удовольствіемъ-страданіемъ*) тянется къ необъѣденному краю листа, на которомъ она сидитъ, и отодвигается отъ сухого листа. Ея движеніями руководитъ *удовольствіе-страданіе*, она всегда стремится къ одному и уходитъ отъ другого. *Она всегда движется по одной линіи.* Отъ непріятнаго къ пріятному. И, по всей вѣроятности, кромѣ этой линіи она ничего не сознаетъ и не ощущаетъ. Эта линія весь ея міръ. Всѣ ощущенія, *приходящія* извнѣ, улитка ощущаетъ на этой линіи своего движенія. А приходятъ они *изъ времени*—изъ возможныхъ дѣлаются настоящими. Вся наша вселенная для улитки существуетъ въ будущемъ, и въ прошедшемъ,—*т. е. во времени.* Въ пространствѣ лежитъ одна линія. Все остальное—во времени. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что улитка не сознаетъ своихъ движеній, дѣлая усилія всѣмъ тѣломъ, она движется впередъ къ свѣжему краю листа, но ей кажется при этомъ, что движется къ ней листъ, возникая въ этотъ моментъ, появляясь изъ времени, какъ для насъ появляется *утро*.

Улитка—это одномѣрное существо.

Высшее животное, собака, кошка, лошадь—это двумѣрное существо. Для него пространство представляется поверхностью, *плоскостью*. Все внѣ этой плоскости лежитъ для него во времени.

Такимъ образомъ мы видимъ, что высшее животное—двумѣрное существо, сравнительно съ одномѣрнымъ, *выдѣлило изъ времени еще одно измѣреніе.*

Міръ улитки имѣетъ одно измѣреніе—наши второе и третье измѣренія лежатъ для нея во времени.

Міръ собаки имѣетъ два измѣренія, наше третье измѣреніе лежитъ для нея во времени.

Животное можетъ помнить всѣ «явленія», которыя оно наблюдало, т. е. всѣ свойства трехмѣрныхъ тѣлъ, съ которыми оно соприкасалось, но оно не можетъ знать, что повторяющееся для него явленіе есть постоянное свойство тѣла трехъ измѣреній—уголъ или кривизна, или выпуклость.

Такова психологія воспріятія міра двумѣрнымъ существомъ.

Для него каждый день будетъ всходить *новое солнце*. Вчерашнее солнце ушло, и больше не повторится. Завтрашнее еще не существуетъ.

Ростанъ не понялъ психологіи «Шантеклэра». Пѣтухъ не могъ бы думать, что онъ *будитъ* солнце своимъ крикомъ. Солнце не засыпаетъ для него. Оно уходитъ въ прошедшее, исчезаетъ, уничтожается, *перестаетъ быть*.—Завтра, если будетъ, то будетъ новое солнце, такъ же какъ для насъ каждый годъ бываетъ *новая весна*. Чтобы *быть*, солнце должно не проснуться, а *возникнуть*, родиться. Животное (если бы оно могло думать, не теряя своей характерной психологіи) не могло бы повѣрить въ появленіи *сегодня* того же солнца, которое было *вчера*. Это человѣческое разсужденіе.

Для него каждое утро встаетъ *новое солнце*, такъ же какъ для насъ каждый день наступаетъ *новое утро*, каждый годъ наступаетъ *новая весна*.

И животное не въ состояніи понять, что солнце одно и вчера, и сегодня,—точно такъ же, какъ, вѣроятно, мы не можемъ понять, что утро одно и весна одна.

Движеніе предметовъ, то, которое и для насъ не иллюзорное, а реальное движеніе, какъ движеніе вращающагося колеса, катящагося экипажа и т. п., для животнаго должно сильно отличаться отъ того движенія, которое оно видитъ во всѣхъ неподвижныхъ для насъ предметахъ, отъ того движенія, въ видѣ котораго ему является третье измѣреніе тѣлъ. И это первое (т. е. реальное и для насъ) движеніе должно казаться ему съ непроизвольнымъ, *живымъ*.

И эти два рода движенія будутъ для него несоизмѣримы.

Уголъ или выпуклую поверхность животное будетъ въ состоя-

ніи измѣрить, хотя и не понимая ихъ настоящаго значенія и считая ихъ движеніемъ. Но настоящаго движенія, т. е. того, которое есть движеніе для насъ, оно никогда не будетъ въ состояніи измѣрить.— Для этого необходимо обладать нашимъ *понятіемъ времени* и мѣрить всѣ движенія относительно какого нибудь одного болѣе постояннаго, т. е. сравнивать всѣ движенія съ какимъ нибудь однимъ. Животное этого сдѣлать не можетъ, не обладая понятіями. Поэтому *реальныя для насъ* движенія предметовъ для него будутъ неизмѣримы—и, какъ неизмѣримыя, *несоизмѣримы* съ другими движеніями, которыя для него реальны и измѣримы, а для насъ иллюзорны—и въ дѣйствительности представляютъ собой третье измѣреніе тѣлъ.

Послѣднее неизбѣжно. Если животное ощущаетъ и измѣряетъ, *какъ движеніе*, то, что не есть движеніе, то ясно, что оно не можетъ одной и той же мѣрой мѣрить то, что есть, и что не есть движеніе.

Но это не значитъ, что оно не можетъ знать характера движеній, идущихъ въ нашемъ мірѣ, и сообразоваться съ ними. Наоборотъ, мы видимъ, что животное прекрасно оріентируется среди движеній предметовъ нашего трехмѣрнаго міра.—Тутъ ему на помощь приходитъ инстинктъ, т. е. способность, выработанная тысячелѣтіями подбора, дѣйствовать цѣлесообразно безъ сознанія цѣли. И животное прекрасно разбирается во всѣхъ идущихъ кругомъ него движеніяхъ.

Но, различая два рода явленій, *два рода движенія*, животное одно изъ нихъ должно объяснить непонятнымъ ему внутреннимъ свойствомъ предметовъ, т. е., по всей вѣроятности, будетъ считать это движеніе результатомъ *одушевленности* предметовъ, а движущіеся предметы—*живыми*.

Котенокъ играетъ съ мячикомъ или со своимъ хвостомъ, потому что мячикъ или хвостъ *убѣгаютъ отъ него*.

Медвѣдь будетъ драться съ бревномъ, пока бревно не сброситъ его съ дерева, потому что въ раскачивающемся бревнѣ ему чувствуется что то живое и злобное.

Лошадь пугается куста, потому что кустъ неожиданно повернулся и махнулъ вѣткой.

Въ послѣднемъ случаѣ кустъ могъ даже совсѣмъ не двигаться—бѣжала лошадь. Но ей *показалось*, что кустъ двигался и, слѣдовательно, онъ былъ живымъ.—По всей вѣроятности, все движущееся для животнаго живое.—Почему собака такъ отчаянно лаетъ на проѣзжающій экипажъ?—Для насъ это не совсѣмъ понятно. Мы не видимъ, какъ вертится, гримасничаетъ и вся перевертывается на глазахъ у собаки проѣзжающая пролетка. Она вся живая—колеса,

верхъ, крылья, сидѣнье—сѣдоки, все это *движется*, переверты-вается.

Въ силу этого же самаго закона, животное никогда не можетъ понять *картины*. Картина всегда неподвижна, а міръ для животнаго весь движущійся, никогда не приходящій въ состояніе покоя и не-подвижности.

Попробуемъ теперь подвести итоги того, къ чему мы пришли.

Мы установили, что человѣкъ обладаетъ ощущеніями, пред-ставленіями и понятіями, что высшія животныя обладаютъ ощу-щеніями и представленіями, а низшія животныя одними ощу-щеніями. Заключеніе о томъ, что животныя не имѣютъ понятій, мы вывели главнымъ образомъ изъ того, что у нихъ нѣтъ словъ и рѣчи. Затѣмъ мы установили, что, не имѣя понятій, животныя не могутъ постигнуть третьяго измѣренія и видятъ міръ, какъ поверх-ность, т. е. не имѣютъ средствъ—орудія—для исправленія своихъ неправильныхъ ощущеній міра. И дальше мы нашли, что, видя міръ, какъ поверхность, животныя видятъ на этой поверхности очень много несуществующихъ для насъ движеній. Именно, *какъ движенія*, должны имъ представляться всѣ тѣ свойства тѣлъ, ко-торыя мы считаемъ свойствами ихъ трехмѣрности. Такъ уголъ и сферическая поверхность должны представляться имъ движеніемъ плоскости.—И затѣмъ мы пришли къ выводу, что все, лежащее для насъ, *какъ постоянное*, въ области третьяго измѣренія, животныя должны считать *преходящими* вещами, случающимися съ предме-тами,—временными явленіями.

Такимъ образомъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ міру жи-вотное оказывается совершенно аналогичнымъ предположенному не-реальному двумѣрному существу, живущему на плоскости. Весь нашъ міръ является для животнаго плоскостью, сквозь которую проходятъ явленія, идущія по времени, или во времени.

Итакъ мы можемъ сказать, что мы установили слѣдующее:— что при извѣстномъ ограниченіи психическаго аппарата, воспри-нимающаго внѣшній міръ, долженъ для субъекта, обладающаго этимъ аппаратомъ, измѣняться весь видъ и всѣ свойства міра. И два субъ-екта, живущіе рядомъ, но обладающіе разными психическими аппа-ратами, должны жить въ разныхъ мірахъ,—разными должны быть для нихъ свойства протяженности міра.—И мы видѣли условія, не придуманныя, не сочиненныя, а дѣйствительно существующія въ природѣ, т. е. психическія условія жизни животныхъ, при которыхъ міръ является то плоскостью, а то даже линіей.

Т. е. мы установили, что трехмѣрная протяженность міра для насъ зависитъ отъ свойствъ нашего психическаго аппарата;

или, что трехмѣрность міра не есть его свойство, а только свойство *нашего* воспріятія міра.

Иначе говоря, трехмѣрность міра есть свойство его отраженія въ нашемъ сознаніи.

Если все это такъ, то очевидно, что мы реально доказали зависимость пространства отъ *чувства пространства*. И разъ мы доказали *существованіе* чувства пространства *низшаго сравнительно съ нашимъ*, то этимъ мы доказали возможность чувства пространства *высшаго сравнительно съ нашимъ*.

И мы должны признать, что если у насъ образуется *четвертая единица* мышленія, такъ же отличающаяся отъ понятія, какъ понятіе отъ представленія, то одновременно съ этимъ въ окружающемъ насъ мірѣ явится для насъ четвертая характеристика, которую мы геометрически можемъ назвать четвертымъ направленіемъ или четвертымъ перпендикуляромъ, потому что въ этой характеристикѣ будутъ заключаться свойства предметовъ, перпендикулярныя всѣмъ намъ извѣстнымъ, и не параллельныя ни одному изъ нихъ. Иначе говоря, мы увидимъ или почувствуемъ себя въ пространствѣ не трехъ, а четырехъ измѣреній, а въ окружающихъ насъ предметахъ и въ нашихъ собственныхъ тѣлахъ окажутся *общія свойства* четвертаго измѣренія, которыхъ мы раньше не замѣчали—или считали индивидуальными свойствами предметовъ (или ихъ движеніемъ), подобно тому, какъ животныя считаютъ движеніе предметовъ ихъ протяженіемъ по четвертому измѣренію.

И увидавъ или почувствовавъ себя въ мірѣ четырехъ измѣреній, мы увидимъ, что міръ трехъ измѣреній реально не существуетъ и никогда не существовалъ,—что это было созданіе нашей фантазіи, фантомъ, призракъ, иллюзія, оптическій обманъ, все, что угодно, только не реальность.

И все это совсѣмъ не «гипотеза», не предположеніе, а совершенно точный *метафизическій фактъ*, такой же фактъ, какъ существованіе безконечности. Позитивизму для своего существованія нужно было бы какъ нибудь уничтожить безконечность или по крайней мѣрѣ назвать ее «гипотезой», которая можетъ быть вѣрна, а можетъ быть и не вѣрна. Но безконечность не гипотеза, а фактъ. И такой же фактъ многомѣрность пространства и все, что она за собой влечетъ, т. е. нереальность всего трехмѣрнаго.

ГЛАВА X.

Пространственное пониманіе времени. Углы и кривыя четвертаго измѣренія въ нашей жизни. Есть движеніе въ мірѣ или нѣтъ? Механическое движеніе и «жизнь». Біологическія явленія, какъ проявленія движеній, идущихъ въ высшемъ пространствѣ. Эволюція чувства пространства. Ростъ чувства пространства и уменьшеніе чувства времени. Переходъ чувства времени въ чувство пространства. Затрудненіе со стороны нашихъ понятій, нашего языка. Необходимость искать способа пространственныхъ выраженій временныхъ понятій. Наука о четвертомъ измѣреніи. Тѣло четырехъ измѣреній. Четырехмѣрная сфера.

Теперь, на основаніи всѣхъ сдѣланныхъ заключеній, мы должны постараться опредѣлить, какимъ образомъ мы можемъ увидать реальный четырехмѣрный міръ, закрываемый для насъ иллюзорнымъ трехмѣрнымъ міромъ. «Увидать» мы его можемъ двумя способами—непосредственно ощутить при развитіи «чувства пространства» и другихъ высшихъ способностей, о которыхъ будетъ рѣчь дальше—или понять мысленно, выяснивъ его возможныя свойства путемъ разсужденія.

Раньше путемъ отвлеченнаго разсужденія мы пришли къ заключенію, что четвертое измѣреніе пространства *должно* лежать во времени, т. е., что время есть четвертое измѣреніе пространства. Теперь мы нашли психологическія доказательства этого положенія. Сравнивая воспріятіе міра живыми существами разныхъ порядковъ—улиткой, собакой и человѣкомъ—мы видѣли, какъ различны для нихъ свойства *одного и того же міра*—именно тѣ свойства, которыя для насъ выражаются въ понятіяхъ времени и пространства. Мы видѣли, что время и пространство должны ими ощущаться различно. То, что для низшаго существа (улитки) есть *время*, для существа, стоящаго ступенью выше (собаки), дѣлается *пространствомъ*, и *время* этого существа дѣлается пространствомъ для еще болѣе высоко стоящаго существа—человѣка.

Это является подтвержденіемъ высказаннаго раньше предположенія, что наша идея времени по существу своему *сложная*, и что въ ней заключаются собственно *двѣ идеи*—нѣкотораго пространства и движенія по этому пространству. Или еще точнѣе можно сказать, что соприкосновеніе съ нѣкоторымъ пространствомъ, которое мы

неясно сознаемъ, вызываетъ въ насъ ощущеніе движенія по этому пространству—и все это вмѣстѣ взятое, т. е. неясное сознаніе нѣкотораго пространства и ощущеніе движенія по этому пространству, мы называемъ временемъ.

Это послѣднее подтверждаетъ ту мысль, что не идея времени возникла изъ наблюденія движенія, существующаго въ природѣ, а самое ощущеніе и идея движенія возникли изъ существующаго въ насъ «чувства времени», которое есть *несовершенное чувство пространства*, или граница, предѣлъ чувства пространства.

Улитка чувствуетъ, какъ пространство, т. е. какъ нѣчто постоянное—линію. Остальной міръ она чувствуетъ, какъ время, т. е. какъ нѣчто вѣчно-идущее. Лошадь чувствуетъ, какъ пространство, — плоскость. Остальной міръ она чувствуетъ, какъ время.

Мы чувствуемъ, какъ пространство, *безконечную сферу*, остальной міръ, тотъ который *былъ* вчера и тотъ, который будетъ завтра, мы чувствуемъ, какъ время.

Иначе говоря, всякое существо чувствуетъ, какъ пространство, то, что охватывается его чувствомъ пространства, остальное оно относитъ ко времени, т. е. *несовершенно чувствуемое* относится ко времени. Или это можно еще опредѣлить такъ:—всякое существо чувствуетъ, какъ пространство, то, что оно при помощи своего чувства пространства способно *представить себѣ* внѣ себя въ формахъ,— то же, что оно не способно *представить себѣ* въ формахъ, оно чувствуетъ, какъ время, т. е. вѣчно-идущимъ, непостояннымъ, настолько неустойчивымъ, что его въ формахъ представить нельзя.

Чувство пространства—есть способность представленія въ формахъ.

«Безконечная сфера», въ видѣ которой мы представляемъ себѣ міръ, постоянно и непрерывно мѣняется;—каждый слѣдующій моментъ *она уже не та*, что была предыдущій. Въ ней идетъ постоянная смѣна картинъ, образовъ, отношеній. Она для насъ какъ бы экранъ кинематографа, черезъ который быстро бѣгутъ отраженія картинъ.

Но гдѣ же самыя картины? Гдѣ свѣтъ, бросающій отраженіе на экранъ? Откуда приходятъ и куда уходятъ картины?

Если «безконечная сфера» есть экранъ кинематографа, то наше сознаніе есть *свѣтъ*; проникая сквозь нашу психику, т. е. сквозь запасъ нашихъ впечатлѣній (картины), онъ бросаетъ на экранъ ихъ отраженіе, которое мы называемъ *жизнью*.

Но откуда идутъ къ намъ впечатлѣнія?

Съ того же экрана.

Въ этомъ и лежитъ самая главная непонятная сторона жизни, какъ мы ее видимъ. Мы же создаемъ ее и мы же отъ нея беремъ все.

Представимъ себѣ человѣка, сидящаго въ обыкновенномъ кинематографическомъ театрѣ. Представимъ себѣ, что онъ совершенно не знаетъ устройства кинематографа, не знаетъ о существованіи фонаря *за его спиной* и маленькихъ прозрачныхъ картинъ на движущейся лентѣ. Представимъ себѣ, что онъ хочетъ *изучать* кинематографъ и начинаетъ изучать то, что происходитъ на экранѣ: записывать, фотографировать, наблюдать порядокъ, вычислять, строить гипотезы и т. п.

Къ чему онъ можетъ притти?

Очевидно ни къ чему до тѣхъ поръ, пока онъ не повернется къ экрану спиной и не обратится къ изученію *причины появленія картинъ на экранѣ*. Причины лежатъ въ фонарѣ (т. е. въ сознаніи) и въ движущихся лентахъ картинъ (въ психикѣ). Ихъ и нужно изучать, желая понять «кинематографъ».

Позитивная философія изучаетъ одинъ *экранъ* и картины, проходящія на немъ. Поэтому для нея и остается вѣчной загадкой вопросъ—откуда приходятъ и куда уходятъ картины, и *почему* онѣ приходятъ и уходятъ, а не остаются вѣчно однѣ и тѣ же.

Но кинематографъ нужно изучать, начиная съ *источника свѣта*, т. е. съ *сознанія*, затѣмъ переходить къ *картинамъ* на движущейся лентѣ и только потомъ изучать *отраженіе*.

Мы установили, что животное (лошадь, кошка, собака) должно воспринимать, какъ движенія, т. е. какъ временныя явленія, неподвижные углы и кривыя третьяго измѣренія.

Является вопросъ:—не воспринимаемъ ли *мы*, какъ движенія, т. е. какъ временныя явленія, неподвижные углы и кривыя четвертаго измѣренія? Мы обычно говоримъ, что наши ощущенія есть моменты осознаванія какихъ то происходящихъ внѣ насъ измѣненій; таковы звукъ, свѣтъ и пр., всѣ «колебанія эфира». Но что это за «измѣненія»? Можетъ быть, никакихъ измѣненій въ дѣйствительности нѣтъ. Можетъ быть, намъ только *кажутся* движеніями, т. е. измѣненіями, неподвижные стороны и углы какихъ то *вещей*, находящихся внѣ насъ—вещей, о которыхъ мы ровно ничего не знаемъ.

Можетъ быть, наше сознаніе, не будучи въ состояніи *при помощи органовъ чувствъ* охватить эти «вещи» и *представить ихъ себѣ цѣликомъ, какъ онѣ есть*—и схватывая только отдѣльные моменты своего соприкосновенія съ ними, строитъ себѣ иллюзію движенія;—

при чемъ представляетъ себѣ, что движется что то внѣ его, т. е. что движутся «вещи».

Если такъ, то «движеніе» на самомъ дѣлѣ можетъ быть «производнымъ» и возникать въ нашемъ умѣ при соприкосновеніи его съ вещами, которыхъ онъ не охватываетъ въ цѣломъ.—Представимъ себѣ, что мы подъѣзжаемъ къ незнакомому городу, и онъ медленно *вырастаетъ* передъ нами по мѣрѣ приближенія. И мы думаемъ, что онъ дѣйствительно *вырастаетъ*, т. е. что его раньше не было.—Вотъ *появилась* колокольня, которой раньше не было. Вотъ *исчезла* рѣка, которая долго была видна... Совершенно таково наше отношеніе ко *времени*, которое постепенно приходитъ, какъ будто возникая *изъ ничего*, и уходитъ въ ничто.

Всякая вещь лежитъ для насъ во времени, и только *разрѣзъ вещи* лежитъ въ пространствѣ. Переводя наше сознаніе съ разрѣза вещи на тѣ ея части, которыя лежатъ во времени, мы получаемъ иллюзію движенія *самой вещи*.

Можно сказать такъ: ощущеніе движенія есть сознаніе перехода отъ пространства ко времени, т. е. отъ яснаго чувства пространства къ неясному. И, исходя изъ этого, мы дѣйствительно можемъ признать, что мы воспринимаемъ, какъ ощущенія, и проектируемъ во внѣшній міръ, какъ явленія, *неподвижные углы и кривыя четвертаго измѣренія*.

Нужно ли и можно ли признать на основаніи этого, что въ мірѣ совсѣмъ нѣтъ движенія, что міръ неподвиженъ и постояненъ и что онъ кажется намъ движущимся и эволюціонирующимъ только потому, что мы смотримъ на него сквозь узенькую щелку нашего чувственнаго воспріятія?

Мы опять возвращаемся къ вопросу, что такое міръ и что такое сознаніе. Но теперь уже у насъ начинаетъ ясно формулироваться вопросъ объ отношеніи нашего сознанія къ міру.

Если міръ есть *Большое Нѣчто*, обладающее сознаніемъ самого себя, то мы—лучи этого сознанія, сознающіе себя, но несознающіе цѣлаго.

Если движенія нѣтъ, если это иллюзія, то мы должны искать дальше—откуда могла возникнуть эта иллюзія.

Явленія жизни, біологическія явленія, очень похожи на прохожденіе черезъ наше пространство какихъ то *круговъ* четвертаго измѣренія, круговъ очень сложныхъ, состоящихъ каждый изъ множества переплетающихся линій.

Жизнь человѣка или другого живого существа похожа на сложный кругъ. Она начинается всегда въ одной точкѣ (рожденье) и кончается всегда въ одной точкѣ (смерть). У насъ есть полное основаніе предположить, что это *одна и та же точка*. Круги бываютъ большіе и маленькіе. Но они всѣ начинаются и кончаются одинаково— и кончаются въ той же точкѣ, гдѣ начались, т.-е. въ точкѣ *небытія*, съ физико-біологической точки зрѣнія или какого то другого бытія съ психологической.

Что такое біологическое явленіе, явленіе жизни? На этотъ вопросъ наша наука не отвѣчаетъ. Это загадка. Въ живомъ организмѣ, въ живой клѣточкѣ, въ живой протоплазмѣ есть *нѣчто* неопредѣлимое, отличающее «живую матерію» отъ мертвой. Мы познаемъ это *нѣчто* только по его функціямъ. Главная изъ этихъ функцій, которой лишенъ мертвый организмъ, мертвая клѣточка, мертвая матерія—это *способность къ самовоспроизведенію*.

Живой организмъ безконечно умножается, подчиняя себѣ, вбирая въ себя мертвую матерію. Эта способность къ продолженію себя и къ подчиненію себѣ мертвой матеріи съ ея механическими законами есть необъяснимая функція «жизни», показывающая, что жизнь не есть просто комплексъ механическихъ силъ, какъ пытается утверждать позитивная философія.

Это положеніе, что жизнь не есть комплексъ механическихъ силъ, подтверждается еще *несоизмѣримостью* явленій механическаго движенія съ явленіями жизни.—Явленіе жизни не можетъ быть выражено въ формулахъ механической энергіи, въ калоріяхъ тепла или въ пудо-силахъ. И явленіе жизни не можетъ быть создано искусственно физико-химическимъ путемъ.

Если мы будемъ разсматривать каждую отдѣльную жизнь, какъ кругъ четвертаго измѣренія, то это объяснитъ намъ, почему каждый кругъ неизбѣжно уходитъ изъ нашего пространства. Это происходитъ потому, что *кругъ* неизбѣжно кончается въ той же точкѣ, гдѣ начался,—и «жизнь» отдѣльнаго существа, начавшись рожденіемъ, должна кончиться смертью, которая есть возвращеніе къ точкѣ отправленія. Но во время прохожденія черезъ наше пространство кругъ выдѣляетъ изъ себя нѣкоторыя линіи, которыя, соединясь съ другими, даютъ новые круги.

Въ дѣйствительности все это происходитъ, конечно, совсѣмъ не такъ, ничто не рождается и ничто не умираетъ, но такъ представляется намъ, потому что мы видимъ только разрѣзы вещей. Въ дѣйствительности *кругъ жизни* есть только разрѣзъ *чего то*, и это *что то* несомнѣнно существуетъ до рожденія, т.-е. до появленія круга въ нашемъ пространствѣ и продолжаетъ существовать послѣ смерти, т. е. послѣ исчезновенія круга изъ поля нашего зрѣнія.

Явленія жизни для нашего наблюденія очень похожи на *явленія движенія*, какъ они являются для двумѣрнаго существа, и поэтому, можетъ быть, это есть «движеніе въ четвертомъ измѣреніи».

Мы видѣли, что двумѣрное существо будетъ считать движеніями тѣлъ свойства трехмѣрности неподвижныхъ тѣлъ; и—*явленіями жизни* реальныя движенія тѣлъ, идущія въ высшемъ пространствѣ.

Иначе говоря, то движеніе, которое *остается* движеніемъ въ высшемъ пространствѣ, для низшаго существа представляется явленіемъ жизни, а то, которое *исчезаетъ* въ высшемъ пространствѣ, превращаясь въ *свойство* неподвижнаго тѣла, представляется ему механическимъ движеніемъ.

Явленія «жизни» и явленія «движенія» такъ же несоизмѣримы для насъ, какъ для двумѣрнаго существа несоизмѣримы въ его мірѣ два рода движеній, изъ которыхъ реаленъ только одинъ, а другой иллюзоренъ.

Объ этомъ говоритъ Хинтонъ. («The Fourth Dimension», p. 77).

Въ жизни есть нѣчто, не включенное въ наше понятіе механическаго движенія. Можетъ быть, это нѣчто есть движеніе по четвертому измѣренію.

Если мы посмотримъ на это съ самой широкой точки зрѣнія, мы непремѣнно увидимъ нѣчто поражающее въ томъ фактѣ, что, когда является *жизнь*, она даетъ начало ряду феноменовъ, совершенно отдѣльныхъ отъ феноменовъ неорганическаго міра.

Исходя изъ этого, можно предположить, что тѣ явленія, которыя мы называемъ *явленіями жизни*, есть движеніе въ высшемъ пространствѣ. Тѣ явленія, которыя мы называемъ механическимъ движеніемъ, есть *явленія жизни* въ пространствѣ, низшемъ сравнительно съ нашимъ, а въ высшемъ—просто свойства неподвижныхъ тѣлъ. Это значитъ, что если взять три рода существованія—двумѣрное, наше и высшее, то окажется, что «движеніе», которое наблюдается двумѣрными существами въ двумѣрномъ пространствѣ, есть *для насъ* свойство неподвижныхъ тѣлъ; «жизнь», которая наблюдается въ двумѣрномъ пространствѣ,—есть движеніе, какъ мы наблюдаемъ его въ нашемъ пространствѣ. И дальше—движенія въ трехмѣрномъ пространствѣ, т.-е. всѣ наши механическія движенія и проявленія физико-химическихъ силъ—свѣтъ, звукъ, тепло и пр. есть только ощущенія нами какихъ-то непостижимыхъ для насъ свойствъ четырехмѣрныхъ тѣлъ; а наши «явленія жизни» есть движенія тѣлъ высшаго пространства, которыя намъ представляются рожденіемъ, ростомъ и жизнью живыхъ существъ. Если же предположить пространство не четырехъ, а пяти измѣреній, то въ немъ и «явленія жизни», вѣроятно, окажутся свойствами *неподвижныхъ*

тѣлъ—родовъ, видовъ, семействъ, народовъ, племенъ и т. п., и движеніемъ будутъ казаться можетъ быть только «явленія мысли».

Мы знаемъ, что явленія движенія или проявленія энергіи связаны съ расходованіемъ времени. И мы видимъ, какъ при постепенномъ переходѣ отъ низшаго пространства къ высшему, уничтожаются движенія, превращаясь въ свойства неподвижныхъ тѣлъ, т. е. уничтожается расходованіе времени,—уничтожается надобность во времени. Двумѣрному существу нужно *время* для объясненія самыхъ простыхъ явленій—угла, подъема, ямы. Намъ для объясненія такихъ явленій оно уже не нужно, но оно нужно для объясненія явленій движенія и физическихъ феноменовъ. Въ еще болѣе высокомъ пространствѣ наши явленія движенія и физическіе феномены, вѣроятно, будутъ разсматриваться безъ всякаго времени, какъ свойства неподвижныхъ тѣлъ—и, какъ явленія движенія, будутъ разсматриваться біологическія явленія—рожденія, роста, воспроизведенія и смерти.

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ при расширеніи сознанія отодвигается идея времени.

Видимъ ея полную условность.

Видимъ, что временемъ обозначаются характеристики высшаго пространства сравнительно съ даннымъ,—т.-е. характеристики представленій высшаго сознанія сравнительно съ даннымъ.

Для одномѣрнаго существа всѣ признаки двумѣрнаго, трехмѣрнаго, четырехмѣрнаго пространства и дальше лежатъ во времени, это все *время*. Для двумѣрнаго существа время включаетъ въ себя признаки трехмѣрнаго, четырехмѣрнаго и пр. пространствъ. Для человѣка, т. е. для трехмѣрнаго существа, время включаетъ въ себя признаки четырехмѣрнаго пространства и дальше.

Такимъ образомъ по мѣрѣ расширенія и повышенія сознанія и формъ воспріятія увеличиваются признаки пространства и уменьшаются признаки времени.

Иначе говоря, ростъ чувства пространства идетъ за счетъ уменьшенія чувства времени. Или можно сказать такъ, что чувство времени есть несовершенное чувство пространства (т.-е. способность несовершеннаго представленія) и, совершенствуясь, оно переходитъ въ чувство пространства, т.-е. въ способность представленія въ формахъ.

Если мы даже очень отвлеченно представимъ себѣ вселенную на основаніи выясненныхъ здѣсь принциповъ, то, конечно, это будетъ совсѣмъ не та вселенная, въ которой мы привыкли себя представлять. Она прежде всего совершенно не будетъ зависѣть отъ времени. В с е будетъ существовать въ ней в с е г д а. Это будетъ все-

ленная Вѣчнаго Теперь индійской философіи,—вселенная, въ которой не будетъ ни *прежде*, ни *послѣ*, въ которой будетъ только одно настоящее *извѣстное* или *неизвѣстное*.

Хинтонъ чувствуетъ, что при *расширеніи чувства пространства* нашъ взглядъ на міръ долженъ совершенно измѣниться, и онъ говоритъ объ этомъ въ книгѣ «Новая эра мысли»:

Понятіе, которое мы получимъ о вселенной, безъ сомнѣнія будетъ такъ же отлично отъ настоящаго, какъ система Коперника отличается отъ гораздо болѣе пріятнаго взгляда на широкую неподвижную землю подъ огромнымъ сводомъ. Въ самомъ дѣлѣ любое понятіе о нашемъ мѣстонахожденіи будетъ болѣе пріятно, чѣмъ мысль о существованіи на вертящемся шарѣ, брошенномъ въ пространство, и летящемъ тамъ безъ всякихъ средствъ сообщенія съ другими обитателями вселенной.

Что же представляетъ собой міръ многихъ измѣреній—что такое за тѣла многихъ измѣреній, линіи и стороны которыхъ воспринимаются нами, какъ *движеніе*?

Нужна большая сила воображенія, чтобы хотя на одно мгновеніе выйти изъ границъ *нашихъ* представленій и увидѣть мысленно міръ въ другихъ категоріяхъ.

Представимъ себѣ какой-нибудь предметъ, скажемъ *книгу*, внѣ времени и пространства. Что будетъ значить послѣднее? Если взять книгу внѣ времени и пространства, то это будетъ значить, что *всѣ книги*, когда либо существовавшія, существующія и имѣющія существовать, *существуютъ вмѣстѣ*, т.-е. занимаютъ одно и то же мѣсто и существуютъ одновременно, образуя собой *какъ бы одну книгу*, включающую въ себя свойства, характеристики и признаки всѣхъ книгъ, возможныхъ на свѣтѣ.—Когда мы говоримъ просто *книга*, мы имѣемъ въ виду *нѣчто*, обладающее общими признаками всѣхъ книгъ—это *понятіе*. Но та *книга*, о которой мы говоримъ сейчасъ, обладаетъ не только общими признаками, но и индивидуальными признаками всѣхъ отдѣльныхъ книгъ.

Возьмемъ другіе предметы:—столъ, дерево, домъ, человѣка. Представимъ себѣ ихъ внѣ времени и пространства. Мы получимъ *предметы*, обладающіе каждый такимъ огромнымъ безконечнымъ числомъ признаковъ и характеристикъ, что постигнуть ихъ человѣческому уму совершенно немыслимо. И если человѣкъ своимъ умомъ захочетъ постигнуть ихъ, то онъ непремѣнно долженъ будетъ какъ нибудь расчленить эти предметы, взять ихъ сначала въ какомъ-нибудь одномъ смыслѣ, съ одной стороны, въ одномъ разрѣзѣ ихъ бытія. Что такое, «человѣкъ» внѣ времени и пространства?—

Это все человѣчество, человѣкъ какъ «видъ»—Homo Sapiens, но въ то же время обладающій характеристиками, признаками и примѣтами *всѣхъ* отдѣльныхъ людей. Это и я, и вы, и Юлій Цезарь, и заговорщики, убившіе его, и газетчикъ на углу, мимо котораго я прохожу каждый день—всѣ цари, всѣ рабы, всѣ святые, всѣ грѣшники—всѣ вмѣстѣ взятые, *слившіеся* въ одно нераздѣльное существо *человѣка*, похожее на большое живое дерево, въ которомъ есть и кора, древесина и сухіе сучки, и зеленые листья и цвѣты и плоды. Можно ли нашимъ умомъ понять и постигнуть такое существо?

Идея такого «большого существа» одушевляла художника или художниковъ, создавшихъ *Сфинкса*.

Когда я первый разъ не на снимкѣ, не на рисункѣ, а въ дѣйствительности увидѣлъ большого Сфинкса у пирамидъ, я почувствовалъ, что онъ изображаетъ «человѣчество» или «человѣческій родъ» или «Человѣка» вообще—существо съ тѣломъ животнаго и съ лицомъ сверхчеловѣка [1]).

Что же такое движеніе? Почему мы ощущаемъ его, если его нѣтъ? О послѣднемъ очень красиво говоритъ теософическая писательница перваго періода современной теософіи, М. Коллинзъ, въ поэтической «Исторіи года».

...Все истинное значеніе земной жизни состоитъ лишь во взаимномъ соприкосновеніи между личностями и въ усиліяхъ роста. То, что называется событіями и обстоятельствами, и что считается реальнымъ содержаніемъ жизни,—въ дѣйствительности лишь условія, которыя вызываютъ эти соприкосновенія и дѣлаютъ возможнымъ этотъ ростъ.

Въ этихъ словахъ звучитъ уже совсѣмъ новое пониманіе *реальнаго*. И на самомъ дѣлѣ иллюзія движенія не можетъ возникнуть изъ ничего. Когда мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ и мимо окна вагона бѣгутъ деревья, обгоняя другъ друга, мы знаемъ, что это движеніе *кажущееся*, что деревья неподвижны и что иллюзія ихъ движенія создается нашимъ собственнымъ движеніемъ.

Какъ въ этихъ частныхъ случаяхъ, такъ и въ общемъ по отношенію ко всему *движенію* въ матеріальномъ мірѣ, основой котораго «позитивисты» считаютъ движеніе въ мельчайшихъ частицахъ вещества, мы, признавая это движеніе иллюзорнымъ, должны спросить не создается ли иллюзія этого движенія какимъ-нибудь движеніемъ внутри нашего сознанія.

Это такъ должно быть.

---

[1]) «Въ поискахъ чудеснаго», т. I, готовится къ печати.

И, установивъ это, мы должны стараться опредѣлить, что за движеніе идетъ внутри нашего сознанія, т. е. что движется и относительно чего?

Е. П. Блаватская въ своей первой книгѣ «Isis Unveiled» («Разоблаченная Изида») коснулась того же вопроса объ отношеніи *жизни* ко *времени* и къ *движенію*. Она писала:

Какъ наша планета каждый годъ оборачивается вокругъ солнца, въ то же самое время каждые двадцать четыре часа оборачиваясь вокругъ своей оси—и такимъ образомъ проходя по меньшимъ кругамъ внутри большого, такъ и работа меньшихъ циклическихъ періодовъ начинается и совершается вмѣстѣ съ великимъ цикломъ.

Переворотъ въ физическомъ мірѣ согласно древнимъ доктринамъ сопровождается подобнымъ же переворотомъ въ мірѣ интеллекта—духовная эволюція міра идетъ циклами подобно физической.

Такъ мы видимъ въ исторіи правильное чередованіе прилива и отлива человѣческаго прогресса. Великія царства и міровыя имперіи, достигнувъ завершающей точки своего величія, опять нисходятъ внизъ; и только, достигнувъ низшей точки, человѣчество останавливается и опять начинаетъ свое восхожденіе, и при этомъ высота его подъема каждый разъ увеличивается по закону восходящей прогрессіи цикловъ.

Раздѣленіе исторіи человѣчества на золотой вѣкъ, серебряный, мѣдный и желѣзный—это не простой вымыселъ. Мы видимъ то же самое въ литературѣ всѣхъ народовъ. За вѣкомъ великаго вдохновенія и безсознательной производительности слѣдуетъ вѣкъ критицизма и сознанія. Первый доставляетъ матеріалъ для анализирующаго и критическаго интеллекта другого.

Такъ же и всѣ великія души, которыя подобно гигантскимъ башнямъ возвышаются въ исторіи человѣчества, какъ Будда и Іисусъ въ царствѣ духовныхъ побѣдъ, или Александръ Македонскій и Наполеонъ въ царствѣ физическихъ побѣдъ, были только отраженными образами человѣческихъ типовъ, существовавшихъ десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ и воспроизведенныхъ таинственными силами, управляющими судьбами міра.

Нѣтъ ни одной выдающейся индивидуальности во всѣхъ лѣтописяхъ священной или обыкновенной исторіи, прототипа который мы не могли бы найти въ полу-фантастическихъ, полу-реальныхъ преданіяхъ древнихъ религій и миѳологій. Какъ звѣзда, сверкая на неизмѣримомъ разстояніи отъ земли въ безграничной необъятности неба, отражается въ тихой водѣ озера, такъ образъ людей доисторическихъ временъ отражается въ періодахъ охватываемыхъ нашей исторіей.

Какъ наверху, такъ и внизу. Что было, то будетъ опять. «Какъ на небѣ, такъ и на землѣ». («Isis Unveiled» v. I, pp. 35).

Все, что говорится о новомъ пониманіи временныхъ отношеній поневолѣ выходитъ очень туманно. Это происходитъ потому, что нашъ языкъ совершенно не приспособленъ для *пространственнаго выраженія временныхъ понятій*. У насъ нѣтъ для этого нужныхъ словъ, нѣтъ нужныхъ глагольныхъ формъ. Строго говоря, для передачи этихъ новыхъ для насъ отношеній нужны какія то совсѣмъ

другія формы—*не глагольныя*. Языкъ для передачи новыхъ временныхъ отношеній—долженъ быть языкъ безъ глаголовъ. Нужны совершенно *новыя части рѣчи*, безконечное количество *новыхъ словъ*.— Пока, на нашемъ человѣческомъ языкѣ, мы можемъ говорить «о времени» только намеками. Его истинная сущность *невыразима* для насъ.

Мы никогда не должны забывать объ этой невыразимости. *Это признакъ истины*, признакъ реальности. То, что можетъ быть выражено, не можетъ быть истинно.

Всѣ системы, говорящія объ отношеніи человѣческой души ко времени—всѣ идеи загробнаго существованія, теорія перевоплощенія, переселенія душъ кармы, это все символы, стремящіеся передать отношенія, не могущія быть выраженными *прямо* вслѣдствіе бѣдности и слабости нашего языка. Ихъ не слѣдуетъ понимать буквально, такъ же какъ нельзя понимать буквально художественные символы и аллегоріи. Нужно искать ихъ *скрытаго значенія*, того, которое не можетъ быть выражено въ словахъ.

Буквальное пониманіе этихъ символическихъ формъ въ позднѣйшей теософической литературѣ и соединеніе съ ними идей «эволюціи» и «морали», взятыхъ въ самомъ узкомъ дуалистическомъ смыслѣ, совершенно искажаетъ ихъ внутреннее содержаніе и лишаетъ ихъ всякой цѣнности и значенія.

ГЛАВА XI.

Наука и проблема четвертаго измѣренія. Докладъ проф. Н. А. Умова на Менделѣевскомъ съѣздѣ въ 1911 году, «Характерныя черты и задачи современной естественно научной массы». Новая физика. Электро-магнитная теорія. Принципы относительности. Работы Эйнштейна и Минковскаго. Одновременное существованіе прошедшаго и будущаго. Вѣчное настоящее. Книга ванъ-Манена объ оккультныхъ переживаніяхъ. Чертежъ фигуры четвертаго измѣренія.

Говоря вообще объ изложенныхъ въ предшествующихъ главахъ проблемахъ времени, пространства и высшихъ измѣреній, нельзя не остановиться еще разъ на отношеніи науки къ этимъ проблемамъ. Для многихъ представляется загадкой отношеніе «точнаго знанія» къ этимъ вопросамъ, которые являются безспорно самымъ важнымъ изъ всего, чего касается въ настоящее время человѣческая мысль.

Если это важно, то почему объ этомъ не говоритъ наука? И почему наука наоборотъ повторяетъ утвержденія, противоположныя этому, дѣлая видъ, что она не знаетъ или не замѣчаетъ цѣлаго ряда предлагаемыхъ теорій и гипотезъ?

Наука должна быть *изслѣдованіемъ неизвѣстнаго*. Почему же она не стремится изслѣдовать *это неизвѣстное*, на которое ей давно указываютъ, которое скоро уже перестанетъ быть неизвѣстнымъ?

На это можно отвѣтить только то, что, къ сожалѣнію, оффиціальная академическая наука только въ очень малой части является тѣмъ, чѣмъ она должна бы была быть, т.-е. изслѣдованіемъ новаго и неизвѣстнаго. А въ большей своей части это только *обученіе* тому, что давно уже стало общимъ мѣстомъ для независимой мысли или еще хуже, что уже давно устарѣло и отброшено, какъ негодное.

Тѣмъ болѣе пріятно отмѣтить, что иногда даже въ наукѣ замѣчается стремленіе къ исканію новыхъ горизонтовъ мысли, иначе говоря, что не всегда и не у всѣхъ академическая рутина и обязательное повтореніе безконечнаго количества общихъ мѣстъ вытравили любознательность и способность къ самостоятельному мышленію.

Хотя и очень боязливо и осторожно н а у к а въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ наиболѣе смѣлыхъ представителей за послѣдніе годы всетаки касалась проблемъ высшихъ измѣреній и въ такихъ слу-

чаяхъ приходила къ результатамъ почти тожественнымъ съ изложенными въ предыдущихъ главахъ.

Въ декабрѣ 1911 года, 2-й Менделѣевскій съѣздъ былъ открытъ докладомъ проф. Н. А. Умова, *посвященнымъ проблемамъ времени и высшихъ измѣреній*, подъ заглавіемъ «Характерныя черты и задачи современной естественно-научной мысли».

Докладъ проф. Н. А. Умова, несмотря на нѣкоторую его недоговоренность, это событіе очень большой важности для науки и несомнѣнно будетъ современемъ отмѣченъ въ исторіи развитія точнаго знанія, какъ необыкновенно смѣлая и яркая попытка выступить въ такой цитадели позитивизма, какой долженъ бы былъ быть Менделѣевскій съѣздъ, съ провозглашеніемъ совершенно новыхъ идей, въ сущности своей, отрицающихъ весь позитивизмъ.

Но инерція и рутина, конечно, сдѣлали свое дѣло. Докладъ Н. А. Умова былъ заслушанъ въ ряду другихъ докладовъ, напечатанъ въ дневникахъ съѣзда и тамъ остался, совершенно не произведя того впечатлѣнія разорвавшейся бомбы, какое онъ должно бы былъ произвести, если бы слушавшіе его больше были въ состояніи и главное больше желали бы оцѣнить его настоящій смыслъ и значеніе.

Этому умаленію значенія доклада проф. Умова въ значительной степени, конечно, способствовали сдѣланныя имъ самимъ оговорки и ограниченія, заглавіе доклада, не выражавшее его сущности и общая тенденція, стремившаяся показать, *что наука идетъ въ новомъ направленіи*, и не то, что есть на самомъ дѣлѣ, т.-е. что *новое направленіе идетъ противъ науки*.

Профессоръ Н. А. Умовъ скончался нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. И я совсѣмъ не хочу навязывать ему мыслей, которыхъ онъ не раздѣлялъ. Я говорилъ съ нимъ въ январѣ 1912 года и изъ разговора съ нимъ я увидѣлъ, что онъ стоитъ какъ бы на половинѣ пути между идеями четвертаго измѣренія, очень близкими къ тѣмъ, которыя я высказывалъ въ 1-мъ изданіи Tertium Organum и физическими теоріями, всетаки признающими *движеніе*, какъ самостоятельный фактъ. Т. е. я хочу сказать, что проф. Умовъ, признавая время четвертымъ измѣреніемъ пространства, не разсматривалъ движеніе, какъ иллюзію нашего сознанія, а признавалъ реальность движенія въ мірѣ, какъ факта независящаго отъ насъ и отъ нашей психики.

Я указываю на это потому, что дальше я приведу выдержки изъ доклада проф. Умова, взявъ главнымъ образомъ мѣста, содержащія идеи, почти совершенно тожественныя съ мыслями, высказанными мной въ предыдущихъ главахъ.

Что же касается большей части доклада, рисующей эволюцію

современной физики отъ атома до электрона, то я этого касаться не буду, такъ какъ это кажется мнѣ до нѣкоторой степени искусственно присоединеннымъ къ тѣмъ идеямъ, на которыхъ я хочу остановиться, и внутренно совершенно несвязаннымъ съ ними.

Съ моей точки зрѣнія представляетъ очень мало разницы, класть ли въ основу матеріи атомъ или электронъ. По моему мнѣнію въ основѣ матеріи лежитъ *иллюзія*. И послѣдовательное развитіе тѣхъ идей высшаго пространства, которыя проф. Умовъ положилъ въ основаніе своего доклада, по моему мнѣнію должно привести къ отрицанію *движенія*, точно такъ же какъ послѣдовательное развитіе идей математической физики привело къ отрицанію матеріи, *какъ вещества*.

Упомянувъ объ *электронахъ*, я долженъ еще сказать, что есть способъ примирить новѣйшія научныя идеи съ данными психологическаго метода, а, именно, при посредствѣ очень старинныхъ системъ кабалы, алхиміи и т. п., клавшихъ въ основу матеріальнаго міра четыре начала или четыре стихіи, изъ которыхъ двѣ первыя огонь и вода соотвѣтствуютъ положительному и отрицательному электронамъ современной физики.

Но для этого электроны нужно понимать не какъ *электро-магнитныя единицы*, а только какъ *принципы*, т.-е. какъ два противоположныхъ начала, образующихъ міръ, или, говоря иначе, какъ *метафизическія единицы*. Переходъ физики въ метафизику неизбѣженъ, если физики хотятъ быть просто логичными.

Докладъ проф. Умова интересенъ и замѣчателенъ тѣмъ, что онъ стоитъ уже на самомъ порогѣ метафизики, и ему мѣшаетъ, можетъ быть только, остающаяся всетаки вѣра въ цѣнность позитивнаго метода, который въ сущности умираетъ при провозглашеніи новыхъ лозунговъ знанія.

Вступительное слово къ предстоящимъ намъ работамъ, говоритъ Н. А. Умовъ, всего умѣстнѣе посвятить переживаніямъ научной мысли въ ея исканіяхъ образа міра. Настоятельность научнаго труда на этомъ пути станетъ понятной, если мы обратимся къ завѣтамъ нашихъ великихъ подвижниковъ... Эти завѣты представляютъ глубокіе мотивы дѣятельнаго служенія естествознанію и людямъ. Высказать ихъ полезно въ наше время, направляющее мысль по преимуществу къ вопросамъ устроенія жизни... Вспомнимъ исповѣданіе естествоиспытателя:

Утверждать власть человѣка надъ энергіей, временемъ, пространствомъ...

Познавать архитектуру міра и въ этомъ познаніи находить устой творческому предвидѣнію... Это предвидѣніе вселяетъ увѣренность въ томъ, что, продолжая великое и отвѣтственное дѣло созданія среди старой

природы—новой, приспособленной къ повышеннымъ требованіямъ людей, естествознаніе не ударитъ отбой.

Новая природа стала жизненной потребностью личной и народной дѣятельности. Но ея величіе и мощность, какъ будто призываютъ мысль къ успокоенію.

Требованіе устойчивости жизненнаго обихода и кратковременность личнаго опыта сравнительно съ продолжительностью эволюціи земли, склоняютъ людей къ вѣрѣ и создаютъ миражъ прочности окружающаго порядка вещей не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Творцы естествознанія не раздѣляютъ такой спокойной точки зрѣнія и этому обстоятельству естественныя науки обязаны своимъ непрерывнымъ развитіемъ. Я рѣшаюсь приподнять блестящую и знакомую вамъ завѣсу и открыть тайники научной мысли, стоящей на перевалѣ двухъ міровоззрѣній.

Кормчій науки долженъ неизмѣнно бодрствовать, несмотря на все благополучіе своего плаванія; надъ нимъ неизмѣнно должны сіять звѣзды, по которымъ онъ намѣчаетъ свой путь среди океана неизвѣстнаго.

Въ переживаемое нами время созвѣздія на небѣ нашей науки измѣнились, и вспыхнула новая звѣзда, по своему блеску не имѣющая себѣ равной.

Настойчивое научное изслѣдованіе расширило объемъ познаваемаго до размѣровъ, не представимыхъ еще въ недавнее время, лѣтъ 20—15 тому назадъ. Число попрежнему остается законодателемъ природы, но, способное быть изображеннымъ, оно ускользнуло изъ области міровоззрѣнія, полагавшаго возможнымъ изобразить міръ механическими моделями.

Открытое новое даетъ достаточное количество образовъ для построенія міра, но они ломаютъ его прежнюю знакомую намъ архитектуру и могутъ уложиться лишь въ новый стиль, далеко убѣгающій своими свободными линіями за предѣлы не только стараго внѣшняго міра, но и основныхъ формъ нашего мышленія.

Мнѣ предстоитъ вести васъ къ вершинамъ, съ которыхъ открываются перспективы, въ корнѣ реформирующія наше міропониманіе.

Восхожденіе къ нимъ среди руинъ классической физики представляетъ немалыя трудности, и я напередъ прошу вашего снисхожденія и приложу стараніе по возможности упростить и сократить нашъ путь.

Дальше проф. Умовъ рисуетъ картину эволюціи формы «отъ атома до электрона», отъ матеріальныхъ и механическихъ представленій о вселенной до электро-магнетическихъ.

Аксіомы механики представляются обрывками и пользованіе ими равнозначуще сужденію по одной фразѣ о содержаніи цѣлой главы.

Не удивительно поэтому, что попытка механическаго объясненія свойствъ электромагнитнаго эфира, при помощи аксіомъ, въ которыхъ эти свойства или отрицаются или односторонне предопредѣлены, оказалась неудачной...

Механическое міровоззрѣніе являлось однобокимъ... Въ образѣ міра не было единства.

Міръ электромагнитный не могъ оставаться чѣмъ то чуждымъ, внѣшнимъ по отношенію къ матеріи. Матеріальный міръ съ его неизмѣнными камнями міровоззрѣнія не имѣлъ достаточно гибкости, чтобы черезъ него и его принципы осуществилось сліяніе. Оставался одинъ выходъ—пожертвовать однимъ изъ міровъ — матеріальнымъ, механическимъ или

электромагнитнымъ. Нужно было подыскать достаточныя основанія для рѣшенія въ ту или въ другую сторону. Они не замедлили представиться.

Послѣдующее развитіе физики есть процессъ противъ матеріи, окончившійся ея изгнаніемъ. Но рядомъ съ такой отрицательной дѣятельностью текла творческая работа реформированія электромагнитной символики; она должна была оказаться способной къ изображенію свойствъ матеріальнаго міра, его атомистическаго строя, инерціи, излученія и поглощенія энергіи, электромагнитныхъ явленій...

...На горизонтѣ научной мысли вставала электронная теорія матеріи.

Черезъ электрическіе индивиды открывалась связь между матеріей и пустотой...

...представленіе объ особомъ субстратѣ, наполняющемъ пустоту—эфирѣ—излишне.

...свѣтъ и теплота рождаются движеніями электроновъ. Они солнца микрокосма.

...вселенная состоитъ изъ положительныхъ и отрицательныхъ индивидовъ, связанныхъ электромагнитными полями.

Матерія исчезла; ея разновидность замѣнена системами родственныхъ другъ другу электрическихъ индивидовъ, и передъ нами рисуется вмѣсто привычнаго, матеріальнаго, глубоко отличный отъ него міръ электромагнитный...

Но и признаніе электро-магнитнаго міра не уничтожило многихъ неразрѣшимыхъ проблемъ и затрудненій, чувствовалась потребность въ обобщающей системѣ.

Въ нашемъ трудномъ подъемѣ мы достигли точки, говоритъ проф. Умовъ, въ которой дорога раздваивается. Одна тянется горизонтально къ той плоскости, которую мы только что изобразили; другая идетъ къ послѣдней вершинѣ, которая уже видна и подъемъ невысокъ.

Осмотримъ достигнутый намъ пунктъ. Онъ очень опасенъ; не одна теорія потерпѣла на немъ крушеніе. Онъ тѣмъ опаснѣе, что его лукавство скрыто подъ личиной простоты. Его устои—экспериментальныя попытки—давшія отрицательный отвѣтъ исканіямъ тщательныхъ и искусныхъ наблюдателей.

Проф. Умовъ указываетъ на противорѣчія, являвшіяся въ результатѣ нѣкоторыхъ экспериментовъ. Необходимость объяснить эти противорѣчія послужила толчкомъ къ нахожденію объединяющаго принципа; такимъ явился *принципъ относительности.*

Выводы Лорентца, относившіеся къ 1909 г. и имѣвшіе въ виду главнымъ образомъ электрооптическія явленія, послужили толчкомъ къ провозглашенію Альбертомъ Эйнштейномъ новаго принципа и къ его замѣчательному обобщенію, недавно умершимъ, Германомъ Минковскимъ.

Мы вступаемъ на вершину современной физики: ее занимаетъ принципъ относительности, выраженіе котораго настолько просто, что сразу не усматривается его первостепенное значеніе. Онъ гласитъ:—законы явленій въ системѣ тѣлъ для наблюдателя, съ нею связаннаго, представляются одинаковыми, будетъ ли система оставаться въ покоѣ или двигаться равномѣрно и прямолинейно.

Отсюда слѣдуетъ, что наблюдатель помощью явленій, происходящихъ въ системахъ тѣлъ, съ которыми онъ связанъ, не можетъ обнаружить, имѣетъ ли эта система равномѣрное поступательное движеніе или не имѣетъ.

Такъ мы ни изъ одного явленія, происходящаго на землѣ, не можемъ обнаружить ея поступательнаго движенія въ пространствѣ.

Принципъ относительности включаетъ въ себя и наблюдающій интеллектъ, что представляетъ обстоятельство чрезвычайной важности. Интеллектъ связанъ со сложнымъ физическимъ инструментомъ—нервной системой. Этотъ принципъ даетъ поэтому указанія относительно совершающагося въ движущихся тѣлахъ, не только по отношенію къ явленіямъ физическимъ и химическимъ, но и по отношенію къ явленіямъ жизни, слѣдовательно, и исканію человѣка. Оно замѣчательно, какъ образчикъ положенія, основаннаго на строго научномъ опытѣ, въ чисто физической области и перебрасывающаго мостъ между двумя мірами, считающимися обычно разнородными.

Проф. Умовъ приводитъ примѣры объясненій сложныхъ явленій при помощи принципа относительности.

И дальше показываетъ, какъ съ точки зрѣнія электро-магнитныхъ теорій и принципа относительности объясняются наиболѣе загадочныя проблемы *жизни* и, наконецъ, онъ приходитъ къ тому, что наиболѣе интересно для насъ.

Во всѣ пространственныя измѣренія замѣшивается время *). Мы не можемъ опредѣлить геометрическую форму тѣла, движущагося по отношенію къ намъ, мы опредѣляемъ всегда его кинематическую форму. Такимъ образомъ наши пространственныя измѣренія въ дѣйствительности происходятъ не въ многообразіи трехмѣрномъ, т.-е. имѣющемъ три измѣренія въ высоту, ширину и глубину, какъ этотъ залъ, а въ многообразіи четырехмѣрномъ: три первыхъ измѣренія мы можемъ изобразить тремя лентами рулетокъ, на которыхъ отмѣчены аршины, сажени или другія мѣры длины. Четвертое измѣреніе мы изобразимъ лентой кинематографа, на которой каждая точка соотвѣтствуетъ новой фазѣ явленій міра. Разстоянія точекъ этой ленты измѣряются часами, идущими безразлично съ той или другой скоростью. Одинъ наблюдатель измѣритъ разстояніе двухъ точекъ однимъ годомъ, другой сотней лѣтъ. Переходъ отъ одной этой ленты до другой соотвѣтствуетъ нашему понятію теченія времени. Это четвертое измѣреніе мы назовемъ поэтому временемъ. Лента кинематографа можетъ замѣнить ленту любой рулетки и обратно. Слишкомъ рано умершій геніальный математикъ Минковскій доказалъ, что всѣ эти четыре измѣренія равнозначущи. Какъ это понимать? Пріѣхавшіе изъ Москвы въ Петербургъ, проѣзжали черезъ Тверь. Ихъ нѣтъ болѣе на этой станціи, но тѣмъ не менѣе она существуетъ. Такъ же точно тотъ моментъ времени, который соотвѣтствовалъ какому-нибудь событію, уже протекшему, напр., зарожденію жизни на землѣ, не исчезъ, онъ существуетъ. Онъ не пережитъ вселенной, а только землей. Мѣсто этого событія въ четырехмѣрной вселенной опредѣляется нѣкоторымъ пунктомъ, и этотъ пунктъ существовалъ, существуетъ и будетъ существовать; теперь черезъ него, черезъ эту пройденную землей станцію проходитъ другой странникъ. Время не течетъ, какъ не течетъ пространство. Течемъ мы, странники въ четырехмѣрной вселенной. Время—такое же измѣреніе пространства, какъ высота, ширина и длина. Переставляя ихъ въ выраженіи какого-либо закона природы, мы приходимъ тоже къ ея закону.

Новыя предстаавленія облечены Минковскимъ въ изящную матема-

---

*) Подчеркнуто мной. П. У.

тическую теорію; мы не войдемъ въ воздвигнутый его геніемъ величественный храмъ; оттуда голосъ:

Во вселенной дано все: для нея нѣтъ прошлаго и будущаго, она— вѣчное настоящее: ей нѣтъ предѣловъ ни въ пространствѣ, ни во времени. Перемѣны происходятъ въ индивидуальностяхъ и соотвѣтствуютъ ихъ перемѣщенію по міровымъ путямъ въ четырехмѣрномъ, вѣчномъ и безпредѣльномъ многообразіи. Эти картины въ области философской мысли должны произвести переворотъ большій, чѣмъ смѣщеніе Коперникомъ земли изъ центра вселенной Со временъ Ньютона естествознанію не развертывались болѣе блестящія перспективы. Не звучитъ ли мощность естествознанія въ переходѣ отъ несомнѣннаго опытнаго факта—невозможности опредѣленія абсолютнаго движенія земли—къ вопросамъ психики! Философъ-современникъ въ смущеніи воскликнулъ: «по ту сторону истины и обмана!»

Когда нарождается культъ новаго бога, его слово не всегда точно понято; истинный смыслъ открывается временемъ. Я думаю, что то же справедливо и для принципа относительности.

Устраненіе антропоморфизма изъ научныхъ представленій оказало огромныя услуги наукѣ.

На томъ же пути стоитъ принципъ относительности, указывая зависимость нашихъ наблюденій отъ общихъ условій явленій.

Электромагнитная теорія міра и принципъ относительности разъясняютъ только тѣ явленія, мѣсто которыхъ опредѣляется частью вселенной, занятой матеріей; остальная часть, представляющаяся нашимъ чувствамъ пустотою, остается пока внѣ науки. Но у береговъ матеріальнаго міра неизмѣнно плещетъ прибой энергіи изъ волнующагося океана, пустого для нашихъ чувствъ, но не для нашего разума.

Не является ли дуализмъ матеріи и пустоты антропоморфизмомъ и притомъ послѣднимъ въ наукѣ? Поставимъ коренной вопросъ: какая часть вселенной занята матеріей? Окружимъ нашу планетную систему шаромъ, радіусъ котораго равенъ половинѣ разстоянія солнца до ближайшихъ звѣздъ: длина этого радіуса пробѣгается лучомъ свѣта въ $1^1/_2$ года. Объемъ этого шара примемъ за объемъ нашего міра. Опишемъ теперь изъ солнца, какъ изъ центра, другую, меньшую сферу, радіусомъ, равнымъ разстоянію отъ нашего солнца до крайней планеты. Я допускаю, что матерія нашего міра, скученная къ одному мѣсту, займетъ не болѣе $^1/_{10}$ объема планетной сферы: думаю, что цифра значительно преувеличена. Послѣ подсчета объемовъ окажется, что въ нашемъ мірѣ объемъ, занятый матеріей, относится къ объему пустоты, какъ единица къ числу, изображаемому цифрой 3 съ 13 нулями. Это отношеніе равно отношенію 1 секунды къ милліону лѣтъ.

По вычисленію лорда Кельвина плотность матеріи, соотвѣтствующая такому отношенію, была бы въ десять тысячъ милліоновъ разъ менѣе плотности воды, т. е. находилась бы въ крайнихъ степеняхъ разрѣженія...

Проф. Умовъ приводитъ примѣръ такого количества шаровъ, сколько секундъ въ милліонѣ лѣтъ. На одномъ изъ этихъ шаровъ (соотвѣтствующихъ матеріи во вселенной) написано все, что мы знаемъ, потому что все, что мы знаемъ, относится къ матеріи. А матерія это только одинъ шаръ среди милліоновъ и милліоновъ «шаровъ пустоты».

Отсюда выводъ, говоритъ онъ: матерія представляетъ въ высокой степени маловѣроятное событіе во вселенной.

Это событіе осуществилось потому, что малая вѣроятность не означаетъ невозможности. Гдѣ же осуществлены и въ какомъ видѣ наиболѣе вѣроятныя событія? Не въ царствѣ ли лучистой энергіи?

Теорія вѣроятности включаетъ необъятную часть вселенной, пустоту—въ міръ совершающагося. Мы знаемъ, что лучистая энергія обладаетъ тяготѣющей массой. Среди разнообразныхъ явленій въ мірѣ перекрещивающихся лучей, изъ ихъ тяготѣющихъ другъ къ другу элементовъ, не рождаются ли пылинки, образующія своимъ скопленіемъ нашъ матеріальный міръ?

Не есть ли пустота лабораторія матеріи?

Матеріальный міръ это тотъ ограниченный горизонтъ, который открывается человѣку, вышедшему въ поле. Для его чувствъ жизнь кипитъ только въ предѣлахъ этого кругозора, внѣ послѣдняго для чувствъ человѣка—одна пустота.

Я не хочу полемизировать противъ тѣхъ мыслей доклада проф. Умова, съ которыми я не согласенъ. Но я все-таки укажу и перечислю вопросы, которые по моему возникаютъ изъ несоотвѣтствія нѣкоторыхъ положеній.

Противоположеніе *пустоты* и *матеріальнаго міра* звучитъ почти наивно послѣ только что приведенныхъ словъ Минковского о необходимости перехода науки въ чисто физическихъ заданіяхъ къ вопросамъ психики. Затѣмъ я не вижу существеннаго различія между матеріальной, или механической, или электро-магнетической вселенной. Все это—трехмѣрно. Въ электро-магнетической вселенной еще нѣтъ настоящаго перехода къ четвертому измѣренію. И проф. Умовъ дѣлаетъ только одну несомнѣнную попытку связать электромагнитный міръ съ высшими измѣреніями. Онъ говоритъ:

Тотъ листъ бумаги, написанный электромагнитными символами, которымъ мы прикрыли пустоту, можно разсматривать, какъ милліарды совмѣщенныхъ отдѣльныхъ листовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собой поле одного небольшого электрическаго количества или заряда.

Но это все. Остальное въ сущности такъ же трехмѣрно, какъ теорія атомовъ и эфира.

«Мы присутствуемъ на похоронахъ старой физики», говоритъ проф. Умовъ. И это вѣрно. Но старая физика теряется и исчезаетъ не въ электро-магнитныхъ теоріяхъ, а въ идеяхъ новаго протяженія пространства, которое мы до сихъ поръ называли временемъ и *движеніемъ*. Дѣйствительно *новой физикой* будетъ та, въ которой не будетъ *движенія*, т.-е. не будетъ дуализма покоя и движенія, а также не будетъ дуализма матеріи и пустоты.

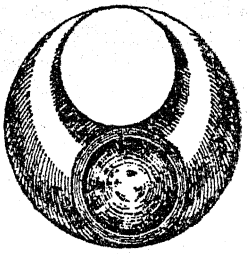
Понимая вселенную, какъ *мысль* и *сознаніе*, мы совершенно отдѣлываемся отъ идеи пустоты. И съ этой точки зрѣнія объясняется *малая вѣроятность* матеріи, къ которой пришелъ проф. Умовъ. Матерія, т.-е. все *конечное*, есть иллюзія въ безконечномъ мірѣ.

Изъ многочисленныхъ попытокъ изслѣдованія четвертаго измѣренія я остановлюсь еще на книгѣ Іогана ванъ-Манена «Оккультныя переживанія» *).

Въ этой книгѣ замѣчателенъ рисунокъ фигуры четырехмѣрнаго тѣла, которую «видѣлъ» авторъ своимъ внутреннимъ зрѣніемъ. Это интересное переживаніе ванъ-Манень описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я жилъ и путешествовалъ по сѣверу Англіи, мнѣ пришлось нѣсколько разъ говорить и читать лекціи о четвертомъ измѣреніи. И вотъ однажды вечеромъ я легъ въ постель и лежалъ, еще не начиная засыпать и обдумывая нѣкоторыя проблемы, связанныя съ этой темой. Я старался создать зрительный образъ четырехмѣрной фигуры, именно четырехмѣрнаго куба, который, какъ я представлялъ себѣ, является простѣйшей фигурой четырехъ измѣреній. Къ моему глубочайшему изумленію это мнѣ удалось, и я увидѣлъ передъ собой сначала четырехмѣрный шаръ, а затѣмъ четырехмѣрный кубъ и понялъ тогда изъ ихъ сравненія, какъ изъ нагляднаго урока, что шаръ, а не кубъ есть простѣйшее тѣло четырехъ измѣреній, какъ аналогія съ трехмѣрнымъ міромъ должна была бы сказать мнѣ раньше. Замѣчательно было то, что совершенно опредѣленная попытка видѣть одну фигуру заставила меня увидѣть другую. Я видѣлъ обѣ фигуры, какъ бы плавающими передо мной въ воздухѣ (хотя комната была темная), а за этими фигурами я видѣлъ полосу свѣта, входившаго въ комнату между занавѣсками. Въ этомъ случаѣ я могу точно опредѣлить впечатлѣніе, что фигуры были внѣ моей головы. Въ большинствѣ другихъ случаевъ я не могъ сказать такъ опредѣленно, такъ какъ видѣнныя мною тогда фигуры обладали какъ бы двойственнымъ характеромъ и были одновременно въ моей головѣ и внѣ ея.

Я отказываюсь отъ попытки описать форму четырехмѣрнаго куба. Математическое изображеніе ея было бы возможно, но оно, разложивъ впечатлѣніе на рядъ его элементовъ, лишило бы его цѣльности. Четырехмѣрный шаръ можетъ быть описанъ легче. Это былъ обыкновенный трехмѣрный шаръ, изъ котораго съ обѣихъ его сторонъ исходили два загнутыхъ цилиндроконическихъ рога, которые, загибаясь кверху, соединяли свои острые концы надъ шаромъ, изъ котораго исходили.



На рисункѣ получаются три круга: нижній, изображающій основной шаръ; верхній, представляющій пустое пространство, и большой кругъ, описывающій всю фигуру. Если читатель пойметъ теперь, что верхній кругъ (пустое мѣсто) не суще-

---

[1]) Iohan van Manen and C. W. Leadbeater «Some occult Experiences». Adyar, Madras. India. О моемъ знакомствѣ съ ванъ-Маненомъ и о разговорахъ съ нимъ см. «Въ поискахъ чудеснаго». По Индіи и Цейлону, т. II (готовится къ печати).

ствуетъ совсѣмъ, а нижній, т. е. малый кругъ, тожественъ съ большимъ, т. е. со всей фигурой, то онъ получитъ до нѣкоторой степени правильное впечатлѣніе... Я всегда могу вызвать передъ собой этотъ шаръ; но вызвать фигуру четырехмѣрнаго куба гораздо труднѣе, и я долженъ для этого сильно сосредоточиться.

Подобнымъ же образомъ я въ очень рѣдкихъ случаяхъ видѣлъ пятимѣрныя и шестимѣрныя фигуры. По крайней мѣрѣ я такъ чувствовалъ, что то, что я вижу это—пятимѣрныя и шестимѣрныя фигуры. Но въ этихъ случаяхъ необходима величайшая осторожность. Я знаю еще то, что я приходилъ въ соприкосновеніе съ этими явленіями, насколько это позволялъ физическій мозгъ, но за тѣмъ, что улавливалъ мозгъ, было еще что-то дальнѣйшее, что я въ то время *чувствовалъ*, но схватить не могъ. Фигуры шести измѣреній я описать не могу. Все, что я помню о ней, сводится къ тому, что это была *форма*, выражающая собой соотношенія, которыя могутъ быть названы: разнообразіемъ въ единствѣ или синтезомъ въ дифференціаціи. Пятимѣрную фигуру легче всего описать или вѣрнѣе дать намекъ на нее, сказавъ, что она была похожа на рельефную карту Альповъ, съ той особенностью, что всѣ горныя вершины и весь ландшафтъ, представленный на картѣ, были *одной* горой, *) или говоря другими словами, что всѣ горы имѣли одно общее основаніе. Это была разница между пятымъ и шестымъ измѣреніемъ, именно, что въ пятомъ возвышенности были въ извѣстномъ смыслѣ выдѣлены, но имѣли корни въ одной единицѣ; а въ шестомъ онѣ были дифференцированы, но еще не выдѣлены; онѣ были только *различнымъ образомъ тожественны*, съ однимъ общимъ основаніемъ, которое было цѣлымъ.

Въ примѣчаніи къ этимъ замѣчательнымъ страницамъ Ч. В. Ледбитеръ говоритъ:

Какъ ни поразителенъ чертежъ четырехмѣрной фигуры, сдѣланный ванъ-Маненомъ, его цѣнность заключается всетаки въ тѣхъ мысляхъ, которыя онъ можетъ вызвать у людей, видѣвшихъ то, что онъ изображаетъ. Очень трудно надѣяться, чтобы этотъ рисунокъ передалъ идею реальности, которую онъ изображаетъ, людямъ незнакомымъ съ этой реальностью. Невозможно заставить животное понимать картину—невозможно повидимому потому, что животное неспособно понять перспективу. Обыкновенный человѣкъ будетъ находиться совершенно въ такомъ же положеніи по отношенію ко всякому чертежу или моделямъ, предназначеннымъ для того, чтобы передать ему идею четвертаго измѣренія. И поэтому, какъ ни много содержанія въ этомъ рисункѣ, я не думаю, чтобы онъ много помогъ обыкновенному читателю.

Человѣку, который знакомъ съ изображаемой реальностью, это можетъ помочь принести въ обычную жизнь проблескъ высшаго сознанія, и въ этомъ случаѣ, можетъ быть, онъ самъ дополнитъ то, чего не хватаетъ въ рисункѣ, сдѣланномъ на физической плоскости.

---

*) См. разсказъ Якова Беме объ арфѣ съ семью струнами, изъ которыхъ каждая струна такая же арфа, приводимый Джемсомъ дальше, гл. XX.

Я могу сказать со своей стороны, что настоящій смыслъ *видѣнія* ванъ-Манена трудно даже оцѣнить съ тѣми средствами, какія у насъ есть. Увидавъ въ его книгѣ помѣщаемый здѣсь рисунокъ, я сразу понялъ и почувствовалъ все, что онъ значитъ. Но я нѣсколько разошелся съ ванъ-Маненомъ въ толкованіи этого рисунка. Онъ пишетъ:

Мы можемъ назвать общее впечатлѣніе—впечатлѣніемъ кольца. И мнѣ кажется, что, смотря на эту фигуру, я первый разъ понялъ, что такъ называемое зрѣніе въ четвертомъ измѣреніи имѣетъ отношеніе къ понятію пространства, возникающему изъ зрительныхъ воспріятій плотности тѣлъ.

Это замѣчаніе при всей его осторожности кажется мнѣ опаснымъ, такъ какъ создаетъ возможность той же самой ошибки, которая во многомъ остановила Хинтона и которую я отчасти повторилъ въ первомъ изданіи книги «Четвертое измѣреніе». Эта ошибка заключается въ возможности построенія какого-то *псевдочетвертаго измѣренія*, въ сущности лежащаго цѣликомъ въ трехъ измѣреніяхъ. — По моему мнѣнію *въ фигурѣ очень много движенія*. Вся фигура кажется мнѣ *движущейся*, какъ бы непрерывно возникающей въ точкѣ соединенія острыхъ концовъ, оттуда расходящейся и туда вбирающейся обратно. Но анализировать и разбирать опытъ ванъ-Манена я сейчасъ не буду, предоставляя это читателямъ, имѣвшимъ сходныя переживанія.

Что касается описаній ванъ-Маненомъ его наблюденій надъ «пятымъ» и «шестымъ» измѣреніями, то, какъ мнѣ кажется, ничто въ нихъ не оправдываетъ предположеній о томъ, что они относятся къ области *выше* или *сложнѣе* четырехмѣрнаго міра. По моему все это—наблюденія надъ областью четвертаго измѣренія. Но замѣчательно въ нихъ сходство съ переживаніями нѣкоторыхъ мистиковъ, а особенно Якова Беме. Кромѣ того очень интересенъ методъ *наглядная показанія*, т. е. тѣхъ *двухъ образовъ*, которые видѣлъ ванъ Маненъ и изъ сравненія которыхъ между собой онъ выводилъ свои заключенія. Къ психологіи этого метода «наглядная обученія», идущаго изъ глубинъ сознанія, я надѣюсь вернуться въ книгѣ «Мудрость боговъ» въ главахъ объ опытной мистикѣ.

ГЛАВА XII.

Анализъ явленій. Что опредѣляетъ для насъ разные роды явленій? Способы и формы перехода явленій одного порядка въ другой. Явленія движенія. Явленія жизни. Явленія сознанія. Центральный вопросъ нашего познанія міра; какой родъ явленій первоначаленъ и производитъ другія? Можетъ ли лежать движеніе въ началѣ всего? Законы перехода энергіи. Простой переходъ и освобожденіе скрытой энергіи. Различная освобождающая сила разныхъ родовъ явленій. Сила механической энергіи, сила живой клѣточки и сила идеи. Феномены и нумены нашего міра.

Родъ явленій опредѣляется для насъ—во-первыхъ, нашимъ способомъ ихъ познаванія и, во-вторыхъ, формой перехода однихъ явленій въ другія.

По способу нашего познаванія ихъ и по формѣ ихъ перехода въ другія мы различаемъ три рода явленій.

Явленія физическія (т.-е. всѣ явленія, изучаемыя физикой и химіей). *Явленія жизни* (всѣ явленія, изучаемыя біологіей и ея подраздѣленіями). *Явленія сознанія* (психическія и духовныя явленія).

Явленія физическія мы познаемъ при помощи нашихъ органовъ чувствъ или аппаратовъ. Очень многія признанныя физическія явленія непосредственно не наблюдаются; это только—проэкція предполагаемыхъ причинъ нашихъ ощущеній, или причинъ другихъ явленій. Физика признаетъ существованіе очень многихъ явленій, которыя никогда не наблюдались ни органами чувствъ, ни аппаратами. (Напр., температура абсолютнаго нуля и т. п.).

Явленія жизни, какъ таковыя, непосредственно не наблюдаются. Мы не можемъ проэктировать ихъ, какъ причину опредѣленныхъ ощущеній. Но извѣстныя *группы ощущеній* заставляютъ насъ предполагать о присутствіи явленій жизни, подъ группами физическихъ явленій. Можно сказать, что извѣстная группировка физическихъ явленій заставляетъ насъ предполагать о присутствіи явленій жизни. Мы опредѣляемъ причину явленій жизни какъ нѣчто неуловимое для чувствъ и аппаратовъ и несоизмѣримое съ причинами физическихъ ощущеній. Признакомъ наличности явленій жизни служитъ способность воспроизведенія организмовъ, т.-е. размноженіе въ тѣхъ же формахъ.

Явленія сознанія: чувства и мысли, мы познаемъ въ себѣ непосредственнымъ ощущеніемъ—*субъективно*. О существованіи ихъ въ другихъ заключаемъ 1) *по аналогіи* съ собой; 2) на основаніи ихъ проявленія въ поступкахъ и 3) на основаніи того, что узнаемъ путемъ общенія при помощи рѣчи. Но, какъ указано нѣкоторыми философскими теоріями, строго объективно установить наличность другого сознанія, кромѣ своего собственнаго, невозможно. Человѣкъ устанавливаетъ это обыкновенно на основаніи внутренней увѣренности.

Явленія физическія цѣликомъ переходятъ одно въ другое. Теплоту можно *перевести* въ свѣтъ, давленіе—въ движеніе и т. п.—любое физическое явленіе можно создать изъ другихъ физическихъ явленій; любое химическое соединеніе можно создать синтетическимъ путемъ, соединивъ въ должныхъ пропорціяхъ и при должныхъ физическихъ условіяхъ составныя части. Новѣйшая физика предполагаетъ въ основѣ всѣхъ физическихъ явленій—явленія электромагнетическія. *Но явленія физическія не переходятъ въ явленія жизни.* Никакимъ комбинированіемъ физическихъ условій наука не можетъ создать жизни, точно такъ же, какъ химическимъ синтезомъ она не можетъ создать живой матеріи, протоплазмы. Мы можемъ сказать, какое количество угля нужно для того, чтобы получить извѣстное количество теплоты, нужное для того, чтобы превратить данное количество льда въ воду. Но мы не можемъ сказать, какое количество угля нужно, чтобы создать жизненную энергію, при помощи которой одна живая клѣточка образуетъ другую живую клѣточку. Точно такъ же явленія физическія, химическія и механическія не могутъ сами по себѣ образовать явленія сознанія, т.-е. мысли. Если бы было иначе, то *вращающееся колесо* при затратѣ извѣстной энергіи или въ теченіе извѣстнаго времени *создало бы идею*. Между тѣмъ мы прекрасно знаемъ, что колесо можетъ вращаться хоть милліоны лѣтъ, и никакой *идеи* изъ него не получится. Такимъ образомъ мы видимъ, что явленія движенія кореннымъ образомъ отличаются отъ явленій жизни и сознанія.

Явленія жизни переходятъ въ другія явленія жизни, умножаются въ нихъ безконечно и *переходятъ въ физическія явленія*, создавая цѣлые ряды механическихъ и химическихъ комбинацій. Явленія жизни проявляются для насъ въ физическихъ явленіяхъ и при ихъ наличности.

Явленія сознанія ощущаются субъективно и переходятъ въ физическія явленія и въ проявленія жизни, обладая огромной потенціальной силой. Мы знаемъ, что въ основѣ нашей производительной

силы лежитъ *желаніе*, т.-е. психическое состояніе или явленіе сознанія. *Желаніе* обладаетъ огромной потенціальной силой. Изъ соединеннаго желанія мужчины и женщины можетъ возникнуть цѣлый народъ.—Въ основѣ дѣятельной, созидательной, творческой силы человѣка, могущей измѣнять теченія рѣкъ, соединять моря, прорѣзывать горы—лежитъ воля, т.-е. тоже психическое состояніе или явленіе сознанія. Такимъ образомъ явленія сознанія обладаютъ по отношенію къ физическимъ явленіямъ еще болѣе комбинирующей силой, чѣмъ явленія жизни.

Позитивная философія утверждаетъ, что всѣ три рода явленій происходятъ отъ одной причины, *лежащей въ сферѣ изученія физики*. Причина эта въ разное время называется различно, но предполагается одинаковой съ физической энергіей вообще.

Разбирая серьезно такое утвержденіе, нельзя не увидать, что оно совершенно произвольно и ни на чемъ не основано. Явленія физическія сами по себѣ, въ предѣлахъ нашего бытія и наблюденія, никогда не создаютъ явленій жизни и сознанія. А, слѣдовательно мы съ *бо́льшимъ* основаніемъ можемъ предположить, что въ явленіяхъ жизни и въ явленіяхъ сознанія есть нѣчто, чего нѣтъ въ явленіяхъ физическихъ.

Затѣмъ явленія физическія, біологическія и психическія (или духовныя) мы не можемъ *мѣрить одной мѣрой*. Вѣрнѣе сказать, что явленія жизни и явленія сознанія мы не можемъ мѣрить совсѣмъ. И только относительно первыхъ, т.-е. физическихъ явленій, думаемъ, что можемъ ихъ мѣрить. Хотя это тоже очень гадательно.

Во всякомъ случаѣ мы знаемъ несомнѣнно, что ни явленій жизни, ни явленій сознанія мы не можемъ выразить въ формулахъ физическихъ явленій—и вообще никакихъ формулъ у насъ для нихъ нѣтъ.

Желая уяснить себѣ отношеніе разныхъ родовъ явленій между собою, мы должны болѣе подробно разсмотрѣть законы ихъ перехода одно въ другое.

Прежде всего нужно взять физическія явленія и подробно изучить всѣ условія и свойства ихъ перехода одно въ другое.

Въ статьѣ о Вундтѣ (Сѣв. Вѣст. 1888 г.) А. Л. Волынскій, излагая положенія физіологической психологіи Вундта, пишетъ:

Дѣйствія ощущенія вызываются дѣйствіями раздраженія. Но оба эти дѣйствія вовсе не должны быть равны. Искрой отъ папироски можно сжечь цѣлый городъ. Надо понять, почему это возможно. Положите доску

на ребро какого нибудь предмета на подобіе вѣсовъ и такъ, чтобы она находилась въ равновѣсіи. На обѣ стороны доски поставьте теперь равныя гири. Гири не упадутъ, хотя онѣ будутъ стремиться упасть, онѣ уравновѣшиваютъ другъ друга. Снимемъ съ одной стороны доски самую маленькую гирю, тогда другая сторона перетянетъ, и доска упадетъ, т. е. сила тяжести, существовавшая раньше, какъ невидимое стремленіе, сдѣлается видимою движущею силою. Если же мы положимъ доску съ гирями на землю, то сила тяжести уже не будетъ производить дѣйствія. Но она всетаки не уничтожается. Она только перейдетъ въ другія силы.

Тѣ силы, которыя только *стремятся* произвести движеніе, называются *связанными* или *мертвыми* силами. Силы, дѣйствительно обнаруживающіяся опредѣленными движеніями, называются свободными или живыми силами, но между свободными силами нужно еще отличать силы развязывающія, освобождающія отъ силъ развязанныхъ, освобожденныхъ.

Между *освобожденіемъ* силы и ея *переходомъ* въ другую существуетъ огромная разница.

Если одинъ видъ движенія переходитъ въ другой, количество свободной силы остается тѣмъ же. Напротивъ, когда одна сила *освобождаетъ* другую, количество свободной силы измѣняется.—Свободная сила раздраженія развязываетъ связанныя силы нерва. И это освобожденіе связанныхъ силъ нерва совершается въ каждой точкѣ нерва. Первое движеніе растетъ, какъ пожаръ, какъ снѣжная лавина, увлекающая за собой все новые и новые сугробы снѣга.—Вотъ почему дѣйствіе (явленіе) ощущенія не должно быть вовсе равно дѣйствію раздраженія.

Посмотримъ шире на отношеніе освобождаемыхъ и освобождающихъ силъ въ разныхъ родахъ явленій.

Мы увидимъ, что иногда ничтожное количество физической силы можетъ освободить огромное, колоссальное количество тоже физической энергіи. Но *все, какое только мы можемъ собрать, количество физической силы*, не въ состояніи *освободить* капельки живой энергіи, нужной для самостоятельнаго существованія микроскопическаго живого организма.

Сила, заключающаяся въ *живыхъ организмахъ*, жизненная сила, способна освобождать безконечно большія количества энергіи (чѣмъ сила движенія), какъ жизненной, такъ и просто физической.

Микроскопическая живая клѣточка способна распространяться безконечно, эволюціонировать въ новые виды, покрывать растительностью материки, заполнять водорослями океаны, строить острова изъ коралловъ, оставлять послѣ себя мощные пласты каменнаго угля и пр., и пр.

Относительно скрытой энергіи, заключающейся въ *явленіяхъ сознанія*, т.-е. мысляхъ, въ чувствахъ, въ желаніяхъ и въ волѣ, мы видимъ, что потенціальность ея еще болѣе неизмѣрима, еще болѣе безгранична. Изъ личнаго опыта, изъ наблюденія, изъ исторіи мы

знаемъ, что идея, чувство или воля могутъ, проявляясь, освобождать безконечныя количества энергіи, создавать безконечные ряды явленій. Идея можетъ дѣйствовать вѣка и тысячелѣтія и только расти и углубляться, вызывая все новые и новые ряды явленій, освобождая все новую и новую энергію. Мы знаемъ, что *мысли* продолжаютъ дѣйствовать и жить, когда самое имя человѣка, создавшаго ихъ, превратилось въ миѳъ, какъ имена основателей древнихъ религій, творцовъ безсмертныхъ поэтическихъ произведеній древности, героевъ, вождей, пророковъ. Ихъ слова повторяются безчисленнымъ количествомъ устъ, идеи разбираются, комментируются. Сохранившіяся произведенія переводятся, печатаются, читаются, заучиваются наизусть, декламируются, ставятся на сценахъ, иллюстрируются. И это не только великія произведенія міровыхъ геніевъ. Какое нибудь одно маленькое стихотвореніе можетъ жить тысячелѣтія, заставляя сотни людей работать для себя, служить себѣ, передавать себя дальше.

Посмотрите, сколько потенціальной энергіи въ какомъ-нибудь маленькомъ стихотвореніи Пушкина или Лермонтова. Эта энергія дѣйствуетъ не только на чувства людей, но самымъ своимъ существованіемъ дѣйствуетъ на ихъ волю.—Посмотрите, какъ живутъ и не хотятъ умирать слова, мысли и чувства полу-фантастическаго Гомера—и сколько «движенія» вызвало за время своего существованія каждое его слово.

Несомнѣнно, что въ каждой мысли поэта заключается огромный потенціалъ силы, подобный потенціалу, заключающемуся въ кускѣ угля или въ живой клѣточкѣ, но безконечно болѣе тонкій, невѣсомый и могущественный.

Это замѣчательное соотношеніе явленій можетъ быть выражено такъ, что, чѣмъ дальше данное явленіе отъ видимаго и осязаемаго,—отъ физическаго,—чѣмъ дальше оно отъ матеріи, тѣмъ больше въ немъ скрытой силы, тѣмъ большее количество явленій оно можетъ произвести, повлечь за собой, тѣмъ большее количество энергіи оно можетъ освободить, и тѣмъ меньше оно зависитъ отъ времени.

Если связать все сказанное съ принципомъ физики, что *количество энергіи постоянно*, то мы должны точнѣе опредѣлить, что во всѣхъ предыдущихъ положеніяхъ говорилось не о *созданіи* новой энергіи, а объ *освобожденіи* скрытой силы. При чемъ мы нашли, что освобождающая сила жизни и мысли безконечно больше освобождающей силы механическаго движенія и химическихъ вліяній.

Микроспическая живая клѣточка сильнѣе вулкана — идея сильнѣе геологическаго переворота.

Установивъ эти различія между явленіями, попробуемъ посмотрѣть, что представляютъ изъ себя явленія, взятыя сами по себѣ. независимо отъ нашего воспріятія и чувствованія ихъ.

Мы сразу увидимъ, что объ этомъ мы ничего не знаемъ.

Мы знаемъ явленіе постольку, поскольку оно является *раздраженіемъ*, т. е. поскольку оно вызываетъ ощущеніе.

Позитивная философія въ основѣ всѣхъ явленій видитъ механическое движеніе или электро-магнетическую энергію. Но гипотеза вибрирующихъ атомовъ или *единицъ энергіи*—электроновъ и круговорота движенія, различныя комбинаціи котораго создаютъ различныя «явленія»—это только гипотеза, построенная на совершенно искусственномъ и произвольномъ предположеніи о существованіи міра во времени и пространствѣ. Разъ мы находимъ, что условія времени и пространства — только свойства нашего чувственнаго воспріятія, мы совершенно уничтожаемъ всякую возможность гипотезы «энергіи», какъ основы всего, такъ какъ для энергіи необходимо пространство и время, т.-е. необходимо, чтобы условія пространства и времени были свойствами міра, а не свойствами сознанія.

Такимъ образомъ въ дѣйствительности *о причинахъ явленій* мы ничего не знаемъ.

Мы знаемъ, что какія то комбинаціи причинъ, дѣйствуя черезъ посредство организма на наше сознаніе, производятъ рядъ ощущеній, сознаваемыхъ, какъ *зеленое дерево*. Но соотвѣтствуетъ ли представленіе дерева реальной сущности причинъ, вызвавшихъ эти ощущенія, мы не знаемъ.

Вопросъ объ отношеніи явленія *къ вещи въ себѣ*, т.-е. къ сущности, которая за нимъ кроется, съ давнихъ временъ составлялъ самую главную и самую трудную проблему философіи.—Можемъ ли мы, изучая явленія, добраться до ихъ причины, до самой сущности вещей?—Кантъ опредѣленно сказалъ: *нѣтъ*,—изучая явленія, мы даже не приближаемся къ пониманію вещи въ себѣ.—И, признавая правильность взгляда Канта, мы, если желаемъ приблизиться къ пониманію вещей въ себѣ, должны искать совершенно другого метода, совершенно иного пути, чѣмъ тотъ, которымъ идетъ позитивная наука, изучающая явленія или *феномены*.

ГЛАВА XIII.

Явная и скрытая сторона жизни. Позитивизмъ, какъ изученіе феноменальной стороны жизни. Въ чемъ заключается «двумѣрность» позитивной философіи? Разсмотрѣніе всего на одной плоскости, въ одной физической послѣдовательности. Ручьи, текущіе подъ землей. Что можетъ дать изученіе жизни, какъ феномена? Искусственный міръ, который строитъ себѣ наука. Отсутствіе въ дѣйствительности законченныхъ и отдѣльныхъ явленій. Новое ощущеніе міра.

Существуютъ видимыя и скрытыя причины явленій, существуютъ видимыя и скрытыя слѣдствія.

Возьмемъ какой-нибудь примѣръ.

Во всѣхъ учебникахъ исторіи литературы разсказывается, что въ свое время «Вертеръ», вызвалъ въ Германіи эпидемію самоубійствъ.

Что же вызвало эти самоубійства?

Представьте себѣ теперь, что является «ученый», который, заинтересовавшись фактомъ увеличенія самоубійствъ, начинаетъ изучать первое изданіе «Вертера» по методу точныхъ позитивныхъ наукъ. Онъ взвѣшиваетъ книгу, измѣряетъ ее самыми точными приборами, записываетъ число страницъ, дѣлаетъ химическій анализъ бумаги и типографской краски, сосчитываетъ число строкъ на каждой страницѣ, и число буквъ, и число знаковъ препинанія, наконецъ, сосчитываетъ, сколько разъ въ Вертерѣ встрѣчается буква А, и сколько разъ буква В, и сколько разъ попадается вопросительный знакъ и пр. Словомъ, продѣлываетъ все то, что благочестивые мусульмане продѣлывали съ Кораномъ Магомета—и на основаніи своихъ изслѣдованій пишетъ трактатъ объ отношеніи буквы А нѣмецкаго алфавита къ самоубійствамъ.

Представимъ себѣ другого ученаго, который занимается исторіей живописи, рѣшаетъ поставить ее на научную почву и предпринимаетъ длинную серію анализовъ красокъ картинъ знаменитыхъ художниковъ съ цѣлью опредѣлить причины различнаго дѣйствія на насъ различныхъ картинъ.

Представимъ себѣ дикаря, «изучающаго» часы. Представимъ себѣ, что это умный дикарь и хитрый. Онъ разобралъ часы и со-

считалъ всѣ колесики и винтики, сосчиталъ число зубчиковъ на каждомъ колесикѣ, знаетъ часы вдоль и поперекъ. Единственно не знаетъ чего—*зачѣмъ они существуютъ*. И не знаетъ, что стрѣлка обходитъ циферблатъ въ половину сутокъ, *т. е., что по часамъ можно узнавать время.*

Это все «позитивизмъ».

Мы черезчуръ привыкли къ «положительнымъ» методамъ и не замѣчаемъ, что они приходятъ къ абсурдамъ и совершенно не ведутъ къ цѣли, если мы ищемъ *объясненія смысла* чего либо.

Дѣло въ томъ, что для *объясненія смысла* позитивизмъ не годится. Природа для него закрытая книга, которую онъ изучаетъ по внѣшности. Въ смыслѣ изученія *дѣйствія* природы положительные методы идутъ очень далеко, доказательство—всѣ безчисленные успѣхи современной техники до воздухоплаванія включительно. Но все на свѣтѣ имѣетъ свою опредѣленную сферу дѣйствія. Позитивизмъ очень хорошъ, когда онъ ищетъ отвѣта на вопросъ, *какимъ образомъ* совершается нѣчто въ данныхъ условіяхъ. Но когда онъ дѣлаетъ попытки выйти изъ своихъ опредѣленныхъ условій (времени, пространства и причинности)—или начинаетъ утверждать, что внѣ данныхъ условій, ничего нѣтъ, онъ заходитъ явно не въ свою сферу.

Правда, болѣе серьезные позитивные мыслители отрицаютъ всякую возможность ставить въ «положительномъ изслѣдованіи» вопросы *почему* и *для чего*. Исканіе *смысла* и цѣли телеологіи позитивной философіей признается почти абсурдомъ. Это, конечно, вѣрнѣе. Потому что телеологія съ *позитивной точки зрѣнія*, дѣйствительно, абсурдъ. Но дѣло въ томъ, что позитивная точка зрѣнія не единственная возможная. Обычная ошибка позитивизма въ томъ, что онъ не видитъ ничего *кромѣ себя* и считаетъ—или все возможнымъ для себя—или, невозможнымъ вообще, очень многое, что вполнѣ возможно, *но не для* позитивнаго изученія.

Человѣчество же никогда не перестаетъ искать отвѣтовъ на вопросы *почему* и *для чего*.

Позитивный ученый передъ природой находится почти въ положеніи дикаря среди библіотеки, полной цѣнныхъ, рѣдкихъ книгъ. Книга для дикаря *вещь*, извѣстной величины и вѣса. Сколько бы онъ ни думалъ, для чего можетъ служить эта странная вещь, онъ по ея внѣшности никогда не пойметъ, и *содержаніе книги* для него остается *непостижимымъ нуменомъ*. Такъ же непостижимо для позитивнаго ученаго содержаніе природы.

Но если человѣкъ *знаетъ* о существованіи содержанія книги,

нумена жизни, если онъ знаетъ, что подъ видимыми явленіями кроется тайный смыслъ, то есть возможность, что онъ въ концѣ концовъ доберется до сути.

Для этого необходимо понимать *идею* внутренняго содержанія, т.-е. смыслъ вещи въ себѣ.

Ученый, который находитъ таблички съ іероглифами или клинообразными надписями на незнакомомъ языкѣ, послѣ большого труда разбираетъ ихъ и прочитываетъ.—И для того, чтобы прочитать ихъ, ему необходимо только одно:—необходимо знать, что эти значки *представляютъ собой надпись*. Пока онъ будетъ считать ихъ простымъ орнаментомъ, внѣшнимъ украшеніемъ табличекъ или случайнымъ рисункомъ, не связаннымъ со смысломъ—до тѣхъ поръ ихъ смыслъ и значеніе будутъ для него абсолютно закрыты. Но стоитъ ему только предположить существованіе этого смысла, и *возможность* постиженія уже открылась.

Нѣтъ шифра, котораго нельзя бы было прочитать безъ всякаго ключа. *Но нужно знать, что это шифръ*. Это первое и необходимое условіе. Безъ этого ничего сдѣлать нельзя.

Идея существованія явной и скрытой сторонъ жизни давно была знакома философіи. Явленія или *феномены* признавались только одной стороной міра, *кажущейся*, реально не существующей, возникающей въ нашемъ сознаніи въ моментъ нашего соприкосновенія съ реальнымъ міромъ. Другая сторона, *нумены*, признавались реально существующими сами въ себѣ, но недоступными для нашего воспріятія.

Но не можетъ быть большей ошибки, какъ считать міръ *раздѣленнымъ* на феномены и нумены,—признавать феномены и нумены отдѣльными одни отъ другихъ, существующими самостоятельно другъ отъ друга и могущими быть познаваемыми одни помимо другихъ. Это полная философская безграмотность, ярче всего проявляющаяся въ дуалистическихъ *спиритуалистическихъ* теоріяхъ. Раздѣленіе феноменовъ и нуменовъ существуетъ только въ нашемъ познаніи. «Феноменальный міръ» есть только наше неправильное представленіе о мірѣ.

Какъ писалъ Карлъ Дюпрель: *потусторонній міръ есть только своеобразно созерцаемый міръ посюсторонній* («Загадочность человѣческаго существа»). Правильнѣе было бы сказать, что *посюсторонній міръ есть своебразно созерцаемый міръ потусторонній*.

И совершенно справедлива идея Канта, что изученіе феноменальной стороны міра не приблизитъ насъ къ пониманію «вещей

въ себѣ». «Вещь въ себѣ»—это есть вещь такъ, какъ она существуетъ сама по себѣ, *безъ насъ*. «Феноменъ вещи»—это есть вещь въ такомъ видѣ, какъ мы ее воспринимаемъ.

Примѣръ—книга въ рукахъ безграмотнаго дикаря—совершенно ясно показываетъ намъ, что достаточно не знать о существованіи нумена вещи (т.-е. въ данномъ случаѣ содержанія книги), и онъ никогда не обнаружитъ себя въ феноменахъ. Но достаточно знать его, чтобы открылась возможность найти его при посредствѣ тѣхъ же феноменовъ, изученіе которыхъ безъ знанія о существованіи нумена было бы совершенно безплодно.

Какъ для дикаря, изучающаго феноменальную сторону часовъ, число колесиковъ и число зубчиковъ въ каждомъ колесикѣ,—совершенно невозможно приблизиться къ пониманію того, что такое часы, такъ и для позитивнаго ученаго, изучающаго внѣшнюю *проявляющуюся* сторону жизни, навсегда остается скрытымъ ея тайный raison d'être и *цѣль* отдѣльныхъ проявленій.

Для дикаря часы будутъ очень интересной, сложной, но совершенно безполезной игрушкой. Приблизительно такимъ же, безконечно болѣе сложнымъ, но такъ же неизвѣстно для чего существующимъ и неизвѣстно какимъ образомъ создавшимся *механизмомъ* представляется *человѣкъ* взгляду ученаго-матеріалиста.

Мы рисовали себѣ, какъ непостижимы будутъ функціи *свѣчи* и *монеты* для плоскаго существа, изучающаго на своей плоскости *два одинаковыхъ кружка*. Точно такъ же непонятны функціи *человѣка* ученому, изучающему его, какъ *механизмъ*. Ясно, почему это такъ должно быть. Потому что свѣча и монета—это не два *одинаковыхъ кружка*, а два совершенно различныхъ предмета, имѣющихъ совершенно различное значеніе и примѣненіе въ мірѣ, *высшемъ*, сравнительно съ плоскостью—и человѣкъ *не механизмъ*, а нѣчто, имѣющее цѣль и значеніе въ мірѣ, *высшемъ*, сравнительно съ видимымъ.

Функціи свѣчи и монеты въ нашемъ мірѣ для предполагаемаго плоскаго существа—это недоступный *уменъ*. Ясно, что феноменъ *кружка* не можетъ дать понятія о функціи свѣчи и объ отличіи ея отъ монеты. Но *двумѣрное познаніе* существуетъ не только на плоскости. Матеріалистическая мысль пытается примѣнять его къ реальной жизни. Получаются курьезы, истинное значеніе которыхъ, къ сожалѣнію, для многихъ непонятно. Одно изъ такихъ примѣненій — «экономическій человѣкъ» — это совершенно ясно двумѣрное и плоское существо, двигающееся по двумъ направленіямъ, производства и потребленія, т.-е. живущее на плоскости *производства-потребленія*. Какъ можно представлять себѣ

человѣка вообще въ видѣ такого явно искусственнаго существа? И какъ можно надѣяться понять законы жизни человѣка съ его сложными запросами духа и съ главнымъ импульсомъ жизни, заключающимся въ стремленіи къ *постиженію*, пониманію всего кругомъ себя и въ себѣ,—изучая воображаемые законы жизни воображаемаго существа на воображаемой плоскости?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ составляетъ секретъ изобрѣтателей.—Но экономическая схема увлекаетъ людей, какъ увлекаютъ всѣ простыя схемы, дающія короткій отвѣтъ на рядъ длинныхъ вопросовъ. И мы слишкомъ запутались въ матеріалистическихъ теоріяхъ и не видимъ ничего кромѣ нихъ.

Позитивная наука по существу не отрицаетъ ученія о феноменахъ и нуменахъ—только она утверждаетъ въ противность Канту, что, изучая феномены, мы постепенно подходимъ къ нуменамъ. Нуменами явленій наука считаетъ движеніе атомовъ и эфира или вибраціи электроновъ, разсматривая такимъ образомъ вселенную, какъ вихрь механическаго движенія или поле проявленія электро-магнетической энергіи, принимающихъ для насъ «феноменальную окраску» при воспріятіи ихъ органами чувствъ.

«Матеріализмъ» или «энергетизмъ» утверждаетъ, что явленія жизни и сознанія—только функція физическихъ явленій, что безъ физическихъ явленій явленія жизни и сознанія существовать не могутъ, и представляютъ собой только извѣстную сложную комбинацію этихъ послѣднихъ. Матеріализмъ утверждаетъ, что явленія сознанія создаются изъ преломленныхъ въ живомъ организмѣ внѣшнихъ раздраженій,—что вся психическая и духовная жизнь эволюціонировала изъ простой раздражаемости клѣточки, т.-е. изъ способности отвѣчать движеніемъ на внѣшнее раздраженіе,—что всѣ три рода явленій въ сущности одно и то же,—и *высшія*, т.-е. явленія жизни и сознанія, суть только различныя проявленія *низшаго*, т.-е. одной и той же энергіи.

На все это можно возразить одно. Если бы это было вѣрно—это давно было бы доказано. Ничего не можетъ быть легче, какъ доказать энергетическую гипотезу жизни и сознанія. Стоитъ только получить механическимъ путемъ *жизнь* или *сознаніе*. Матеріализмъ или энергетизмъ «очевидныя» теоріи, которыя *не могутъ быть вѣрны безъ доказательствъ*, потому что онѣ не могутъ не имѣть доказательствъ, если въ нихъ есть хоть крупица истины.

Но доказательствъ у этихъ теорій нѣтъ, наоборотъ—безконечно большая потенціальность явленій жизни и сознанія въ сравненіи съ жизненными явленіями говоритъ намъ нѣчто, совершенно противо-

положное. И мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что энергетизмъ—это такая же субъективная теорія, какъ любая доктрина догматической теологіи.

Достаточно одного указаннаго факта огромной освобождающей, развязывающей силы явленій сознанія для того, чтобы совершенно реально и твердо поставить проблему о *мірѣ скрытаго*.

И міръ скрытаго не можетъ быть міромъ безсознательнаго механическаго движенія, безсознательнаго развитія электро-магнетическихъ силъ. Позитивныя теоріи допускаютъ возможность объясненія *высшаго* черезъ посредство *низшаго*, допускаютъ возможность объясненія *невидимаго* черезъ посредство *видимаго*. Но было указано, въ началѣ, что это—объясненіе одного неизвѣстнаго посредствомъ другого. Еще меньше основаній объяснять *извѣстное* посредствомъ *неизвѣстнаго*. Между тѣмъ то низшее (матерія и движеніе), которымъ позитивная теорія стремится объяснить «высшее» (жизнь и мысль), *само неизвѣстно*. Слѣдовательно, *имъ* нельзя объяснять и опредѣлять ничего другого. Тогда какъ высшее, т.-е. *мыслъ*, это наше единственное *извѣстное*, единственно, что мы знаемъ, что мы сознаемъ въ себѣ, и въ чемъ мы не можемъ ошибаться и сомнѣваться. И разъ мысль можетъ вызвать или *развязать* физическую энергію, а движеніе *никогда* не можетъ вызвать или развязать мысли (изъ вращающагося колеса никогда не получится мысли), то, конечно, мы должны стремиться опредѣлить не высшее посредствомъ низшаго, а низшее посредствомъ высшаго. И разъ невидимое, какъ *содержаніе книги* или *назначеніе часовъ*, опредѣляетъ собою видимое, то и мы должны стремиться понять не видимое, а невидимое.

Исходя изъ неправильнаго предположенія о *механичности* нуменальной стороны природы, позитивная наука, на которой основано міросозерцаніе интеллигентнаго большинства современнаго человѣчества, дѣлаетъ еще другую ошибку при разсмотрѣніи закона причинъ и слѣдствій или закона функцій—именно, ошибается въ томъ, что является причиной и что слѣдствіемъ.

Подобно двумѣрному и плоскому существу, которое всѣ явленія, доходящія до его сознанія, разсматриваетъ, какъ лежащія на одной плоскости, такъ и позитивный ученый стремится истолковать на одной плоскости всѣ явленія разныхъ порядковъ; т.-е. объяснить всѣ видимыя явленія, какъ слѣдствія другихъ видимыхъ явленій и какъ неизбѣжную причину послѣдующихъ видимыхъ явленій. Иначе говоря, онъ разсматриваетъ въ причинной и функціональной зависимости только явленія, происходящія на поверхности, изучаетъ

видимый міръ или явленія видимаго міра,—не допуская, чтобы въ этотъ міръ могли входить не заключающіяся въ немъ причины, или чтобы явленія этого міра могли имѣть выходящія изъ него функціи.

Но это опять могло бы быть вѣрно только въ такомъ случаѣ, если бы въ мірѣ не было явленій жизни и сознанія, или если бы явленія жизни и сознанія дѣйствительно были *производными* отъ явленій физическихъ, и не обладали бы безконечно большей скрытой силой, чѣмъ послѣднія. Тогда мы имѣли бы право и основаніе разсматривать цѣпи явленій только въ ихъ физической или видимой послѣдовательности, какъ это дѣлаетъ позитивная наука. Но, принимая въ соображеніе явленія жизни и сознанія, мы непремѣнно должны признать, что цѣпь явленій изъ послѣдовательности чисто физической очень часто переходитъ въ послѣдовательность біологическую, т.-е. уже заключающую въ себѣ много скрытаго, невидимаго для насъ, — или въ послѣдовательность психологическую, гдѣ еще больше скрытаго;—а при обратномъ переходѣ въ физическую послѣдовательность изъ біологической и психологической сферъ дѣйствія идутъ часто, если не всегда, именно изъ ихъ скрытыхъ отъ насъ сторонъ; т. е. причиной видимаго является невидимое. На основаніи этого мы должны признать, что цѣпи послѣдовательностей невозможно разсматривать въ мірѣ однихъ физическихъ явленій. Когда эта послѣдовательность касается жизни человѣка или человѣческаго общества, то мы ясно видимъ, какъ она часто уходитъ изъ «физической сферы» и опять въ нее возвращается. Смотря съ этой точки зрѣнія, мы увидимъ, какъ въ жизни одного человѣка, такъ и въ жизни общества множество ручьевъ, временами выходящихъ на поверхность и бьющихъ буйными потоками и временами уходящихъ глубоко подъ землю, скрывающихся отъ глазъ, но не исчезающихъ, и только ждущихъ своего момента, чтобы опять появиться на поверхности.

Мы наблюдаемъ въ мірѣ постоянныя цѣпи явленій и видимъ, какъ эти цѣпи, не прерываясь, переходятъ изъ одного порядка явленій въ другой. Мы видимъ, какъ явленія сознанія—мысли, чувства, желанія—сопровождаются явленіями физіологическими, а, можетъ быть, и создаютъ ихъ, и даютъ начало рядамъ чисто физическихъ явленій, и мы видимъ, какъ физическія явленія, дѣлаясь объектомъ зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ, обонятельныхъ и другихъ ощущеній, возбуждаютъ физіологическія явленія и затѣмъ психологическія. Но, смотря на жизнь со стороны, мы видимъ только физическія явленія. И, увѣривъ себя, что это единственная реальность, мы можемъ совсѣмъ не замѣчать другихъ. Тутъ проявляется огром-

ная сила внушенія ходячихъ идей. Искреннему позитивисту кажется софистикой всякое метафизическое построеніе, доказывающее нереальность матеріи или энергіи. Оно кажется ему чѣмъ-то ненужнымъ, досаднымъ, мѣшающимъ правильному ходу мысли, покушающимся безъ цѣли и безъ смысла на то, что единственно, по его мнѣнію, твердо установлено, на единственно непреложное, лежащее въ основѣ всего. Онъ досадливо отмахивается отъ «идеалистическихъ или «мистическихъ» теорій, какъ отъ жужжанія комара...

Но дѣло въ томъ, что *мыслъ* и *энергія* въ сущности своей— различны, и не могутъ быть *однимъ и тѣмъ же*, потому что *мыслъ* есть субъективное явленіе, а *энергія*—объективное. И если вскрыть мозгъ живого человѣка и увидѣть всѣ колебанія клѣточекъ сѣраго вещества мозга и всѣ дрожанія волоконъ бѣлаго вещества, *то все-таки все это будетъ только движеніе*, а мысль останется гдѣ-то за предѣлами изслѣдованія, отходя отъ него при всякомъ приближеніи къ ней, какъ тѣнь. «Позитивистъ», если онъ начинаетъ сознавать все это, чувствуетъ, что у него изъ подъ ногъ уходитъ почва, чувствуетъ, что со своимъ методомъ, онъ *никогда* не подойдетъ къ *мысли*. И онъ ясно видитъ необходимость новаго метода. *Только подумавъ это*, онъ вдругъ начинаетъ замѣчать кругомъ себя вещи, которыхъ раньше не видалъ. Глаза открываются у него на то, чего онъ раньше не хотѣлъ видѣть. Стѣны, которыя онъ самъ построилъ кругомъ себя, начинаютъ рушиться одна за другой, и за падающими стѣнами передъ нимъ раскрываются безконечные горизонты *возможностей знанія*, которыя ему раньше даже не снились.

И тогда у него совершенно мѣняется взглядъ на все окружающее. Онъ понимаетъ, что *видимое* производится *невидимымъ*; и что, не понявъ невидимаго, нельзя понять видимаго. Его «позитивизмъ» начинаетъ колебаться. И если это человѣкъ со *смѣлой мыслью*, то въ одинъ прекрасный моментъ онъ увидитъ, что какъ разъ то, что онъ считалъ реальнымъ и истиннымъ—нереально и ложно, и то, что онъ считалъ ложнымъ—реально и истинно.

Прежде всего онъ видитъ, что *проявившіяся* физическія явленія часто скрываются, точно ручей, ушедшій подъ землю. Но не исчезаютъ совсѣмъ, а живутъ въ скрытомъ видѣ въ чьихъ-то сознаніяхъ, въ чьей-то памяти, въ чьихъ-то словахъ или въ книгахъ, какъ будущая жатва скрывается въ сѣменахъ. И потомъ опять вырываются на свѣтъ, изъ скрытаго состоянія переходятъ въ явное, производя шумъ, громъ и движеніе.

Мы видимъ эти переходы невидимаго въ видимое въ личной жизни человѣка, видимъ въ жизни народовъ, въ исторіи человѣ-

чества. Эти цѣпи событій идутъ непрерывно, переплетаясь между собою, входя одна въ другую, временами скрываясь отъ нашихъ глазъ, временами появляясь опять.

Художественное изображеніе этой идеи я нахожу въ статьѣ «*Карма*» Мабель Коллинзъ въ книгѣ «Light on the Path».

Представьте себѣ вмѣстѣ со мною, говорится въ этой статьѣ, что каждое индивидуальное существованіе есть какъ бы канатъ, протянутый изъ безконечности въ безконечность, не имѣющій ни конца, ни начала и не могущій быть разорваннымъ. Этотъ канатъ образованъ изъ безчисленнаго количества тонкихъ нитей, которыя, лежа тѣсно вмѣстѣ, образуютъ его толщину... И помните, что эти нити живыя, онѣ подобны электрическимъ проволокамъ или даже скорѣе подобны вибрирующимъ нервамъ...

Но иногда эти длинныя живыя нити, въ своемъ непрерывномъ сплошномъ протяженіи, образующія индивидуальное существо, переходятъ изъ тѣни на свѣтъ...

Эта иллюстрація представляетъ только небольшую часть, одну сторону истины, это меньше, чѣмъ фрагментъ. Но остановитесь на немъ, при помощи его вы можете пойти дальше и понять больше. Что необходимо прежде всего понять, это то, что будущее не образуется произвольно отдѣльными поступками настоящаго, но что все будущее есть неразрывная, сплошная протяженность настоящаго, какъ настоящее есть сплошная протяженность прошедшаго. На одной плоскости, съ одной точки зрѣнія, примѣръ каната совершенно вѣренъ *).

Приведенное мѣсто показываетъ намъ, что идея Кармы, созданная въ глубокой древности индійской философіей, есть идея непрерывной послѣдовательности явленій. Каждое явленіе, какъ бы мало оно ни было, есть звено безконечной и неразрывной цѣпи, идущей изъ *прошедшаго* въ *будущее*, переходя изъ одной сферы въ другую, то *появляясь* въ видѣ физическихъ явленій, то *скрываясь* въ явленіяхъ сознанія.

Если мы посмотримъ на идею Кармы съ точки зрѣнія нашей теоріи времени и пространства многихъ измѣреній, то для насъ перестанетъ казаться чудесной и непонятной *связь отдаленныхъ событій*. Разъ самыя отдаленныя по времени событія *соприкасаются въ четвертомъ измѣреніи*, то это значитъ, что въ сущности они происходятъ одновременно, какъ причина и слѣдствіе. И стѣны, раздѣляющія ихъ,—только наша иллюзія, которую не можетъ превозмочь нашъ слабый разсудокъ. Вещи соединены не временемъ, а внутренней связью, внутреннимъ соотношеніемъ. И время не можетъ разъединить вещи,

*) «Light on the Path and Karma», by M. Collins (стр. 96, 97, 98), «Свѣтъ на Пути» полный русскій переводъ изд. «Новый Человѣкъ» Спб. 1913.

внутренно близкія, вытекающія одна изъ другой. Какія-нибудь другія свойства этихъ вещей заставляютъ ихъ казаться намъ разъединенными океаномъ времени. Но мы знаемъ, что этого океана *въ дѣйствительности* не существуетъ, и начинаемъ понимать, какимъ образомъ и почему событія одного тысячелѣтія могутъ *непосредственно* вліять на событія другого тысячелѣтія.

Для насъ становится понятной скрытая дѣятельность событій. Мы понимаемъ, что для нашихъ глазъ явленія должны дѣлаться скрытыми, чтобы сохранить намъ иллюзію времени.

Мы знаемъ это, знаемъ, что сегодняшнія событія вчера были идеями и чувствами—и что завтрашнія событія сегодня лежатъ въ чьемъ то раздраженіи, въ чьемъ то голодѣ, въ чьемъ то страданіи, а можетъ быть еще больше въ чьемъ то воображеніи, въ чьей то фантазіи, въ чьихъ то мечтахъ. Мы знаемъ все это, и тѣмъ не менѣе наша «позитивная» наука упорно желаетъ видѣть послѣдовательность только между видимыми явленіями, т. е. считать каждое видимое или физическое явленіе слѣдствіемъ *только* другого физическаго явленія, одинаково видимаго.

Это стремленіе разсматривать все на одной плоскости, нежеланіе признать что либо внѣ этой плоскости, страшно суживаетъ нашъ взглядъ на жизнь, не даетъ намъ охватить ее полностью—и вмѣстѣ съ матеріалистическими попытками объяснить *высшее*, какъ функцію *низшаго*, является главнымъ тормазомъ развитія нашего знанія, главной причиной неудовлетворенности наукой, жалобъ на банкротство науки и ея дѣйствительнаго банкротства во многихъ отношеніяхъ.

Неудовлетворенность наукой вполнѣ основательна, и жалобы на ея несостоятельность вполнѣ справедливы, потому что наука дѣйствительно зашла въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода, и оффиціальное признаніе того, что ея главныя направленія были сплошнымъ заблужденіемъ, это только вопросъ небольшого времени.

Возьмемъ какой нибудь простой примѣръ, гдѣ бы происходили въ связи между собою всѣ три рода извѣстныхъ намъ явленій—явленія физическія, явленія жизни и явленія сознанія—и посмотримъ, какъ разсматриваетъ ихъ позитивная наука.

Представьте себѣ, что вы стоите у окна и видите на улицѣ человѣка, который стрѣляетъ изъ револьвера въ другого человѣка.

Цѣлая цѣпь явленій, идущая очевидно издалека, изъ неизвѣстнаго вамъ прошедшаго, и уходящая въ неизвѣстное вамъ буду-

щее. Цѣпь совершенно связанная и нераздѣльная. «Выстрѣлъ»— звено въ этой цѣпи.

Но, если наука будетъ разсматривать выстрѣлъ, она возьметъ его совершенно внѣ той цѣпи, звеномъ которой онъ является, и если построитъ *свою* цѣпь явленій, звеномъ которой по ея мнѣнію явится выстрѣлъ, то возьметъ эти явленія въ неправильной послѣдовательности, потому что включитъ въ эту цѣпь только явленія физическія.

«Выстрѣлъ» есть звено безконечной цѣпи явленій.—Это наука можетъ признать.—Но, разсматривая выстрѣлъ, она непремѣнно возьметъ его, какъ нѣчто *конечное*, т. е. какъ нѣчто, имѣющее начало и конецъ, потому что у нея нѣтъ ни метода, ни средствъ для обращенія съ безконечными рядами. Правда, математика, которую позитивная мысль кладетъ въ основу своихъ построеній совершенно точно устанавливаетъ, что безконечныя величины подчинены совсѣмъ другимъ законамъ, чѣмъ конечныя, и что съ безконечными величинами нельзя обращаться, какъ съ конечными.—Этого наука тоже не можетъ не признать *въ теоріи*. Но на практикѣ она совсѣмъ не считается съ этимъ въ своихъ заключеніяхъ. И непремѣнно желаетъ разсматривать всякое явленіе, какъ конечное. Такъ и въ данномъ случаѣ.

Что такое выстрѣлъ съ точки зрѣнія науки?—Движеніе гашетки и пружины, ударъ курка по пистону, взрывъ газовъ, выбрасывающій пулю, звукъ отъ сотрясенія воздуха, полетъ пули и ударъ ее во что-нибудь, лежащее на ея пути.

Вотъ все, что видно съ позитивной точки зрѣнія. Въ какой же цѣпи является звеномъ это явленіе, разсматриваемое такимъ образомъ? Физикъ скажетъ, что причиной выстрѣла явилась взрывчатая сила, заключающаяся въ порохѣ, т. е. способность его быстро переходить въ газообразное состояніе, давая при этомъ огромное количество газовъ, сравнительно съ небольшимъ количествомъ твердаго вещества. Онъ объяснитъ, почему это происходитъ, разскажетъ, изъ чего сдѣланъ порохъ, можетъ быть, укажетъ, откуда и какимъ образомъ перешла въ порохъ энергія, развившаяся при выстрѣлѣ. Затѣмъ онъ такимъ же образомъ разберетъ пистонъ и въ заключеніе признаетъ, что *толчкомъ* къ освобожденію энергіи, проявившейся при выстрѣлѣ, явилось сокращеніе мускуловъ пальца, нажавшаго гашетку. Небольшое количество энергіи, затраченное въ этомъ маленькомъ движеніи, несомнѣнно было раньше заимствовано изъ окружающаго міра, получено съ пищей, съ воздухомъ. Возможно, что при нажатіи на гашетку пальцемъ дѣйствовала энергія, заключавшаяся въ съѣденномъ наканунѣ кускѣ мяса.

О послѣдствіяхъ выстрѣла наука скажетъ, что вырвавшіеся

газы произвели сотрясеніе воздуха, и сила, вложенная при выстрѣлѣ въ пулю, ушла на разрываніе мяса, костей и жилъ въ тѣлѣ другого человѣка.

Все изложенное не карикатура, а совершенно точное изображеніе научнаго метода описанія явленій. Больше наука, *оставаясь наукой*, ничего сказать не можетъ.

Но посмотримъ, насколько такое разсмотрѣніе выстрѣла соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Посмотримъ *реально*, въ какихъ цѣпяхъ является звеномъ выстрѣлъ.—Здѣсь мы прежде всего приходимъ къ признанію очень важнаго факта. Выстрѣлъ является звеномъ въ *очень многихъ* цѣпяхъ. Позитивная наука разсматриваетъ одну изъ нихъ—цѣпь физической послѣдовательности. Между тѣмъ въ дѣйствительности «выстрѣлъ»—точка пересѣченія очень многихъ линій, звено очень многихъ перекрещивающихся на немъ цѣпей. Попробуемъ разсмотрѣть другія цѣпи. Прежде всего посмотримъ—правильно или неправильно мы считаемъ *фактомъ*, что выстрѣлъ есть звено во *многихъ* цѣпяхъ, во многихъ послѣдовательностяхъ явленій.

Цѣпь физической послѣдовательности, которую разсматриваетъ наука не есть причинная цѣпь, т. е. это не есть цѣпь предшествовавшихъ *причинъ*, приведшихъ къ выстрѣлу.—Это есть цѣпь *средствъ*, создавшихъ *возможность* явленія выстрѣла. Это цѣпь *накопленія* физической энергіи, развязанной при выстрѣлѣ. Но развязало эту энергію нѣчто совсѣмъ другое. Развязало эту энергію *чувство*, горѣвшее въ моментъ выстрѣла въ душѣ стрѣлявшаго, его *желаніе выстрѣлить*, рѣшеніе выстрѣлить. Желаніе и рѣшеніе выстрѣлить это *явленія сознанія*. Они создались подъ вліяніемъ многихъ другихъ предшествовавшихъ имъ обстоятельствъ. И рядъ этихъ предшествовавшихъ обстоятельствъ, куда входили и явленія сознанія, и физическія явленія, представляетъ собой *причинную цѣпь выстрѣла*, т. е. цѣпь причинъ, создавшихъ явленіе выстрѣла, развязавшихъ всѣ скрытыя энергіи (мускульную силу пальца и взрывчатую силу пороха), дѣйствовавшія въ моментъ выстрѣла. Въ выстрѣлѣ—рядъ затаенныхъ, скрытыхъ явленій сознанія—желанія мести, злобы, ненависти, страха—выразился въ видѣ физическаго явленія.

Ручей изъ подъ земли выбился наружу.

Несомнѣнно, что выстрѣлъ—звено въ цѣпи многихъ событій. Можетъ быть, это результатъ заговора, можетъ быть, онъ вызванъ страстью и ревностью, можетъ быть, человѣкъ стрѣлялъ, защищаясь, можетъ быть, защищая другого,—можетъ быть, онъ дѣйствовалъ по чувству долга, можетъ быть, имъ руководили его личныя эмоціи—

во всякомъ случаѣ «выстрѣлъ» имѣлъ свою исторію въ прошедшемъ, и онъ будетъ имѣть ее въ будущемъ. За нимъ слѣдуютъ прямыя и непосредственныя послѣдствія:—рана, нанесенная другому человѣку, боль, страданье, можетъ быть, смерть, горе его близкихъ, ихъ озлобленіе противъ убіцы, арестъ стрѣлявшаго, допросъ, слѣдствіе, судъ и т. д. Все это цѣпи событій, звеномъ которыхъ является выстрѣлъ.

Если мы будемъ разсматривать выстрѣлъ внѣ этихъ цѣпей, мы никогда не поймемъ, что представляетъ собой выстрѣлъ, *какъ явленіе.*

Позитивная наука, считающая себя реальной и точной, на самомъ дѣлѣ изучаетъ совершенно искусственный фантастическій міръ, не имѣющій ничего общаго съ *реальнымъ міромъ*. Въ реальномъ мірѣ нѣтъ ничего *отдѣльнаго*, все связано. Нѣтъ ничего *конечнаго*, законченнаго, опредѣлившагося. Наука изучаетъ «выстрѣлъ», беря его только, какъ понятіе, т. е. беря только общія свойства всѣхъ (или большинства) выстрѣловъ. Но въ реальномъ мірѣ выстрѣла, какъ понятія, не существуетъ. Логическое понятіе выстрѣла это просто искусственное *нѣчто*, созданное для удобства разсужденія. *Изучать* это искусственное нѣчто, принимая его за реальное, это и значитъ впадать въ грѣхъ матеріализма—принимать ложное за реальное. Въ дѣйствительности каждый выстрѣлъ есть звено въ своей собственной совершенно особенной комбинаціи причинныхъ цѣпей. И нельзя изъ этой комбинаціи цѣпей искусственно брать только одну, внѣшнюю. Если мы не знаемъ или не видимъ ничего кромѣ этой внѣшней послѣдовательности, мы знаемъ только *феноменъ* того, что въ дѣйствительности произошло, т. е. собственно не знаемъ ничего. Два феномена, кажущіеся совершенно одинаковыми, могутъ быть звеньями настолько различныхъ комбинацій причинныхъ цѣпей, что въ дѣйствительности эти явленія не только не одинаковы, но прямо противоположны одно другому.

Для позитивнаго мышленія *всѣ выстрѣлы* одинаковы; они различаются только силой. Но для дѣйствительно *точнаго* изслѣдованія двухъ одинаковыхъ выстрѣловъ нѣтъ.

Мы можемъ—не предположительно, но совершенно утвердительно—сказать, что міръ физическихъ явленій представляетъ собой какъ бы разрѣзъ другого міра, который существуетъ *здѣсь же*, и событія котораго происходятъ *здѣсь же*, но невидимо для насъ. Нѣтъ ничего чудеснѣе и сверхъестественнѣе жизни. Возьмите улицу большого города,—во всѣхъ ея деталяхъ. Получится огромное разнообразіе фактовъ. Но какъ много скрывается подъ этими фактами того, чего совсѣмъ нельзя видѣть. Сколько желаній, страстей, мыслей

жадныхъ, алчныхъ, сколько страданья, мелкаго, крупнаго, сколько обмана, сколько фальши, сколько лжи, сколько невидимыхъ нитей,—симпатій, антипатій, интересовъ,—связывающихъ эту улицу со всѣмъ міромъ. Если представить себѣ все это, то станетъ ясно, что улицу нельзя изучить только *по тому, что видно*. Нужно войти вглубь. Сложный и обширный *феноменъ* улицы не покажетъ ея безконечнаго нумена, связаннаго и съ вѣчностью, и со временемъ, и съ прошедшимъ, и съ будущимъ, и со всѣмъ міромъ.

Поэтому видимый феноменальный міръ мы съ полнымъ основаніемъ можемъ разсматривать, какъ разрѣзъ какого то другого безконечно болѣе сложнаго міра, въ данный моментъ для насъ проявляющагося въ первомъ.

И этотъ міръ нуменовъ безконеченъ и непостижимъ для насъ, какъ непостижимъ для двумѣрнаго существа трехмѣрный міръ во всемъ разнообразіи его функцій.—Самое большое приближеніе къ «истинѣ», какое только возможно для человѣка, заключается въ положеніи—*всякая вещь имѣетъ безконечное разнообразіе значеній, и всѣхъ этихъ значеній знать невозможно*.—Иначе говоря «истина», какъ мы ее понимаемъ, т.-е. *конечное опредѣленіе*, возможна только въ *конечномъ* ряду явленій. Въ *безконечномъ* ряду она гдѣ нибудь непремѣнно станетъ своей собственной противоположностью.

Послѣднюю мысль выразилъ Гегель:—«всякая идея, продолженная до безконечности, становится своей собственной противоположностью».

Въ этомъ *измѣненіи значенія* и лежитъ причина непостижимости нуменальнаго міра для человѣка. Нуменъ вещи, т.-е. *вещь въ себѣ*, заключается въ безконечномъ количествѣ функцій и значеній вещи, которыхъ нашимъ умомъ охватить невозможно.—И кромѣ того въ измѣненіи значенія одной и той же вещи.—Въ одномъ значеніи вещь это огромное цѣлое, включающее въ себя множество частей, въ другомъ значеніи это ничтожная часть большого цѣлаго. И нашъ умъ не можетъ связать всего этого въ одно.—Поэтому *нуменъ вещи* отступаетъ отъ насъ по мѣрѣ нашего познаванія, какъ тѣнь идетъ впереди насъ. Такъ говоритъ «Свѣтъ на Пути».

Вы войдете въ свѣтъ, но никогда не коснетесь пламени.

Это значитъ, что *всякое познаніе* условно. Мы никогда не можемъ охватить *всѣхъ значеній* одной данной вещи, потому что для того, чтобы охватить всѣ эти значенія, намъ нужно охватить *весь міръ*, со всѣмъ разнообразіемъ *его* значеній.

Главное различіе феноменальной и нуменальной сторонъ міра

заключается въ томъ, что первая *всегда ограничена*, всегда конечна, она охватываетъ тѣ свойства данной вещи, которыя мы вообще можемъ познать, *какъ явленія*;—вторая, нуменальная сторона, всегда неограничена, *всегда безконечна*. И мы никогда не можемъ сказать, гдѣ кончаются скрытыя функціи и скрытое значеніе данной вещи. Вѣрнѣе всего они не кончаются нигдѣ. Они могутъ безконечно мѣняться, т. е. казаться разными, всегда новыми, съ новыхъ точекъ зрѣнія, но они не могутъ исчезнуть, такъ же какъ не могутъ закончиться, остановиться.

Все *самое высшее*, къ чему мы придемъ въ пониманіи смысла, значенія, *души* даннаго явленія, съ другой еще болѣе высокой точки зрѣнія, при еще болѣе широкомъ обобщеніи, будетъ *опять* имѣть другой смыслъ. *И конца этому нѣтъ*! Въ этомъ величіе и ужасъ *безконечности*.

При этомъ мы должны помнить, что міръ, какъ мы его знаемъ, не представляетъ собою чего либо устойчиваго. Онъ долженъ мѣняться при малѣйшемъ измѣненіи формъ нашего познаванія. Явленія, кажущіяся намъ совершенно отдѣльными, могутъ быть видны для другого, болѣе широкаго сознанія, какъ части одного цѣлаго. Явленія, кажущіяся намъ совершенно одинаковыми, могутъ казаться совершенно различными. Явленія, представляющіяся намъ, какъ нѣчто цѣлое и недѣлимое, на самомъ дѣлѣ могутъ быть очень сложными, включать въ себя различные, не имѣющіе между собой ничего общаго элементы. И все вмѣстѣ можетъ быть однимъ цѣлымъ совершенно непонятной намъ категоріи. Поэтому рядомъ съ нашимъ взглядомъ на вещи возможенъ другой взглядъ, какъ бы изъ другого міра, «*оттуда*», «изъ того что лежитъ по ту сторону».

При чемъ *оттуда* означаетъ не другое мѣсто, а другой способъ познаванія, новое сознаніе И мы начнемъ смотрѣть *не отсюда*, а *оттуда*, если будемъ разсматривать явленіе не какъ отдѣльный феноменъ, а вмѣстѣ со всѣми перекрещивающимися въ немъ цѣпями явленій.

ГЛАВА XIV.

Голоса камней. Стѣна церкви и стѣна тюрьмы. Мачта корабля и висѣлица. Тѣни палача и подвижника. Души палача и подвижника. Различное комбинированіе въ высшемъ пространствѣ извѣстныхъ намъ явленій. Связанность явленій, кажущихся намъ отдѣльными, и различіе явленій, кажущихся одинаковыми. Какъ должны мы приближаться къ нуменальному міру? Пониманіе вещей не въ категоріяхъ времени и пространства. Реальность очень многихъ «образныхъ выраженій». Оккультное пониманіе энергіи. Письмо индуса-оккультиста. Искусство, какъ познаніе нуменальнаго міра. Что мы видимъ, и чего не видимъ? Діалогъ Платона о пещерѣ.

Намъ кажется, что мы что то видимъ и что то понимаемъ. Но въ сущности все, происходящее кругомъ насъ, мы ощущаемъ необыкновенно смутно,—какъ улитка смутно ощущаетъ солнечный свѣтъ, дождь, темноту.

Иногда мы смутно чувствуемъ въ предметахъ разницу, зависящую отъ ихъ функцій т. е. ихъ р е а л ь н у ю разницу.

Разъ я переѣзжалъ на лодкѣ черезъ Неву съ однимъ моимъ пріятелемъ А., съ которымъ мнѣ и раньше и послѣ приходилось вести много разговоровъ на темы, затрагиваемыя въ этой книгѣ. Мы что то говорили, и около крѣпости оба замолчали, смотря на стѣны и думая, вѣроятно, приблизительно одно и то же: «... тутъ же и фабричныя трубы!..» сказалъ А.—Изъ за крѣпости дѣйствительно высовывались какія то кирпичныя съ закоптѣлымъ верхомъ трубы.

И когда онъ это сказалъ, я вдругъ *съ необыкновенной яркостью*, точно толчкомъ или электрическимъ ударомъ, ощутилъ *разницу* фабричныхъ трубъ и тюремныхъ стѣнъ. Я ощутилъ *разницу самыхъ кирпичей*. И мнѣ показалось, что А. тоже ощущаетъ это.

Потомъ какъ то въ разговорѣ съ А. я вспомнилъ этотъ эпизодъ,—и онъ сказалъ мнѣ, что не только тогда, а *постоянно* ощущаетъ эту разницу и глубоко увѣренъ въ ея реальности.—«Только позитивизмъ увѣрилъ себя, что камень есть камень и больше ничего, сказалъ онъ. Но какая нибудь простая женщина или ребенокъ прекрасно знаютъ, что камень изъ стѣны церкви или камень изъ стѣны тюрьмы—это двѣ разныя вещи».

И вотъ мнѣ кажется, что, разсматривая данное явленіе въ связи

со всѣми цѣпями послѣдовательностей, звеномъ которыхъ оно является, мы увидимъ, что *субъективное ощущеніе* разницы двухъ физически одинаковыхъ предметовъ, которое мы часто считаемъ только художественнымъ образомъ, *матафорой*, и реальность котораго мы отрицаемъ—*вполнѣ реально*; мы увидимъ, что эти предметы *дѣйствительно различны*, такъ же какъ различны свѣча и монета, кажущіяся одинаковыми кружками (движущимися линіями) въ двумѣрномъ мірѣ плоскихъ существъ. Мы увидимъ тогда, что предметы одинаковые по матеріалу, изъ котораго они состоятъ, но различные по своимъ функціямъ, *дѣйствительно различны*, и что различіе идетъ настолько глубоко, что дѣлаетъ *разнымъ*, физически, какъ будто, одинаковый, матеріалъ. Бываютъ р а з н ы е к а м н и, р а з н о е д е р е в о, р а з н о е ж е л ѣ з о, р а з н а я б у м а г а. Никакая химія не уловитъ этой разницы, но она есть, и есть люди, которые ее чувствуютъ и понимаютъ.

Мачта корабля, висѣлица, крестъ въ степи на перекресткѣ дорогъ—могутъ быть сдѣланы изъ одинаковаго дерева. Но въ дѣйствительности это *разные* предметы *изъ разнаго матеріала*. То, что мы видимъ, осязаемъ, изслѣдуемъ—это только «кружки на плоскости» отъ монеты и свѣчки. Это только *тѣни* реальныхъ вещей,—*сущность которыхъ заключается въ ихъ функціи*. Тѣни матроса, палача и подвижника могутъ быть совершенно одинаковы—по тѣнямъ ихъ не различишь, точно такъ же какъ химическимъ изслѣдованіемъ не различишь дерева мачты, висѣлицы и креста. Но это разные люди и разные предметы—равны и одинаковы *только тѣни*.

И если мы возьмемъ людей, какъ мы ихъ знаемъ: матроса, палача и подвижника; людей, которые кажутся намъ одинаковыми и *равными*, и разсмотримъ ихъ съ точки зрѣнія ихъ различныхъ функцій, то мы увидимъ, что въ сущности они совершенно различны и между ними нѣтъ даже ничего общаго. Это—разныя существа, разныхъ категорій, разныхъ плоскостей міра, между которыми нѣтъ никакихъ мостковъ, никакихъ переходовъ. Эти люди кажутся намъ одинаковыми и равными, потому что мы вообще видимъ только тѣни реальныхъ фактовъ. Въ дѣйствительности «души» этихъ людей совершенно различны. И различны не по качеству, не по величинѣ, не по «возрасту», какъ теперь любятъ говорить, а различны *по самой природѣ, по происхожденію и по цѣли существованія*, какъ могутъ быть различны предметы совершенно разныхъ категорій.

И когда мы начнемъ понимать это, общее понятіе *человѣкъ* должно будетъ сильно измѣниться у насъ.

И такое отношеніе повторяется при наблюденіи всѣхъ фено-

меновъ. Мачта, висѣлица и крестъ—это вещи настолько различныхъ категорій, атомы настолько различныхъ тѣлъ (которыя мы знаемъ по ихъ функціямъ), что *ни о какой* одинаковости не можетъ быть даже рѣчи. Наше несчастіе въ томъ, что мы химическій составъ считаемъ наиболѣе реальнымъ признакомъ тѣла. Между тѣмъ реальныхъ признаковъ нужно искать въ функціяхъ вещи. Если бы у насъ явилась возможность расширить и углубить нашъ взглядъ на цѣпи послѣдовательностей, звеньями которыхъ являются наши дѣйствія и поступки;—если бы мы научились брать ихъ не только въ узкомъ значеніи по отношенію къ жизни человѣка, къ *своей* жизни но въ широкомъ космическомъ значеніи; если бы намъ удалось найти и установить связь простыхъ явленій нашей жизни съ жизнью космоса, то несомнѣнно, въ самыхъ «простыхъ» явленіяхъ для насъ открылось бы безконечно много новаго и неожиданнаго.

Мы можемъ такимъ образомъ узнать, напримѣръ, нѣчто совершенно новое о простыхъ физическихъ явленіяхъ, которыя привыкли считать естественными и объясненными и о которыхъ привыкли думать, что что-то знаемъ о нихъ. И вдругъ мы можемъ узнать, что ничего не знаемъ, что все, что мы до сихъ поръ знали о нихъ, это только неправильный выводъ изъ неправильныхъ предположеній. Намъ можетъ раскрыться нѣчто безконечно большое и неизмѣримо важное въ такихъ явленіяхъ, какъ расширеніе и сокращеніе тѣлъ, электрическія явленія, теплота, свѣтъ, звукъ, движеніе планетъ, наступленіе дня и ночи, смѣна временъ года, гроза, зарницы и пр., и пр. Вообще для насъ вдругъ могутъ объясниться самымъ неожиданнымъ образомъ свойства явленій, которыя мы привыкли принимать, какъ данныя, какъ не заключающія въ себѣ ничего сверхъ того, что мы въ нихъ видимъ.

Постоянность, длительность, періодичность, неперіодичность явленій можетъ получить для насъ совершенно новый смыслъ и значеніе. Новое и неожиданное можетъ открыться намъ въ *переходѣ* однихъ явленій въ другія. Рожденіе, смерть, жизнь человѣка, его отношенія съ другими людьми, любовь, вражда, симпатіи, антипатіи, желанія, страсти—вдругъ могутъ освѣтиться совершенно новымъ свѣтомъ. Намъ очень трудно сейчасъ представить себѣ природу этого *новаго*, которое мы можемъ почувствовать въ старыхъ вещахъ;—и очень трудно будетъ уяснить себѣ ее, когда мы начнемъ ее чувствовать. Но въ сущности только наша неспособность чувствовать и понимать это новое и отдѣляетъ насъ отъ него, потому что мы *живемъ* въ немъ и среди него.— Но наши чувства слишкомъ примитивны, наши понятія слишкомъ трубы для той тонкой дифференцировки

явленій, которая должна открываться намъ въ высшемъ пространствѣ. Нашъ умъ, наша способность ассоціацій, недостаточно эластичны для охватыванія новыхъ соотношеній. Поэтому первымъ чувствомъ при знакомствѣ съ «тѣмъ міромъ» (т. е. съ этимъ же самымъ нашимъ міромъ, только взятымъ безъ тѣхъ ограниченій, въ которыхъ мы его обыкновенно разсматриваемъ) — должно быть *удивленіе*, и это удивленіе должно все больше и больше расти по мѣрѣ большаго знакомства. И чѣмъ лучше мы знаемъ какую нибудь вещь или какое нибудь отношеніе вещей, чѣмъ ближе, чѣмъ фамильярнѣе намъ они, тѣмъ больше насъ должно удивлять то *новое* и неожиданное, что мы будемъ въ нихъ открывать.

Желая понять *нуменальный міръ*, мы должны искать *скрытаго значенія* во всемъ. Теперь въ насъ слишкомъ глубоко вошла привычка къ позитивному методу съ его стремленіемъ искать у всего *видимую* причину и *видимое* слѣдствіе. И съ этимъ багажомъ позитивныхъ привычекъ намъ очень трудно постигать нѣкоторыя идеи. Между прочимъ намъ очень трудно понять *реальность различія* въ нуменальномъ мірѣ *одинаковыхъ* предметовъ нашего міра съ различными функціями.

Но, если мы хотимъ приблизиться къ пониманію нуменальнаго міра, мы всѣми силами должны стараться *замѣчать* всѣ тѣ кажущіяся, «субъективныя» различія между предметами, которыя насъ иногда поражаютъ, которыя мы иногда *до боли ясно* чувствуемъ;—тѣ различія, которыя выражаются въ художественныхъ образахъ, часто являющихся прозрѣніемъ въ міръ реальностей.—Эти различія и есть реальности нуменальнаго міра, гораздо болѣе реальныя, чѣмъ вся *майя* нашихъ феноменовъ.

Мы должны стараться замѣчать эти реальности и развивать въ себѣ способность чувствовать ихъ, потому что именно такимъ образомъ и только такимъ образомъ мы становимся въ общеніе съ нуменальнымъ міромъ или *міромъ причинъ*.

Очень интересный примѣръ пониманія *скрытаго* значенія явленій я нахожу въ книгѣ «Оккультный міръ» («The Occult World») въ письмѣ индуса-оккультиста *) къ автору этой книги А. П. Синнету.

Мы видимъ огромную разницу, пишетъ онъ, *) между качествами двухъ равныхъ количествъ энергіи, затрачиваемой двумя людьми, изъ

*) Есть большое основаніе думать, что эти письма писала наша извѣстная соотечественница Е. П. Блаватская, но во всякомъ случаѣ она правильно передала духъ и идею оккультнаго пониманія вещей.

которыхъ одинъ, предположимъ, *идетъ* на свою обычную, покойную, ежедневную работу, а другой *идетъ* въ полицейскій участокъ сдѣлать доносъ на своего товарища. Люди науки не видятъ этой разницы. А *мы* видимъ специфическую разницу между энергіей *дующаго вѣтра* и энергіей *вращающагося колеса*.

Всякая мысль человѣка, появляясь, переходитъ во внутренній міръ и становится *активнымъ существомъ*, соединяясь и какъ бы срастаясь съ «духомъ» (elemental), т. е. съ одной изъ полусознательныхъ силъ природы.

Если мы оставимъ пока послѣднюю часть этого замѣчанія и возьмемъ только первую, то мы увидимъ, что, конечно, «человѣкъ науки» не признаетъ разницы въ качествахъ энергіи, затрачиваемой двумя людьми, идущими: одинъ на работу, а другой съ доносомъ. Для науки этой разницы не видно. Наука ее не ощущаетъ и не признаетъ. И, можетъ быть, разница въ дѣйствительности еще глубже и заключается не въ различіи видовъ энергіи, а въ различіи *людей*, изъ которыхъ одинъ можетъ развивать энергію одного рода, а другой энергію другого рода. И у насъ есть *форма познанія*, прекрасно ощущающая эту разницу понимающая и знающая ее. Я говорю объ искусствѣ.— Музыкантъ, живописецъ, скульпторъ прекрасно понимаютъ, что *можно* итти не одинаково—и даже *нельзя* итти одинаково. Рабочій и доносчикъ *идутъ* различно.

Лучше всего понимаетъ это, по крайней мѣрѣ лучше всего долженъ понимать, *актеръ*.

Поэтъ понимаетъ, что мачта корабля, висѣлица и крестъ *сдѣланы изъ разнаго дерева*. Онъ понимаетъ разницу камня изъ стѣны церкви и камня изъ стѣны тюрьмы. Онъ слышитъ «голоса камней», понимаетъ рѣчи старинныхъ стѣнъ, кургановъ, развалинъ, рѣкъ, лѣсовъ и степей. Онъ слышитъ *голосъ молчанія*. Понимаетъ психологическое различіе молчанія; понимаетъ, что *молчаніе можетъ быть разное*. И это *поэтическое* пониманіе міра должно быть развито, усилено и укрѣплено, потому что только при его помощи мы соприкасаемся съ истинно реальнымъ міромъ. А въ реальномъ мірѣ за заявленіями, кажущимися намъ одинаковыми, стоятъ часто настолько различные нумены, что только нашей слѣпотой можно объяснить нашу идею одинаковости этихъ явленій.

Такимъ ложнымъ должно оказаться ходячее представленіе объ одинаковости и равенствѣ людей. На самомъ дѣлѣ различіе «палача», «матроса» и «подвижника» это не случайное различіе положеній, состояній и наслѣдственности, какъ стремится насъ увѣрить матеріализмъ, и не различіе ступеней одной и той же эволюціи, какъ увѣряетъ насъ теософія, а глубокое и непереходимое различіе, такое уже, какое существуетъ между убійствомъ,

работой и молитвой, принадлежащими совершенно разнымъ мірамъ. И представители этихъ міровъ могутъ казаться намъ одинаковыми людьми только потому, что мы въ сущности видимъ не ихъ самихъ, а только ихъ тѣни.

И нужно пріучить себя къ мысли и твердо установить, что это различіе совсѣмъ не метафорическое, а вполнѣ реальное, болѣе реальное чѣмъ многія *видимыя* различія вещей и явленій.

Все искусство въ сущности и заключается въ пониманіи и изображеніи этихъ неуловимыхъ различій. Феноменальный міръ—только матеріалъ для художника,—какъ краски для живописца и звуки для музыканта,—только средство понять и выразить свое пониманіе нуменальнаго міра. И ни въ чемъ, на настоящей ступени нашего развитія, мы не обладаемъ такимъ сильнымъ средствомъ для познанія міра причинъ, какъ въ искусствѣ. Тайна жизни заключается въ томъ, что *нуменъ*, т. е. скрытый смыслъ и скрытая функція вещи, отражается въ ея *феноменѣ*. Феноменъ—это отраженіе нумена въ нашей сферѣ. Феноменъ—изображеніе нумена. И по феномену *можно* узнать нуменъ. Только здѣсь ничего не сдѣлаютъ химическія реактивы и спектроскопъ. Отраженіе нумена въ феноменѣ можетъ понять и почувствовать только тотъ тонкій аппаратъ, который называется *душой художника*. «Оккультизмъ»—*скрытую сторону жизни*, нужно изучать въ искусствѣ. Художникъ долженъ быть *ясновидящимъ*, онъ долженъ видѣть то, чего не видятъ другіе. И онъ долженъ быть *магомъ*, долженъ обладать даромъ заставлять другихъ видѣть то, чего они сами не видятъ, и что видитъ онъ.

Искусство видитъ больше и дальше, чемъ мы. Раньше было указано, что мы вообще ничего не видимъ, только *ощупываемъ*, поэтому мы и не замѣчаемъ тѣхъ различій вещей, которыя не выражаются физически и химически. Но искусство—это уже *начало зрѣнія*. Оно видитъ гораздо больше того, что видятъ самые усовершенствованные аппараты. И оно ощущаетъ безконечныя невидимыя грани того кристалла, одну изъ граней котораго мы называемъ человѣкомъ.

Истина заключается въ томъ, что земля это сцена драмы, изъ которой мы видимъ только отдѣльныя безсвязныя части, и большая часть дѣйствующихъ лицъ которой для насъ невидима.

Это говоритъ теософическая писательница Мабель Коллинзъ, авторъ «Свѣта на пути», въ маленькой книжкѣ «Illusions» («Иллюзіи»). И это очень вѣрно, мы *видимъ* необыкновенно мало.

Но искусство идетъ дальше обыкновеннаго человѣческаго зрѣ-

нія, и поэтому есть стороны жизни, о которыхъ можетъ и имѣетъ право говорить только искусство.

Замѣчательной попыткой обрисовать наше отношеніе къ «ноуменальному міру», къ этой «большой жизни» является «Діалогъ о пещерѣ» въ VII книгѣ «*Республики*» Платона.

— Представь себѣ, сказалъ я, людей, живущихъ въ подземной пещерѣ. Предположи, что эти люди съ дѣтства прикованы цѣпями къ стѣнѣ такъ, что они не могутъ повернуть головы, и видятъ только передъ собой. Представь себѣ на стѣнѣ, надъ головами прикованныхъ людей, въ глубинѣ пещеры огонь и между огнемъ и узниками дорогу, отдѣленную невысокимъ парапетомъ, подобнымъ ширмамъ, за которыми продѣлываютъ свои удивительныя штуки бродячіе фокусники. Представь себѣ, что по этой дорогѣ идутъ люди и несутъ, поднявъ надъ своими головами, различныя орудія, человѣческія статуи, изображенія животныхъ и утварь всякаго рода. И нѣкоторые изъ идущихъ говорятъ, и другіе молчатъ.

— Любопытное сравненіе и любопытныхъ узниковъ приводишь ты, сказалъ онъ.

— Да, сказалъ я, но они похожи на насъ. Потому что, какъ ты думаешь, могутъ ли они видѣть отъ самихъ себя и другъ отъ друга что нибудь кромѣ тѣней на противоположной стѣнѣ пещеры?

— Какъ могутъ они видѣть что нибудь другое, сказалъ онъ, если всю жизнь они не могутъ повернуть головы.

— Но что они видятъ отъ предметовъ, которые люди проносятъ сзади нихъ? Не такія же ли тѣни? И почему такъ? И если они могутъ разговаривать другъ съ другомъ, то, какъ ты думаешь, не дадутъ ли они имена тѣмъ вещамъ, которыя видятъ предъ собою?

— Конечно, они должны дать имъ имена.

— И, если въ противоположной части пещеры есть эхо, то, когда говоритъ кто нибудь изъ проходящихъ сзади, не подумаютъ ли узники, что это говорятъ тѣни?

— Конечно, сказалъ онъ.

— И они будутъ думать, что нѣтъ ничего истиннаго кромѣ тѣней, проносимыхъ сзади вещей.

— Непремѣнно такъ должно быть, отвѣтилъ онъ.

— И если ихъ освободить отъ цѣпей и попытаться избавить отъ ихъ заблужденій, то какъ произойдетъ это? Когда одного изъ нихъ освободятъ, внезапно заставятъ встать, повертывать шею, ходить и смотрѣть на свѣтъ, то это причинитъ ему боль и страданье, и отъ непривычнаго сіянія онъ не будетъ въ состояніи видѣть предметовъ, тѣни которыхъ видѣлъ раньше, И что отвѣтитъ онъ въ такомъ состояніи, если сказать ему, что прежде онъ видѣлъ только призраки, и что теперь, находясь ближе къ реальности, лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, онъ видитъ болѣе правильно? Не начнетъ ли онъ сомнѣваться въ томъ, что видитъ, и не подумаетъ ли, что то, что онъ прежде видѣлъ, болѣе истинно, чѣмъ то, что ему показываютъ теперь.

— Навѣрное такъ, сказалъ онъ.

— И если его заставить смотрѣть на самый огонь, то не почувствуетъ ли онъ боли въ глазахъ и не повернется ли опять къ тѣнямъ, которыя можетъ видѣть безъ боли и не подумаетъ ли онъ, что тѣни въ дѣйствительности болѣе ясны, чѣмъ предметы, на которые ему показываютъ?

— Совершенно такъ, сказалъ онъ.

— И если его кто нибудь возьметъ за руку и насильно поведетъ по крутому и неровному подъему на гору, и не остановится до тѣхъ поръ, пока не выведетъ его на солнечный свѣтъ, то не будетъ ли узникъ, пока его будутъ тащить въ гору, одновременно и страдать, и негодовать? И когда онъ выйдетъ на свѣтъ, и его глаза наполнятся блескомъ, то будетъ ли онъ въ состояніи видѣть вещи, теперь называемыя для него истинными?

— Конечно, сначала нѣтъ, сказалъ онъ.

— Да, и я думаю, что ему понадобится время, чтобы начать замѣчать вещи, находящіяся тамъ наверху. Прежде всего и легче всего онъ замѣтитъ тѣни, затѣмъ отраженія людей и предметовъ въ водѣ и только послѣ этого самыя вещи. И послѣ этого онъ начнетъ разсуждать самъ съ собою относительно солнца; скажетъ себѣ, что солнце создаетъ времена года и управляетъ всѣми вещами въ видимомъ мірѣ, и что оно есть нѣкоторымъ образомъ причина всѣхъ вещей, которыя онъ раньше видѣлъ. И когда онъ вспомнитъ мѣсто, гдѣ онъ раньше жилъ, и то, что тамъ считалось мудростью, и своихъ товарищей по заключенію, то развѣ онъ не почувствуетъ себя счастливымъ отъ происшедшей съ нимъ перемѣны.

— Въ высшей степени, конечно.

— И если тамъ были какія нибудь почести и награды для тѣхъ, кто лучше замѣчалъ проходившія тѣни и лучше помнилъ, какая прошла впереди и какая позади, и какія вмѣстѣ и по этимъ наблюденіямъ былъ способенъ предсказать впередъ, что случится, то захочетъ ли онъ этихъ наградъ? Будетъ ли завидовать онъ тѣмъ, кто тамъ пользуется почетомъ и властью? И не предпочтетъ ли онъ лучше страдать и терпѣть, что угодно, чѣмъ обладать такими мнѣніями и жить такимъ образомъ?

— Я думаю, сказалъ онъ, что этотъ человѣкъ согласится лучше выносить все, что угодно, чѣмъ жить такимъ образомъ.

— И подумай дальше, сказалъ я. Если такой человѣкъ опять сойдетъ въ пещеру и сядетъ на прежнее мѣсто, то не наполнятся ли темнотою его глаза, вслѣдствіе того, что онъ пришелъ съ солнечнаго свѣта. И если онъ теперь долженъ будетъ высказывать свое мнѣніе о проходящихъ тѣняхъ и разсуждать о нихъ съ людьми, которые были вѣчно прикованы, то, пока его глаза опять не привыкнутъ къ темнотѣ (что не сдѣлается скоро), не будетъ ли онъ возбуждать смѣхъ узниковъ, и не скажутъ ли они, что, поднявшись такъ высоко, онъ вернулся съ поврежденнымъ зрѣніемъ?

— И если кто нибудь захочетъ освободить узниковъ и повести ихъ къ свѣту, то не предадутъ ли они его смерти, если только будутъ въ состояніи наложить на него руки?

— Безъ сомнѣнія такъ, сказалъ онъ, они предадутъ его смерти.

— И вся эта картина, другъ Глауконъ, сказалъ я, относится къ нашему предыдущему разговору, потому что если ты сравнишь всю область, доступную нашему зрѣнію, съ описанной тюрьмой и свѣтъ огня въ тюрьмѣ съ сіяніемъ солнца, подъемъ вверхъ на гору съ восхожденіемъ души въ интеллектуальный міръ, ты поймешь значеніе того, что я хотѣлъ сказать...

— И ты поймешь, что прибывшій оттуда сюда неохотно будетъ участвовать въ человѣческихъ дѣлахъ, и душа его не захочетъ разставаться съ вещами, видѣнными тамъ наверху... И тебя не будетъ удивлять, что человѣкъ, вернувшійся отъ божественнаго созерцанія къ человѣческому злу, будетъ вести себя неловко и казаться смѣшнымъ... Въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго. Потому что, если человѣкъ обладаетъ разсудкомъ, то онъ долженъ помнить, что можетъ существовать разстройство зрѣнія двухъ родовъ, происходящее отъ двухъ разныхъ причинъ—первое, когда мы переходимъ изъ свѣта въ темноту, и второе, когда мы переходимъ изъ темноты на свѣтъ. И когда человѣкъ разсудитъ, что то же самое бываетъ съ душой, то онъ, видя кого нибудь растерянным и не замѣчающимъ ничего кругомъ себя, не будетъ смѣяться безразсуднымъ образомъ, но подумаетъ, что это или душа, пришедшая изъ болѣе блестящей жизни, чувствуетъ вокругъ себя мракъ невѣжества или, переходя отъ полнаго незнанія къ болѣе свѣтлому существованію, наполняется ослѣпляющимъ сіяніемъ, и онъ поздравитъ первую душу съ ея судьбой и жизнью и выразитъ состраданіе къ судьбѣ и жизни другой.

ГЛАВА XV.

Оккультизмъ и любовь. Любовь и смерть. Различное отношеніе къ проблемамъ смерти и къ проблемамъ любви. Чего не хватаетъ въ нашемъ пониманіи любви? Любовь, какъ бытовое и психологическое явленіе. Возможность религіознаго пониманія любви. Творческая сила любви. Отрицаніе любви. Матеріализмъ и аскетизмъ. Бѣгство отъ любви. Любовь и мистика. «Чудесное» въ любви. Проф. Лютославскій. Левъ Толстой. Ледбитеръ, Нитче и Эд. Карпентеръ о любви. «Океанъ пола».

Нѣтъ ни одной стороны жизни, которая не раскрывала бы намъ безконечно много новаго и неожиданнаго, если мы подходимъ къ ней *со знаніемъ* того, что она не исчерпывается своей видимостью, что за этой видимостью лежитъ цѣлый міръ «невидимаго», цѣлый міръ новыхъ и непонятныхъ намъ силъ и отношеній. *Знаніе* о существованіи міра невидимаго, это—первый ключъ къ нему.

Особенно много новаго раскрывается намъ въ самыхъ таинственныхъ сторонахъ нашего существованія, въ тѣхъ сторонахъ, которыми мы непосредственно соприкасаемся съ *вѣчностью*—въ Любви и въ Смерти. И въ индійской миѳологіи Любовь и Смерть являются двумя лицами *одного божества*. Шива, богъ воспроизводительной силы природы, которому поклоняются подъ видомъ *лингама*, въ то же время богъ насильственной смерти, убійства и разрушенія. Его жена Парвати — богиня красоты, любви и счастья, и она же Кали или Дурга—богиня зла, несчастія, болѣзней и смерти. И вмѣстѣ и Шива и Кали—боги мудрости, боги познанія добра и зла.

Въ началѣ своей книги «Драма Любви и Смерти» Эдуардъ Карпентеръ очень хорошо опредѣляетъ наше отношеніе къ этимъ глубоко непонятнымъ и загадочнымъ сторонамъ бытія.

Любовь и Смерть проходятъ черезъ нашъ міръ, представляясь намъ отдѣльными другъ отъ друга, но несомнѣнно являясь основой міра и присутствуя повсюду, хотя въ то же время очевидно принадлежа къ какому то иному роду существованія, совершенно отличному отъ нашего.

И дальше.

Эти двѣ фигуры Любовь и Смерть проходятъ черезъ нашъ міръ, какъ самые близкіе друзья, никогда не разставаясь и вмѣстѣ господствуя надъ міромъ съ какимъ то торжествующимъ превосходствомъ, и въ то же время,

какъ злѣйшіе враги, выслѣживая другъ друга, разрушая работу одна другой и борясь между собой за тѣла и души людей.

Въ немногихъ словахъ здѣсь указано содержаніе загадки, стоящей передъ нами, окружающей насъ, создающей и уничтожающей насъ. Но отношеніе людей къ двумъ сторонамъ этой загадки неодинаково. Какъ это ни странно, но *лицо смерти* больше влекло къ себѣ мистическое воображеніе людей, чѣмъ *лицо любви*. Стремленія понять и опредѣлить скрытое содержаніе смерти всегда было очень много; всѣ религіи, всѣ вѣроученія начинаютъ съ того, что даютъ человѣку тотъ или другой взглядъ на смерть. Нельзя построить никакого міросозерцанія, не опредѣливъ себѣ такъ или иначе смерть. И очень много міросозерцаній, какъ напримѣръ современный спиритизмъ, цѣликомъ состоятъ изъ «взгляда на смерть» изъ ученія о смерти и о посмертномъ существованіи. (Въ одной изъ своихъ статей В. В. Розановъ говоритъ, что въ сущности *всѣ религіи* есть *ученія о смерти*).

Но проблема любви въ современныхъ міросозерцаніяхъ обыкновенно берется, какъ нѣчто данное, какъ нѣчто уже *понятое* и извѣстное. Различныя системы вносятъ сравнительно мало разнаго въ пониманіе любви. И хотя въ дѣйствительности любовь для насъ— такая же загадка, какъ смерть, но мы почему то меньше замѣчаемъ это. Выработался рядъ опредѣленныхъ шаблоновъ пониманія любви, и люди, молча, принимаютъ тотъ или другой шаблонъ. Искусство которое по своему существу должно бы было очень много здѣсь сдѣлать, отдаетъ очень много вниманія любви; любовь была и есть, можетъ быть, главная тема искусства. Но даже искусство въ сущности ограничивается одними описаніями и психологическимъ анализомъ любви, рѣдко затрагивающимъ глубину любви, то соприкосновеніе съ вѣчнымъ и съ безконечнымъ, которое въ ней заключается для человѣка.

Если мы примемъ для удобства разсужденія дѣленіе человѣка и міра на три плоскости—матеріальную, душевную и духовную, то мы можемъ сказать, что всѣ обычныя пониманія любви идутъ на матеріальной плоскости; искусство разсматриваетъ любовь на матеріальной и душевной и только въ видѣ рѣдкихъ исключеній философія и искусство переходятъ на духовную плоскость въ пониманіи любви. Обыкновенно принято думать, что любовь *не доходитъ* до духовной плоскости и даже мѣшаетъ развитію духа, является препятствіемъ, стоитъ между человѣкомъ и духовной эволюціей.

Съ этой точки зрѣнія содѣйствуетъ и помогаетъ развитію духа отказъ отъ любви, преодолѣніе любви, которое разсматривается, какъ *преодолѣніе плоти*.

У человѣчества были и другія пониманія любви, но они въ

значительной степени забыты и утрачены. И современная мысль самыхъ разнообразныхъ направленій за исключеніемъ рѣдкихъ проблесковъ не понимаетъ самыхъ важныхъ сторонъ любви, *ея мистическаго и религіознаго содержанія*. Большую роль въ этомъ сыграло то, что двѣ главныя религіи, которымъ слѣдуетъ большинство человѣчества—христіанство и буддизмъ относятся къ любви отрицательно, какъ къ печальной необходимости физическаго существованія и какъ къ явленію низшаго порядка въ сравненіи съ духовными стремленія, которымъ именно она больше всего мѣшаетъ. Тысячелѣтія такого взгляда невольно отразились на самыхъ разнообразныхъ міросозерцаніяхъ людей. А послѣднія столѣтія, растущій матеріализмъ еще больше обезцѣнилъ любовь во взглядахъ людей, сведя ея къ матеріальному факту съ матеріальными послѣдствіями, стоящему на уровнѣ другихъ физіологическихъ функцій организма. Въ результатѣ такого воспитанія мысли, такой трепировки взглядовъ, современное человѣчество почти совершенно утратило религіозное пониманіе любви.

И въ наше время люди понимаютъ любовь, какъ *бытовое* явленіе, понимаютъ любовь, какъ *психологическое* явленіе, но въ нихъ атрофирована идея и ощущенье космическаго содержанія любви.

Въ первомъ случаѣ, въ бытовомъ пониманіи люди стремятся утилизировать любовь, какъ орудіе или средства устроенія жизни, во второмъ требуютъ отъ любви, чтобы она устраивала ихъ душевныя дѣла. И въ обоихъ случаяхъ на любовь навьючиваются совершенно не принадлежащія ей цѣли и задачи. Въ дѣйствительности любовь:—*космическое явленіе*, въ которомъ люди, человѣчество, являются только случайностью; космическое явленіе, которому ни до жизни, ни до души людей нѣтъ никакого дѣла, такъ же какъ *солнцу*, которое свѣтитъ не для того, чтобы люди при его свѣтѣ совершали свои маленькія дѣла и пользовались имъ для своихъ цѣлей. Если бы люди поняли это, хотя бы только частью своего сознанія, имъ открылся бы новый міръ и стало бы необыкновенно странно смотрѣть на жизнь подъ всѣми обычными углами.

Они поняли бы тогда, что любовь, это нѣчто совсѣмъ другое и другого порядка, чѣмъ маленькія явленія земной жизни.

Можетъ быть, это—міръ особыхъ духовъ, которые временами вселяются въ людей, подчиняя ихъ себѣ, дѣлая ихъ орудіями для осуществленія своихъ непонятныхъ людямъ цѣлей. Можетъ быть, это—особая страна внутренняго міра, куда временами попадаютъ души людей и гдѣ онѣ живутъ тогда по законамъ *того* міра, въ то время какъ тѣла остаются на землѣ, связанныя законами земного

міра. Можетъ быть, это—алхимическая работа Великаго Мастера, въ которой души и тѣла людей играютъ роль элементовъ, изъ которыхъ получается *философскій камень*, или *эликсиръ жизни* или какое-то особое *электричество*, нужное кому то для какихъ-то непонятныхъ цѣлей.

Очень трудно понять это и охватить нашимъ умомъ. Но стараясь понять эти цѣли и отходя отъ земныхъ пониманій человѣкъ, сначала даже не вполнѣ сознавая это, соединяется *съ высшими цѣлями* и находитъ какую-то нить, которая въ концѣ концовъ выведетъ его изъ лабиринта земныхъ противорѣчій. Но эта нить должна быть найдена сначала эмоціонально, непосредственнымъ чувствомъ, а потомъ уже умомъ. И она никогда не откроется человѣку отрицающему и презирающему любовь, потому что отрицаніе важности и великаго значенія любви всегда вытекаетъ изъ матеріалистическаго взгляда, а матеріалистическій взглядъ на любовь не можетъ быть вѣрнымъ. Этотъ взглядъ не можетъ быть вѣрнымъ, потому что беретъ слишкомъ малую часть любви, выводитъ общія заключенія на основаніи черезъ чуръ малаго процента фактическихъ данныхъ, разсматриваетъ въ плоскостномъ разрѣзѣ явленіе четырехмѣрнаго характера. Любовь настолько же матеріальное явленіе, насколько матеріальное явленіе картина художника или симфонія музыканта. Разбирать и оцѣнивать любовь матеріально, это то же самое, что оцѣнивать картину по вѣсу, а симфонію по силѣ звука.

Что значитъ религіозное пониманіе любви?

Это значитъ, пониманіе того факта, что любовь служитъ не жизни, а высшему постиженію. Она, при правильномъ отношеніи къ ней, *настраиваетъ человѣка на ладъ «чудеснаго»*, снимаетъ завѣсы, раскрываетъ закрытыя двери. И въ прошломъ, а, можетъ быть, и въ настоящемъ несомнѣнно есть попытки пониманія любви *внѣ жизни*, какъ культъ, какъ магическую церемонію, настраивающую тѣло и душу для воспріятія чудеснаго.

Любовь по отношенію къ нашей жизни—Божество, то грозное, то милостивое, но никогда не подчиняющееся намъ, никогда не соглашающееся служить нашимъ цѣлямъ. Люди стремятся подчинить себѣ любовь, заставить ее служить ихъ цѣлямъ душевнымъ и житейскимъ. Но любовь нельзя подчинить ничему и она жестоко мститъ маленькимъ смертнымъ, которые хотятъ подчинить и заставить служить себѣ *Бога*. Она спутываетъ всѣ ихъ разсчеты и заставляетъ ихъ дѣлать то, чего они сами отъ себя совсѣмъ не ожидаютъ. Заставляетъ служить *себѣ*, дѣлать то, что *она* хочетъ.

И, какъ ни наивно наше отношеніе къ любви, нѣтъ никакого

основанія думать, что люди не могутъ относиться къ любви иначе, что они всегда были и будутъ связаны матеріализмомъ безъ проблесковъ пониманія чудеснаго въ любви.

Гдѣ-то, въ далекихъ пространствахъ времени, стоятъ величественные храмы Любви, проходятъ процессіи жрецовъ и жрицъ и идутъ служенія странныхъ культовъ, полныхъ темной мистики, которую прорѣзываютъ огненныя молніи глубочайшихъ откровеній.

Все это слишкомъ мало понятно для насъ. Мы слишкомъ далеко отошли отъ пониманія этихъ культовъ, исказили ихъ въ своемъ представленіи, потеряли ключи къ ихъ внутреннему мистическому содержанію. И только религіи Востока сохранили живую связь съ космическимъ пониманіемъ любви. Религіозное отношеніе къ любви, которое единственно можетъ раскрыть ея сущность, видно въ фаллическомъ основаніи индуизма, въ божествахъ индійской миѳологіи, во многихъ существующихъ обрядахъ, а особенно въ тайныхъ культахъ, сохраняющихся въ разныхъ мѣстахъ Индіи. Эта идея составляетъ содержаніе таинственной *Кама-Іоги*, которой посвящены нѣсколько храмовъ въ разныхъ мѣстахъ Индіи. (Напр. «храмъ раджи изъ Непала» въ Бенаресѣ).—Въ западномъ «оккультизмѣ», въ алхиміи, въ магіи также иногда видно глубокое и тонкое пониманіе любви, соединенное съ исканіемъ чудеснаго.

Но въ настоящее время ничто такъ не запутано у насъ, какъ взгляды на любовь. Мы не находимъ никакого пути среди противорѣчій и вѣками накоплявшейся лжи и клеветы на любовь. И мы не поймемъ ее, пока не поймемъ ея великаго *нуменальнаго*, потустороннаго, значенія.

Главная ошибка людей относительно любви состоитъ въ томъ, что они *впрятъ въ ея реальность* и приписываютъ любовь *себѣ*, или вообще *людямъ*. Имъ кажется, что любовь *въ нихъ* возникаетъ, *имъ* принадлежитъ, *въ нихъ* кончается. И даже, когда они признаютъ, что все на свѣтѣ зависитъ отъ любви и движется любовью, они ищутъ *въ себѣ* источники любви.

Ошибаясь относительно *начала* любви, люди ошибаются относительно ея *результата*. Позитивная и спиритуалистическая мораль одинаково признаетъ у любви только одинъ, возможный, результатъ—дѣти, продолженіе рода. Но этотъ объективный результатъ, который можетъ быть и можетъ не быть, во всякомъ случаѣ есть результатъ внѣшней, объективной, стороны любви, матеріальнаго факта оплодотворенія. Если въ любви не видѣть ничего, кромѣ матеріальнаго факта и стремленія къ нему, то такъ и должно быть. Но въ дѣйствительности любовь состоитъ совсѣмъ не въ матеріальномъ фактѣ и

результаты ея кромѣ матеріальныхъ могутъ получиться совсѣмъ на другой плоскости. Эту другую плоскость, на которой дѣйствуетъ любовь и игнорируемые, скрытые, результаты любви, нетрудно понять даже со строго положительной, научной точки зрѣнія.

Для науки, изучающей жизнь со стороны, цѣль любви заключается въ продолженіи жизни. Точнѣе, *любовь* есть звено въ цѣпи фактовъ, поддерживающихъ непрерывность жизни. И сила, влекущая два пола другъ къ другу, дѣйствуетъ въ интересахъ продолженія рода и создана именно формами продолженія рода. Но если разсматривать любовь такимъ образомъ, нельзя не признать, что силы этой *больше, чѣмъ нужно*. Здѣсь именно лежитъ ключъ къ пониманію истинной сущности любви. Этой силы больше, чѣмъ нужно, безконечно больше. Въ дѣйствительности для цѣлей продолженія рода утилизируется только *малая дробь процента* силы любви, вложенной въ человѣчество. Куда же идетъ главное количество силы?

Мы знаемъ, что ничто не можетъ исчезнуть. Если энергія *есть*, она должна во что нибудь *перейти*. И если только ничтожный процентъ энергіи идетъ на созиданіе будущаго *путемъ рожденія*, то остальная часть должна *тоже* итти на созиданіе будущаго, но другимъ путемъ. Мы знаемъ въ физическомъ мірѣ много примѣровъ, когда *прямая* функція выполняется крайне малымъ процентомъ затрачиваемой энергіи, а большая часть энергіи тратится какъ будто напрасно. И конечно, эта большая часть энергіи не пропадаетъ, не исчезаетъ, а даетъ другіе результаты, совершенно отличные отъ прямой функціи.

Возьмемъ обыкновенную свѣчу. Она должна давать свѣтъ. Но она даетъ гораздо больше тепла, чѣмъ свѣта. Свѣтъ прямая функція свѣчи, тепло косвенная, но тепла получается больше, чѣмъ свѣта. Свѣча, что—печка, приспособленная для освѣщенія. Для того, чтобы давать свѣтъ, свѣча должна горѣть. Горѣніе необходимое условіе полученія свѣта отъ свѣчи; нельзя горѣніе откинуть. Но это же горѣніе даетъ тепло. На первый взглядъ кажется, что тепло отъ свѣчи тратится непроизводительно, иногда оно даже является лишнимъ, непріятнымъ, мѣшаетъ; если освѣщать комнату свѣчами, то она будетъ черезчуръ нагрѣваться. Но дѣло въ томъ, что свѣтъ *отъ свѣчи* получается *только* благодаря горѣнію, развитію теплоты и раскаливанью выходящихъ газовъ. То же самое въ любви. Мы говоримъ, что только ничтожная часть энергіи любви идетъ *въ потомство*, большая часть какъ будто тратится отцами и матерями на свои личныя эмоціи. Но такъ и должно быть. Безъ этой траты не могло бы получиться главнаго. Только *благодаря* этимъ на первый взглядъ

побочнымъ результатамъ любви, благодаря всему этому вихрю эмоцій, чувствъ, волненій, желаній, мыслей, мечтаній, фантазій, внутренняго творчества, благодаря *красотѣ*, которую она создаетъ— любовь можетъ выполнять свою прямую функцію.

А затѣмъ, и это, можетъ быть, самое важное, излишняя энергія совсѣмъ не тратится, а переходитъ въ другіе виды энергіи. И мы можемъ прослѣдить въ какіе. Говоря вообще, значеніе косвенныхъ результатовъ часто можетъ быть гораздо важнѣе, чѣмъ значеніе прямыхъ. И мы можемъ прослѣдить, какъ энергія любви переходитъ въ инстинкты, въ идеи-силы, въ творчество на разныхъ плоскостяхъ жизни, въ художественные образы, въ пѣсню, въ звуки, въ музыку, въ ритмы—и мы легко можемъ себѣ представить, какъ та же энергія можетъ переходить въ интуицію высшаго порядка, высшее сознаніе, которое будетъ раскрывать передъ нами міръ таинственнаго и чудеснаго.

Во всей живой природѣ (а, можетъ быть, и въ той, которую мы считаемъ мертвой) *любовь* является силой, возбуждающей творческую дѣятельность по самымъ разнообразнымъ направленіямъ.

Весной, съ первымъ пробужденіемъ любовныхъ эмоцій, птицы начинаютъ *пѣть* и *вить гнѣзда*. Конечно «позитивистъ» будетъ стремиться объяснить все это просто: пѣніе, какъ приманиванье самокъ или самцовъ и т. п. Но и позитивистъ не будетъ въ состояніи отрицать, что этого пѣнія гораздо больше, чѣмъ нужно «для продолженія рода». Конечно для позитивиста «пѣніе», только «случайность», «побочный продуктъ». Но на самомъ дѣлѣ это пѣніе, можетъ быть,— *главная функція даннаго вида*, смыслъ его существованія, цѣль, которую преслѣдовала природа, создавая этотъ видъ, и пѣніе это *нужно* не для приманиванія самокъ, а для какой-то общей гармоніи природы, которую мы только иногда смутно ощущаемъ.

Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь, что то, что кажется косвенной функціей любви, со стороны индивидуума, можетъ служить главной функціей вида.

Затѣмъ дальше, птенцовъ еще нѣтъ. И намека на нихъ еще нѣтъ. А для нихъ уже готовятся «дома». Любовь возбудила жажду дѣйствія. *Инстинктъ* управляетъ этой жаждой дѣйствія, потому что она цѣлесообразна съ точки зрѣнія вида. При первомъ пробужденіи любви началась работа. И одно и то же желаніе создаетъ новое поколѣніе и тѣ условія, въ которыхъ будетъ жить новое поколѣніе. Одно и то же желаніе будитъ творчество по всѣмъ направленіямъ, сводитъ пары для рожденія новаго поколѣнія и заставляетъ ихъ *строить* и *создавать* для этого же будущаго поколѣнія.

То же самое мы видимъ въ людяхъ. Любовь—это творческая сила. И творчество любви проявляется не въ одномъ направленіи, а въ очень разнообразныхъ. И очень можетъ быть, что именно силой любви, Эроса, человѣчество побуждается къ выполненію своей *главной функціи*, которую мы не знаемъ и только иногда смутно ощущаемъ.

Но не касаясь даже цѣли существованія человѣчества, мы въ предѣлахъ познаваемаго должны признать, что все творчество человѣчества вытекаетъ изъ любви. Весь *нашъ* міръ вращается вокругъ любви, какъ вокругъ центра. Всякое *творчество* непремѣнно является дѣломъ двухъ половъ, результатомъ сознательнаго и безсознательнаго соединенія. Одна сторона этого факта намъ хорошо извѣстна. Мы знаемъ, что женщина *одна*, безъ мужчины не можетъ имѣть дѣтей. Нужна творческая сила мужчины, нужно оплодотвореніе. Это мы знаемъ. Но мы не замѣчаемъ другого факта, что вся творческая дѣятельность мужчины идетъ отъ женщины. Какъ съ внѣшней физической стороны—для цѣлей рожденія дѣтей—мужчина оплодотворяетъ женщину, прививаетъ къ ней зачатокъ новой жизни, такъ съ внутренней, духовной стороны женщина, или ощущеніе женщины, мечта о женщинѣ, оплодотворяетъ мужчину, прививаетъ ему зачатокъ новой идеи, новой интуиціи.

Все идейное, все интуитивное творчество человѣка является результатомъ энергіи, вытекающей изъ явной или скрытой «любви». Всякое творческое дѣйствіе непремѣнно есть сознательное или безсознательное взаимодѣйствіе двухъ половъ. Безъ этого обмѣна эмоцій никакое творчество невозможно. Для безполыхъ людей возможно только «воспитаніе чужихъ дѣтей».

Cherchez la femme! Этотъ принципъ нужно примѣнить не только къ раскрытію преступленій, а ко всей нашей культурѣ, созданной мужчиной, *слѣдовательно женщиной*. Въ творчествѣ каждой эпохи можно найти слѣдъ вліянія *женщинъ данной эпохи*. Мусульманскій міръ утратилъ свободу, потому что лишилъ свободы своихъ женщинъ. Исторія культуры, это—исторія любви!

И совсѣмъ не нужно для возбужденія творчества, чтобы женщина *знала* о томъ, что она даетъ мужчинѣ. Наоборотъ, она можетъ не имѣть никакого понятія о тѣхъ идеяхъ, какія она вызываетъ и дѣйствовать просто своимъ присутствіемъ, своимъ образомъ, всѣмъ безконечнымъ количествомъ неуловимыхъ féminités, своимъ выраженнымъ или невыраженнымъ желаніемъ. Женщина можетъ даже не знать, не видѣть мужчины, пройти мимо него и тѣмъ не менѣе оплодотворить его фантазію, его воображеніе, его творческую энергію.

Безконечно разнообразны способы оплодотворенія духа. Иногда для того, чтобы оплодотвореніе получилось, нужно наслажденіе, вся красота и полнота любви. Иногда нужно страданіе, проникающее до самыхъ глубинъ души. Иногда для этого нужно преступленіе, иногда геройство, отреченіе, жертва.

Любовь раскрываетъ въ человѣкѣ такія стороны его, какихъ онъ самъ не зналъ въ себѣ. Въ любви очень много и отъ каменнаго вѣка и отъ шабаша. Многихъ людей ничто кромѣ любви не можетъ подвинуть на преступленіе, на измѣну, открыть въ нихъ тайникъ такихъ чувствъ, какія они давно считали погашенными въ себѣ. Въ любви кроется безконечно много эгоизма, тщеславія и самолюбія. Любовь—это великая сила, снимающая маски. И люди, бѣгущіе отъ любви, бѣгутъ для того, чтобы сохранить маски.

Если творчество, *рожденіе идей*, есть свѣтъ, идущій отъ любви, то этотъ свѣтъ идетъ отъ *большого огня*. И въ этомъ непрестанномъ огнѣ, въ которомъ горитъ все человѣчество и весь міръ, вырабатываются, утончаются всѣ силы человѣческаго духа и генія, и можетъ быть именно изъ этого же огня или при его помощи возникнетъ новая сила, которая выведетъ изъ оковъ матеріи тѣхъ, кто пойдетъ за ней.

Безъ всякихъ аллегорій можно сказать, что любовь, какъ самая сильная эмоція раскрываетъ въ душѣ человѣка всѣ ея явныя и скрытыя свойства и она же можетъ раскрыть тѣ *новыя* свойства, которыя теперь еще составляютъ предметъ оккультизма и мистики и скрыты такъ глубоко, что люди даже въ большинствѣ случаевъ не признаютъ ихъ возможности.

Но такому пониманію любви мѣшаетъ явный и скрытый матеріализмъ и тѣ христіанско-буддійскія тенденціи, которыя вообще наложили тяжелый отпечатокъ на наше отношеніе къ проблемамъ пола.

Очень характерныя мнѣнія по этому поводу я нахожу въ книгѣ проф. Лютославскаго «Liberté et Volonté». Онъ стремится доказать тамъ, что задача человѣка, стремящагося къ духовнымъ цѣлямъ, заключается въ томъ, чтобы отказаться отъ любви.

Сексуальный актъ осуществляетъ желаніе, наиболѣе бурное и наиболѣе повышенное изъ всѣхъ желаній тѣла, то желаніе, удовлетвореніе котораго доставляетъ человѣческому существу самое интенсивное наслажденіе, какое только ему извѣстно. Чтобы бороться противъ этого желанія и отказаться отъ этого наслажденія нужно имѣть ясное сознаніе несовмѣстимости этихъ удовлетвореній съ наиболѣе возвышенными нашими стремленіями. Фактъ, установленный наблюденіемъ, что интенсивная дѣятельность интеллектуальная или художественная ослабляетъ сексуальный инстинктъ и иногда совсѣмъ уничтожаетъ его и, что съ другой стороны

удовлетвореніе этого инстинкта гаситъ художественное и интеллектуальное вдохновеніе.

Такимъ образомъ цѣломудріе, это естественный режимъ жизни вдохновенія и люди, которые не могутъ обойтись безъ обычныхъ сексуальныхъ удовлетвореній, лишаютъ себя интимнаго единенія съ міромъ невидимымъ, откуда къ намъ приходитъ вдохновеніе.

. . . . . .

Творческая сила, наиболѣе совершенно проявляющаяся въ искусствѣ, отличаетъ человѣка отъ всѣхъ существъ, стоящихъ ниже его, и нужно платить за эту силу отказомъ отъ наиболѣе сильнаго животнаго инстинкта... Рождая дѣтей, мужчина и женщина теряютъ нѣкоторое количество своихъ индивидуальныхъ силъ, жертвуютъ частью своихъ жизненныхъ силъ для того, чтобы дать рожденіе новымъ организмамъ... Что же касается тѣхъ, которые идутъ къ возвышеннымъ идеаламъ творчества, цѣломудріе является для нихъ основнымъ условіемъ...

. . . . . .

Необходимо устранить поверхностный аргументъ, который постоянно приводится, когда заходитъ рѣчь на указанную тему. На пропаганду цѣломудрія, возражаютъ говоря, что осуществленіе идеала цѣломудрія угрожало бы самому существованію человѣчества. Но мы совершенно не знаемъ было ли бы человѣчество, все состоящее изъ цѣломудренныхъ индивидуумовъ попрежнему подвержено старости и смерти. Потому что ни старость, ни смерть ни въ какомъ случаѣ не являются доказанной необходимостью органической жизни.

Книга проф. Лютославскаго служитъ любопытнымъ примѣромъ того, какъ одни и тѣ же аргументы могутъ служить для доказательства совершенно противоположныхъ положеній. Проф. Лютославскій догматиченъ весь отъ начала до конца и вся книга его представляетъ собой защиту *заранѣе опредѣленныхъ* догматовъ. Безбрачіе и цѣломудріе проф. Лютославскій защищаетъ *потому что* ему нужно обосновать безбрачіе католическаго духовенства, совершенно такъ же, какъ дальше онъ утверждаетъ, что поляки—нація, а евреи не нація, на томъ основаніи, что у однихъ есть общій языкъ и *земля*, къ которой они стремятся, а у другихъ нѣтъ; при чемъ онъ забываетъ принять во вниманіе одно маленькое обстоятельство, что со времени раздѣла Польши прошло съ небольшимъ сто лѣтъ, а со времени разселенія евреевъ безъ малаго двѣ тысячи. Можно въ чемъ угодно обвинять евреевъ, но доказывать, что у нихъ нѣтъ *національности* такъ же смѣшно, какъ утверждать, что старость и смерть совсѣмъ не являются *доказанной* необходимостью жизни. Такова вся книга Лютославскаго. Онъ называетъ себя «спиритуалистомъ», полемизируетъ съ «псевдо-мистиками», но на самомъ дѣлѣ на каждому шагу скользитъ и падаетъ, обнаруживая самый откровенный матеріализмъ и польско-католическую (т. е. опредѣленно *политически-церковную*) пропа-

ганду, которую можно бы было вести безъ всякаго «спиритуализма».

Взгляды Лютославскаго на любовь плоски и матеріальны. Любовь для него—только «удовлетвореніе». Чтобы понять всю его ограниченность очень полезно послѣ книги проф. Лютославскаго взять книгу Карпентера, выдержки изъ которой я уже приводилъ. Самъ наполовину аскетъ и отшельникъ Карпентеръ воспѣваетъ любовь, какъ древній суфій. И онъ именно говоритъ о тѣхъ сторонахъ любви, которыя ложно освѣщаетъ проф. Лютославскій, о томъ *возрожденіи*, которое несетъ съ собой любовь, о *приливѣ энергіи*, о *вдохновеніи*, неразрывно связанномъ съ любовью; и говоритъ о необходимости «искусства любви», которое должно давать отношеніе къ любви безконечно далекое отъ прямолинейныхъ и примитивныхъ взглядовъ Лютославскаго.

Конечно, если признать съ проф. Лютославскимъ, что старость и смерть не являются *доказанной* необходимостью органической жизни, то можно утверждать все, что угодно. Проф. Лютославскій въ этомъ случаѣ говоритъ одно и то же съ Толстымъ, т.-е. что если бы люди отказались отъ любви, то, можетъ быть, природа нашла бы какое нибудь другое средство продолженія рода на землѣ. Дальше онъ говоритъ, что продолженіе рода можно совершенно отдѣлить отъ страсти, отъ наслажденія и въ этомъ случаѣ сознательно или безсознательно повторяетъ слова іудейскаго кодекса морали, признававшаго и допускавшаго фактъ *сношенія* (въ интересахъ рода), но запрещавшаго *наслажденіе*, и особенно строго запрещавшаго мужу испытывать наслажденіе со своей женой. Это изувѣрство ультра-матеріалистическаго іудаизма возводится Лютославскимъ въ вѣнецъ морали.

То, что человѣчество получаетъ отъ любви и черезъ любовь—для проф. Лютославскаго повидимому не существуетъ, такъ же какъ перестало существовать для *старѣвшаго* Толстого. Любовь у Лютославскаго только «сношеніе» и она только «беретъ силы». Откуда онъ взялъ, что осуществленная любовь ослабляетъ творческую интуицію, это его секретъ, но на этомъ онъ что-то строитъ и доказываетъ необходимость аскетизма, который и осуществляется, плохо или хорошо, въ основанномъ имъ полумонашескомъ, но въ сущности политическомъ, орденѣ «Элевзисъ».

Вообще говоря нѣтъ ничего «двумѣрнѣе» и циничнѣе морализированія, которое видитъ въ любви грѣхъ и похоть. Это такое неумѣніе поднять глаза *вверхъ* и увидать, о чемъ идетъ рѣчь. Напримѣръ, какая темная ложь кроется во всѣхъ моральныхъ разсужденіяхъ «Крейцеровой Сонаты» и «Послѣсловія». Все это описаніе *любви* ана-

томическими и физіологическими терминами такая же неправда, какой было бы описаніе музыки *глухимъ*. Если глухой будетъ описывать рояль и скажетъ, что это черный ящикъ на трехъ ножкахъ, который открываютъ съ одной стороны и стучатъ по немъ пальцами, это будетъ вполнѣ точное описаніе. Но всетаки останется непонятымъ, зачѣмъ люди сидятъ вокругъ этого чернаго ящика и почему одни плачутъ, а другіе смѣются.

Въ первомъ изданіи этой книги, въ тѣхъ наброскахъ, которые занимали мѣсто настоящей главы, я между прочимъ дѣлалъ попытку классифицировать любовь и отдѣлить «любовь» (индивидуализированное чувство) отъ «полового чувства» (не индивидуализированнаго и не разбирающаго стремленія къ удовлетворенію чисто физическаго желанія). Но мнѣ кажется теперь, что это дѣленіе, такъ же какъ всѣ подобныя дѣленія неудовлетворительно. *Разница не въ фактахъ, а въ людяхъ.*

Есть люди, у которыхъ все, что они дѣлаютъ и чувствуютъ выходитъ цинично, грубо и двумѣрно,—безразлично будетъ ли это «любовь», распущенность или аскетизмъ. «Любовь» у такихъ людей непремѣнно сопровождается ревностью, переходитъ въ злобу, въ ненависть, приводитъ къ убійствамъ, къ обливаніямъ сѣрной кислотой и т. п.

Эти люди не понимаютъ любви безъ ревности. *А вѣдь ревность и есть именно убійца чувства чудеснаго въ любви.* И есть другіе люди, у которыхъ даже общее, не индивидуализированное влеченіе пола, будетъ красиво, полно мысли и яркихъ искръ космическихъ ощущеній.

На землѣ живутъ двѣ совершенно разныя породы людей. И трудность психологическихъ дѣленій зависитъ въ значительной степени отъ того, что мы хотимъ *всѣмъ людямъ* навязывать общія характеристики, *которыхъ они не имѣютъ.*

Кромѣ того любовь нельзя дѣлить на *два* класса—(1) физическое чувство безъ личной привязанности и (2) физически-душевную любовь, соединенную съ личной привязанностью. Необходимо признать еще возможность третьяго рода отношеній, въ которыхъ главнымъ элементомъ является *сознательное* исканіе чудеснаго въ любви и черезъ любовь. При чемъ для людей высшаго типа любовь безъ этого исканія чудеснаго дѣлается уже почти невозможной.

Я не случайно назвалъ *циничнымъ* морализмъ, видящій въ любви только одну цѣль—продолженіе рода (или, субъективно, физическое удовлетвореніе), цѣль, которой нужно какъ нибудь поскорѣе достигнуть и не смотрѣть на остальное. Цинизмъ можетъ выражаться не въ одной распущенности. Можетъ быть циническій моралізмъ и даже циническій аскетизмъ, такъ же какъ циническая распущенность. Все дѣло во взглядѣ, въ отношеніи. *Цинизмъ* это психологія двумѣрнаго существа. Собака (kunos) и есть двумѣрное существо. Двумѣрная мораль непремѣнно будетъ циническою моралью. Она вездѣ и во всемъ будетъ

подозрѣвать свои собственныя тенденціи, потому что другихъ она не знаетъ и не понимаетъ.

Интересныя вещи говоритъ В. В. Розановъ въ книгѣ «Люди луннаго свѣта». Идея грѣховности любви, идея «скверны», идея аскетизма по его мнѣнію возникла изъ полового извращенія, изъ гермафродитизма, изъ «женомужества» и «мужеженства». При чемъ гермафродитизмъ можетъ ничѣмъ не выражаться физически, а только психически, душевно, быть душевнымъ гермафродитизмомъ.

«Содомъ рождаетъ идею, что любовь есть грѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое гермафродитизмъ—психологически?—Муки Тантала, —все въ себѣ и недостижимо. Слѣдующій этапъ ненависть къ этому недостижимому, страхъ передъ нимъ, мистическій ужасъ, *скверна*, отъ которой нужно бѣжать».

Это интересно хотя и звучитъ парадоксально. Любовь, какъ «скверна» несомнѣнно заключаетъ въ себѣ что-то отъ извращенія. Но аскетизмъ можетъ быть основанъ совсѣмъ на другихъ мотивахъ. Дѣло въ томъ, что любовь, такъ какъ она бываетъ въ жизни, несомнѣнно въ большинствѣ случаевъ заставляетъ людей размѣниваться на мелочь чувствъ и мелочь ощущеній. И вотъ бѣгствомъ отъ этой мелочи можетъ быть аскетизмъ. Кромѣ того мистика требуетъ одиночества. Очень трудно въ условіяхъ жизни на землѣ представить себѣ любовь, которая не мѣшала бы мистическимъ стремленіямъ. Вѣдь храмовъ любви и мистерій любви въ дѣйствительности нѣтъ, а есть только «быть» и психологическіе лабиринты, отъ которыхъ очень часто хочется бѣжать людямъ, поднимающимся немножко выше обыкновеннаго уровня.

И поэтому совершенно естественно вырабатываются извѣстныя формы очень тонкаго аскетизма, совершенно непохожаго на «циническій» аскетизмъ. Этотъ аскетизмъ не клевещетъ на любовь, не богохульствуетъ, не старается увѣрить себя, что любовь скверна, отъ которой нужно бѣжать. Это скорѣе платонизмъ, чѣмъ аскетизмъ, онъ понимаетъ, что любовь—Солнце, но часто не видитъ путей къ этому солнцу и соглашается лучше совсѣмъ не видѣть солнца, ощущать его только въ душѣ, чѣмъ получать его свѣтъ черезъ потемнѣвшія или закопченныя стекла.

Но вообще говоря, любовь представляетъ для людей слишкомъ большую загадку и часто отказъ отъ любви и аскетизмъ принимаетъ очень странныя формы.

Скандалы, разыгравшіеся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ «Теософическомъ обществѣ» судебные процессы, обвиненія въ безнравственномъ поведеніи, обвиненія въ клеветѣ и пр. и пр., все это имѣло своимъ основаніемъ одинъ маленькій, но очень характерный фактъ. Лѣтъ

десять тому назадъ извѣстный теософическій писатель Ледбитеръ, въ письмѣ къ одному своему ученику, мальчику, объяснялъ ему и даже рекомендовалъ для удержанія себя отъ женщинъ ненормальные способы полового удовлетворенія. Письмо это было найдено и произошелъ большой скандалъ, закончившійся уходомъ изъ Теософическаго общества Ледбитера. Въ свое оправданіе Ледбитеръ говорилъ, что ему пришлось разъ быть свидѣтелемъ гибели молодой дѣвушки, соблазненной однимъ молодымъ человѣкомъ и это произвело на него такое глубокое впечатлѣніе, что онъ пришелъ къ заключенію, *что все лучше этого.*

Вся эта исторія съ Ледбитеромъ и съ тѣми наставленіями, какія онъ давалъ своимъ ученикамъ, очень интересна и въ моральномъ и въ психологическомъ отношеніи. Въ другомъ мѣстѣ я касаюсь ея подробнѣе *). Здѣсь я хочу только указать на лабиринтъ противорѣчій, въ которомъ оказываются люди, можетъ быть, и совершенно искренніе, но неспособные понять великаго *мистическаго* аспекта любви. И когда сталкиваешься съ такими фактами, вспоминаются слова Заратустры: **)

Сладострастіе: жало и острый колъ для всѣхъ носящихъ власяницу и презирающихъ тѣло и проклинаемое ими «мірское» для всѣхъ, живущихъ *позади міра*, потому что оно издѣвается надъ всѣми лже-учителями и дурачитъ ихъ.

Сладострастіе: для сволочи людской медленный огонь, на которомъ горитъ она; для червиваго дерева, для зловонныхъ лохмотьевъ, готовая раскаленная, клокочущая печь.

Сладострастіе для свободныхъ сердецъ, невинное и свободное, садъ счастья на землѣ, благодарность всего будущаго настоящему.

Сладострастіе: только для увядающихъ сладенькій ядъ, но для владѣющихъ львиной волей великое укрѣпленіе сердца и благоговѣйно сохраняемое вино изъ винъ.

Сладострастіе великій образъ счастья на пути къ высшему счастью и высшей надеждѣ. Потому что многому обѣщанъ бракъ и больше чѣмъ бракъ,

Многому, что болѣе чуждо другъ другу, чѣмъ мужчина и женщина, а кто постигъ вполнѣ *насколько чужды* другъ другу мужчина и женщина!

Я остановился такъ долго на вопросѣ о пониманіи любви, потому, что онъ имѣетъ наиболѣе жизненное значеніе; потому что большинству людей, приближающихся къ порогу тайны, именно съ этой стороны очень много открывается или закрывается, и потому что

---

*) «Въ поискахъ чудеснаго». Въ Индіи и на Цейлонѣ часть II, въ Адьярѣ у теософовъ. Готовится къ печати.

**) «Такъ говорилъ Заратустра».—„О трехъ злахъ".

именно этотъ вопросъ для многихъ представляетъ самое большое препятствіе. Почти наивно говорить такъ много *въ защиту любви*. Современная мысль не исчерпывается Лютославскимъ, Толстымъ и Ледбитеромъ. Существуютъ совсѣмъ другія пути мысли. Но одно остается неизмѣннымъ въ нашемъ отношеніи къ любви—мы не умѣемъ соединять широкую и свободную идею любви съ идеей морали и духовныхъ стремленій. Получается или полное отсутствіе всякой морали или *ограниченіе* любви—мораль враждебно и подозрительно относящаяся къ любви.

Я называю моралью не кодексъ (какой бы то ни было) заранѣе установленныхъ правилъ, а *внутреннюю необходимость* оцѣнки своихъ дѣйствій со стороны высшаго пониманія, внутреннюю необходимость *согласованія* своихъ дѣйствій и своей жизни съ тѣми идеями, до которыхъ поднимается мысль.

А способность этого согласованія *любви* и *мысли* у людей можетъ явиться только тогда, когда они поймутъ, что любовь не есть явленіе *этого* міра и *не принадлежитъ имъ*, а есть сама *безконечность*, съ которой они только иногда слабо соприкасаются.

Для того же, чтобы ощутить эту безконечность, нужно понять нереальность всего матеріальнаго и фактическаго и реальность фантазіи и міра воображенія.

Матеріальный міръ не существуетъ.

И человѣкъ, способный понимать и ощущать это, ярче всего и лучше всего пойметъ и ощутитъ это въ любви, потому что въ любви наиболѣе реально то, что наиболѣе фантастично. Но это нужно чувствовать и нужно понимать, что это значитъ.

Въ любви самое важное *то, чего нѣтъ*, чего *совсѣмъ* нѣтъ для обыкновеннаго житейски матеріальнаго взгляда.

Въ этомъ ощущеніи того, чего нѣтъ и въ соприкосновеніи такимъ путемъ съ міромъ чудеснаго, т. е. истинно реальнаго и заключается главный смыслъ любви въ человѣческой жизни.

Извѣстенъ психологическій фактъ, что въ минуты очень сильныхъ переживаній, большой радости или большого страданія, все происходящее кругомъ кажется человѣку *нереальностью*, сномъ. Это—начало пробужденія души. Когда человѣкъ во снѣ начинаетъ сознавать, что онъ спитъ и то, что онъ видитъ—сонъ, онъ просыпается. И душа, начиная сознавать, что вся видимая жизнь—сонъ, приближается къ пробужденію. И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ ярче переживанія человѣка, тѣмъ скорѣе можетъ наступить моментъ сознанія нереальности жизни.

Пробужденіе души, вотъ цѣль любви. Но для того, чтобы эта цѣль достигалась, нужно чтобы ощущенія любви доходили до высшей степени яркости и интенсивности. А это возможно только при отсутствіи ложныхъ взглядовъ на любовь и только для тѣхъ людей, которые не погружены безвыходно въ матеріальность.

Любовь сортируетъ, отбираетъ людей.

«*Лопата Его въ рукѣ Его. И онъ очиститъ гумно Свое и соберетъ пшеницу Свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ*».

Любовь это и есть Великая Вѣялка. Способовъ «отсѣванія» у природы много. Но любовь—одинъ изъ главныхъ. И люди, способные чувствовать *то, чего нѣтъ*, идутъ въ одну сторону и неспособные, тѣ, которые знаютъ только факты—въ другую. Въ любви ярче, чѣмъ гдѣ либо, проявляются различія двухъ основныхъ типовъ человѣка, низшей и высшей расы:—«пшеницы» и «соломы» человѣчества.

Но то отношеніе къ любви, которое характеризуетъ высшую расу, только въ рѣдкихъ случаяхъ возникаетъ непосредственно; обыкновенно оно существуетъ только въ возможности и можетъ быть развито или подавлено и замѣнено другимъ низшаго типа. И, конечно, этому культивированію высшаго пониманія любви больше всего мѣшаетъ проповѣдь людей матеріалистическихъ взглядовъ, какими бы словами этотъ матеріализмъ ни прикрывался.

Разсужденія Лютославскаго, Толстого и Ледбитера показываютъ, какъ ограничиваетъ человѣка матеріалистическое пониманіе любви. Любовь не укладывается въ матеріальныя мѣрки и люди фатально запутываются въ своихъ собственныхъ измышленіяхъ и запутываютъ другихъ. Вопросъ о любви слишкомъ великъ, слишкомъ многообразенъ и слишкомъ мистически-неуловимъ, чтобы его можно было разсматривать на одной плоскости.

Любовь и отношеніе людей къ любви очень интересно разсматривать, пользуясь тѣмъ же методомъ и тѣми же аналогіями, какія примѣняются для сравнительнаго изученія разныхъ измѣреній.

Нужно опять представить себѣ міръ плоскихъ существъ, разсматривающихъ явленія, приходящія на ихъ плоскость изъ другого невѣдомаго міра (въ родѣ перемѣны цвѣта линій на плоскости, въ дѣйствительности происходящихъ отъ вращенія сквозь плоскость колеса съ разноцвѣтными спицами). Плоскія существа полагаютъ, что эти явленія возникаютъ на ихъ плоскости, отъ причинъ тоже находящихся на плоскости, и здѣсь же кончаются. И всѣ подобныя явленія для нихъ одинаковы, какъ два кружка, на самомъ дѣлѣ принадле-

жащія совершенно разнымъ тѣламъ *). И на этомъ основаніи они строютъ свои теоріи и свою мораль. А между тѣмъ если бы они рѣшились отойти отъ своей «двумѣрной» психологіи и понять истинную сущность этихъ явленій, то именно *при помощи* этихъ явленій и черезъ нихъ, они могли бы оторваться отъ своей плоскости, подняться, взлетѣть надъ ней и увидѣть великій, невѣдомый міръ.

Совершенно такое же мѣсто занимаетъ вопросъ о любви въ нашей жизни.

Только тотъ видитъ его настоящее содержаніе, кто умѣетъ видѣть гораздо дальше *фактовъ* и самые факты умѣетъ разсматривать въ свѣтѣ того, что кроется за ними.

А кто способенъ видѣть дальше «фактовъ» начинаетъ видѣть очень много новаго *именно въ любви и черезъ любовь*.

Я приведу одно стихотвореніе въ прозѣ Эдуарда Карпентера (изъ книги «Towards Democracy»).

Океанъ пола.

Содержать въ себѣ великое море, цѣлый океанъ пола внутри одного человѣка,
Океанъ, своимъ приливомъ и отливомъ двигающій, заключающіе его въ себѣ предѣлы тѣла,
Волнующійся, колеблющійся, подчиненный сіянію глазъ человѣческихъ существъ,
Отражающій небо и все живое на землѣ.
Какъ удивительно!

Едва приближается человѣческая фигура, мужская или женская, зыбь пробѣгаетъ черезъ весь океанъ.
Или, какъ бываетъ съ тихой водой, когда движется кто нибудь по скаламъ на берегу озера, внутри воды такъ же идетъ отраженное движеніе.
И то же самое на краю этого океана.
Очертаніе человѣческой фигуры, даже слабо рисующейся подъ деревьями или на песчаномъ берегу, заставляетъ весь океанъ содрогаться отъ далекихъ воспоминаній.
(Но берега высоки и крѣпки и не легко волнѣ побѣдить ихъ).
Пока наконецъ, повинуясь можетъ быть прикосновенію, или приближенію, или колдовству глазъ другого существа.
Весь океанъ не бросается впередъ, неудержимый

О, удивительный океанъ пола!
Океанъ милліоновъ и милліоновъ крошечныхъ подобныхъ зернамъ человѣческихъ жизней, заключенныхъ въ одномъ существѣ (если онѣ дѣйствительно заключены въ немъ)

---

*) См. стр. 57 и 125.

Зеркало самой вселенной.
Священный храмъ и глубочайшее внутреннее святилище тѣла
Океанъ-рѣка, вѣчно текущій черезъ великій стволъ и вѣтви дерева человѣчества;
Того дерева, на которомъ всѣ отдѣльныя личности появляются только какъ почки новыхъ листьевъ!
Океанъ, который мы такъ удивительно содержимъ въ себѣ, (если мы дѣйствительно содержимъ его), и который содержитъ въ себѣ насъ.
И иногда, когда я чувствую и знаю этотъ океанъ въ себѣ, я ощущаю, что онъ и я—одно
Неужели я понимаю тогда, что я принадлежу къ безконечно давнему потомству Неба и Вѣчности.

Возвращаясь къ тому съ чего я началъ, къ отношенію двухъ основныхъ законовъ нашего существованія, *любви* и *смерти*, истинное взаимоотношеніе которыхъ остается для насъ загадочнымъ и непонятнымъ, я напомню только слова Шопенгауэра, которыми онъ заканчиваетъ свои «Афоризмы».

... Я постарался бы показать, какъ конецъ соединяется съ началомъ, какимъ образомъ Эросъ оказывается въ тайной связи со смертью и какъ, въ силу этой связи, подземное царство Оркусъ или Аментесъ египтянъ оказывается не только берущимъ, отнимающимъ, но и дающимъ, такъ что смерть является творцомъ жизни. Именно изъ этого Оркуса рождается все. Въ немъ находилось все, что живетъ нынѣ. И если бы только намъ удалось понять фокусъ, посредствомъ котораго это происходитъ, тогда все стало бы яснымъ.

ГЛАВА XVI.

Феноменальная и нуменальная сторона человѣка. «Человѣкъ въ себѣ». Какъ мы познаемъ внутреннюю сторону человѣка? Можемъ ли мы узнать о существованіи сознанія, находящагося въ неаналогичныхъ нашимъ условіяхъ пространства? Мозгъ и сознаніе. Единство міра. Логическая невозможность одновременнаго существованія духа и матеріи. Или все духъ, или все матерія. Разумныя и неразумныя дѣйствія въ природѣ и въ жизни человѣка. Могутъ ли существовать разумныя дѣйствія рядомъ съ неразумными? Міръ, какъ случайно создавшаяся механическая игрушка. Невозможность сознанія въ механической вселенной. Невозможность механичности при существованіи сознанія. Фактъ человѣческаго сознанія, нарушающій механическую систему. Сознанія другихъ разрѣзовъ міра. Какъ мы можемъ узнать о нихъ? Кантъ о духахъ. Спиноза о познаніи невидимаго міра. Необходимость интеллектуальнаго опредѣленія того, что можетъ быть, и чего не можетъ быть въ нуменальномъ мірѣ.

Мы очень плохо знаемъ, что такое человѣкъ и наши представленія о человѣкѣ крайне ошибочны и легко создаютъ новыя заблужденія. Прежде всего мы склонны разсматривать человѣка, какъ извѣстное единство, и различныя детали и функціи *человѣка* разсматривать, какъ связанныя другъ съ другомъ и всѣ другъ отъ друга зависящія. При этомъ еще причину всѣхъ свойствъ и дѣйствій человѣка мы видимъ въ физическомъ аппаратѣ человѣка, въ видимомъ человѣкѣ. Въ дѣйствительности человѣкъ, это очень сложное нѣчто и сложное въ разныхъ смыслахъ. Многія стороны жизни человѣка, совершенно не связаны между собой или связаны только тѣмъ, что принадлежатъ одному человѣку и жизнь человѣка идетъ сразу какъ бы на различныхъ плоскостяхъ, при чемъ явленія одной плоскости только изрѣдка и отчасти касаются другой и могутъ не касаться совсѣмъ. И отношенія самого человѣка къ разнымъ сторонамъ самого себя и другихъ людей совершенно не одинаковы.

Человѣкъ заключаетъ въ себѣ всѣ три указанныхъ рода явленій, т. е. представляетъ собой комбинацію явленій физическихъ, жизненныхъ и сознанія. И взаимныя отношенія этихъ трехъ порядковъ явленій безконечно сложнѣе, чѣмъ мы привыкли думать. Явленія сознанія мы *въ себѣ* чувствуемъ, ощущаемъ и сознаемъ;—явленія жизни и физическія явленія наблюдаемъ и заключаемъ о нихъ на основаніи опыта. *Чужихъ* явленій сознанія, т. е. мыслей, чувствъ, жела-

ній другого человѣка, мы не ощущаемъ, и о томъ, что они у него есть, мы заключаемъ на основаніи его словъ и на основаніи аналогіи съ самими собою. Мы знаемъ, что у насъ самихъ извѣстнымъ поступкамъ предшествуютъ извѣстныя мысли и чувства. И, когда мы видимъ тѣ же поступки у другого человѣка, мы заключаемъ, что онъ думалъ и чувствовалъ то же, что и мы. Аналогія съ собой—это нашъ единственный критерій и методъ для сужденія и умозаключенія о явленіяхъ сознанія другихъ людей, если мы не можемъ сообщаться съ ними, или не хотимъ вѣрить тому, что они намъ говорятъ про себя.

Если предположить, что я жилъ бы среди людей, не имѣя возможности сообщаться съ ними и не имѣя возможности дѣлать заключенія по аналогіи, то я былъ бы окруженъ движущимися и дѣйствующими автоматами, смыслъ и значеніе, и причины дѣйствій которыхъ были бы для меня совершенно темны. Можетъ быть, я объяснялъ бы ихъ дѣйствія «молекулярнымъ движеніемъ», можетъ быть, «вліяніемъ планетъ», можетъ быть, «спиритизмомъ», т. е. дѣйствіями «духовъ», можетъ быть, «случайностью», непроизвольной комбинаціей причинъ, но во всякомъ случаѣ *сознанія* данныхъ людей въ глубинѣ этихъ дѣйствій я бы не видѣлъ и не могъ видѣть.

О существованіи сознанія я вообще могу заключить только по аналогіи съ самимъ собою. Я знаю, что извѣстныя явленія во мнѣ связаны съ обладаніемъ сознаніемъ. Когда я вижу тѣ же явленія въ другомъ человѣкѣ, я заключаю, что и онъ обладаетъ сознаніемъ. Но *прямо* убѣдиться въ существованіи сознанія у другого человѣка я не могу. Изучая людей только со стороны, я находился бы по отношенію къ нимъ буквально въ такомъ положеніи, въ какомъ, согласно Канту, мы находимся къ окружающему насъ міру. Мы знаемъ только нашъ способъ его познанія. *Міра въ себѣ* мы не знаемъ.

Такимъ образомъ для познанія *человѣка въ себѣ* (т. е. его сознанія) у меня два способа—аналогія съ самимъ собой и общеніе моего сознанія съ другимъ сознаніемъ, *обмѣнъ мыслей*. Безъ этого—человѣкъ для меня только *феноменъ*, движущійся автоматъ.

Нуменъ человѣка—это его сознаніе и все, что заключаетъ въ себѣ это сознаніе, и съ чѣмъ оно человѣка связываетъ.

Въ «человѣкѣ» для насъ открыты оба міра, хотя нуменальный міръ открытъ мало и слабо, благодаря тому, что онъ познается нами черезъ посредство феноменальнаго.

Нуменальное, значитъ *постигаемое умомъ* и характерное свойствъ *вещей нуменальнаго міра*,—заключается въ томъ, что онѣ *не могутъ*

быть познаны тѣмъ же способомъ, какъ вещи феноменальнаго міра. Мы можемъ предполагать о существованіи вещей нуменальнаго міра, находить ихъ путемъ умозаключеній, открывать по аналогіи, чувствовать ихъ, вступать съ ними въ какое то общеніе, — но мы не можемъ ихъ ни видѣть, ни слышать, ни осязать, ни взвѣшивать, ни мѣрить, ни фотографировать, ни разлагать на химическіе элементы или на число вибрацій. *Нуменальный міръ*—или міръ причинъ, это для насъ міръ *метафизическихъ* фактовъ.

Такимъ образомъ *сознаніе* со всѣми его функціями и со всѣмъ его содержимымъ—съ мыслями, съ чувствами, съ желаніями, съ волей относится къ метафизическому міру. Ни одного элемента сознанія мы не можемъ познать *объективно*. Эмоцію, какъ таковую, нельзя видѣть, такъ же какъ нельзя видѣть *стоимость монеты*. Вы можете видѣть, что написано на монетѣ, но *стоимости ея* вы никогда не увидите. *Мысль* нельзя сфотографировать, такъ же какъ нельзя представить себѣ въ пузыречкѣ «тьму египетскую».—Думать иначе, экспериментировать съ фотографированіемъ мыслей—это значитъ, просто не умѣть логически думать. На валикѣ фонографа есть царапины, повышенія и пониженія, *но звуковъ нѣтъ*. Кто будетъ держать у уха валикъ фонографа, надѣясь что нибудь *услышать*, тотъ навѣрное ничего не дождется.

Заключая въ себѣ *два міра*, т. е. феноменальный и нуменальный, «человѣкъ» даетъ намъ возможность понять, въ какомъ отношеніи одинъ къ другому находятся эти два міра во всей природѣ.

Раньше мы пришли къ выводу, что *нуменъ* вещи заключается въ *ея функціи* въ другой сферѣ, въ ея значеніи, непонятномъ въ данномъ разрѣзѣ міра *). Затѣмъ мы пришли къ заключенію, что число значеній одной и той же вещи въ различныхъ разрѣзахъ міра должно быть безконечно велико и безконечно разнообразно, что оно должно дѣлаться собственной противоположностью, возвращаться опять къ

---

*) Выраженіе «разрѣзъ міра» берется какъ показатель нереальности формъ каждаго разрѣза. Міръ безконеченъ и всѣ формы безконечны, но чтобы охватить ихъ конечнымъ мозговымъ сознаніемъ, т. е. сознаніемъ отраженнымъ отъ мозга, мы должны представить себѣ безконечныя формы конечными, это и есть разрѣзы міра. Міръ одинъ, но количество возможныхъ разрѣзовъ безконечно. Представимъ себѣ яблоко оно—одно. Но можно представить себѣ безконечное количество воображаемыхъ разрѣзовъ яблока по всѣмъ направленіямъ и всѣ эти разрѣзы будутъ отличаться одинъ отъ другого. Если вмѣсто яблока взять болѣе сложное тѣло, напримѣръ тѣло какого нибудь животнаго; разрѣзы, идущіе въ разныхъ направленіяхъ, будутъ еще больше не похожи одинъ на другой.

началу (съ нашей точки зрѣнія) и т. д., и т. д., безконечно расширяясь, опять суживаясь и пр.

И нужно помнить, что нуменъ и феноменъ не есть *различныя вещи*, а только различныя стороны *одного и того же*. При чемъ феноменъ есть *конечное выраженіе*, въ сферѣ нашего познанія органами чувствъ, *безконечнаго нумена*.

Съ нашей точки зрѣнія мы совершенно одинаково можемъ сказать, что *извѣстный* феноменъ или извѣстная группа феноменовъ съ нуменальной стороны выражаются сознаніемъ какой то *безконечной и безконечно разнообразной* сущности;—или что безконечное и безконечно разнообразное сознаніе выражается для насъ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ явленіемъ.

Феноменъ есть трехмѣрное выраженіе даннаго нумена.

Эта трехмѣрность зависитъ отъ трехмѣрныхъ формъ нашего познанія, т. е., говоря просто, отъ нашего мозга, нервовъ, глазъ и кончиковъ пальцевъ.

Въ «человѣкѣ» мы нашли, что его нуменъ это *сознаніе*, что именно въ сознаніи лежитъ разгадка, непонятныхъ со стороны, функцій и значеній человѣка.—Что такое сознаніе человѣка, какъ не его функція, непостижимая въ трехмѣрномъ разрѣзѣ міра? Дѣйствительно, если мы будемъ всѣми доступными намъ способами объективно, со стороны изучать и наблюдать человѣка, мы *никогда* не найдемъ его сознанія и не опредѣлимъ функціи этого сознанія. Мы должны сначала *осознать свое сознаніе*, затѣмъ или вступить въ разговоръ (знаками, жестами, словами) съ другимъ человѣкомъ, начать съ нимъ *обмѣнъ мыслями* и на основаніи его отвѣтовъ вывести заключеніе, что онъ обладаетъ сознаніемъ—или заключить объ этомъ на основаніи внѣшнихъ признаковъ (одинаковыя съ нами дѣйствія въ одинаковыхъ обстоятельствахъ). *Прямымъ методомъ* объективнаго изслѣдованія безъ помощи *рѣчи* или безъ помощи заключенія, по *аналогіи*, мы въ другомъ человѣкѣ сознанія не найдемъ. Что недоступно прямому методу изслѣдованія, *но существуетъ*, то нуменально. И, слѣдовательно, мы не будемъ въ состояніи опредѣлить функціи и значенія человѣка въ иномъ разрѣзѣ міра, чѣмъ міръ геометріи Эвклида, единственно доступный «прямымъ методамъ изслѣдованія». Поэтому мы съ полнымъ правомъ можемъ разсматривать «сознаніе человѣка», какъ его функцію въ разрѣзѣ міра, отличномъ отъ того *трехмѣрнаго* разрѣза, гдѣ функціонируетъ «тѣло человѣка».

Установивъ это, мы можемъ задать себѣ вопросъ: не имѣемъ ли

мы права сдѣлать обратное заключеніе и разсматривать неизвѣстную намъ функцію «міра» и «вещей» внѣ трехмѣрнаго разрѣза, *какъ ихъ сознаніе.*

Нашъ обычный позитивный взглядъ разсматриваетъ сознаніе, *какъ функцію мозга.* Безъ мозга мы не можемъ представить себѣ сознанія.

Максъ Нордау, когда онъ захотѣлъ представить себѣ «міровое сознаніе» (въ «Парадоксахъ»), долженъ былъ сказать, что мы не можемъ навѣрное утверждать, что гдѣ нибудь въ безконечномъ пространствѣ вселенной *не повторяется въ грандіозномъ масштабѣ та же самая комбинація физическихъ и химическихъ элементовъ, какая составляетъ нашъ мозгъ.* Это очень характерно и типично для «положительнаго знанія». Желая представить себѣ «міровое сознаніе», позитивизмъ прежде всего долженъ представить себѣ *гигантскій мозгъ.* —Не чувствуется ли здѣсь сразу нѣчто изъ двумѣрнаго и плоскаго міра? Въ самомъ дѣлѣ идея гигантскаго мозга гдѣ то за звѣздами показываетъ удивительную бѣдность и слабость позитивной мысли. Эта мысль не можетъ выйти изъ обычной колеи, у нея нѣтъ крыльевъ для полета.

Представимъ себѣ, что какой-нибудь любознательный житель Европы 17-го столѣтія пытался представить себѣ средства передвиженія 20-го столѣтія и рисовалъ себѣ огромную почтовую карету величиной съ большую гостиницу, запряженную тысячью лошадей. Онъ былъ бы очень близокъ къ истинѣ, но... въ то же время и безконечно далекъ отъ нея. А между тѣмъ въ его время уже были умы, которые видѣли по правильнымъ линіямъ, уже намѣчалась идея парового двигателя, уже появлялись модели...

Мысль, высказанная Нордау, напоминаетъ излюбленныя построенія обывательской философіи, что планеты и звѣзды видимаго міра это только молекулы какого то большого тѣла, ничтожную часть котораго составляетъ наша вселенная...

«Можетъ быть, вся вселенная лежитъ въ мизинцѣ какого нибудь большого существа, говоритъ философствующій обыватель. И можетъ быть, наши молекулы—тоже міры. Чортъ возьми, можетъ быть у меня въ мизинцѣ тоже нѣсколько вселенныхъ!». И обывателю дѣлается страшно.—Но всѣ эти разсужденія только *большая карета.* Подобно этому разсуждала одна маленькая дѣвочка, о которой я разъ читалъ, кажется въ «Theosophical Review». Дѣвочка сидѣла у камина; рядомъ съ ней спала кошка.—«Вотъ кошка спитъ, думала дѣвочка,

можетъ быть, она видитъ во снѣ, что она не кошка, а маленькая дѣвочка. А, можетъ быть, *я на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не маленькая дѣвочка, а кошка, и только вижу во снѣ, что я маленькая дѣвочка...*» Въ слѣдующее мгновеніе домъ оглашается неистовымъ крикомъ—и родителямъ маленькой дѣвочки стоитъ очень большихъ трудовъ убѣдить ее, что она не кошка, а на самомъ дѣлѣ маленькая дѣвочка.

Все это показываетъ, что философствовать нужно съ нѣкоторымъ умѣніемъ. Нашу мысль окружаетъ очень много тупиковъ. И «позитивизмъ» тупикъ самъ по себѣ.

Нашъ анализъ явленій и установленное нами отношеніе явленій физическихъ, жизни и сознанія позволяетъ намъ *совершенно опредѣленно* сказать, что явленія сознанія не могутъ быть функціей мозга, т. е. функціей явленій физіологическихъ и физическихъ—или явленій низшаго порядка. Мы установили, что высшее не можетъ быть функціей низшаго. А раздѣленіе высшаго и низшаго основано тоже на совершенно реальномъ фактѣ различной потенціальности разныхъ родовъ явленій,—различнаго количества заключающейся въ нихъ (или развязываемой ими) *скрытой силы*. И, конечно, мы имѣемъ право назвать *высшими*—явленія, обладающія неизмѣримо большей потенціальностью, неизмѣримо большей скрытой силой, и *низшими*—явленія, обладающія меньшей потенціальностью, меньшей скрытой силой.

Явленія жизни—*высшія*, сравнительно съ явленіями физическими.

Явленія сознанія—*высшія*, сравнительно съ явленіями жизни и физическими.

Ясно, *что* можетъ быть функціей *чего*.

Не совершая самой грубой логической ошибки, мы не можемъ назвать жизнь и сознаніе функціонально зависящими отъ явленій физическихъ, т. е. *результатомъ* физическихъ явленій. Наоборотъ, все заставляетъ насъ признать физическія явленія результатомъ жизни, а жизнь результатомъ сознанія.

Но *какой* жизни и *какого* сознанія? Въ этомъ вопросъ. Конечно, было бы безсмыслицей разсматривать земной шаръ, какъ функцію растительной и животной жизни, *идущей на землѣ*, — и видимый звѣздный міръ, какъ функцію *человѣческаго* сознанія. Но этого никто и не говоритъ. Въ оккультномъ пониманіи идетъ рѣчь о *другой* жизни и о *другомъ* сознаніи, частнымъ проявленіемъ которыхъ является наша жизнь и наше сознаніе. И важно установить *общій прин-*

цинъ, что явленія физическія, *какъ низшія*, зависятъ отъ явленій жизни и сознанія, *какъ высшихъ*.

Если этотъ принципъ признать установленнымъ, то можно итти дальше.

Первый вопросъ, который является—это, въ какомъ отношеніи сознаніе человѣка находится къ его тѣлу и мозгу?

На этотъ вопросъ въ разное время отвѣчали различно. Сознаніе разсматривали, какъ прямую функцію дѣятельности мозга, («*Мысль есть движеніе вещества*») этимъ, конечно, отрицая всякую возможность сознанія безъ мозга. Затѣмъ пытались установить *параллелизмъ* дѣятельности сознанія и дѣятельности мозга. Но характеръ этого параллелизма всегда оставался очень темнымъ.—Да, мозгъ повидимому, работаетъ параллельно съ сознаніемъ. Остановка или разстройство дѣятельности мозга влечетъ за собой видимую остановку или разстройство дѣятельности сознанія. Но всетаки дѣятельность мозга *это только движеніе*, т. е. явленіе объективное, а дѣятельность сознанія—явленіе объективно неопредѣлимое, *субъективное*, и въ то же время *болѣе сильное*, чѣмъ все объективное. Какъ связать это все вмѣстѣ?

Попробуемъ посмотрѣть на дѣятельность мозга и сознанія съ точки зрѣнія существованія двухъ данныхъ: «міра» и «сознанія», принятыхъ нами въ самомъ началѣ.

Если смотрѣть на мозгъ съ точки зрѣнія сознанія, то мозгъ будетъ частью «міра», т. е. частью внѣшняго міра, лежащаго внѣ сознанія. Такимъ образомъ сознаніе и мозгъ разныя вещи. Но сознаніе, какъ намъ говорятъ наши наблюденія и опытъ, можетъ дѣйствовать только черезъ мозгъ. Мозгъ есть та необходимая призма, проходя черезъ которую, сознаніе является намъ, *какъ интеллектъ*. Или, говоря немного иначе, *мозгъ есть зеркало, отражающее сознаніе въ нашемъ трехмѣрномъ разрѣзѣ міра*. Послѣднее значитъ, что въ нашемъ трехмѣрномъ разрѣзѣ міра дѣйствуетъ *не все сознаніе*. (истинныхъ размѣровъ котораго мы не знаемъ), а только его отраженіе отъ мозга. Ясно, что если разбивается зеркало, то должно разбиться отраженіе, или, если испортится зеркало, то оно будетъ давать неправильное отраженіе. Но нѣтъ никакого основанія думать, что когда разбивается зеркало, разбивается самъ отражающійся предметъ, т. е. въ данномъ случаѣ *сознаніе*.

Сознаніе не можетъ пострадать отъ разстройства мозга, но *проявленіе* его можетъ очень пострадать и даже совсѣмъ исчезнуть изъ поля нашего наблюденія. Поэтому понятно, что разстройство въ дѣятельности мозга влечетъ за собой ослабленіе или искаженіе, или

даже полное исчезновеніе способностей сознанія, проявляющихся въ нашей сферѣ.

Идея сравненія трехмѣрнаго и четырехмѣрнаго тѣла даетъ намъ возможность утверждать, что черезъ мозгъ идетъ не вся дѣятельность сознанія, а только его часть. Мозгъ явно трехмѣрное тѣло, т. е. нереальное. Сознаніе—нѣчто, не имѣющее измѣреній, или многомѣрное, во всякомъ случаѣ реальное. Не можетъ же *реальное* исчезать съ уничтоженіемъ *нереальнаго*.

Психическое существо каждаго человѣка, говоритъ Майерсъ (Essay on the Subliminal Consciousness) *), болѣе экстенсивно, чѣмъ это человѣку кажется. Оно является индивидуальностью, которая не можетъ всецѣло выявить себя въ тѣлесныхъ проявленіяхъ. Человѣческое «Я» проявляется черезъ организмъ; но извѣстная часть «Я» всегда остается невыявленной,

---

«Позитивистъ» остается неудовлетвореннымъ. Онъ скажетъ:—докажите мнѣ, что сознаніе можетъ дѣйствовать безъ мозга, тогда я повѣрю.

Я отвѣчу ему вопросомъ:—ч т о въ данномъ случаѣ будетъ доказательствомъ?

Доказательствъ нѣтъ и быть не можетъ. Существованіе сознанія *безъ мозга*, если оно возможно—это для насъ метафизическій фактъ, который не можетъ быть *доказанъ*, какъ физическій.

И если мой оппонентъ будетъ разсуждать искренно, онъ убѣдится, что доказательствъ быть не можетъ. *Потому что у него самого нѣтъ средствъ убѣдиться въ существованіи сознанія, дѣйствующаго не черезъ мозгъ.*—Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что сознаніе *умершаго человѣка* (т. е. человѣка, мозгъ котораго пересталъ работать) продолжаетъ функціонировать. Какъ мы можемъ убѣдиться въ этомъ? Н и к а к ъ. У насъ есть средства сообщенія (рѣчь, письменность) съ сознаніями, находящимися въ одинаковыхъ условіяхъ съ нами, т. е. дѣйствующими черезъ мозгъ—о существованіи *этихъ же* сознаній мы можемъ заключать по аналогіи съ собой.—Но о существованіи другихъ сознаній, *есть они или нѣтъ, безразлично*, мы никакими средствами *убѣдиться не можемъ*.

Вотъ это послѣднее и даетъ ключъ къ пониманію истиннаго отношенія сознанія къ мозгу. Наше сознаніе, являющееся отраженіемъ с о з н а н і я отъ мозга, можетъ замѣчать, к а к ъ с о з н а н і я, только подобныя себѣ отраженія. Раньше мы установили, что

---

*) Цит. по книгѣ проф. Джемса, «*Многообразіе религіознаго опыта*», русскій перев. 1910 г.

о другихъ сознаніяхъ кромѣ своего собственнаго мы можемъ заключать на основаніи *обмѣна мыслей съ ними* и на основаніи *аналогіи* съ самими собой. Теперь мы можемъ прибавить, что *вслѣдствіе этого* мы можемъ знать *только* о существованіи сознаній, *подобныхъ нашему*, и никакихъ другихъ сознаній, есть они или нѣтъ, мы знать не можемъ, пока не станемъ на ихъ плоскость.

Если мы когда нибудь осознаемъ свое сознаніе, не только отраженнымъ отъ мозга, а въ болѣе широкомъ видѣ, то одновременно съ этимъ мы получимъ возможность найти *аналогичныя себѣ сознанія*, не отраженныя отъ мозга, если таковыя существуютъ въ природѣ.

Но существуютъ такія сознанія или нѣтъ? Что на этотъ счетъ можетъ сказать намъ наше сознаніе, *такое, какъ оно есть теперь*.

Наблюдая міръ со стороны, мы видимъ въ немъ дѣйствія, происходящія отъ разумныхъ, сознательныхъ причинъ, такова работа человѣка;—и видимъ дѣйствія, происходящія отъ безсознательныхъ слѣпыхъ силъ природы: движеніе волнъ, приливъ и отливъ, теченіе рѣкъ и пр., и пр.

Въ этомъ дѣленіи наблюдаемыхъ нами дѣйствій на разумныя и неразумныя чувствуется нѣчто наивное, даже съ позитивной точки зрѣнія. Если мы чему нибудь выучились, изучая природу, если намъ хотя что нибудь далъ позитивный методъ, то это—увѣренность въ необходимомъ *однообразіи* явленій. Мы знаемъ, и это знаемъ твердо, что одинаковыя въ своемъ корнѣ вещи не могутъ происходить отъ различныхъ причинъ. И наша позитивная философія знаетъ это. Поэтому она тоже считаетъ наивнымъ указанное дѣленіе, и, сознавая невозможность такого дуализма, что часть наблюдаемыхъ явленій происходитъ отъ разумныхъ и сознательныхъ причинъ, а часть отъ неразумныхъ и безсознательныхъ, она стремится объяснить *все*, какъ происходящее отъ причинъ неразумныхъ и безсознательныхъ.

Позитивная философія говоритъ, что кажущаяся разумность человѣческихъ дѣйствій—это жалкая иллюзія и самоутѣшеніе. Человѣкъ—игрушка въ рукахъ стихійныхъ силъ. Онъ только передаточная станція силъ. Все, что, ему кажется, *онъ дѣлаетъ*, на самомъ дѣлѣ за него дѣлаютъ внѣшнія силы, входящія въ него съ воздухомъ, съ пищей, съ солнечнымъ свѣтомъ. Ни одного дѣйствія человѣкъ не совершаетъ самъ по себѣ. Онъ только призма, въ которой извѣстнымъ образомъ преломляется линія дѣйствія. Но, какъ лучъ свѣта не идетъ изъ призмы, такъ дѣйствіе не идетъ изъ разума человѣка.

Въ подтвержденіе этого приводится знаменитый «теоретическій опытъ» нѣмецкихъ психо-физіологовъ. Послѣдніе говорили, что если бы было возможно съ момента рожденія лишить человѣка в с ѣ х ъ

внѣшнихъ впечатлѣній: свѣта, звука, прикосновеній, тепла, холода и пр., и въ то же время сохранить его живымъ, то такой человѣкъ не былъ бы способенъ ни на одно самое ничтожное дѣйствіе.

Изъ этого выходитъ, что человѣкъ автоматъ, подобный тому *автоматону*, надъ которымъ работалъ американскій физикъ Тесла, и который долженъ былъ, повинуясь электрическимъ токамъ и волнамъ, идущимъ съ большого разстоянія безъ проволокъ, исполнять цѣлые ряды сложныхъ движеній.

Выходитъ такъ, что всѣ *дѣйствія человѣка* зависятъ отъ внѣшнихъ толчковъ. Для самаго маленькаго рефлекса нужно внѣшнее раздраженіе. Для болѣе сложнаго дѣйствія нуженъ цѣлый рядъ предшествующихъ сложныхъ раздраженій. Иногда между раздраженіями и дѣйствіями проходитъ много времени, и человѣкъ не чувствуетъ связи между ними. Поэтому онъ и считаетъ свои дѣйствія произвольными, хотя на самомъ дѣлѣ произвольныхъ дѣйствій нѣтъ.— Человѣкъ не можетъ *самъ* ничего сдѣлать такъ же, какъ камень по своему желанію не можетъ прыгнуть вверхъ. Нужно, чтобы его что нибудь подбросило. Человѣку нужно, чтобы его что нибудь толкнуло. И тогда онъ разовьетъ ровно столько силы, сколько въ него вложилъ толчокъ (и предшествовавшіе толчки), и ни капельки больше. Такъ учитъ позитивизмъ.

Съ логической стороны такая теорія правильнѣе, чѣмъ теорія двухъ родовъ дѣйствія разумнаго и неразумнаго. Она по крайней мѣрѣ устанавливаетъ принципъ необходимаго однообразія. Въ самомъ дѣлѣ нельзя же предположить, что въ большой машинѣ *нѣкоторыя части* движутся по собственному желанію и разумѣнію. Что нибудь одно—или всѣ части машины обладаютъ сознаніемъ своей функціи и дѣйствуютъ сообразно съ этимъ сознаніемъ—или онѣ всѣ работаютъ отъ одного двигателя и приводятся въ дѣйствіе однимъ приводомъ. Огромная заслуга позитивизма въ томъ, что онъ установилъ этотъ принципъ однообразія. Намъ остается опредѣлить, *въ чемъ* заключается это однообразіе.

Позитивное міропониманіе говоритъ, что *началомъ всего* является безсознательная *энергія*, возникшая неизвѣстно когда и отъ неизвѣстной причины. Эта энергія, пройдя длинный рядъ незамѣтныхъ электро-магнетическихъ и физико-химическихъ процессовъ, выражается для насъ въ видимомъ и ощущаемомъ движеніи, затѣмъ въ ростѣ, т. е. въ явленіяхъ жизни и наконецъ въ сознаніи.

Этотъ взглядъ былъ разобранъ раньше и выведено заключеніе, что физическія явленія совершенно невозможно разсматривать, какъ

причину явленій сознанія, тогда какъ наоборотъ явленія сознанія служатъ несомнѣнной причиной очень большого количества наблюдаемыхъ нами физическихъ явленій.—Затѣмъ изъ самой сущности понятія *движенія*, т. е. основы физико-механическаго міра, было выведено заключеніе, что движеніе совсѣмъ не очевидная вещь, что идея движенія составилась у насъ вслѣдствіе ограниченности и неполноты нашего чувства пространства (щелка, черезъ которую мы наблюдаемъ міръ). И было установлено, что не идея времени выводится изъ наблюденія движенія, какъ обыкновенно думаютъ, а идея движенія вытекаетъ изъ нашего чувства времени—и что идея движенія есть совершенно опредѣленно *функція чувства времени*, которое само по себѣ есть граница или предѣлъ чувства пространства у существа данной психики. Было выяснено еще, что идея движенія могла возникнуть изъ сравненія двухъ разныхъ полей сознанія. И вообще весь анализъ основныхъ категорій нашего познанія міра—пространства и времени—показалъ, что у насъ нѣтъ абсолютно никакихъ данныхъ принимать движеніе за основное начало міра.

А если такъ, если нельзя предположить за кулисами мірозданія безсознательнаго механическаго двигателя, то необходимо предположить *космосъ* живымъ и сознательнымъ.—Потому что, что-нибудь одно изъ двухъ: или онъ механическій и мертвый, «случайный»—или онъ живой и сознающій себя.—Ничего мертваго въ живой природѣ быть не можетъ и ничего живого не можетъ быть въ мертвой.

... Пройдя длинный періодъ безсознательнаго и полусознательнаго существованія въ минеральномъ, растительномъ и животномъ царствѣ, природа въ человѣкѣ доходитъ до своего высшаго развитія и спрашиваетъ себя: *что я такое?* Человѣкъ—это органъ самосознанія природы.

Такъ писалъ Шопенгауэръ въ своихъ «Афоризмахъ», и, конечно, это очень эффектный образъ. Но у насъ нѣтъ никакого основанія считать человѣка *верхомъ* того, что создала природа. Это только высшее, что мы знаемъ.

Мысль Шопенгауэра, можетъ быть, и очень красива, но всетаки нужно признать, что *въ природѣ* ничего безсознательнаго рядомъ съ сознательнымъ быть не можетъ. Должно быть что нибудь одно.

Позитивизмъ былъ бы совершенно правъ, и въ его картинѣ міра не было бы ни одного самаго маленькаго недочета, *если бы въ мірѣ не существовало сознанія*. Тогда вселенную волей неволей пришлось бы признать *случайно образовавшейся въ пространствѣ механической игрушкой*, и больше ничѣмъ. Но фактъ существованія сознанія «портитъ всю статистику». Его никакъ не исключить.

Приходится признавать или существованіе двухъ началъ—сознанія и движенія, «духа» и «матеріи»—или выбирать какое нибудь одно изъ нихъ.

При этомъ дуализмъ уничтожается самъ собой, потому что, если допустить отдѣльное существованіе духа и матеріи и разсуждать дальше, то неизбѣжно явится заключеніе, что или духъ нереаленъ, а реальна матерія; или матерія нереальна, а реаленъ духъ;—т. е. что или духъ матеріаленъ, или матерія духовна. Слѣдовательно, нужно выбирать что нибудь одно—духъ или матерію.

Но мыслить дѣйствительно м о н и с т и ч е с к и гораздо труднѣе, чѣмъ кажется. Я встрѣчалъ многихъ людей, которые называли и искренно считали себя «монистами». Но въ дѣйствительности они не сходили съ самаго наивнаго дуализма, и у нихъ не мелькала даже искра пониманія мірового единства.

Матеріализмъ, считающій основой всего «движеніе» или «энергію», никогда не можетъ быть «монистическимъ». Уничтожить сознанія онъ не можетъ. Въ этомъ его главное несчастіе. Если бы онъ могъ совсѣмъ уничтожить сознаніе, тогда все было бы прекрасно, и вселенная могла бы сойти за случайно создавшуюся механическую игрушку. Но къ сожалѣнію матеріализмъ не можетъ отрицать сознанія и не можетъ его уничтожить. Онъ можетъ только стараться низвести его, какъ можно ниже, называя его *отраженіемъ* дѣйствительности, сущность которой заключается въ движеніи.

Но какъ же быть тогда съ тѣмъ фактомъ, что «отраженіе» обладаетъ въ этомъ случаѣ безконечно большей потенціальностью, чѣмъ «дѣйствительность»? Какъ это можетъ быть? Отъ чего отражается или въ чемъ преломляется дѣйствительность, такъ что въ отраженномъ видѣ она обладаетъ безконечно большей потенціальностью, чѣмъ въ обыкновенномъ?

Послѣдовательный «матеріалистъ-монистъ» долженъ сказать, что «дѣйствительность» отражается сама отъ себя, т. е. «одно движеніе» отражается отъ другого движенія. Но это—только діалектика и изъ нея не становится яснымъ что такое сознаніе, потому что сознаніе есть *нѣчто иное*, чѣмъ движеніе.

Сколько бы мы ни называли *сознаніе—движеніемъ*, мы всетаки будемъ знать, что это двѣ *разныя* вещи, разныя по нашему воспріятію ихъ, вещи разныхъ міровъ, несоизмѣримыя и могущія существовать одновременно. При чемъ *сознаніе* можетъ существовать безъ *движенія*, а движеніе не можетъ существовать безъ *сознанія*, потому

что изъ сознанія идетъ необходимое условіе движенія—*время*. Нѣтъ сознанія—нѣтъ времени. Нѣтъ времени—нѣтъ движенія.

Мы не можемъ выйти изъ этого факта, и, *мысля логически*, непремѣнно должны признавать *два начала*. Если же мы начинаемъ считать *нелогичнымъ* самое признаніе двухъ началъ, то мы должны признать, *какъ единое начало*—с о з н а н і е, а *движеніе* признать и л л ю з і е й с о з н а н і я.

Что же это значитъ?—Это значитъ, что «монистическаго матеріализма» быть не можетъ. Матеріализмъ можетъ быть *только* дуалистическимъ, т. е. онъ долженъ признавать *два начала*: движеніе и сознаніе. Какъ только онъ призналъ одно начало, онъ становится идеализмомъ, метафизикой.

Но для того, чтобы мыслить идеалистически, нужно, чтобы идеализмъ не былъ дуалистическимъ. Потому что, какъ невозможенъ «монистическій матеріализмъ»—такъ же точно невозможенъ и «дуалистическій идеализмъ».

Для того же, чтобы притти къ чистому и строгому монистическому идеализму, необходима глубокая и коренная перестройка всѣхъ нашихъ понятій. Здѣсь возникаетъ новая трудность.

Наши понятія связаны съ языкомъ. Языкъ нашъ *глубоко дуалистиченъ*. Это страшный тормазъ. Я уже сказалъ разъ, какъ тормазитъ нашу мысль языкъ, не давая возможности выразить отношеній *существующей* вселенной. На нашемъ языкѣ есть только одна *вѣчно становящаяся* вселенная. «Постоянное Теперь» на нашемъ языкѣ выражено быть не можетъ.

Такимъ образомъ нашъ языкъ изображаетъ намъ завѣдомо ложную вселенную. *Двойственную*, когда она въ дѣйствительности *едина*,—и *вѣчно становящуюся*, когда она въ дѣйствительности *вѣчно существуетъ*.

И если мы уяснимъ себѣ, насколько это мѣняетъ дѣло, если мы поймемъ, до какой степени нашъ языкъ закрываетъ для насъ дѣйствительный видъ міра, мы увидимъ, что на нашемъ языкѣ не только трудно, но даже *абсолютно нельзя* выразить правильнаго отношенія вещей *реальнаго* міра.

Эта трудность можетъ быть побѣждена только путемъ образованія новыхъ понятій и расширенныхъ аналогій.

Дальше будутъ выяснены принципы и методы этого расширенія, уже имѣющіеся у насъ и могущіе быть извлеченными изъ запаса нашего знанія. Пока важно установить одну вещь—н е о б х о д и м о с т ь о д н о о б р а з і я—монистичность вселенной...

Принципіально—неважно, что считать *началомъ*: духъ или матерію. Важно признавать ихъ *единство*.

Но раньше было показано, что матеріальное представленіе вселенной имѣетъ большія неудобства. Неудобства заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что, представляя себѣ духовный міръ матеріальнымъ, человѣкъ представляетъ его себѣ въ то же время т р е х м ѣ р н ы м ъ. А трехмѣрное представленіе духовнаго міра различныхъ спиритическихъ и теософическихъ теорій,—это уже явный абсурдъ,—ведущій къ другимъ абсурдамъ.

Поэтому въ интересахъ правильнаго мышленія необходимо сразу представлять себѣ *началомъ* духъ, т. е. сознаніе. Это избавитъ отъ многихъ ненужныхъ блужданій по окольнымъ путямъ и по тупикамъ. И, если вообще признавать существованіе сознанія, то необходимо признать, что существуетъ *только одно сознаніе, и больше ничего*.

— *Но что же такое матерія?* спроситъ позитивистъ.

Съ одной стороны—*логическое понятіе*, т. е. *форма мышленія*, отвѣчу я. Никто никогда не видалъ *матеріи* и никогда не увидитъ ее, матерію можно только *мыслить*. Съ другой стороны, это—иллюзія, принимаемая за дѣйствительность.

Еще больше, это — неправильно представляемая форма того, что есть въ дѣйствительности. Матерія это—разрѣзъ *чего то*, несуществующій, воображаемый разрѣзъ. Но то, разрѣзомъ чего является матерія, — существуетъ. Это реальный *четырехмѣрный* міръ.

— Ну, а вотъ это дерево, вещество изъ котораго сдѣланъ столъ, оно существуетъ?

Существуетъ, но истинной природы его существованія мы не знаемъ. Все, что мы знаемъ о немъ — это форма нашего воспріятія его.

— Но если насъ не будетъ, оно будетъ продолжать существовать?

Да, для сознаній, работающихъ въ аналогичныхъ съ нами условіяхъ воспріятія, оно будетъ существовать въ тѣхъ же формахъ, какъ для насъ. Но *само по себѣ* это вещество существуетъ какъ то совершенно иначе,—к а к ъ, *мы не знаемъ*. Но несомнѣнно—не въ пространствѣ и времени, эти формы мы налагаемъ на него. Вѣроятно, все *одинаковое дерево* разныхъ вѣковъ и разныхъ частей свѣта образуетъ одну массу—одно тѣло—можетъ быть, *одно существо*. Несо-

мнѣнно, что *отдѣльнаго существованія* то вещество (или та часть вещества), изъ котораго сдѣланъ этотъ столъ, *иначе, какъ въ нашемъ воспріятіи*, не имѣетъ. Мы не понимаемъ того, что *вещь* это только искусственное *опредѣленіе* нашими чувствами какой то неопредѣлимой причины, безконечно превосходящей *вещь*.

Но *вещь* можетъ пріобрѣсти собственную индивидуальную и единичную душу. И тогда вещь существуетъ уже независимо отъ нашего воспріятія. Такія души есть у многихъ вещей, *особенно у старыхъ вещей*, старыхъ домовъ, старыхъ книгъ, у произведеній искусства и пр.

Можно считать установленнымъ, что прямымъ методомъ, помимо сношенія съ нимъ путемъ рѣчи или заключенія по аналогіи, мы узнать о существованіи чужого сознанія не можемъ.

Что же даетъ намъ основаніе думать, что въ мірѣ есть сознанія кромѣ нашихъ человѣческихъ, ограниченныхъ сознаній животныхъ и полу-сознаній растеній?

Прежде всего то обстоятельство, что если бы такія сознанія существовали, то мы, *съ нашими средствами*, не могли бы узнать о нихъ.—Это, конечно, не доказательство ихъ *существованія*. Но это объясняетъ, почему мы не знаемъ ихъ, если они существуютъ.

Затѣмъ то обстоятельство, что мы знаемъ о существованіи сознаній только *въ нашемъ разрѣзѣ міра и въ низшихъ* (люди, животныя, растенія). Между тѣмъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ высшемъ разрѣзѣ міра, т. е. въ четырехмѣрномъ пространствѣ, *нѣтъ сознаній*. Наоборотъ, логически все говоритъ намъ, что они должны быть и должны быть *сильнѣе нашихъ*.

И наконецъ, тѣ соображенія, что міръ есть сознаніе, что все въ немъ сознательно, и ничего несознательнаго вообще нѣтъ и быть не можетъ. Самое главное всетаки то, что у насъ нѣтъ основаній считать *свое сознаніе* единственной и высшей формой сознанія во вселенной.

Вопросъ стоитъ теперь такъ: какъ мы могли бы узнать о существованіи сознаній другихъ разрѣзовъ міра, высшаго пространства, если бы они существовали?

Двумя способами: путемъ о б щ е н і я с ъ н и м и и путемъ з а к л ю ч е н і я п о а н а л о г і и.

Для перваго нужно, чтобы наше сознаніе само стало подобно имъ, вышло изъ рамокъ трехмѣрнаго міра, т. е. нужно измѣненіе формы сознанія.

Второе можетъ произойти путемъ *постепеннаго* расширенія способности аналогіи. Стараясь мыслить внѣ обычныхъ категорій, стараясь смотрѣть на вещи и на себя съ новой стороны, стараясь освобождать свое сознаніе отъ привычныхъ путъ представленія во времени и пространствѣ—мы постепенно начинаемъ замѣчать аналогіи между вещами, между которыми раньше ничего не замѣчали. Нашъ умъ растетъ. Вмѣстѣ съ нимъ растетъ способность дѣлать аналогіи. Эта способность съ каждой новой достигнутой ступенью расширяетъ и обогащаетъ нашъ умъ. Съ каждой минутой мы идемъ быстрѣе, каждый новый шагъ дѣлается легче. Наше сознаніе дѣлается *инымъ*. И тогда, примѣняя къ себѣ самому свою расширенную способность дѣлать аналогіи и смотря кругомъ, оно вдругъ видитъ вокругъ себя ряды сознаній, о существованіи которыхъ *раньше* оно не подозрѣвало. И оно понимаетъ, почему оно раньше не видало ихъ. Они лежатъ въ другой плоскости, не въ той, въ которой раньше жило сознаніе. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ именно *способность дѣлать новыя аналогіи*, переводитъ наше сознаніе въ иную плоскость бытія.

Сознаніе человѣка начинаетъ проникать въ родственный ему самому *міръ нуменовъ*. При этомъ измѣняется взглядъ человѣка и на явленія *феноменальнаго міра*. Явленія могутъ вдругъ получить въ его глазахъ совершенно другую группировку. Какъ мы уже говорили, *одинаковыя* вещи могутъ оказаться *разными*, разныя—одинаковыми; совершенно отдѣльныя, несвязанныя вещи могутъ оказаться частями одного большого цѣлаго, *какой нибудь совершенно новой категоріи*; а вещи, кажущіяся неразрывно связанными, составляющими одно цѣлое, на самомъ дѣлѣ могутъ оказаться проявленіями разныхъ сознаній, не имѣющихъ между собой ничего общаго и даже не знающихъ о существованіи другъ друга. *Такимъ*, т. е. состоящимъ изъ разныхъ сознаній, представляющимъ собою какъ бы поле битвы разныхъ сознаній, можетъ оказаться всякое *цѣлое* нашего міра:—человѣкъ, животное, планета.

Въ каждомъ *цѣломъ* нашего міра мы видимъ множество *противоположныхъ* тенденцій, наклонностей, стремленій, усилій. Каждое цѣлое—какъ бы арена борьбы множества *противоположныхъ силъ*, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ *сама по себѣ*, стремится *къ своей цѣли*, обыкновенно къ разрушенію *цѣлаго*. Но *взаимодѣйствіе* этихъ силъ составляетъ *жизнь цѣлаго*. И во всемъ всегда дѣйствуетъ *нѣчто*, ограничивающее дѣятельность отдѣльныхъ тенденцій. Это *нѣчто*—сознаніе цѣлаго. Установить существованіе *этого сознанія* путемъ аналогіи съ собой или при помощи общенія съ нимъ и обмѣна мы-

слями мы не можемъ. Но намъ открывается *новый путь*. Мы видимъ отдѣльную совершенно опредѣленную функцію (сохраненіе *цѣлаго*). За этой функціей мы предполагаемъ отдѣльное *нѣчто*. Отдѣльное *нѣчто*, имѣющее опредѣленную функцію, невозможно *безъ сознанія*. — Если *цѣлое* обладаетъ сознаніемъ, то и отдѣльныя тенденціи или силы тоже должны обладать сознаніями. Тѣло или организмъ является точкой пересѣченія линій этихъ сознаній, мѣстомъ встрѣчи, можетъ быть *полемъ битвы*. Наше «Я»—это и есть *поле битвы*, на которомъ въ каждый данный моментъ беретъ верхъ та или другая эмоція, та или другая привычка, наклонность, подчиняя себѣ въ данный моментъ остальныя и отожествляя себя съ Я. Но и Я—*существо*, имѣющее *свою* жизнь, только плохо сознающее, изъ чего оно само состоитъ и связывающее себя то съ одной *своей частью*, то съ другой. Имѣемъ ли мы основаніе предполагать въ органахъ и членахъ тѣла, *въ мысляхъ* и *эмоціяхъ* человѣка с у щ е с т в а? Имѣемъ, такъ какъ знаемъ, что *ничего безсознательнаго* не существуетъ, — и всякое нѣчто, имѣющее *отдѣльную функцію*, д о л ж н о имѣть *отдѣльное сознаніе* и можетъ быть названо *существомъ*.

Всѣ сознанія, которыя мы можемъ предположить *въ мірѣ многихъ измѣреній*, могутъ не знать другъ друга, т. е. не знать о томъ, что мы ихъ связываемъ въ разныя цѣлыя въ нашемъ феноменальномъ мірѣ, какъ вообще они могутъ не знать нашего феноменальнаго міра и его отношеній. Но *себя самихъ* они должны сознавать, хотя степени ясности ихъ сознанія мы опредѣлить не можемъ. Оно можетъ быть и яснѣе нашего и можетъ быть туманнѣе, находиться какъ бы во снѣ. Между этими сознаніями можетъ итти непрерывный, но плохо сознаваемый, *обмѣнъ мыслей*, подобный обмѣну веществъ въ живомъ тѣлѣ. Нѣкоторыя *чувства* они могутъ испытывать сообща, нѣкоторыя *мысли* могутъ возникать у нихъ, какъ бы сразу у всѣхъ, подъ вліяніемъ общихъ причинъ. По линіямъ этого внутренняго общенія сознанія должны раздѣляться на разныя *цѣлыя*, совсѣмъ непонятныхъ намъ или отчасти предполагаемыхъ категорій. Сущность каждаго такого отдѣльнаго сознанія должна заключаться въ томъ, что оно должно *знать* себя и свои ближайшія функціи и отношенія; оно должно чувствовать вещи, аналогичныя себѣ, и должно имѣть возможность разсказывать о себѣ и о нихъ, т. е. это *сознаніе* должно заключаться въ томъ, что передъ нимъ всегда должна стоять *картина самого себя* и ближайшихъ отношеній. Оно какъ будто вѣчно пересматриваетъ эту картину и немедленно передаетъ ее другому сознанію, вступающему съ нимъ въ общеніе.

Существуютъ или не существуютъ эти сознанія въ другихъ разрѣзахъ міра кромѣ нашего, мы *при существующихъ условіяхъ нашего воспріятія* сказать не можемъ. Ощутить ихъ можетъ только развитая интуиція, т. е. уже измѣненное сознаніе.—Наше обычное сознаніе черезчуръ поглощено ощущеніями феноменальнаго міра и *самимъ собой*, и поэтому, не отражаетъ впечатлѣній, приходящихъ отъ другихъ сознаній, или отражаетъ такъ слабо, что они не фиксируются у него въ сколько нибудь замѣтной формѣ. И наше сознаніе не даетъ себѣ отчета, что оно находится въ постоянномъ общеніи съ *нуменомъ* всего окружающаго и близкаго, и далекаго, съ сознаніями, подобными ему и совершенно различными, съ сознаніемъ всего въ мірѣ и съ сознаніемъ всего міра.—Если же впечатлѣнія, приходящія отъ другихъ сознаній, настолько сильны, что сознаніе ощущаетъ ихъ, то оно немедленно проэктируетъ ихъ во внѣшній феноменальный міръ и ищетъ для нихъ причину въ феноменальномъ мірѣ, совершенно такъ же, какъ двумѣрное существо, живущее на плоскости, *ищетъ на своей плоскости* причинъ впечатлѣній, идущихъ изъ высшаго міра.

Наше сознаніе ограничено своимъ феноменальнымъ воспріятіемъ, т. е. окружено самимъ собой. Міръ феноменовъ, т. е. форма собственнаго воспріятія, окружаетъ его, какъ кольцомъ, какъ стѣной, и кромѣ этой стѣны обычное сознаніе ничего не видитъ.

Но если ему удается выйти изъ этой окружающей его стѣны, оно неизбѣжно видитъ въ мірѣ очень много новаго.

Если мы отдѣлимъ *элементы себя* въ нашемъ воспріятіи, пишетъ Хинтонъ («Новая эра мысли»), то между прочимъ мы найдемъ, что мертвое состояніе, которое мы приписываемъ внѣшнему міру, не заключается въ вещахъ, но налагается на нихъ нами самими, вслѣдствіе ограниченій нашего сознанія. Только элементы себя въ нашемъ со знаніи заставляютъ насъ говорить о механической необходимости, о мертвой матеріи. Когда это ограниченіе падаетъ, мы видимъ духъ міра, такъ же какъ видимъ духъ нашего друга, т. е. видимъ нѣчто, ясно отдѣлимое отъ матеріальнаго тѣла.

Нашихъ мыслительныхъ средствъ достаточно въ настоящее время, чтобы показать намъ человѣческія души; но все за исключеніемъ человѣческихъ существъ кажется для нашей науки неодушевленнымъ. Нужно освободиться отъ элемента *себя* въ воспріятіи, и это все измѣнится.

И на самомъ дѣлѣ такъ ли абсолютна непознаваемость нуменальнаго міра для насъ, какъ намъ иногда кажется?

Въ «Критикѣ чистаго разума» и въ другихъ сочиненіяхъ Кантъ

отрицалъ возможность «духовнаго зрѣнія». Но въ «Грезахъ духовидца» онъ не только призналъ эту возможность, но и далъ ей одно изъ лучшихъ опредѣленій, какое мы до сихъ поръ имѣемъ. Онъ прямо заявляетъ:

Сознаюсь, я очень склоненъ признать, что существуютъ безтѣлесныя натуры, и что душа моя принадлежитъ къ классу этихъ натуръ. Эти безтѣлесныя существа непосредственно связанныя между собою, образуютъ одно великое цѣлое, называемое нами духовнымъ міромъ. Каждый человѣкъ есть существо двухъ міровъ: міра безтѣлеснаго и міра матеріальнаго, и *никогда будетъ непремѣнно доказано*, что и въ земномъ своемъ существованіи человѣческая душа общается съ безтѣлесными духами, вліяя на нихъ и получая обратно множество впечатлѣній, которыя не сознаются и не могутъ сознаваться, пока не поколеблется связь наша съ тѣломъ.

Человѣческую душу надо бы было считать уже въ теченіе настоящей жизни человѣка одновременно связанной съ двумя мірами, изъ которыхъ она ясно воспринимаетъ только одинъ матеріальный міръ, пока наши два лица соединены другъ съ другомъ нашимъ тѣломъ.

Поэтому, хотя у насъ и одинъ субъектъ, одновременно принадлежащій видимому и невидимому мірамъ, какъ ихъ членъ, у насъ не одно лицо, ибо представленія объ одномъ мірѣ, въ силу своей особенной природы, не сопровождаются представленіями о другомъ мірѣ, почему то, что я мыслю, какъ духъ, не познается мною, какъ человѣкомъ, и наоборотъ.

Рожденіе, жизнь, смерть только состоянія души... Слѣдовательно, преходяще только наше тѣло, субстанція же наша не преходяща, и должна была существовать и въ то время, когда не существовало нашего тѣла. Жизнь человѣка двойственна. Она слагается изъ двухъ жизней животной и духовной. Первая жизнь есть жизнь человѣка, и, чтобы человѣкъ жилъ этой жизнью, ему потребно тѣло. Вторая его жизнь есть *жизнь духовъ*; его душа живетъ этой жизнью отдѣльно отъ тѣла и должна жить ею по отдѣленіи своемъ отъ тѣла.

Въ статьѣ о Кантѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1888 года А. Л. Волынскій говоритъ, что, какъ въ своихъ Vorlesungen, такъ и въ «Грезахъ духовидца», Кантъ не допускаетъ только одного—возможности физическаго воспріятія духовныхъ явленій.

Такимъ образомъ Кантъ признавалъ не только возможность существованія духовнаго *сознательнаго* міра, но и возможность общенія съ нимъ.

Гегель строилъ всю свою философію на возможности непосреднаго познанія истины, на духовномъ зрѣніи.

Теперь, подходя къ вопросу о двухъ мірахъ съ психологической стороны, со стороны теоріи познанія, мы должны твердо установить, что прежде чѣмъ мы можемъ надѣяться постигнуть что нибудь изъ области нуменовъ, мы должны опредѣлить чисто интеллектуаль-

нымъ путемъ, путемъ разсужденія, *то, что можемъ*, изъ свойствъ міра многихъ измѣреній.—Весьма вѣроятно, что этимъ способомъ мы можемъ опредѣлить очень немного. Возможно, что наши опредѣленія будутъ черезчуръ грубы, не вполнѣ будутъ соотвѣтствовать тонкой дифференціаціи отношеній нуменальнаго міра. Все это возможно. И со всѣмъ этимъ мы должны считаться. Но все-таки мы должны опредѣлить то, что можемъ опредѣлить, и выяснить сначала возможно точнѣе, *какимъ не можетъ быть нуменальный міръ;* а затѣмъ — какимъ онъ *можетъ* быть; — какія отношенія *невозможны* въ немъ, и какія *возможны*.

Это необходимо для того, чтобы, приходя въ соприкосновеніе съ нуменальнымъ міромъ, наше сознаніе могло отличать его отъ феноменальнаго—и главное, чтобы оно не принимало за нуменальный міръ простого отраженія феноменальнаго міра.—Мы именно потому и не знаемъ міра причинъ, именно потому и заключены въ тюрьмѣ феноменальнаго міра, что мы не умѣемъ различать, гдѣ кончается одинъ, и гдѣ начинается другой.

Мы находимся въ постоянномъ соприкосновеніи съ міромъ причинъ, мы живемъ въ немъ, потому что наше сознаніе и наша непонятная намъ функція въ мірѣ—часть его или отраженіе его. Но мы не видимъ его, и не знаемъ, потому что: или мы отрицаемъ его, считаемъ, что *все существующее* феноменально, и кромѣ феноменальнаго ничего нѣтъ; или мы признаемъ его, но стремимся постигнуть его въ формахъ трехмѣрнаго феноменальнаго міра; или наконецъ ищемъ его, и не находимъ, потому что теряемъ путь среди обмановъ и иллюзій *отраженнаго* феноменальнаго міра, который мы ошибочно принимаемъ за нуменальный.

Въ этомъ и заключается трагедія нашихъ духовныхъ исканій. *Мы не знаемъ, чего ищемъ.* И единственный способъ избавиться отъ этой трагедіи—это предварительное *интеллектуальное* опредѣленіе свойствъ *того, что мы ищемъ.* Не имѣя этихъ опредѣленій, только съ одними неопредѣленными ощущеніями, мы не должны подходить къ міру причинъ, иначе *мы заблудимся на его границѣ.*

Это понималъ Спиноза, который писалъ, что онъ не можетъ говорить о Богѣ, *не зная его свойствъ.*

Когда я изучалъ Эвклида, писалъ онъ *), то я прежде всего узналъ, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ, и это свойство треугольника было мнѣ вполнѣ понятно, хотя я и не зналъ многихъ другихъ его свойствъ. Что же касается духовъ и привидѣній, то я не знаю ни одного

*) Цит. по статьѣ А. Л. Волынскаго въ «Сѣв. Вѣстн.» 1888 г.

ихъ свойства, но постоянно слышу о нихъ различныя фантазіи, въ которыхъ нѣтъ возможности разобраться.

Мы установили нѣкоторыя положенія, которыя позволяютъ намъ разобраться въ мірѣ нуменовъ или въ «мірѣ духовъ». И мы должны воспользоваться ими.

Прежде всего мы можемъ сказать, что *міръ нуменовъ* не можетъ быть трехмѣренъ и не можетъ быть въ немъ ничего трехмѣрнаго, т. е. *соизмѣримаго* съ физическими предметами, похожаго на нихъ по внѣшнему виду, *имѣющаго форму*; т. е. не можетъ быть ничего, имѣющаго протяженіе въ пространствѣ и мѣняющагося во времени.— А главное тамъ не можетъ быть ничего *несознательнаго*. Въ мірѣ причинъ все должно быть сознательно, потому что онъ самъ есть *сознаніе*, душа міра.

Дальше будутъ выяснены свойства міра причинъ. Пока, пользуясь тѣми опредѣленіями, какія у насъ есть, мы должны искать его во всемъ окружающемъ насъ и въ себѣ самихъ.

При этомъ необходимо помнить, что *міръ причинъ*, это — міръ чудеснаго. То, что кажется намъ простымъ, никогда не можетъ быть реальнымъ. *Реальное* кажется намъ чудеснымъ. Мы не вѣримъ въ него, не признаемъ его. И поэтому не чувствуемъ *тайнъ*, которыми полна жизнь.

Просто только то, что нереально. Реальное должно казаться чудеснымъ.

Тайна времени проникаетъ все.—Она чувствуется въ каждомъ камнѣ, который могъ видѣть ледниковые періоды и ихтіозавровъ и мамонтовъ. Она чувствуется въ завтрашнемъ днѣ, который мы не видимъ, но который можетъ быть видитъ насъ и который, можетъ быть, нашъ послѣдній день или наоборотъ день, какихъ-то совершеній, которыхъ мы сами не знаемъ сегодня.

Тайна мысли создаетъ все. — Какъ только мы поймемъ, что мысль не есть «функція движенія», а что самое движеніе есть только *иллюзія мысли*—и начнемъ чувствовать глубину этой тайны, мы увидимъ, что весь міръ является какой-то большой галлюцинаціей, которая не пугаетъ насъ и не заставляетъ насъ считать себя сумасшедшими только потому, что мы къ ней привыкли.

Тайна безконечности—больше всѣхъ тайнъ. Она говоритъ намъ, что всѣ звѣздные міры—вся видимая вселенная *не имѣютъ измѣренія* рядомъ съ безконечностью — *равны точкѣ*, математической точкѣ, не имѣющей никакого протяженія.

И въ «положительномъ» мышленіи мы дѣлаемъ усилія, чтобы забыть объ этомъ не думать.

Когда нибудь современемъ позитивизмъ будетъ опредѣленъ какъ система, при помощи которой можно было не думать о реальныхъ вещахъ и строго ограничивать себя областью нереальнаго и иллюзорнаго.

ГЛАВА XVII.

Сознательная вселенная. Разные виды сознаній. Разныя линіи сознательности. Одушевленная природа. Души камней и души деревьевъ. Душа лѣса. Человѣческое Я, какъ коллективное сознаніе. Человѣкъ, какъ сложное существо. «Человѣчество», какъ существо. Міровое сознаніе. Лицо Махадевы. Проф. Джемсъ о міровомъ сознаніи. Идеи Фехнера. Зендъ-Авеста. Живая Земля.

Если въ мірѣ существуетъ сознаніе, — то сознаніе должно быть во всемъ.

Мы привыкли приписывать одушевленность и сознательность въ той или другой формѣ только тѣмъ объектамъ, которыхъ мы называемъ «существами», т. е. тѣмъ, которыхъ мы находимъ аналогичными съ нами по функціямъ, опредѣляющимъ въ нашихъ глазахъ одушевленность.

Неодушевленные предметы и механическія явленія для насъ безжизненны и безсознательны.

Но это не можетъ быть такъ.

Только для нашего ограниченнаго ума, для нашей ограниченной способности общенія съ другими сознаніями, для нашей ограниченной способности аналогіи—сознаніе проявляется *въ опредѣленныхъ классахъ* живыхъ существъ, рядомъ съ которыми существуютъ длинные ряды мертвыхъ вещей и механическихъ явленій.

Но если бы мы не могли говорить другъ съ другомъ, если бы каждый изъ насъ не могъ по аналогіи съ собой заключить о существованіи сознанія въ другомъ человѣкѣ, то каждый считалъ бы сознательнымъ только себя, а всѣхъ остальныхъ людей относилъ бы къ механической «мертвой» природѣ.

Иначе говоря, мы признаемъ *сознательными* только существа, плохо или хорошо сознающія себя въ трехмѣрномъ разрѣзѣ міра, т. е. существа, сознаніе которыхъ аналогично нашему. Другихъ мы не знаемъ и узнать о нихъ не можемъ. Всѣ «существа», сознающія себя *не* въ трехмѣрномъ разрѣзѣ міра, для насъ недоступны. Если

они проявляются въ нашей жизни, то ихъ проявленія мы *должны считать* дѣйствіями мертвой и безсознательной природы. Наша способность аналогіи ограничена *этимъ разрѣзомъ*. Мы не можемъ логически мыслить внѣ условій трехмѣрнаго разрѣза. Поэтому намъ должно казаться *мертвымъ и механическимъ* все, что живетъ и сознаетъ себя не аналогично намъ.

Но иногда мы смутно чувствуемъ напряженную *жизнь*, идущую въ явленіяхъ природы, и ощущаемъ яркую эмоціональность, проявленіемъ которой служатъ феномены мертвой для насъ природы, т. е. я хочу сказать, что за *феноменами* видимыхъ явленій чувствуется *нумены* эмоцій.

Въ *электрическихъ разрядахъ* — въ молніи, въ громѣ видны вспышки чувственно-нервныхъ содроганій какого-то гигантскаго организма.

Въ нѣкоторыхъ *дняхъ* ощущается особенное, только имъ принадлежащее настроеніе. Бываютъ дни полные странной мистики, имѣющіе какое-то свое собственное индивидуальное и единичное сознаніе, свои эмоціи, свои мысли. Вы можете почти разговаривать съ этими днями. И они говорятъ вамъ, что они живутъ давно, давно, можетъ быть вѣчно—и очень, очень много знаютъ и видѣли.

Въ перемѣнахъ времени года; въ осеннихъ желтыхъ листьяхъ; съ ихъ запахомъ и приносимыми воспоминаніями; въ первомъ снѣгѣ, запорашивающемъ поля и дающемъ какую-то особенную свѣжесть и чуткость воздуху; въ весеннихъ ручьяхъ, въ грѣющемъ солнцѣ, въ просыпающихся, но еще голыхъ вѣтвяхъ, черезъ которыя свѣтится синее небо; въ бѣлыхъ ночахъ сѣвера и въ темныхъ влажныхъ и теплыхъ, сіяющихъ звѣздами тропическихъ ночахъ — во всемъ этомъ есть свои мысли, свои чувства, свои настроенія; вѣрнѣе, все это есть *выраженіе* чувствъ, мыслей и настроеній таинственнаго существа Природы.

Ничего мертваго и механическаго въ природѣ быть не можетъ. Если вообще существуетъ жизнь и сознаніе, то они должны быть во всемъ. Жизнь и сознаніе составляютъ міръ.

Если смотрѣть *съ нашей стороны*, со стороны феноменовъ, то нужно сказать, что всякое явленіе, всякая вещь обладаетъ сознаніемъ.

Гора, дерево, рѣка, рыба въ рѣкѣ, капля воды, дождь, планета, огонь—каждое въ отдѣльности должно обладать своимъ сознаніемъ.

Если посмотрѣть *съ той стороны*, со стороны нуменовъ, то нужно сказать, что всякая вещь и всякое явленіе нашего міра есть

проявленіе въ нашемъ разрѣзѣ какого-то непонятнаго намъ сознанія изъ другого разрѣза, сознанія, имѣющаго *тамъ* непонятныя для насъ функціи. Одно сознаніе *тамъ* таково и его функція такова, что оно проявляется *здѣсь* въ видѣ *горы*, другое въ видѣ *дерева*, третье въ видѣ *рыбки* и т. д.

Феномены нашего міра очень различны. Если они—ничто иное, какъ проявленія въ нашемъ мірѣ разныхъ сознаній, то эти сознанія также должны быть *очень различны*.

Между *сознаніемъ горы* и *сознаніемъ человѣка* должна быть *такая же разница*, какъ между горой и человѣкомъ.

Раньше мы признали возможность различныхъ существованій. Мы говорили, что и домъ существуетъ, и человѣкъ существуетъ, и идея существуетъ,—но всѣ существуютъ различно. Если мы продолжимъ эту мысль, то мы найдемъ очень много родовъ *различныхъ существованій*.

Сказочная фантазія, одушевляя весь міръ, приписываетъ горамъ, рѣкамъ и лѣсамъ *человѣческія сознанія*. Но это такъ же невѣрно, какъ полное отрицаніе сознательности въ мертвой природѣ. Нумены такъ же различны и разнообразны, какъ феномены, служащіе ихъ проявленіемъ въ нашей сферѣ.

У всякаго камня, у всякой песчинки, у всякой планеты есть *нуменъ*, заключающійся въ жизни и въ сознаніи и связывающій ихъ съ какими-то непостижимыми для насъ *цѣлыми*.

Активность жизни отдѣльныхъ единицъ можетъ быть очень различна. Степень активности жизни можно разсматривать со стороны возсоздаваемости себя. Въ неорганической, минеральной природѣ эта активность такъ мала, что *доступныя нашему наблюденію* единицы этой природы не возсоздаютъ себя. Хотя это очень легко можетъ намъ только такъ казаться вслѣдствіе недостаточной широты нашего взгляда во времени и въ пространствѣ. Можетъ быть, если бы нашъ взглядъ охватывалъ сотни тысячъ лѣтъ и всю нашу планету сразу, то мы увидѣли бы *ростъ* минераловъ и металловъ.

Если наблюдать *изнутри* одинъ кубическій сантиметръ человѣческаго тѣла, не зная о существованіи всего тѣла и человѣка, то явленія, происходящія въ этомъ кубикѣ тѣла, будутъ казаться стихійными явленіями мертвой природы.

Но во всякомъ случаѣ *для насъ* явленія раздѣляются на живыя и механическія, и видимые объекты раздѣляются на органическіе и неорганическіе. Послѣдніе безъ сопротивленія дробятся, оставаясь такими же. Камень можно расколоть пополамъ—будутъ два камня.

Если разрѣзать пополамъ улитку, то это не будутъ двѣ улитки. Это значитъ, что сознаніе камня очень просто, примитивно, настолько просто, что оно можетъ дробиться, не мѣняясь. Но улитка состоитъ изъ живыхъ клѣточекъ. Каждая живая клѣточка — сложное сознаніе, гораздо сложнѣе камня. Тѣло улитки обладаетъ способностями двигаться, питаться, испытывать удовольствіе или неудовольствіе, стремиться къ первому, избѣгать второго — и главное оно обладаетъ способностью *размножаться*, создавать новыя подобныя себѣ формы, комбинировать въ эти формы неорганическое вещество, заставлять служить себѣ физическіе законы. Улитка—*сложный центръ* переработки однѣхъ физическихъ энергій въ другія. Этотъ центръ имѣетъ свое сознаніе. Поэтому улитка недѣлима. И ея сознаніе безконечно выше сознанія камня. У улитки есть *сознаніе формы*, т. е. форма улитки какъ бы сознаетъ себя. Форма камня не сознаетъ себя.

Въ органической природѣ, гдѣ мы видимъ жизнь, легче увидать сознаніе. Въ улиткѣ, въ живомъ существѣ, мы уже безъ труда допускаемъ сознаніе. Но — жизнь принадлежитъ не только отдѣльнымъ, недѣлимымъ организмамъ — *всякое недѣлимое* есть живое существо. Каждая клѣточка въ организмѣ — живое существо, и оно должно быть до извѣстной степени сознательнымъ.

Каждая комбинація клѣточекъ, имѣющая опредѣленную функцію, тоже живое существо. Другая, высшая комбинація—органъ—тоже живое существо и обладаетъ своимъ сознаніемъ.

Недѣлимость въ нашей сферѣ является признакомъ опредѣленной функціи. Если всякое явленіе на нашей плоскости есть *проявленіе* того, *что есть сознаніе* на другой плоскости, то недѣлимость съ нашей стороны, очевидно, соотвѣтствуетъ недѣлимости, *индивидуальности*, сознанія съ той стороны. Дѣлимость съ нашей стороны показываетъ дѣлимость съ той стороны. Сознаніе дѣлимаго можетъ быть только коллективнымъ, не-индивидуальнымъ сознаніемъ. Мы признаемъ сознаніе только у *цѣлаго* организма.

Но и цѣлый организмъ является *только разрѣзомъ* нѣкоторой величины, которую мы можемъ назвать жизнью этого организма отъ рожденія до смерти. Эту *жизнь* можно представить себѣ въ видѣ вытянутаго во времени тѣла четырехъ измѣреній. Физическое трехмѣрное тѣло является только разрѣзомъ четырехмѣрнаго тѣла Линга Шарира. Образъ человѣка, который мы представляемъ себѣ, его «личность» это тоже только разрѣзъ истинной личности, которая несомнѣнно имѣетъ свое сознаніе. Такимъ образомъ у человѣка мы совершенно ясно видимъ *три* сознанія—первое *сознаніе тѣла*,

проявляющееся въ инстинктахъ и въ постоянной работѣ тѣла; второе—это *личность*, Я, которое мы знаемъ и которымъ мы сознаемъ себя; третье—сознаніе *всей жизни*—большое или высшее Я. На нашей ступени развитія эти *три* сознанія очень плохо знаютъ другъ друга, сообщаясь только подъ наркозомъ, въ трансахъ, въ экстазахъ, во снѣ, въ гипнотическихъ и медіумическихъ состояніяхъ.

Кромѣ неизвѣстныхъ намъ нашихъ собственныхъ *сознаній*, съ которыми мы неразрывно связаны, насъ окружаютъ *другія* многочисленныя *сознанія*, которыхъ мы тоже не знаемъ. Эти *сознанія* мы часто *чувствуемъ*. Ихъ жизни слагаются изъ нашихъ жизней. Мы входимъ въ эти сознанія, какъ ихъ составныя части, такъ же какъ въ наше сознаніе входятъ различныя «Я». Эти сознанія—добрые или злые духи, помогающіе намъ или приносящіе вредъ. *Семья*—община, нація, раса,—всякій коллективъ, къ которому мы принадлежимъ (коллективная единица—несомнѣнно обладаетъ своимъ сознаніемъ такъ же, какъ обладаетъ своей жизнью), всякая группа людей, имѣющая отдѣльную функцію и ощущающая свою внутреннюю связь и единство, какъ философская школа, «церковь», секта, масонскій союзъ, общество, партія и т. п.—несомнѣнно живое и сознательное существо. Народъ, нація—живое существо, человѣчество тоже живое существо. Это—*Большой человѣкъ*, Адамъ Кадмонъ, кабалистовъ. Адамъ Кадмонъ—это существо, живущее въ людяхъ, совмѣщающее въ себѣ жизни всѣхъ людей. Объ этомъ говоритъ Е. П. Блаватская въ своемъ большомъ сочиненіи «The Secrete Doctrine» (т. III стр. 146):

...«по образу и подобію Божію былъ созданъ не *Адамъ изъ праха* (человѣкъ), о которомъ говорится въ главѣ II книги «Бытія», но Божественное Двуполое Существо (о которомъ говорится въ главѣ I «Бытія») или Адамъ Кадмонъ».

Адамъ Кадмонъ—это человѣчество или человѣческій родъ—Homo Sapiens—Сфинксъ, т. е. «существо съ тѣломъ животнаго и съ лицомъ сверхчеловѣка».

Входя, какъ составная часть въ различныя большія и сложныя Я, изъ которыхъ первое принадлежитъ *его жизни*, взятой въ цѣломъ, человѣкъ самъ состоитъ изъ безчисленнаго количества большихъ и малыхъ Я, изъ которыхъ многія, живя въ немъ, даже не знаютъ другъ друга, какъ могутъ не знать другъ друга люди, живущіе въ одномъ домѣ. Вообще, если перейти къ аналогіи, «человѣкъ» имѣетъ очень много общаго съ *домомъ*, населеннымъ самыми разнообразными оби-

тателями и еще больше общаго съ большимъ океанскимъ пароходомъ, на которомъ очень много случайныхъ пассажировъ, ѣдущихъ каждый въ свое мѣсто и со своей цѣлью и совмѣщающихъ самыя разнообразные элементы. И каждая самосознающая единица изъ населенія этого парохода оріентируется отъ себя, невольно и безсознательно принимаетъ себя за центръ этого парохода. Это приблизительно вѣрная картина человѣческаго существа.

Еще правильнѣе, можетъ быть, сравнить человѣка съ отдѣльнымъ уголкомъ земли, живущимъ своей жизнью, съ лѣснымъ озеромъ, полнымъ самой разнообразной жизни, отражающимъ въ себѣ и солнце и звѣзды и таящимъ въ себѣ какую-то для него самого непонятную фантастику, можетъ быть русалокъ, можетъ быть водяного.

Если оставить аналогіи и перейти къ реальнымъ фактамъ, насколько они доступны нашему наблюденію, то необходимо начать съ нѣсколькихъ довольно искусственныхъ дѣленій человѣческаго существа. Старое дѣленіе на тѣло, душу и духъ имѣетъ за собой извѣстныя основанія, но часто вводитъ въ заблужденіе, такъ какъ при попыткахъ такого дѣленія немедленно возникаетъ разногласіе относительно того, гдѣ кончается тѣло и начинается душа, кончается душа, начинается духъ и т. п. Никакихъ строгихъ границъ здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Кромѣ того сбиваетъ *противоположеніе* тѣла, души и духа, признаваемыхъ въ этомъ случаѣ *враждебными* началами. Это тоже совершенно невѣрно, такъ какъ тѣло есть выраженіе души, а душа выраженіе духа.

Самые термины тѣло, душа и духъ нуждаются въ поясненіи. «Тѣло», это—физическое тѣло съ его подсознательнымъ для насъ разумомъ и *психика*, изучаемая научной психологіей, т. е. отраженная дѣятельность, руководимая впечатлѣніями внѣшняго міра и тѣла. «Душа», — это высшая психическая жизнь, руководимая внутренними началами, идущая какъ бы изъ себя самой, не зависящая отъ внѣшнихъ впечатлѣній и внѣшняго міра. «Духъ», это—тѣ высшія начала, которыя руководятъ душевной жизнью.

Внутреннее существо человѣка, его «психика», «душа» и «духъ» по роду сознательности тоже дѣлится на три категоріи, *не совпадающія* съ предыдущимъ дѣленіемъ.

1-я — подсознательная область—область инстинктовъ и внутреннихъ «инстинктивныхъ» сознаній отдѣльныхъ органовъ, частей тѣла и всего организма.

2-я—область такъ называемаго «яснаго сознанія»—сюда принадлежатъ всѣ ощущенія и воспріятія внѣшняго міра и собственнаго

тѣла, представленія, мысли, понятія, идеи, разсужденія, чувства, эмоціи, желанія, какъ сознательныя такъ и безсознательныя въ данный моментъ, но могущія стать сознательными.

3-я—область высшаго сознанія. Высшее сознаніе у большинства людей не проявляется вовсе или проявляется въ смутныхъ интуиціяхъ, наталкиваніяхъ. *Это—область души и духа.* Но когда высшее сознаніе есть у человѣка, т. е. когда человѣкъ сознателенъ въ этихъ областяхъ, то высшее сознаніе (т. е. душа и духъ) включаютъ въ себя психику (и подсознаніе и ясное сознаніе), а не исключаютъ ее.

Но въ обыкновенныхъ условіяхъ внутренней жизни обыкновеннаго человѣка фокусъ его сознанія находится въ *психикѣ*, все время переходя съ одного предмета на другой въ области яснаго сознанія и подсознанія

Я хочу пить
Я читаю газету
Я жду письма

и только очень рѣдко касаясь областей души и духа; при чемъ область души и область духа открываются для эмоцій религіозныхъ, эстетическихъ, моральныхъ и высшаго интеллекта, выражающагося въ отвлеченномъ мышленіи, связанномъ съ моральнымъ и эстетическимъ чувствомъ, т. е. съ ощущеніемъ необходимости *согласованія* мысли, чувства, слова и дѣла.

Но обыкновенно, говоря *Я*, человѣкъ подразумѣваетъ не общій комплексъ всѣхъ трехъ областей, а то, что въ данный моментъ находится въ фокусѣ сознанія. *Я хочу.* Эти слова, играющія самую большую роль въ жизни человѣка, относятся обыкновенно далеко не ко всѣмъ сторонамъ его существа сразу, а только къ одной какой-нибудь очень маленькой и незначительной грани, которая въ данный моментъ занимаетъ фокусъ сознанія и подчиняетъ себѣ все остальное, пока не будетъ вытѣснена другой такой же ничтожной гранью.

И въ самосознаніи человѣка идетъ непрерывное перебѣганіе взгляда съ одного предмета на другой. Въ фокусѣ сознанія бѣжитъ непрерывная кинематографическая лента чувствъ и впечатлѣній, и каждое отдѣльное впечатлѣніе опредѣляетъ Я даннаго момента.

Съ этой точки зрѣнія сознаніе человѣка много разъ сравнивали съ темнымъ спящимъ городомъ, среди котораго медленно движутся фонари сторожей, освѣщая, каждый, маленькій кругъ вокругъ себя. Это очень вѣрная аналогія. Въ каждый данный моментъ въ фокусѣ

сознанія находится нѣсколько такихъ освѣщенныхъ колеблющимся свѣтомъ круговъ, а все остальное погружено въ темноту.

И каждый такой маленькій освѣщенный кругъ представляетъ собой Я, живущее своей жизнью, иногда очень короткой, иногда на много переживающей человѣка. И непрерывно идетъ движеніе, то быстрое, то медленное, выдвигающее въ свѣтъ все новые и новые предметы, или старые изъ области воспоминаній, или мучительно ходящіе по кругу однѣхъ и тѣхъ же навязчивыхъ мыслей.

Это непрерывное движеніе, идущее въ нашемъ сознаніи, непрерывное перебѣганье свѣта съ одного Я на другое, объясняетъ феноменъ *движенія* во внѣшнемъ видимомъ мірѣ.

Умомъ мы уже знаемъ, что этого движенія нѣтъ. Мы знаемъ, что *все существуетъ* въ безконечныхъ пространствахъ времени, ничто не дѣлается, ничто не становится, *все есть*. Но мы не видимъ всего сразу, и поэтому *намъ кажется*, что все движется, растетъ, становится. Мы не видимъ все сразу ни во внѣшнемъ мірѣ, ни въ своемъ внутреннемъ, поэтому получается иллюзія движенія. Напримѣръ, мы быстро ѣдемъ мимо дома и домъ поворачивается за нами. Но если бы мы видѣли его не нашими глазами, не въ перспективѣ, а *высшимъ зрѣніемъ* сразу со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху и изнутри, мы бы не увидали иллюзорнаго движенія, и видѣли бы домъ совершенно неподвижнымъ, какъ онъ въ дѣйствительности и есть. И мысленно мы знаемъ, что онъ не двигался.

Точно такъ же все остальное. Движеніе, ростъ «становленіе», идущее въ мірѣ вокругъ насъ, не болѣе реально, чѣмъ движеніе дома, мимо котораго мы ѣдемъ, или движеніе деревьевъ и полей мимо окна быстро бѣгущаго вагона.

Движеніе идетъ внутри насъ, и оно создаетъ иллюзію движенія вокругъ насъ. Освѣщенный кругъ быстро перебѣгаетъ съ одного Я на другое—съ одного предмета, съ одной темы, съ одного представленія или образа на другой; въ фокусѣ сознанія одно за другимъ быстро смѣняются «Я», огонекъ сознанія переходитъ съ одного Я на другое. Это и есть истинное движеніе, единственно существующее въ мірѣ. Если бы это движеніе остановилось, и въ фокусъ сознанія одновременно вошли всѣ Я; если бы свѣтъ такъ расширился, что сразу освѣтилъ бы для человѣка все, что освѣщаетъ кусками и постепенно; если бы человѣкъ могъ одновременно охватить умомъ все, что когда либо входило или войдетъ въ его сознаніе и все то, что никогда ясно не освѣщается сознаніемъ, и лежитъ въ подсознаніи (производя тѣмъ не менѣе свое дѣйствіе на психику),—человѣкъ увидалъ бы себя среди *неподвижной вселенной*, въ которой одновременно было бы все, что

обыкновенно лежитъ для человѣка въ далекихъ глубинахъ памяти, въ прошедшемъ; все, что лежитъ на далекомъ разстояніи отъ него; все, что лежитъ въ будущемъ.

О высшихъ сознаніяхъ очень хорошо говоритъ Хинтонъ.

Тѣмъ же процессомъ, какимъ мы узнаемъ о существованіи другихъ людей кругомъ себя, мы можемъ узнать о высшихъ существахъ (high intelligences), которыми мы окружены. Мы чувствуемъ ихъ, но не можемъ представить ихъ себѣ.

Для того, чтобы реализовать ихъ, необходимо развить наше чувство воспріятія.

Способность видѣть тѣлесными глазами ограничена трехмѣрнымъ міромъ. Но внутреннее зрѣніе не имѣетъ этого ограниченія. Мы можемъ развить въ себѣ силу зрѣнія въ высшемъ пространствѣ, можемъ образовать понятія о реальностяхъ въ этомъ пространствѣ, точно такъ же, какъ въ нашемъ обыкновенномъ пространствѣ.

Этимъ будетъ положено основаніе для воспріятія другихъ существъ кромѣ человѣка.

По отношенію къ этимъ высшимъ существамъ мы похожи на слѣпыхъ или на заблудившихся дѣтей. Мы знаемъ, что мы члены одного тѣла, вѣтви одного куста, но мы не можемъ различать иначе, какъ инстинктомъ и чувствомъ, гдѣ и въ чемъ это тѣло и этотъ кустъ.

Наша задача заключается въ томъ, чтобы уменьшить ограниченія нашего воспріятія.

Природа состоитъ изъ множества существъ, къ пониманію которыхъ мы стремимся. Для этой цѣли мы должны прежде всего образовывать *новыя понятія* и сливать вмѣстѣ ряды наблюденій изъ разныхъ областей. Исторія нашего умственнаго прогресса *лежитъ въ ростѣ новыхъ понятій.*

И когда новое понятіе образовано, оно кажется простымъ и естественнымъ. Мы спрашиваемъ себя, что мы выиграли, и отвѣчаемъ: —ничего, мы просто устранили одно изъ очевидныхъ ограниченій нашего сознанія.

Можетъ быть поставленъ вопросъ—какимъ образомъ въ настоящее время мы приходимъ въ соприкосновеніе съ высшими существами? И, очевидно, отвѣтъ будетъ, что мы *приходимъ въ соприкосновеніе съ ними, когда стремимся образовать органическіе союзы*, т. е. союзы, въ которыхъ дѣятельность отдѣльныхъ индивидуумовъ срастается живымъ образомъ.

Въ такомъ соединеніи людей, какъ военная имперія или порабощенный народъ, нѣтъ естественно растущаго ядра, и черезъ него мы не можемъ надѣяться войти въ соприкосновеніе съ высшими судьбами (higher destinies). Но въ дружбѣ, въ добровольныхъ союзахъ и больше всего въ семьѣ мы стремимся къ нашей высшей жизни.

Какъ для изученія отдаленныхъ звѣздъ требуются спеціальныя, матеріальныя приспособленія, такъ и для изученія природы существъ *выше насъ* требуется спеціальное умственное приспособленіе. Мы должны приготовить извѣстнымъ образомъ нашу мыслительную способность (силу мысли), такъ же, какъ мы приготовляемъ особые аппараты для усиленія нашего зрѣнія. Въ одномъ случаѣ намъ нуженъ внѣшній телескопъ, а въ другомъ извѣстное построеніе въ нашемъ собственномъ интеллектѣ.

Эта одушевленность вселенной идетъ по самымъ разнообразнымъ направленіямъ. *Это дерево*—живое существо. Береза вообще—*видъ*—живое существо. Березовая роща тоже живое существо. Лѣсъ, въ которомъ деревья различныхъ породъ, трава, цвѣты, муравьи, жуки, птицы, звѣри—тоже живое существо, живущее жизнью всего входящаго въ него, сознающее всѣми сознаніями, изъ которыхъ оно состоитъ.

Эта идея интересно выражена въ статьѣ П. Флоренскаго «Общечеловѣческіе корни идеализма» (Богосл. Вѣст. 1909 г., II, стр. 288).

Для многихъ ли лѣсъ есть не только собирательное существительное и риторическое олицетвореніе, т. е. чистая фикція, а нѣчто единое, живое?.. Реальное единство есть единство самосознанія... Многіе ли признаютъ за лѣсомъ единство, т. е. живую душу лѣса, какъ цѣлаго—*лѣсного, лѣсовика, лѣшаго*? Согласны ли вы признать русалокъ и водяныхъ—эти души водной стихіи?

Активность жизни собирательныхъ существъ, какъ лѣса—совсѣмъ не такова, какъ активность жизни *отдѣльныхъ породъ* растеній и животныхъ, а активность жизни *породъ* совсѣмъ не такова, какъ активность жизни отдѣльныхъ особей.

Именно различіе функцій, выражающееся въ различной активности жизни, показываетъ на различіе сознаній разныхъ «организмовъ». Активность жизни *отдѣльнаго листика* березы, конечно, безконечно ниже активности жизни *дерева*;—активность жизни дерева совершенно не такова, какъ активность жизни вида; и жизнь *вида* не такова, какъ жизнь лѣса.

Функціи этихъ четырехъ «жизней» совершенно различны и соотвѣтственно этому должны быть различны сознанія.

Сознательность одной клѣточки человѣческаго тѣла должна быть настолько же ниже въ сравненіи съ сознаніемъ тѣла, т.-е. съ «физическимъ сознаніемъ человѣка», насколько ниже ея жизненная активность въ сравненіи съ жизненной активностью всего организма.

Такимъ образомъ мы разсматриваемъ нуменъ явленія, какъ душу явленія, т.-е. скрытая *душа явленія* есть его нуменъ. Понятіе *души явленія* или *нумена явленія* заключаетъ въ себѣ жизнь и сознаніе, и ихъ функціи въ непонятныхъ намъ разрѣзахъ міра,—выраженіемъ которыхъ въ нашей сферѣ является феноменъ.

Идея одушевленной вселенной неизбѣжно приводитъ къ идеѣ «Души міра»—«Существа», проявленіемъ котораго является видимая вселенная.

Идея «Души міра» особенно образно понималась въ древнихъ ре-

лигіяхъ Индіи. Мистическая поэма «*Бхахавадъ-Гита*» даетъ замѣчательный образъ Махадевы, т.-е. великаго Девы, жизнью котораго является нашъ міръ.

Такъ излагалъ Кришна свое ученіе ученикамъ... подготовляя ихъ къ воспріятію высокихъ истинъ, раскрывшихся въ минуту просвѣтлѣнія передъ его умственнымъ взоромъ.

Когда онъ говорилъ о Махадевѣ, его голосъ становился глубокимъ, и черты освѣщались внутреннимъ свѣтомъ.

Однажды Арджуна, въ порывѣ смѣлости, сказалъ ему:

— Дай намъ узрѣть Махадеву въ его божественной формѣ. Сможемъ ли мы лицезрѣть его?

И тогда Кришна... началъ говорить о существѣ, которое дышитъ во всякой твари, обладаетъ сто тысячью формъ съ безчисленными устами и съ глазами, обращенными во всѣ стороны, и которое въ то же время превышаетъ все сотворенное всѣмъ объемомъ безконечности, которое содержитъ въ своемъ *неподвижномъ* тѣлѣ всю *движущуюся* вселенную, со всѣмъ міромъ. Если бы въ небесахъ зажглось одновременно сіяніе тысячи солнцъ, сказалъ Кришна, оно не сравнялось бы съ сіяніемъ единаго всемогущаго.

Когда онъ говорилъ такимъ образомъ о Махадевѣ, лучъ свѣта такой могучей силы зажегся въ глазахъ Кришны, что ученики не выдержали блеска этого свѣта и упали къ ногамъ Кришны. Волосы на головѣ Арджуны поднялись отъ ужаса, и, склоняясь, онъ сказалъ:—твои слова ужасаютъ насъ, мы не въ состояніи смотрѣть на такое существо, которое ты вызываешь передъ нашими глазами. Его видъ потрясаетъ насъ. (*Цитирую по книгѣ «Великіе Посвященные» Шюрэ, переводъ Е. П.*).

Въ интересномъ сборникѣ лекцій проф. В. Джемса, «Плюралистическая вселенная», («A Pluralistic Universe») есть лекція о Фехнерѣ, посвященная «сознательной вселенной».

Обыкновенный монистическій идеализмъ, говоритъ проф. Джемсъ, опускаетъ все промежуточное. Онъ признаетъ только крайности, какъ будто за первымъ грубымъ лицомъ феноменальнаго міра со всѣми его свойствами ничего не можетъ быть найдено, кромѣ самаго высшаго во всемъ его совершенствѣ. Во-первыхъ, я и вы, такіе, какіе мы сейчасъ въ этой комнатѣ; а затѣмъ сейчасъ же, какъ только мы заглядываемъ подъ эту поверхность, само невыразимое абсолютное. Развѣ это не показываетъ въ высшей степени мѣднаго воображенія? Развѣ на самомъ дѣлѣ наша вселенная не создана по болѣе богатому образцу, съ мѣстомъ въ ней для длинной іерархіи существъ? Даже матеріалистическая наука дѣлаетъ вселенную богаче по терминологіи—со своими молекулами, эфиромъ, электронами и пр. Но абсолютный идеализмъ, представляя себѣ реальность только въ интеллектуальныхъ формахъ, не знаетъ, что ему дѣлать *съ тѣлами*, какого бы рода они ни были, и не можетъ пользоваться никакой психофизической аналогіей или соотношеніемъ.

Совершенно на другой точкѣ зрѣнія стоялъ Фехнеръ, изъ сочиненій котораго Джемсъ приводитъ большія выдержки. Идеи Фех-

нера настолько близки къ тому, что говорилось въ предыдущихъ главахъ, что мы должны остановиться на нихъ подробнѣе.

Беру это со словъ проф. Джемса.

Первородный грѣхъ нашего, какъ обычнаго, такъ и научнаго мышленія, заключается, по мнѣнію Фехнера, во въѣвшейся въ насъ привычкѣ разсматривать духовное, *не какъ правило, а какъ исключеніе* въ природѣ. Вмѣсто того, чтобы думать, что наша жизнь питается отъ груди другой великой жизни, а наша индивидуальность поддерживается другой великой индивидуальностью, которая неизбѣжно должна быть сознательнѣе и независимѣе всего, что она производитъ, мы обыкновенно разсматриваемъ все лежащее за предѣлами нашего маленькаго существованія, только какъ золу и пепелъ жизни.

Или, если мы вѣримъ въ Божественный Духъ—мы съ одной стороны его считаемъ безтѣлеснымъ, а съ другой стороны считаемъ бездушной природу.

Какой душевный миръ или утѣшеніе можетъ получиться отъ такой доктрины? спрашиваетъ Фехнеръ.—Цвѣты вянутъ отъ ея дыханія, звѣзды превращаются въ камни; наше собственное тѣло становится недостойнымъ нашего духа и падаетъ до вмѣстилища однихъ только плотскихъ чувствъ. Книга природы превращается въ сочиненіе по механикѣ, въ которомъ *жизнь* разсматривается, какъ видъ аномаліи. Огромная пропасть разверзается между нами и тѣмъ, что выше насъ—и Богъ становится тонкимъ сплетеніемъ абстракцій.

Орудіе Фехнера, которымъ онъ пользуется для оживленія вселенной, есть аналогія...

Бэнъ опредѣляетъ геніальность, какъ способность видѣть аналогіи.

Количество аналогій, которыя могъ находить Фехнеръ, было удивительно. Но онъ въ то же время настаивалъ на необходимости *умѣть, дѣлая аналогіи, видѣть различія.* Пренебреженіе различіями, говорилъ онъ, это обычное заблужденіе въ разсужденіяхъ по аналогіи.

Такъ онъ призналъ, что разъ каждое живое тѣло обладаетъ сознаніемъ, то каждое сознаніе должно обладать тѣломъ. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ тѣла были похожи другъ на друга, и чтобы тѣла существъ высшаго порядка были похожи на наши. Наше тѣло приспособлено къ условіямъ нашей жизни. Другія условія жизни должны создавать другія тѣла.

Умы высшаго порядка требуютъ тѣлъ высшаго порядка. Вся земля, на которой мы живемъ, должна, согласно Фехнеру, имѣть свое коллективное сознаніе. Такое же сознаніе должны имѣть каждое солнце, луна, планета; и вся солнечная система должна имѣть свое болѣе широкое сознаніе, въ которомъ сознаніе нашей земли составляетъ только часть. И вся звѣздная система должна имѣть свое сознаніе; и если эта звѣздная система не есть сумма всего, *что есть*, то ея сознаніе есть тоже только часть сознанія всего—а матеріально она вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, что еще существуетъ, представляетъ собою тѣло того общаго сознанія вселенной, которое люди называютъ Богомъ. Такимъ образомъ, хотя Фехнеръ является монистомъ въ своей теологіи, въ его вселенной есть мѣсто для всѣхъ степеней духовныхъ существъ, отъ человѣка до, все включающаго въ себя, Бога.

Въ душу Земли онъ страстно вѣритъ. И онъ смотритъ на Землю, какъ на спеціальнаго ангела-хранителя людей. Мы можемъ *молиться Землѣ*, думаетъ онъ.

Его самое главное заключеніе сводится къ тому, что устройство міра тожественно повсюду. Въ насъ самихъ зрительное сознаніе соединено съ глазами, осязательное съ кожей. Но ни кожа, ни глаза не знаютъ ощущеній другъ друга. Они сходятся вмѣстѣ и пріобрѣтаютъ какое то отношеніе другъ къ другу только въ болѣе широкомъ сознаніи, включающемъ ихъ въ себя, въ томъ сознаніи, которое мы называемъ *личностью*. Совершенно подобно этому, говоритъ Фехнеръ, мы должны предположить, что мое и ваше самосознаніе, совершенно отдѣльныя и не знающія другъ друга, сходятся въ высшемъ сознаніи, скажемъ въ сознаніи *человѣческой расы*, которая ихъ знаетъ обоихъ, пользуется ими, и въ которое они входятъ, какъ составныя части.

И подобно этому все человѣческое и животное царство сходятся вмѣстѣ въ еще болѣе широкомъ сознаніи, въ *сознаніи земли* они соединяются еще съ сознаніемъ растительнаго царства. И взятое въ цѣломъ оно вноситъ свою долю опыта въ сознаніе солнечной системы и т. д.

Представить себѣ землю живымъ организмомъ намъ мѣшаетъ отсутствіе у нея мозга. Всякое сознаніе, которое мы познаемъ прямымъ путемъ, кажется намъ связаннымъ съ мозгомъ. Но нашъ мозгъ, который служитъ первоначально для того, чтобы приводить въ соотношеніе наши мускульныя реакціи, выполняетъ функцію, которую *земля* выполняетъ совершенно другимъ образомъ. У нея нѣтъ собственныхъ мускуловъ и членовъ. Единственные, внѣшніе для нея предметы—это другія звѣзды. Но имъ вся ея масса отвѣчаетъ самыми тонкими измѣненіями въ своемъ движеніи и самыми тонкими вибраціями своихъ частей. Ея океаны, какъ въ гигантскомъ зеркалѣ, отражаютъ небесныя свѣтила, атмосфера преломляетъ ихъ лучи, какъ въ колоссальной линзѣ, облака и снѣжныя поля сливаютъ эти лучи въ бѣлый цвѣтъ, лѣса и цвѣты разсѣиваютъ всѣми красками спектра. Поляризація, интерференція, поглощеніе лучей пробуждаютъ чувствительность по отношенію къ такимъ вещамъ, которыхъ не могутъ замѣтить наши черезчуръ грубыя чувства.

И для этихъ космическихъ сношеній землѣ не нужно мозга, такъ же, какъ не нужно ни глазъ, ни ушей. *Нашъ* мозгъ дѣйствительно объединяетъ и приводитъ въ соотношеніе безчисленныя функціи органовъ чувствъ. Наши глаза ничего не знаютъ о звукѣ, уши ничего не знаютъ о свѣтѣ, но, имѣя мозгъ, мы можемъ чувствовать звуки и свѣтъ вмѣстѣ и связывать ихъ ассоціативно... Но развѣ не можетъ быть другихъ высшихъ средствъ для объединенія вещей, кромѣ мозговыхъ волоконъ? Развѣ умъ земли не можетъ другимъ способомъ знать содержаніе всѣхъ нашихъ умовъ вмѣстѣ?

Фехнеръ разсказываетъ моментъ своего собственнаго ощущенія истины.

«Разъ въ весеннее утро я вышелъ на прогулку. Поля были зеленыя, птицы пѣли, блестѣла роса, вдали поднимался дымокъ, изрѣдка показывался человѣкъ; на всемъ лежалъ свѣтъ точно какого-то преображенія. Это былъ только маленькій кусочекъ земли; и это былъ только короткій моментъ ея существованія; но однако по мѣрѣ того, какъ мой взглядъ все больше и больше охватывалъ ее, я чувствовалъ не только красоту, но глу-

бокую истину въ той идеѣ, что земля это ангелъ, несущій меня по небу... И я спрашивалъ себя, какъ могли люди такъ далеко уйти отъ жизни, что считать землю мертвымъ тѣломъ... Это ощущеніе должно показаться фантастическимъ. Земля есть шарообразное тѣло, что еще можно узнать въ минералогическихъ кабинетахъ?..»

Главная идея Фехнера заключается въ томъ, что болѣе широкія формы сознанія *состоятъ* изъ болѣе ограниченныхъ формъ, но не представляютъ собой простой суммы ограниченныхъ формъ. Нашъ умъ не есть просто сумма нашихъ зрительныхъ, слуховыхъ и прочихъ ощущеній. Соединяя ихъ вмѣстѣ, онъ находитъ между ними отношенія и изъ этихъ отношеній создаетъ схемы, формы и объекты, которыхъ не можетъ знать каждое чувство, взятое въ отдѣльности. Такимъ же образомъ душа земли находитъ отношенія между содержаніемъ моего и вашего ума, такія отношенія, которыхъ наши отдѣльные умы не сознаютъ. Она создаетъ схемы, формы и объекты, пропорціональные ея болѣе широкому полю дѣйствія, для постиженія которыхъ наши душевныя поля слишкомъ узки. И она знаетъ насъ и наши отношенія въ то время, какъ мы не знаемъ ни ея, ни своихъ настоящихъ отношеній другъ къ другу. Вся внутренняя жизнь вселенной устроена какъ будто такимъ образомъ, что болѣе широкое сознаніе всегда можетъ держать подъ наблюденіемъ болѣе узкое, но никогда не наоборотъ.

Фехнеръ сравниваетъ наши индивидуальныя личности съ органами чувствъ земли. Мы вносимъ каждый свое въ ея душевную жизнь... И она поглощаетъ наши воспріятія своей широкой сферой знанія и комбинируетъ ихъ съ другими имѣющимися тамъ данными. При чемъ разъ внесенное уже остается въ ней навсегда и входитъ въ новыя соотношенія.

Эти идеи Фехнера изложены въ его книгѣ «Zendavesta».

Я привелъ такую длинную выдержку изъ книги проф. Джемса для того, чтобы показать, что идеи *одушевленности* и *сознательности* міра совсѣмъ не являются новыми или парадоксальными. Это естественная и логическая необходимость, вытекающая изъ болѣе широкаго взгляда на міръ, чѣмъ тотъ взглядъ, который мы обыкновенно позволяемъ себѣ имѣть.

Логически мы должны или признать жизнь и сознаніе во всемъ, во всей «мертвой природѣ», или отрицать ихъ совершенно даже въ самихъ себѣ.

ГЛАВА XVIII.

Сознаніе и жизнь. Жизнь, какъ познаваніе. Сознаніе, какъ реализація существованія. Интеллектъ и эмоціи. Эмоція, какъ орудіе познанія. Эволюція эмоцій съ точки зрѣнія познанія. Чистыя и нечистыя эмоціи. Личныя и сверхличныя эмоціи. Уничтоженіе элемента себя, какъ средство приближенія къ истинному познанію. «Будьте, какъ дѣти...». «Блаженны, чистые сердцемъ...». Цѣнность морали съ точки зрѣнія познанія. Недостатки интеллектуализма. Добродѣтель, какъ вѣнецъ интеллектуальной культуры. Опасности моралисма. Моральный эстетизмъ. Религія и искусство, какъ организованныя формы эмоціональнаго познаванія. Познаніе Бога и познаніе красоты.

Смыслъ жизни—это вѣчная тема людскихъ размышленій. Всѣ философскія системы, всѣ религіозныя ученія стремятся найти и дать людямъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Одни говорятъ, что смыслъ жизни въ служеніи, въ отдаваніи себя, въ самопожертвованіи, въ жертвѣ всѣмъ, *даже жизнью*. Другія говорятъ, что смыслъ жизни въ наслажденіи ею «въ ожиданіи конечнаго ужаса смерти». Одни говорятъ, что смыслъ жизни это—совершенствованіе и созиданіе себѣ лучшаго будущаго *за гробомъ* или въ будущихъ жизняхъ. Другія говорятъ, что смыслъ въ приближеніи къ *небытію*. Третьи, что смыслъ въ совершенствованіи расы, въ «устроеніи жизни на землѣ». — Четвертыя отрицаютъ всякую возможность искать смыслъ.

Недостатокъ всѣхъ этихъ объясненій заключается въ томъ, что всѣ они пытаются найти смыслъ жизни *внѣ ея самой*,—или въ будущемъ человѣчества, или въ проблематическомъ существованіи за гробомъ, или въ эволюціи Ego путемъ долгихъ послѣдовательныхъ перевоплощеній, вообще въ чемъ нибудь *внѣ* настоящей жизни человѣка. Но если вмѣсто того, чтобы размышлять, люди просто посмотрятъ внутрь себя, то они увидятъ, что въ дѣйствительности *смыслъ жизни* совсѣмъ не такъ теменъ. Онъ заключается въ познаніи. Вся жизнь, всѣми ея фактами, событіями и случайностями, волненіями и влеченіями всегда приводитъ насъ къ познанію чего нибудь. Весь жизненный опытъ есть познаніе. Самая сильная эмоція человѣка,—это стремленіе къ неизвѣстному. Даже въ любви, самое сильное влеченіе, которому приносится въ жертву

все остальное, это влеченіе къ неизвѣстному, къ новому—*любопытство*.

Персидскій поэтъ-философъ, Аль-Газали, говоритъ:

Высшая функція души человѣка есть воспріятіе истины *).

Въ самомъ началѣ этой книги были признаны существующими сознаніе и міръ; Я и Не я. Міръ, это—все, что существуетъ. Сознаніе можно опредѣлить, какъ *реализацію существованія*.

Я реализуетъ свое существованіе и существованіе міра, часть котораго оно составляетъ. Отношеніе къ себѣ самому и къ міру называется познаніемъ. Расширеніе и углубленіе отношенія къ себѣ и къ міру есть расширеніе познанія.

Всѣ душевныя свойства человѣка, всѣ элементы его сознанія,—ощущенія, представленія, понятія, идеи, сужденія, умозаключенія, чувствованія, эмоціи, даже творчество—это все *орудія познанія*, которыми располагаетъ Я.

Чувствованія, начиная съ простыхъ эмоцій до самыхъ высшихъ, какъ эстетическая, религіозная, моральная эмоція—и творчество, отъ творчества дикаря, дѣлающаго себѣ каменный топоръ, до творчества Бетховена—это именно *орудія познанія*. Только нашему узкому человѣческому взгляду кажется, что они служатъ другимъ цѣлямъ:—охраненію жизни, созиданію чего-то или наслажденію. Въ дѣйствительности это все *служитъ* познанію.

Эволюціонисты, послѣдователи Дарвина, скажутъ, что борьба за существованіе и отборъ наиболѣе приспособленныхъ создали *умъ* и *чувство* современнаго человѣка,—что умъ и чувство служатъ жизни, охраняютъ жизнь отдѣльнаго индивидуума и вида—и, что *внѣ этого* сами по себѣ, они смысла не имѣютъ. Но на это можно возразить то же самое, что говорилось раньше противъ идеи *механичности* вселенной. Именно, если существуетъ сознаніе, то не существуетъ ничего кромѣ сознанія. Борьба за существованіе и отборъ наиболѣе приспособленныхъ, если они дѣйствительно играютъ такую роль въ созиданіи жизни, *тоже* являются не случайностями, а продуктами сознанія, какого—мы не знаемъ. И служатъ, какъ и все, познанію.

Но мы не реализуемъ, не видимъ присутствія сознанія въ законахъ природы. Это происходитъ потому, что мы изучаемъ всегда не цѣлое, а часть, и не видимъ сознанія, принадлежащаго цѣлому.—Изучая мизинецъ человѣка, мы не можемъ видѣть сознанія человѣка. И то же самое по отношенію къ природѣ. Мы всегда изучаемъ мизи-

*). Аль-Газали.—«*Алхимія счастія*».

нецъ природы.—Если мы реализуемъ это, мы поймемъ, что всякая жизнь есть проявленіе части какого то сознающаго себя цѣлаго.

Для того, чтобы постигнуть сознаніе цѣлаго, нужно понять характеръ цѣлаго. Сознаніе есть функція цѣлаго. Такъ функція человѣка есть сознаніе. Но, не понявъ «человѣка», какъ цѣлаго, нельзя понять его сознанія.

Для того, чтобы понять, что такое наше сознаніе, нужно выяснить наше отношеніе къ жизни.

Въ главѣ VII была сдѣлана попытка, очень искусственная, основанная на аналогіи съ міромъ воображаемыхъ двумѣрныхъ существъ, опредѣлить *жизнь*, какъ движеніе въ сферѣ, высшей сравнительно съ данной. Съ этой точки зрѣнія всякая отдѣльная *жизнь* есть какъ бы проявленіе въ нашей сферѣ части одного изъ сознаній другой сферы. Эти сознанія какъ будто заглядываютъ къ намъ въ этихъ жизняхъ, которыя мы видимъ.—Когда умираетъ человѣкъ, закрывается *одинъ глазъ вселенной*, говоритъ Фехнеръ.—Каждая отдѣльная человѣческая жизнь есть моментъ сознанія *большого существа*, которое живетъ *въ часъ*. Каждая отдѣльная жизнь дерева есть моментъ сознанія *существа*, жизнь котораго составляется изъ жизней деревьевъ. Сознанія этихъ *высшихъ* существъ не существуютъ отдѣльно отъ низшихъ жизней. Это двѣ стороны одного и того же. Каждое *одно* человѣческое сознаніе въ какомъ-нибудь другомъ разрѣзѣ міра можетъ давать иллюзію *многихъ* жизней.

Это очень трудно иллюстрировать примѣромъ. Но если мы возьмемъ спираль Хинтона, проходящую черезъ плоскость, и точку, бѣгающую кругами по плоскости (см. стр. 53), и предположимъ, что спираль есть *сознаніе*, то движущаяся точка пересѣченія спирали съ плоскостью будетъ *жизнью*. Этотъ примѣръ ясно рисуетъ отношеніе сознанія и жизни.

Жизнь и *сознаніе* въ нашихъ глазахъ различны и отдѣльны другъ отъ друга, потому что мы не умѣемъ смотрѣть, не умѣемъ видѣть. А это въ свою очередь зависитъ отъ того, что намъ очень трудно выйти изъ рамокъ нашихъ *дѣленій*. Мы видимъ жизнь дерева, *этого дерева*. И если намъ говорятъ о томъ, что жизнь дерева есть проявленіе сознанія, то мы понимаемъ это такъ, что жизнь *этого дерева* есть проявленіе сознанія *этого дерева*. Но это, конечно, абсурдъ, являющійся результатомъ «трехмѣрнаго мышленія», «Эвклидова ума». Жизнь *этого дерева* есть проявленіе *сознанія вида* или *семейства*, или, можетъ быть, сознанія *всего растительнаго царства*.

Подобно этому наши отдѣльныя *жизни* есть проявленія какого

то большого *сознанія*. Доказательство этому мы находимъ въ томъ, что наши жизни не имѣютъ никакого другого смысла, кромѣ совершаемаго нами *познаванія*. И мыслящій человѣкъ только тогда перестаетъ мучительно ощущать отсутствіе смысла въ жизни, когда онъ реализуетъ это и начинаетъ *сознательно* стремиться къ тому же, къ чему раньше шелъ безсознательно.

При чемъ это познаваніе, составляющее *нашу функцію въ мірѣ*, совершается не только умомъ, но всѣмъ нашимъ организмомъ, всѣмъ тѣломъ, всей жизнью, и всей жизнью человѣческаго общества, его организаціями, учрежденіями, всей культурой и всей цивилизаціей. И мы познаемъ то, чего заслуживаемъ.

Если мы скажемъ относительно интеллектуальной стороны человѣка, что она имѣетъ цѣлью познаніе, это не вызоветъ сомнѣній. Всѣ согласны, что интеллектъ человѣка со всѣми подчиненными ему функціями имѣетъ цѣлью познаніе. Но относительно эмоцій: радости, горя, гнѣва, страха, любви, ненависти, гордости, состраданія, ревности; относительно чувства красоты, эстетическаго наслажденія и художественнаго творчества; относительно моральнаго чувства; относительно всѣхъ религіозныхъ эмоцій: вѣры, надежды, благоговѣнія и пр., пр.—относительно всей человѣческой *дѣятельности*—дѣло не такъ ясно. Мы обыкновенно не видимъ, что всѣ эмоціи и *вся* человѣческая дѣятельность служатъ познанію.—Какимъ образомъ *страхъ* или *любовь*, или *работа* служатъ познанію? Намъ кажется, что *эмоціями* мы чувствуемъ; *работой*—создаемъ. *Чувствованіе* и *созданіе* кажутся намъ чѣмъ то отличнымъ отъ *познанія*. Относительно работы, творчества, создаванія мы скорѣе склонны думать, что они *требуютъ* познанія и, если служатъ ему, то только косвенно. Точно такъ же непонятно для насъ, какимъ образомъ служатъ познанію *религіозныя эмоціи*.

Обыкновенно *эмоціональное* противопоставляется *интеллектуальному*; «сердце» противопоставляется «уму». Съ одной стороны ставятъ «холодный умъ» или интеллектъ, а съ другой стороны: чувства, эмоціи, художественное наслажденіе,—и затѣмъ опять отдѣльно—нравственное чувство, религіозное чувство, «духовность».

Недоразумѣніе здѣсь лежитъ въ пониманіи слова *интеллектъ* и *эмоція*.

Между интеллектомъ и эмоціей нѣтъ рѣзкаго различія. Интеллектъ, взятый въ цѣломъ, тоже есть эмоція. Но въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ и въ «разговорной психологіи» *умъ* противопоставляется *чувству*; дальше въ качествѣ отдѣльной и самостоятельной

способности ставится *воля*; моралисты совершенно отдѣльно ставятъ *нравственное чувство*; люди религіозные отдѣльно ставятъ *духовность* или *вѣру*.

Говорятъ:—умъ побѣдилъ чувство;—воля побѣдила желаніе; чувство долга побѣдило страсть;—духовность побѣдила интеллектуальность;—вѣра побѣдила разумъ. Но все это—неправильныя выраженія разговорной психологіи, настолько же неправильныя, насколько неправильны выраженія «восходъ» и «закатъ» солнца. Въ дѣйствительности въ душѣ человѣка нѣтъ ничего кромѣ эмоцій. И душевная жизнь человѣка есть борьба или гармоническое существованіе различныхъ эмоцій. Это совершенно ясно видѣлъ Спиноза, когда онъ сказалъ, что эмоція можетъ быть побѣждена только другой, болѣе сильной эмоціей, и *ничѣмъ другимъ*. Умъ, воля, чувство долга, вѣра, духовность, побѣждая какую-нибудь эмоцію, могутъ побѣдить ее только заключающимся въ нихъ *эмоціональнымъ элементомъ*.—Подвижникъ, который убиваетъ въ себѣ всѣ желанія и страсти, убиваетъ ихъ *желаніемъ* спасенія. Человѣкъ, отрекающійся отъ всѣхъ наслажденій міра, отрекается ради *наслажденія* жертвой, отреченіемъ. Солдатъ, умирающій на посту *изъ чувства долга*, дѣлаетъ это потому, что *эмоція преданности или вѣрности* въ немъ сильнѣе всѣхъ другихъ. Человѣкъ, которому его нравственное чувство подсказываетъ, что онъ долженъ подавить въ себѣ страсть, дѣлаетъ это *потому*, что нравственное чувство (т. е. эмоція) сильнѣе въ немъ всѣхъ другихъ чувствъ, другихъ эмоцій. Въ сущности это все просто и ясно, какъ день, и запуталось только потому, что люди, называя разныя степени одного и того же разными именами, начинали видѣть *коренныя различія* тамъ, гдѣ были только *различія въ степени*.

Воля есть *равнодѣйствующая желаній*. Мы называемъ человѣкомъ *съ сильной волей* того, у кого *воля* идетъ по опредѣленной линіи, не уклоняясь въ стороны, и человѣкомъ *со слабой волей* того, у кого линія воли идетъ зигзагами, уклоняясь то туда, то сюда подъ вліяніемъ каждаго новаго желанія. Но это не значитъ, что *воля* и *желаніе*—нѣчто противоположное. Наоборотъ—это одно и то же, потому что воля слагается изъ желаній.

Умъ не можетъ побѣдить чувство, потому что чувство можетъ быть побѣждено только чувствомъ. Умъ можетъ дать только мысли и картины, которыя вызовутъ чувства, *которыя* побѣдятъ чувство даннаго момента. *Духовность* не противоположна «интеллектуальности» или «эмоціональности». Это только ихъ высшій полетъ. Интеллектъ не имѣетъ границъ. Ограниченъ только человѣческій «Эвклидовъ» умъ.

Что же такое интеллектъ?

Интеллектъ есть активная сторона каждаго даннаго сознанія. Въ живомъ царствѣ земли, у всѣхъ животныхъ ниже человѣка, мы видимъ *пассивное сознаніе*. Но съ появленіемъ *понятій* сознаніе дѣлается активнымъ, активная часть его начинаетъ работать, какъ интеллектъ. Животное сознаетъ эмоціями. Интеллектъ у животнаго имѣется только въ зачаточномъ состояніи, въ видѣ *эмоціи любопытства*.

У человѣка ростъ сознанія заключается въ ростѣ интеллекта и въ сопутствующемъ ему ростѣ высшихъ эмоцій: эстетической, религіозной, моральной —которыя по мѣрѣ своего роста все болѣе и болѣе *интеллектуализируются*, при чемъ одновременно съ этимъ интеллектъ проникается эмоціональностью, перестаетъ быть «холоднымъ». Такимъ образомъ «духовность» есть сліяніе интеллекта съ высшими эмоціями. Интеллектъ *одухотворяется* отъ эмоцій; эмоціи *одухотворяются* отъ интеллекта.

Функціи интеллекта не ограничены, но человѣческій интеллектъ, далеко не всегда поднимается до высшихъ формъ. Сказать, что высшая человѣческая форма познанія будетъ уже не интеллектуальной, а какой то другой, будетъ неправильно, потому что *интуитивный умъ* есть съ человѣческой точки зрѣнія высшій интеллектъ; и этотъ высшій интеллектъ совсѣмъ не ограниченъ *логическими понятіями* и областью Эвклида. Очень много въ этомъ отношеніи предстоитъ намъ услышать со стороны *математики*, которая въ сущности, давно уже, вышла изъ области логики. Но вышла *при помощи интеллекта*. *Интуиція* возникаетъ на почвѣ интеллекта и высшихъ эмоцій, но не создается ими. Дерево вырастаетъ изъ земли, но не создается землей. Нужно сѣмя. Это сѣмя можетъ быть и можетъ не быть въ душѣ. Когда оно есть, его можно вырастить или заглушить; когда его нѣтъ, его ничѣмъ замѣнить нельзя. И душа лишенная этого сѣмени, т. е. неспособная ощущать и отражать міръ чудеснаго (если ее можно назвать душой), никогда не дастъ живого ростка интуиціи и всегда будетъ только *отражать феноменальный міръ*.

На настоящей ступени своего развитія, многое познавая интеллектомъ, человѣкъ въ то же время очень многое познаетъ эмоціями. Эмоціи ни въ какомъ случаѣ не являются орудіями чувствованія *ради чувствованія*: онѣ всѣ — орудія познанія. Каждой эмоціей человѣкъ познаетъ что нибудь, чего не можетъ познать безъ ея помощи что нибудь, чего не можетъ познать никакой другой эмоціей, никакимъ усиліемъ интеллекта. Если мы будемъ разсматривать эмоціональную природу человѣка, какъ заключенную въ себѣ самой, какъ служащую *жизни*, не служа *познанію*, то мы никогда не поймемъ ея истин-

наго содержанія и значенія. Эмоціи служатъ познанію. Есть вещи и отношенія, которыя можно познать только эмоціонально и только *данной эмоціей*.

Чтобы понять психологію *игры*, нужно пережить эмоціи игрока; чтобы понять *психологію охоты*, нужно пережить эмоціи охотника; психологія влюбленнаго непонятна сухому и холодному человѣку; состояніе ума Архимеда, выскочившаго изъ ванны, непонятно мирному гражданину, смотрящему на него, какъ на сумасшедшаго; чувство бродяги по земному шару, вдыхающаго морской воздухъ и смотрящаго на морской горизонтъ, непонятно человѣку, удовлетворяющемуся своей осѣдлой жизнью. Чувство вѣрующаго непонятно невѣрующему, и чувство невѣрующаго непонятно вѣрующему. Люди потому такъ плохо понимаютъ другъ друга, что они живутъ всегда *разными* эмоціями. И они понимаютъ другъ друга только тогда, когда одновременно испытываютъ одинаковыя эмоціи.—Народная мудрость хорошо знаетъ этотъ фактъ:—«сытый голоднаго не разумѣетъ», говоритъ она—«пьяный трезвому не товарищъ»; «рыбакъ рыбака видитъ издалека»...

Въ этомъ взаимномъ пониманіи или въ иллюзіи взаимнаго пониманія, при погруженіи въ одинаковыя эмоціи лежитъ одно изъ главныхъ очарованій любви. Объ этомъ очень хорошо писалъ Мопассанъ въ маленькомъ эскизѣ «Одиночество». Въ этой же иллюзіи—секретъ власти *алкоголя* надъ человѣческими душами, потому что алкоголь даетъ иллюзію *общенія душъ*, и *одновременно* у двухъ или нѣсколькихъ людей возбуждаетъ фантазію.

Эмоціи—это цвѣтныя окна души, цвѣтныя стекла, черезъ которыя душа разсматриваетъ міръ. Каждое такое стекло помогаетъ найти въ разсматриваемомъ объектѣ тѣ или другія краски, но оно же мѣшаетъ найти противоположныя. Поэтому совершенно справедливо говорятъ, что одностороннее эмоціональное освѣщеніе не можетъ дать правильнаго представленія объ объектѣ. Ничто не даетъ такого яснаго представленія о вещахъ, какъ эмоціи, и ничто такъ сильно не вводитъ въ заблужденіе, какъ эмоціи.

Каждая эмоція имѣетъ смыслъ своего существованія. Хотя *цѣнность* эмоцій съ точки зрѣнія познанія различна. Есть эмоціи нужныя, важныя, необходимыя для жизни познанія—и есть эмоціи, которыя больше мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ понимать.

Теоретически—всѣ эмоціи служатъ познанію; всѣ эмоціи возникли *вслѣдствіе* узнаванія того или другого. Возьмемъ какую нибудь эмоцію изъ самыхъ элементарныхъ,—скажемъ, эмоцію страха. Несомнѣнно есть отношенія, которыя можно познать

только страхомъ. Человѣкъ, который никогда не испыталъ чувства страха, не пойметъ очень многаго въ жизни и въ природѣ; не пойметъ многихъ главныхъ мотивовъ жизни человѣчества.—Что же кромѣ страха передъ голодомъ и холодомъ заставляетъ работать большинство людей?—Онъ не пойметъ очень многихъ отношеній въ животномъ мірѣ. Напримѣръ, никогда не пойметъ сущности отношенія млекопитающихъ къ пресмыкающимся. Змѣя возбуждаетъ чувство отвращенія и страха во всѣхъ млекопитающихъ. Этимъ *отвращеніемъ и страхомъ* млекопитающее *познаетъ* природу змѣи и отношеніе этой природы къ своей и познаетъ правильно, но *строго лично*, только *со своей точки зрѣнія*. Что такое змѣя *сама по себѣ*, эмоціей страха животное никогда не познаетъ. Что представляетъ собой змѣя *сама по себѣ*, не въ философскомъ значеніи *вещи въ себѣ*, а просто съ точки зрѣнія зоологіи (а не съ точки зрѣнія человѣка или животнаго, котораго она укусила или можетъ укусить,) — это можно познать только интеллектомъ.

Эмоціи соединяются съ различными Я нашего сознанія. Одна и та же, на первый взглядъ, эмоція можетъ быть соединена съ очень маленькими «Я» низшихъ плоскостей сознанія и съ очень большими и высокими «Я» души и духа. И въ соотвѣтствіи съ этимъ роль и значеніе этой эмоціи въ жизни могутъ быть очень различны. Установленію *постояннаго Я* больше всего мѣшаетъ постоянная смѣна эмоцій, изъ которыхъ каждая называетъ себя Я и стремится захватить власть надъ человѣкомъ. И это особенно мѣшаетъ, когда эмоціи появляются и проходятъ въ низшихъ областяхъ психики. Это такъ называемыя *личныя эмоціи*. Названіе не вполнѣ правильно, такъ какъ эти эмоціи больше принадлежатъ внѣшнему міру и тѣлу, *чѣмъ личности*, въ строгомъ смыслѣ этого слова. *Личными эмоціями* правильнѣе было бы назвать эмоціи души и духа, т. е. принадлежащія истинной *личности* человѣка. Но обыкновенно это названіе дается эмоціямъ низшихъ областей психики. Это можно объяснить еще такъ—эмоціи на высшихъ плоскостяхъ знаютъ, что онѣ не есть личность (хотя онѣ ближе къ личности), а на низшихъ плоскостяхъ принимаютъ и выдаютъ себя за личность, представляютъ собой какъ бы псевдо-личность.

Признакъ роста эмоцій—это освобожденіе ихъ отъ *псевдо-личнаго элемента* и переходъ на болѣе высокія плоскости. Освобожденіе отъ псевдо-личныхъ элементовъ усиливаетъ познавательную силу эмоцій, потому что, чѣмъ больше въ эмоціи псевдо-личныхъ элементовъ, тѣмъ больше можетъ она вводить въ заблужденіе. Псевдо-личная эмоція всегда *пристрастна*, всегда *несправедлива*, уже однимъ тѣмъ, что она противопоставляетъ *себя* всему остальному.

Такимъ образомъ познавательная сила эмоцій тѣмъ больше, чѣмъ меньше въ данной эмоціи *элементовъ себя*, т. е. тѣмъ больше сознанія, что эта эмоція не есть «Я».

Мы видѣли раньше, изучая *пространство* и его законы, что эволюція познанія заключается въ постепенномъ отхожденіи отъ себя. Это очень хорошо выражаетъ Хинтонъ. Онъ все время говоритъ, что только, *отойдя отъ себя*, мы начинаемъ постигать міръ, какъ онъ есть. Вся система упражненій ума съ разноцвѣтными кубами, изобрѣтенная Хинтономъ, сводится къ пріученію сознанія смотрѣть на вещи не съ псевдо-личной точки зрѣнія.

Когда мы изучаемъ систему кубовъ, пишетъ Хинтонъ (скажемъ кубъ, составленный изъ 27 меньшихъ кубовъ), мы прежде всего изучаемъ его, начиная съ одного опредѣленнаго куба. И мы говоримъ, что знаемъ всю систему, когда знаемъ отношенія 26 кубовъ къ первому. Мы изучаемъ весь большой кубъ, построенный изъ меньшихъ кубовъ, по отношенію къ оси, идущей отъ перваго, съ котораго мы начали. Потомъ мы переходимъ къ оси, идущей отъ другого и т. д.

Такимъ образомъ постепенно мы изучаемъ большой кубъ по отношенію къ осямъ каждаго изъ маленькихъ.

Для того, чтобы изучить человѣчество, мы должны изучить его съ точекъ зрѣнія всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ его.

Эгоиста можно сравнить съ человѣкомъ, знающимъ кубъ только съ одной точки.

Люди, поверхностно сочувствующіе многимъ, подобны тѣмъ, которые слегка знакомы съ нашей системой кубовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Люди, у которыхъ есть только одна или двѣ глубокія привязанности, подобны людямъ, изучившимъ кубъ съ одной или двухъ точекъ зрѣнія.

И послѣ всего этого, можетъ быть, разница между добрыми и остальными изъ насъ заключается только въ томъ, что первые знаютъ что то, чего не знаютъ другіе. Есть что-то внѣ ихъ, что тянетъ ихъ къ добру, что-то, что они видятъ, и чего не видятъ другіе.

Насколько неправильно по отношенію къ себѣ самому оцѣнивать все съ точки зрѣнія *одной эмоціи*, противопоставляя ее всему остальному, настолько же неправильно по отношенію къ міру и къ людямъ оцѣнивать все съ точки зрѣнія одного своего «Я», противопоставляя себя всему остальному.

Такимъ образомъ задача правильнаго эмоціональнаго познанія заключается въ томъ, чтобы по отношенію къ міру и къ людямъ *чувствовать не съ личной точки зрѣнія*, чувствовать не только за себя, но и за другихъ. И чѣмъ шире тотъ кругъ, *за который* чувствуетъ данный субъектъ, тѣмъ глубже познаніе, которое даютъ ему его эмо-

ціи. Но не всѣ эмоціи въ равной степени способны освобождаться отъ *элементовъ себя*. Есть эмоціи, по существу *раздѣляющія*, отдѣляющія, отчуждающія, заставляющія человѣка чувствовать себя обособленнымъ, отдѣльнымъ; таковы ненависть, страхъ, ревность, гордость, зависть. Это эмоціи *матеріальнаго порядка*, заставляющія вѣрить въ матерію. И есть эмоціи *соединяющія*, сближающія, заставляющія человѣка чувствовать себя частью какого то большого цѣлаго; таковы любовь, симпатіи, дружба, состраданіе, любовь къ родинѣ, любовь къ природѣ, любовь къ человѣчеству. Эти эмоціи уводятъ человѣка отъ матеріальнаго міра и показываютъ ему правду фантастическаго. Эмоціи второго порядка гораздо легче освобождаются отъ элемента себя, чѣмъ эмоціи перваго порядка. Хотя въ то же время можетъ быть совершенно *не-личная* гордость—гордость за геройскій поступокъ совершенный *другимъ человѣкомъ*. Можетъ быть даже *не-личная* зависть, когда мы завидуемъ человѣку, который побѣдилъ себя, побѣдилъ свое *личное* желаніе жить, пожертвовалъ собой за то, что всѣ считаютъ *должнымъ и справедливымъ*, но не рѣшаются сдѣлать, даже не рѣшаются подумать *изъ слабости, изъ любви къ жизни*. Можетъ быть *не-личная* ненависть—къ несправедливости, къ насилію, злоба къ глупости, къ тупости; отвращеніе къ грязи, къ лицемѣрію. И эти чувства несомнѣнно поднимаютъ и очищаютъ душу человѣка и помогаютъ ему *видѣть* вещи, которыхъ иначе онъ бы не видѣлъ.

Христосъ, выгоняющій торговцевъ изъ храма или высказывающій свое мнѣніе о фарисеяхъ, совсѣмъ не былъ кротокъ и мягокъ. И бываютъ случаи, когда кротость и мягкость совсѣмъ не достоинство. Эмоціи любви, симпатіи, жалости очень легко превращаются въ сентиментальность, въ слабость. И въ такомъ видѣ, конечно служатъ только *незнанію*, т. е. *матеріи*.

Существуетъ раздѣленіе эмоцій на чистыя и нечистыя. Мы всѣ знаемъ это, всѣ пользуемся этими словами, но очень плохо понимаемъ, что это значитъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ «чистый» и «грязный» или «нечистый» примѣнительно къ чувству?

Обычная мораль апріорно раздѣляетъ эмоціи на чистыя и нечистыя по внѣшнимъ признакамъ, какъ Ной раздѣлялъ животныхъ въ своемъ ковчегѣ. При этомъ всѣ «плотскія желанія» попадаютъ въ разрядъ нечистыхъ. Но относительно послѣдняго я уже указывалъ на мысль В. В. Розанова, что въ аскетизмѣ идея *скверны* идетъ со стороны полового извращенія. Въ дѣйствительности, конечно, «плотскія желанія» точно такъ же чисты, какъ и все въ природѣ. И однако эмоціи дѣйствительно бываютъ чистыя и нечистыя. Мы очень

хорошо чувствуемъ, что въ этомъ дѣленіи есть правда. Гдѣ же она? И что она значитъ?

Ключъ къ этому можетъ дать только разсмотрѣніе эмоцій съ точки зрѣнія познанія.

Нечистая эмоція—это совершенно такая же вещь, какъ нечистое стекло, нечистая вода или нечистый звукъ, т. е. эмоція *не* чистая, а съ примѣсями или съ налетомъ, или съ отзвукомъ другихъ эмоцій; нечистая—смѣшанная. Нечистая эмоція даетъ неясное, *не чистое* познаніе, какъ нечистое стекло даетъ смутную картину. Чистая эмоція даетъ ясное, чистое изображеніе того, для познанія чего она предназначается.

Это единственное разрѣшеніе вопроса. Притти къ этому разрѣшенію намъ особенно мѣшаютъ обычныя моральныя тенденціи, заранѣе раздѣлившія эмоціи на «нравственныя» и «безнравственныя». Но если мы попробуемъ на минуту отрѣшиться отъ обычныхъ моральныхъ рамокъ, то мы увидимъ, что дѣло значительно проще, что нѣтъ *по природѣ* чистыхъ и *по природѣ* нечистыхъ эмоцій, и что *каждая эмоція* можетъ быть чистой или нечистой, смотря по тому, есть въ ней примѣси другихъ эмоцій или нѣтъ.

Можетъ быть чистая чувственность, чувственность «Пѣсни Пѣсней», переходящая въ ощущеніе космической жизни и дающая возможность слышать біеніе пульса Природы. И можетъ быть нечистая чувственность,—нѣчто безполезное и безцѣльное, смѣшанное съ чувствомъ грѣха и стыда, т. е. съ сознаніемъ своей ненужности.

Можетъ быть чистая симпатія—и можетъ быть симпатія съ разсчетомъ получить что нибудь за свою симпатію. Можетъ быть чистая любознательность, жажда знанія ради знанія, и можетъ быть такое стремленіе къ знанію, гдѣ впереди идутъ соображенія *пользы* или *выгоды* отъ этого знанія.

Во внѣшнихъ проявленіяхъ чистыя и нечистыя эмоціи могутъ очень мало различаться.—Два человѣка могутъ играть въ шахматы, по внѣшности дѣйствуя совершенно одинаково, но въ одномъ будетъ говорить самолюбіе, желаніе побѣды, и онъ будетъ полонъ разныхъ непріятныхъ чувствъ по отношенію къ своему противнику—боязни, зависти за удачный ходъ, досады, ревности, враждебности, или расчета на выигрышъ; а другой будетъ просто разрѣшать лежащую передъ нимъ сложную математическую задачу, совсѣмъ не думая о своемъ противникѣ.

Эмоція перваго будетъ нечистой, уже по одному тому, что въ ней очень много смѣшаннаго. Эмоція второго будетъ чистой. Смыслъ этого конечно совершенно ясенъ. Въ первомъ случаѣ эмоція идетъ на

низшемъ планѣ психики; во второмъ случаѣ на интеллектуальномъ; т. е. на высшемъ психическомъ планѣ, откуда уже переходъ къ *душевнымъ* переживаніямъ въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Примѣры подобнаго раздѣленія, по внѣшности одинаковыхъ эмоцій, мы можемъ видѣть постоянно въ художественной, литературной, научной, общественной, даже въ духовной и религіозной дѣятельности людей. Во всѣхъ областяхъ только полная побѣда надъ псевдоличнымъ элементомъ ведетъ человѣка къ правильному познанію міра и себя. Всѣ эмоціи, окрашенныя ложнымъ элементомъ себя, являются выпуклыми, вогнутыми или искривленными стеклами, неправильно преломляющими лучи и искажающими видъ міра.

Такимъ образомъ задача эмоціональнаго познанія заключается въ соотвѣтствующей подготовкѣ эмоцій, служащихъ орудіями познанія.

«*Будьте, какъ дѣти...*»

и—«*Блаженны чистые сердцемъ*»...

Въ этихъ евангельскихъ словахъ говорится именно объ очищеніи эмоцій. Не-чистыми эмоціями правильно познавать нельзя. Поэтому въ интересахъ правильнаго познанія міра и себя въ человѣкѣ должна идти работа очищенія и возвышенія эмоцій.

Послѣднее приводитъ насъ къ совершенно новому взгляду на *мораль*. Мораль, цѣль которой заключается именно въ томъ, чтобы установить систему правильнаго отношенія къ эмоціямъ и содѣйствовать ихъ очищенію и возвышенію, перестаетъ быть въ нашихъ глазахъ какимъ то скучнымъ и замкнутымъ въ себѣ упражненіемъ въ добродѣтели. Мораль, это есть форма эстетики.

То, что *не морально*, прежде всего не эстетично, потому что не согласовано, не гармонично.

Мы видимъ все огромное значеніе, какое мораль можетъ имѣть въ нашей жизни; мы видимъ значеніе, какое мораль имѣетъ *для познанія*, потому что есть эмоціи, *которыми мы познаемъ*, и есть эмоціи, *которыми мы заблуждаемся*. Если мораль дѣйствительно можетъ помогать намъ разбираться въ нихъ, то цѣнность ея неоспорима именно съ точки *познанія*.

Психологія обыкновеннаго разговорнаго языка хорошо знаетъ, что злоба, ненависть, гнѣвъ, ревность—ослѣпляютъ человѣка, затемняютъ его разсудокъ; она знаетъ, что страхъ сводитъ съ ума и пр., и пр.

Но кромѣ этого мы знаемъ, что *каждая эмоція* можетъ служить и знанію, и незнанію.

Возьмемъ такую цѣнную и способную на очень высокую эволю-

цію, эмоцію, какъ *наслажденіе дѣятельностью*. Эта эмоція является могучимъ двигателемъ культуры, служитъ совершенствованію жизни и выработкѣ всѣхъ высшихъ способностей человѣка. Но она же является причиной безконечнаго количества заблужденій и faux pas человѣчества, за которыя ему приходится послѣ очень горько расплачиваться. Въ увлеченіи дѣятельностью человѣкъ склоненъ очень легко забывать *цѣль*, ради которой онъ началъ дѣйствовать; принимать за цѣль самую дѣятельность; и ради сохраненія дѣятельности *жертвовать цѣлью*. Это особенно ярко видно въ дѣйствительности различныхъ духовныхъ теченій. Отправившись въ одномъ направленіи, человѣкъ, самъ не замѣчая того, поворачиваетъ въ обратное и очень часто идетъ въ бездну, думая, что онъ поднимается на высоты.

Нѣтъ ничего противорѣчивѣе, парадоксальнѣе человѣка, *увлекшагося дѣятельностью*. Мы просто привыкли къ «человѣку», и насъ не поражаютъ, какъ курьезы, удивительныя извращенія, къ какимъ онъ приходитъ.

Насилія во имя свободы. Насилія во имя любви. Проповѣдь христіанства съ мечемъ въ рукѣ. Костры инквизиціи во славу Бога милосердія. Насилія надъ свободой мысли и слова со стороны служителей *религіи*.—Все это такіе воплощенные абсурды, на какіе способно только человѣчество, благодаря своей *странной двойственности* *).

Правильное пониманіе *морали* въ значительной степени можетъ предохранить насъ отъ подобныхъ извращеній мысли. Въ нашей жизни вообще очень мало морали. Европейская культура пошла путемъ интеллектуальнаго развитія. Интеллектъ изобрѣталъ и устраивалъ, не думая о моральномъ значеніи своей дѣятельности. Поэтому и получилось такое положеніе, что вѣнцомъ европейской культуры явились «дрэдноты».

Многіе думаютъ такъ, и многіе въ силу этого отрицательно относятся ко всей культурѣ. Но это тоже несправедливо. Кромѣ дрэднотовъ европейская мысль создала очень много нужнаго и цѣннаго, облегчающаго жизнь. Выработка *принциповъ* свободы и права; хотя номинальное—уничтоженіе рабства; во многихъ областяхъ побѣда надъ враждебной человѣку природой; средства распространенія мысли, печать; чудеса современной медицины и хирургіи, все это несомнѣнно реальныя завоеванія. И съ ними нельзя не считаться. *Но въ нихъ нѣтъ морали.* Европейскій культурный человѣкъ одинаково легко изобрѣтаетъ пулеметъ и новый хирургическій аппа-

*) Объ этой двойственности см. дальше о двухъ расахъ или породахъ «человѣка» глава XXIII и таблица формъ сознанія.

ратъ. Европейская культура началась отъ жизни дикаря, какъ будто взявъ эту жизнь за образецъ и начавъ развивать *всѣ ея стороны*, совершенно не думая объ ихъ моральномъ значеніи. Дикарь разбивалъ своему врагу голову простой дубиной. У насъ для этого изобрѣтены очень сложныя приспособленія, дающія возможность сразу разбивать цѣлыя сотни и тысячи головъ.—Поэтому и получилась такая вещь, что летаніе по воздуху, о которомъ люди мечтали цѣлыми тысячелѣтіями, наконецъ достигнутое, примѣняется прежде всего для цѣлей войны.

Моралъ, это есть *согласованіе* и необходимость согласованія *всѣхъ* сторонъ жизни съ высшими эмоціями и высшими постиженіями интеллекта. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему раньше сказано, что мораль есть форма эстетики. Эстетика,—чувство красоты, есть *ощущеніе* отношенія частей къ цѣлому, *потребность* извѣстнаго гармоническаго отношенія. И то же самое есть мораль. Не моральны дѣйствія, мысли и чувства, которыя не согласованы, не гармоничны съ высшимъ пониманіемъ и высшимъ ощущеніемъ, доступнымъ человѣку. Введеніе морали въ нашу жизнь сдѣлало бы ее менѣе парадоксальной, менѣе противорѣчивой, болѣе логической и главное—болѣе *цивилизованной*. Потому что теперь нашу знаменитую цивилизацію очень сильно компрометируютъ «дрэдноты», т. е. войны, все съ ними связанное, и многое изъ «мирной» жизни—въ родѣ смертной казни, тюремъ и т. п.

Мораль или *моральная* эстетика въ такомъ смыслѣ, какъ здѣсь указано, намъ необходима. Безъ нея мы черезчуръ легко забываемъ, что *слово* всетаки имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ *дѣлу*. Мы очень многимъ интересуемся, во многое входимъ, но почему то совершенно не замѣчаемъ несоотвѣтствія между нашей духовной жизнью и нашей жизнью на землѣ. У насъ образуются двѣ жизни. Въ одной мы необыкновенно строги къ себѣ, анализируемъ тщательно всякую идею, прежде чѣмъ высказаться о ней—въ другой мы наоборотъ чрезвычайно легко допускаемъ всякіе компромиссы, чрезвычайно легко не замѣчаемъ того, чего не хотимъ замѣтить. И мы примиряемся съ этимъ раздѣленіемъ. Мы какъ будто даже не находимъ нужнымъ проводить реально въ жизни наши высшія идеи, почти возводимъ въ принципъ несмѣшеніе «реальнаго» съ «духовнымъ». Въ результатѣ этого получаются всѣ безобразія современной жизни—вся безконечная фальсификація нашей жизни—фальсификація печати, искусства, театра, науки, политики;—фальсификація, въ которой мы задыхаемся, какъ въ вонючемъ болотѣ, на которую мы сами же создаемъ, потому что *мы же* и никто другой являемся слугами и данниками

этой фальсификаціи. У насъ нѣтъ сознанія *необходимости* проводить наши идеи въ жизнь, проводить ихъ *въ нашей ежедневной дѣятельности*, и мы допускаемъ возможность, чтобы эта дѣятельность шла въ разрѣзъ съ нашими духовными исканіями по одному изъ выработавшихся шаблоновъ, вредъ которыхъ мы сознаемъ, но за которые каждый изъ насъ въ отдѣльности не считаетъ себя отвѣтственнымъ, потому что не онъ самъ ихъ создалъ. У насъ нѣтъ *чувства личной отвѣтственности*, нѣтъ смѣлости, и нѣтъ даже сознанія ихъ необходимости. Это все было бы очень печально и безысходно печально, если бы понятіе «мы» было дѣйствительно такъ несомнѣнно. Въ дѣйствительности правильность самаго термина «мы» подлежитъ большому сомнѣнію. Огромное большинство населенія земного шара занято въ сущности тѣмъ, что разрушаетъ, искажаетъ и фальсифицируетъ идеи меньшинства. Своихъ идей у большинства нѣтъ. Понять идеи меньшинства оно не въ состояніи и, предоставленное само себѣ, оно неизбѣжно должно искажать и разрушать. Представьте себѣ звѣринецъ, полный обезьянъ. Среди звѣринца работаетъ *человѣкъ*. Обезьяны наблюдаютъ его движенія и стараются подражать ему. Но онѣ могутъ подражать только внѣшнимъ движеніямъ; смыслъ и цѣль этихъ движеній скрыты отъ нихъ. Поэтому ихъ дѣйствія будутъ имѣть совсѣмъ другой результатъ. И если обезьяны выйдутъ изъ клѣтки и доберутся до настоящихъ инструментовъ, то они разрушатъ можетъ быть всю работу человѣка и причинятъ очень много вреда самимъ себѣ. Но онѣ никогда и ничего не будутъ въ состояніи создать. Поэтому *человѣкъ* сдѣлаетъ большую ошибку, если будетъ говорить объ ихъ «работѣ» и о нихъ «мы». Созиданіе и разрушеніе—правильнѣе способность къ созиданію или способность *только* къ разрушенію вотъ два главныхъ признака двухъ типовъ или двухъ расъ людей.

Мораль намъ необходима. Только, смотря съ точки зрѣнія морали, можно безошибочно отдѣлить работу *человѣка* отъ работы обезьянъ. Но въ то же время нигдѣ такъ легко не создаются заблужденія, какъ въ области морали. Увлекаясь *своей нравственностью* и нравственной проповѣдью, человѣкъ забываетъ *цѣль* нравственнаго совершенствованія, забываетъ, что цѣль въ познаніи. Онъ начинаетъ видѣть цѣль *въ самой нравственности*. Тогда происходитъ апріорное раздѣленіе эмоцій на хорошія и нехорошія, «нравственныя» и «безнравственныя». Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно теряется правильное пониманіе цѣли и значенія эмоцій. Человѣкъ увлекается своей «хорошестью». Ему хочется, чтобы всѣ другіе были такими же «хорошими», какъ онъ, или какъ далекій поставленный имъ самому

себѣ идеалъ. Является наслажденіе моралью ради морали или моральный спортъ—упражненіе въ морали ради морали. Это останавливаетъ всякую мысль. Человѣкъ начинаетъ всего бояться. Во всемъ, во всѣхъ проявленіяхъ жизни ему начинаетъ чудиться что-то «безнравственное», могущее низвести его или другихъ съ той высоты, на которую они поднялись или могутъ подняться. У него развивается необыкновенно подозрительное отношеніе къ чужой нравственности. Въ пылу прозелитизма, желая распространять свои нравственные взгляды, онъ начинаетъ уже опредѣленно враждебно относиться ко всему, несогласному съ его нравственностью. Это уже все «черное» въ его глазахъ. Начавъ съ полной свободы, онъ очень легко, нѣсколькими компромиссами, убѣждаетъ себя въ необходимости бороться со свободой. Онъ уже начинаетъ допускать извѣстную цензуру мысли. Свободное выраженіе мнѣній, противоположныхъ его собственнымъ, кажется ему уже недопустимымъ. Все это можетъ дѣлаться съ самыми лучшими намѣреніями. Но конецъ этого намъ хорошо извѣстенъ. Примѣромъ можетъ служить современное «теософическое» движеніе, въ которомъ моралистъ приводитъ къ явнымъ извращеніямъ мысли, (стр. 159).

Нѣтъ тиранніи ожесточеннѣе тиранніи морали. Все приносится ей въ жертву. И, конечно, нѣтъ ничего болѣе ослѣпляющаго, чѣмъ такая тиранія, чѣмъ такая «мораль».

И тѣмъ не менѣе человѣчеству нужна мораль, только совсѣмъ другая, такая, которая основывалась бы на *реальныхъ* данныхъ высшаго познанія. Человѣчество ее страстно ищетъ и, можетъ быть, найдетъ. Тогда на почвѣ этой *новой морали* произойдетъ великое раздѣленіе и тѣ немногіе, которые будутъ въ состояніи ей слѣдовать, начнутъ управлять другими или уйдутъ совсѣмъ. Во всякомъ случаѣ благодаря новой морали и тѣмъ силамъ, какія она принесетъ, исчезнетъ противорѣчивость жизни и двуногія животныя, составляющія большинство человѣчества, не будутъ имѣть возможности позировать дальше въ качествѣ людей.

Организованными формами интеллектуальнаго познанія являются: *наука*, основанная на наблюденіи, исчисленіи и опытѣ, и *философія*, основанная на умозрительномъ методѣ разсужденій и умозаключеній.

Организованными формами эмоціональнаго познанія являются: *религія* и *искусство*. Религіозныя вѣроученія, принимая характеръ «культовъ», цѣликомъ основываются на эмоціональной природѣ человѣка. Величественные храмы, пышныя одежды жрецовъ и священ-

никовъ, торжественныя богослуженія, процессіи, жертвоприношенія, пѣніе, музыка—все это имѣетъ цѣлью извѣстнымъ образомъ эмоціонально настроить человѣка, вызвать въ немъ извѣстныя опредѣленныя чувства. Ту же самую цѣль преслѣдуютъ религіозные миѳы, легенды, жизнеописанія, пророчества, апокалипсисы—они всѣ дѣйствуютъ на воображеніе, на чувство.

Цѣль этого—дать человѣку *Бога*, дать ему *мораль*, т. е. дать извѣстное познаніе тайной стороны міра. Религія можетъ уклоняться отъ своей цѣли, можетъ служить *земнымъ* интересамъ и цѣлямъ. Но начало ея лежитъ въ исканіи правды и Бога.

Искусство служитъ *красотѣ*, т. е. своеобразному эмоціональному познанію. Искусство находитъ во всемъ эту красоту и заставляетъ человѣка чувствовать ее и такимъ образомъ *познавать*. Искусство есть могучее средство познанія нумепальнаго міра;—глубины тайнъ, одна поразительнѣе другой, открываются взору человѣка, когда онъ держитъ въ рукахъ этотъ магическій ключъ. Но стоитъ ему *только подумать*, что эта тайна не для познанія, а для наслажденія ею, и всѣ чары рушатся. Какъ только, вмѣсто *исканія новой красоты*, въ искусствѣ начинается наслажденіе *найденной*, такъ происходитъ остановка, и искусство превращается въ ненужный эстетизмъ, окружающій человѣка стѣной, которая мѣшаетъ ему смотрѣть дальше. *Исканіе красоты*—цѣль искусства, такъ же какъ исканіе Бога и *правды*—цѣль религіи. И точно такъ же, какъ искусство, религія останавливается, когда она перестаетъ *искать* Бога и правду и думаетъ, что нашла. Эта идея выражена въ Евангеліи:—

Ищите... Царства Божія и правды его...

Наука, философія, религія, искусство—формы познанія. Методъ науки—опытъ; методъ философіи—умозрѣніе; методъ религіи и искусства—моральное или эстетическое *эмоціональное* внушеніе. Но и наука, и философія, и религія, и искусство—только тогда начинаютъ дѣйствительно служить *истинному познанію*, когда въ нихъ начинаетъ проявляться интуиція, т. е. ощущеніе и нахожденіе какихъ то внутреннихъ свойствъ вещей. Въ сущности можно сказать, и, можетъ быть, это будетъ самое вѣрное, что цѣль даже чисто интеллектуальныхъ системъ науки и философіи заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы дать людямъ извѣстныя знанія, а въ томъ, чтобы поднять человѣка на такую высоту мышленія и чувствованія, чтобы у него самого совершился переходъ къ новымъ высшимъ формамъ познанія, къ которымъ гораздо ближе искусство и религія.

ГЛАВА XIX.

Интеллектуальный методъ. Объективное и субъективное познаніе. Изученіе Не я и изученіе Я. Невозможность объективнаго изслѣдованія Я. Границы объективнаго познанія. Возможность расширенія субъективнаго познанія. Поглощеніе всего Не я въ Я Идея Плотина. Разныя формы сознанія. Сонъ (потенціальное состояніе сознанія). Сновидѣніе (сознаніе, заключенное въ самомъ себѣ, отраженное отъ себя). Бодрствующее сознаніе (дуалистическое ощущеніе міра, раздѣленіе Я и Не я). Экстазъ («выхожденіе изъ себя»), «Турійя», (абсолютное сознаніе всего, какъ себя). «Капля, поглощающая океанъ». «Нирвана».

Установивъ *принципъ* возможнаго объединенія въ интуиціи или при помощи интуиціи формъ нашего познанія, мы должны посмотрѣть, не осуществляется ли гдѣ нибудь это объединеніе; какимъ образомъ оно можетъ произойти, и произойдетъ ли но *въ совершенно новой формѣ*, или *одна изъ существующихъ* включитъ въ себя остальныя.

Для этого мы должны вернуться къ основнымъ началамъ нашего познанія и сравнить возможные шансы на развитіе разныхъ путей, т. е. по возможности выяснить, какой путь и какимъ образомъ скорѣе всего приводитъ къ *интуиціи*.

Относительно *эмоціональнаго пути* мы это до нѣкоторой степени установили; ростъ эмоцій, ихъ очищеніе и освобожденіе отъ матеріальныхъ элементовъ *обладанія* и *страха потерять* должно вести къ сверхличному познанію и къ интуиціи.

Но какимъ образомъ можетъ притти къ интуиціи интеллектуальный путь?

Мы знаемъ, что все, что мы познаемъ интеллектуально, мы познаемъ или *субъективно*, или *объективно*. Субъективно, *какъ часть себя*, объективно, *какъ часть не себя*.

Мы должны разсмотрѣть, какое знаніе, субъективное или объективное, имѣетъ большіе шансы на развитіе,—и какое изъ нихъ скорѣе можетъ привести къ интуиціи.

Прежде всего: что такое интуиція?

Интуиція есть *непосредственное познаваніе*, внутреннимъ чувствомъ, *прямо сознаніемъ*. Я непосредственно ощущаю свою боль, интуиція можетъ дать мнѣ возможность *ощутить*, какъ свою, боль

другого человѣка. Такимъ образомъ интуиція сама по себѣ есть расширеніе *субъективнаго познанія*. Но, можетъ быть, возможно интуитивное расширеніе объективнаго познанія.—Мы должны разсмотрѣть сущность объективнаго познанія.

Наше объективное знаніе заключается въ наукѣ и въ философіи. *Субъективный опытъ* — наука всегда принимала, *какъ данное*, немогущее быть измѣненнымъ, но «сомнительное» и нуждающееся въ провѣркѣ и въ подтвержденіи объективнымъ методомъ. Наука изучала міръ, какъ объективное явленіе, и какъ такое же объективное явленіе стремилась изучать Я съ его свойствами.

Съ другой стороны одновременно съ этимъ шло изученіе Я, такъ сказать, изнутри. Но этому изученію никогда не придавалось особенно большого значенія. Предѣлы субъективнаго познанія, т. е. предѣлы Я, считались строго ограниченными, установленными и неизмѣненными. Только для объективнаго знанія признавалась возможность расширенія.

Мы должны посмотрѣть, нѣтъ ли въ этомъ ошибки; дѣйствительно ли возможно расширеніе объективнаго познанія, и дѣйствительно ли ограничено субъективное.

Развиваясь, наука, т. е. объективное знаніе, вездѣ наталкивалась на препятствія. Наука изучаетъ *феномены*; какъ только она пытается перейти къ изученію *причинъ*, она видитъ передъ собой стѣну неизвѣстнаго и *для нея* непознаваемаго. Вопросъ заключается въ томъ: что это непознаваемое абсолютно непознаваемо—или непознаваемо только для объективныхъ методовъ нашей науки?

Пока дѣло имѣетъ такой видъ: количество неизвѣстныхъ фактовъ во всѣхъ областяхъ научнаго знанія быстро растетъ; и неизвѣстное грозитъ поглотить извѣстное или принимаемое за извѣстное. Прогрессъ науки, особенно послѣднее время, можно опредѣлить, какъ очень быстрый ростъ *областей незнанія*. Незнанія, конечно, и прежде было не меньше, чѣмъ теперь. Но раньше оно не такъ ярко сознавалось—тогда наука не знала, *чего она не знаетъ*. Теперь она все больше и больше узнаетъ это, все больше и больше узнаетъ свою *условность*. Еще немного, и у каждой отдѣльной отрасли науки, *то чего она не знаетъ*, станетъ больше того, *что она знаетъ*.

Въ каждой области наука сама начинаетъ отрицать свои основанія. Еще немного, и наука въ цѣломъ спроситъ себя:—гдѣ же я?

Позитивное мышленіе, которое ставило своей задачей—выводить общія заключенія изъ того, что знаетъ каждая отдѣльная наука и всѣ онѣ вмѣстѣ—почувствуетъ себя обязаннымъ вывести заклю-

ченіе изъ того, чего науки не знаютъ И тогда весь міръ увидитъ передъ собой колосса съ глиняными ногами или скорѣе совсѣмъ безъ ногъ, съ огромнымъ туманнымъ туловищемъ, висящимъ въ воздухѣ.

Философія давно видитъ отсутствіе ногъ у этого колосса, но большинство культурнаго человѣчества находится подъ гипнозомъ позитивизма, видящаго что-то на мѣстѣ этихъ ногъ. Съ этой иллюзіей скоро придется разстаться. Математика, лежащая въ основѣ позитивныхъ знаній, на которую всегда съ гордостью указываетъ точное знаніе, какъ на своего подданнаго и вассала, въ сущности отрицаетъ весь позитивизмъ и утверждаетъ идеализмъ. Математика только по недоразумѣнію попала въ циклъ позитивныхъ наукъ, и, именно математика явится скоро главнымъ орудіемъ п р о т и в ъ п о з и т и в и з м а.

Позитивизмомъ я называю здѣсь систему, утверждающую въ противность Канту, что изученіе явленій *можетъ* приблизить насъ къ вещамъ въ себѣ, т. е. утверждающую, что, идя путемъ изученія явленій, мы можемъ притти къ пониманію причинъ.

Обычный позитивный взглядъ отрицаетъ существованіе *скрытой стороны жизни*, т. е. онъ находитъ, что эта скрытая сторона понемногу открывается намъ,—и что прогрессъ науки заключается въ постепенномъ раскрытіи скрытаго.

«Это *еще* неизвѣстно,—говоритъ позитивистъ, когда ему указываютъ на что нибудь «скрытое», *но это будетъ извѣстно*. Наука, идя тѣмъ же путемъ, какимъ шла до сихъ поръ, откроетъ и это. Вѣдь пятьсотъ лѣтъ тому назадъ въ Европѣ не знали о существованіи Америки; пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не знали о существованіи бактерій; пятнадцать лѣтъ тому назадъ не знали о существованіи радія. Но и Америка, и бактеріи, и радій теперь открыты. Точно такъ же и точно такимъ же путемъ, и только такимъ путемъ будетъ открыто все, что вообще будетъ открыто. Аппараты совершенствуются, методы, пріемы, наблюденія утончаются. Чего не могли подозрѣвать сто лѣтъ тому назадъ, теперь дѣлается общеизвѣстнымъ и общепонятнымъ фактомъ. Если что можно узнать, то это будетъ узнано именно такимъ способомъ».

Такъ говорятъ сторонники позитивнаго взгляда на міръ, но въ основѣ этихъ разсужденій лежитъ глубочайшее заблужденіе.

Утвержденіе позитивизма было бы вѣрно, если бы наука равномѣрно двигалась во всѣ стороны неизвѣстнаго; если бы для нея не было запечатанныхъ дверей; если бы множество вопросовъ, *главныхъ* вопросовъ, не оставались такими же темными, какъ въ тѣ времена, когда не было никакой науки. Мы видимъ, что для науки закрыты

цѣлыя огромныя области, что она въ нихъ *никогда* не проникала и, что хуже всего, не сдѣлала *ни шагу* въ направленіи этихъ областей.

Существуетъ множество вопросовъ, къ пониманію которыхъ наука *даже не приблизилась*; множество вопросовъ, среди которыхъ современный ученый во всеоружіи своего знанія такъ же безпомощенъ, какъ дикарь или четырехлѣтній ребенокъ.

Таковы вопросы жизни и смерти, проблемы времени и пространства, тайна сознанія и пр., и пр.

Мы всѣ знаемъ это, и единственно, что мы можемъ дѣлать—это стараться *не думать* о существованіи этихъ вопросовъ, забывать о нихъ. Это мы и дѣлаемъ обыкновенно. Но вѣдь это не уничтожаетъ вопросовъ. Они продолжаютъ существовать, и въ любой моментъ мы можемъ обратиться къ нимъ и испытать на нихъ твердость и силу нашего *научнаго метода*. И каждый разъ при такой попыткѣ мы видимъ, что нашъ научный методъ для этихъ вопросовъ не годится. При помощи его мы можемъ опредѣлять химическій составъ отдаленныхъ звѣздъ; фотографировать невидимый для глаза скелетъ человѣческаго тѣла; изобрѣтать плавучія мины, которыми можно управлять на разстояніи при помощи электрическихъ волнъ и уничтожать сразу сотни жизней,—но при помощи этого метода мы не можемъ сказать, что думаетъ человѣкъ, который сидитъ рядомъ. Сколько бы мы ни взвѣшивали, ни фотографировали, ни выслушивали человѣка, мы *никогда* не узнаемъ, его мыслей въ данный моментъ, *пока онъ самъ не скажетъ*. А это уже другой методъ.

Область дѣйствія методовъ точной науки строго ограничена. Эта область—міръ объективнаго. Въ міръ субъективнаго точная наука *никогда* не проникала *и никогда не проникнетъ*.

Расширеніе объективнаго знанія за счетъ субъективнаго невозможно. Несмотря на весь ростъ объективныхъ знаній, граница между ними и міромъ субъективнаго лежитъ *на томъ же мѣстѣ*.

Если бы *наука* хотя одинъ шагъ сдѣлала въ этомъ направленіи, если бы хотя что нибудь субъективное было объяснено объективно, мы могли бы признать, что она можетъ сдѣлать и два, и три, и десять, и тысячу шаговъ. Но она не сдѣлала *ни одного*, и поэтому можно думать, что она никогда его не сдѣлаетъ. Міръ субъективнаго закрытъ для объективнаго изслѣдованія, и для этого есть вполнѣ опредѣленныя причины.

Далеко не все, что существуетъ, имѣетъ объективное существованіе, т. е. далеко не все можетъ быть объективировано. Отрицательныя величины существуютъ, но не существуютъ объективно.

Логическія понятія, какъ добро, зло, истина, красота, матерія, движеніе и пр. тоже существуютъ, но не существуютъ объективно, какъ существуетъ *эта чернильница*, *этотъ столъ*, *эта стѣна*. Всѣ метафизическіе факты существуютъ, но не существуютъ объективно.

Объективное существованіе есть очень узко опредѣленная форма существованія, далеко не исчерпывающая всего существованія. Ошибка позитивизма заключается въ томъ, что онъ призналъ реально существующимъ только то, что существуетъ объективно, и началъ отрицать *даже существованіе* того, что не объективно.

Что же такое объективность?

Мы можемъ опредѣлить это такъ: благодаря свойствамъ *нашего* сознанія или благодаря *условіямъ*, въ которыхъ работаетъ наше сознаніе, мы выдѣляемъ *небольшую часть фактовъ* въ опредѣленную группу. Эта группа фактовъ представляетъ собой объективный міръ и доступна изученію науки. Но ни въ какомъ случаѣ эта группа не представляетъ собой всего существующаго.

Рядомъ съ этой группой мы можемъ поставить другую:—группу субъективнаго.

Что такое субъективное?

То, что мы чувствуемъ непосредственно. Моя зубная боль для меня субъективное явленіе. *Чужая* зубная боль—для меня только понятіе. Правда, она сопровождается или имѣетъ причиной объективныя явленія—гнилой зубъ. Но самая *боль*, когда это чужая боль, только понятіе. *Субъективное*—это то, что я чувствую *самъ*, *непосредственно*, какъ часть себя.

Субъективное образуетъ свою отдѣльную группу. При чемъ для каждаго человѣка эта группа различна. У одного можетъ быть меньше, у другого больше. У одного цѣлый рядъ ощущеній (напр., музыкальныхъ) входитъ въ область субъективнаго, для другого весь этотъ рядъ остается понятіями. Несомнѣнно при этомъ, что область субъективнаго можетъ значительно *расширяться* при помощи спеціальнаго воспитанія или тренировки.

Если мы возьмемъ обыкновеннаго современнаго человѣка, то мы можемъ сказать, что все существующее раздѣляется для него на три группы: объективнаго, субъективнаго и того, что ни объективно, ни субъективно, какъ *отрицательная величина*, и вообще факты, извѣстные ему только какъ понятія.

Вопросъ заключается въ томъ: какимъ путемъ пойдетъ расширеніе знаній, путемъ объективнаго или путемъ субъективнаго?

По отношенію къ очень большимъ рядамъ фактовъ мы можемъ смѣло сказать, что расширеніе объективнаго знанія въ ихъ сторону

невозможно. Отвлеченное понятіе никогда не будетъ объективнымъ явленіемъ; мысли другого человѣка *и мои* собственныя никогда не будутъ для меня объективнымъ явленіемъ.

Объективный методъ недостаточенъ и непригоденъ для изученія явленій сознанія. *Нуженъ другой методъ.* Все говоритъ намъ, что съ позитивнымъ методомъ можно итти только по опредѣленнымъ *условнымъ* направленіямъ. Наука не сдѣлала ни шагу въ направленіи объективнаго познанія субъективнаго,—и, очевидно, не можетъ сдѣлать ни шагу; и объективное знаніе основано на субъективномъ, и безъ субъективнаго существовать не можетъ; субъективное же прекрасно можетъ существовать безъ объективнаго. Если строго проанализировать сущность объективнаго знанія, мы увидимъ, что оно состоитъ изъ *субъективныхъ элементовъ.* Мы уже частью продѣлали такой анализъ, говоря о пространствѣ и времени. Протяженіе въ пространствѣ и бытіе во времени—это первое условіе объективнаго существованія. Между тѣмъ формы протяженія вещи въ пространствѣ и бытія ея во времени создаются познающимъ вещь субъектомъ, а не принадлежатъ вещи. Это послѣднее соображеніе позволяетъ намъ разстаться со всѣми гипотезами *тонкихъ состояній матеріи, энергетическихъ и психофизическихъ эманацій* и т. п. Всѣ эти гипотезы страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: онѣ не принимаютъ во вниманіе того, что матеріальность (или энергетичность) есть *сложное свойство*, принадлежащее не вещи, а нашему воспріятію вещи. И не принимаютъ во вниманіе того, что *матеріальность* не можетъ принадлежать вещамъ, которыя *не* воспринимаются нами, *какъ матеріальныя*; точно такъ же какъ не могутъ принадлежать вещамъ нѣкоторыя свойства матеріальности безъ другихъ. Матерія состоитъ не изъ атомовъ, а изъ нашихъ ощущеній ея. Если нѣтъ ощущеній (хотя бы въ возможности), то нѣтъ матеріи. Матерія *невѣсомая, невидимая, неимѣющая массы* и пр., пр.—такой же nonsense, какъ карета безъ колесъ, безъ козелъ, безъ сидѣній, безъ кузова, безъ пола, безъ крыши, безъ дверей. Это будетъ все, что угодно, только не карета. *Матерія* прежде всего *трехмѣрна.* Трехмѣрность есть форма нашего воспріятія. *Матерія четырехъ измѣреній*—это такая же невозможная вещь, какъ квадратный треугольникъ.

Чтобы ясно понять это и не увлекаться наивными спиритическими и теософическими теоріями о тонкихъ состояніяхъ матеріи, нужно понять, что всѣ эти теоріи совершенно не выводятъ насъ изъ сферы трехъ измѣреній и не могутъ вывести. Всѣ эти «тонкія мате-

ріи» совершенно трехмѣрны и *матеріальность* ихъ нисколько не уменьшается отъ ихъ *тонкости*.

Что такое матеріальность?

Матеріальность—это условія существованія во времени и въ пространствѣ, т. е. такія условія существованія, при которыхъ «въ одно время въ одномъ мѣстѣ не можетъ происходить *двухъ одинаковыхъ* явленій». Это исчерпывающее опредѣленіе матеріальности. Ясно, что въ извѣстныхъ намъ условіяхъ два одинаковыхъ явленія, происходящихъ въ одно время въ одномъ мѣстѣ, составятъ одно явленіе. Но это обязательно только для тѣхъ условій существованія, которыя мы знаемъ, т. е. для матеріи. Для вселенной это совсѣмъ не обязательно. И мы постоянно наглядно наблюдаемъ условія матеріальности въ тѣхъ случаяхъ, когда должны въ своей жизни создавать послѣдовательность явленій или принуждены *выбирать*, такъ какъ матерія не позволяетъ совмѣщать на опредѣленномъ промежуткѣ времени больше извѣстнаго количества явленій. Необходимость *выбора* можетъ быть главный *наглядный* признакъ матеріальности. Внѣ матеріи необходимость выбора уничтожается, и если представить себѣ жизнь чувствующаго существа внѣ условій матеріальности, то такое существо будетъ въ состояніи обладать одновременно вещами съ нашей точки зрѣнія несовмѣстимыми, противоположными и исключающими другъ друга: быть сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ; имѣть различный видъ; совершать одновременно противоположныя и исключающіе другъ друга поступки.

Говоря о матеріи, нужно все время помнить, что матерія это не вещество, а только условіе. Напримѣръ—человѣкъ слѣпъ. Нельзя слѣпоту разсматривать, какъ вещество. Это—условіе существованія даннаго человѣка. Матерія это родъ слѣпоты.

Такимъ образомъ надѣяться на то, что субъективныя явленія, какъ мысли или чувства, можно представить себѣ объективно существующими, *хотя бы* слабо матеріальными и такимъ образомъ свести все существующее къ объективно существующему — совершенно напрасно и наивно. У насъ существуетъ объективное знаніе и существуетъ субъективное знаніе. Мы должны разсмотрѣть шансы на прогрессъ того и другого.

Объективное знаніе можетъ расти безконечно въ зависимости отъ улучшенія аппаратовъ и утонченія методовъ наблюденія и изслѣдованія. Единственно, чего оно не можетъ перешагнуть—это границъ трехмѣрной сферы, т. е. условій пространства и времени, потому что оно въ этихъ условіяхъ создано и условія существованія трехмѣрнаго міра являются его условіями существованія. Объективное

знаніе всегда будетъ подчинено этимъ условіямъ, потому что иначе оно перестало бы существовать. Никакой аппаратъ, никакая машина этихъ условій не побѣдятъ, такъ какъ если побѣдятъ, то этимъ прежде всего уничтожатъ сами себя. Только perpetuum mobile было бы побѣдой надъ трехмѣрнымъ міромъ *въ самомъ трехмѣрномъ мірѣ*.

Объективное знаніе изучаетъ не факты, а только *представленія о фактахъ*. Субъективное знаніе изучаетъ *факты*; при этомъ—факты сознанія, относительно которыхъ мы нашли, что они единственные реальные факты. Такимъ образомъ объективное знаніе имѣетъ дѣло съ нереальнымъ, съ представляемымъ, съ воображаемымъ міромъ,—субъективное знаніе имѣетъ дѣло съ реальнымъ міромъ.

Для того, чтобы объективное знаніе вышло изъ предѣловъ трехмѣрной сферы, нужно, чтобы измѣнились условія субъективнаго воспріятія.

Пока этого нѣтъ, наше объективное знаніе заключено въ предѣлахъ *безконечной трехмѣрной сферы*. Оно можетъ итти безконечно *по радіусамъ этой сферы*, но оно не перейдетъ въ ту область, *разрѣзомъ которой* является трехмѣрный міръ. И мы знаемъ изъ предыдущаго, что если бы наше субъективное воспріятіе было еще болѣе ограничено, то соотвѣтственно этому было бы ограничено и объективное знаніе. Собакѣ нельзя передать идею шарообразности земли; нельзя заставить ее запомнить вѣсъ солнца и разстоянія между планетами. Ея объективное знаніе гораздо болѣе *лично*, чѣмъ наше. И причина этого лежитъ въ ея ограниченной психикѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что объективное знаніе зависитъ отъ свойствъ субъективнаго. Или, говоря иначе, степень субъективнаго знанія опредѣляетъ степень объективнаго.

Конечно, между объективнымъ знаніемъ дикаря и Герберта Спенсера—огромная разница. Но и то, и другое знаніе не выходятъ изъ предѣловъ трехмѣрной сферы, т.е. области «условнаго», нереальнаго. Для того, чтобы выйти изъ трехмѣрной сферы, нужно расширить субъективное знаніе. Расширеніе субъективнаго знанія—это есть расширеніе границъ Я, расширеніе фокуса сознанія, включеніе въ него одновременно многихъ разнородныхъ Я, обыкновенно стремящихся исключить одно другое.

Возможно ли расширеніе границъ Я?

Изученіе сложныхъ формъ познанія говоритъ намъ, что это возможно. Расширеніе субъективнаго познанія, расширеніе границъ Я—это значитъ: включеніе въ свое Я того, что обыкновенно воспринимается, какъ Не я. Границы Я—вообще очень условны и

неопредѣленны. Животныя еще плохо сознаютъ свое Я, соединяютъ его съ тѣмъ, къ чему въ данный моментъ стремятся. Человѣкъ ограничиваетъ свое Я—своимъ тѣломъ. Изучая міръ, онъ относитъ свое тѣло къ области не Я и принимаетъ за Я только внутренній, познающій центръ. Дальше при расширеніи сознанія опять идетъ расширеніе Я. Не опредѣляя точнѣе, мы можемъ сказать, что ощущеніе своего Я мѣняется при измѣненіи формъ сознанія.

Знаменитый Александрійскій философъ Плотинъ (III в.) утверждалъ, что для совершеннаго познанія субъектъ и объектъ должны быть соединены,—что разумный агентъ и понимаемая вещь не должны быть раздѣлены.

«Потому что тотъ, кто видитъ, самъ становится вещью, которую видитъ». *(О гностическихъ ипостасяхъ).*

«Видѣть» здѣсь нужно понимать, конечно, въ смыслѣ интуиціи.

Какія же бываютъ формы сознанія?

Индійская философія раздѣляетъ четыре состоянія сознанія. (*«Древняя мудрость» Анни Безантъ. Введеніе*). Сонъ, сновидѣніе, бодрствующее сознаніе—и состояніе абсолютнаго сознанія—*турійя* *).

По нашей терминологіи эти четыре состоянія сознанія будутъ: потенціальное состояніе сознанія, сознаніе въ возможности (сонъ); иллюзорное состояніе сознанія, (видѣніе сновъ), т. е. нераздѣленіе Я и Не я, объективированіе своихъ образовъ представленія; затѣмъ: «ясное сознаніе» (бодрственное состояніе), раздѣленіе Я и Не я—и наконецъ неизвѣстное четвертое состояніе сознанія, о которомъ наша научная психологія имѣетъ очень смутное представленіе, *экстазъ*.

Джорджъ Мидъ во введеніи къ переводу Плотина, Тейлора сближаетъ терминологію Шанкарачарія, учителя школы Адваита-Веданта древней Индіи, съ терминологіей Плотина.

«Первое или духовное состояніе былъ экстазъ; изъ экстаза сознаніе забылось въ глубокомъ снѣ; изъ глубокаго сна очнулось въ безсознательности, но всетаки внутри себя, во внутреннемъ мірѣ сновидѣній; отъ сновидѣній оно перешло наконецъ въ бодрственное состояніе, во внѣшній міръ чувствъ».

Экстазъ—это терминъ Плотина. Онъ совершенно тожественъ съ терминомъ *турійя* индійской психологіи.

---

*) По толкованію южно-индійской школы оккультизма четыре состоянія сознанія понимаются нѣсколько въ другомъ порядкѣ. Наиболѣе далекое отъ истиннаго, наиболѣе иллюзорное, это бодрственное состояніе; второе—сонъ уже ближе къ истинѣ; третье—*глубокій сонъ* безъ сновидѣній — соприкосновеніе съ истиной; и четвертое *самади* или экстазъ—сліяніе съ истиной.

Въ обыкновенныхъ условіяхъ сознаніе окружено тѣмъ, что конструируютъ его органы чувствъ и воспринимательный аппаратъ въ феноменальномъ мірѣ; оно различаетъ «субъективное» отъ «объективнаго»; раздѣляетъ міръ на Я и Не я — и отличаетъ отъ «дѣйствительности» свои образы представленія. Оно признаетъ феноменальный объективный міръ реальностью и сновидѣнія нереальностью и вмѣстѣ съ ними считаетъ, какъ бы нереальнымъ, весь субъективный міръ. Свое смутное ощущеніе реальныхъ вещей, лежащихъ за тѣмъ, что конструировано органами чувствъ, т. е. ощущенія *пуменовъ*, сознаніе какъ бы сближаетъ со сновидѣніями, т. е. съ нереальнымъ воображаемымъ, абстрактнымъ, субъективнымъ и считаетъ реальнымъ только *феномены*.

Постепенно убѣждаясь умомъ въ нереальности феноменовъ или внутренно ощущая эту нереальность и реальность того, что лежитъ за ними—сознаніе освобождается отъ миража феноменовъ, видитъ, что весь феноменальный міръ въ сущности тоже субъективенъ, что настоящія реальности лежатъ глубже. Тогда въ сознаніи происходитъ полный переворотъ всѣхъ представленій *о реальности*. То, что раньше считалось реальнымъ, становится нереальнымъ, а то, что считалось нереальнымъ, дѣлается реальнымъ. И сознаніе переходитъ, т. е. возвращается въ состояніе абсолютнаго сознанія, изъ котораго вышло.

Переходъ въ абсолютное состояніе сознанія это и есть «сліяніе съ Божествомъ», «видѣніе Бога», «ощущеніе Царства Небеснаго», «переходъ въ Нирвану». Всѣ эти выраженія мистическихъ религій передаютъ психологическій фактъ расширенія сознанія, такого расширенія, что сознаніе *все* поглощаетъ въ себя.

Ч. В. Ледбитеръ въ статьѣ «Some Notes on Higher Planes. Nirvana» (Замѣтки о высшихъ планахъ. Нирвана) «The Theosophist», July 1910, пишетъ:

Сэръ Эдвинъ Арнольдъ писалъ о блаженномъ состояніи, когда «отдѣльныя капли сливаются въ сіяющемъ морѣ».

Но, кто прошелъ самъ черезъ этотъ чудесный опытъ, знаетъ, что, какъ ни парадоксально это можетъ казаться, ощущеніе въ дѣйствительности совершенно противоположно тому, что говоритъ сэръ Эдвинъ Арнольдъ—и, что гораздо ближе, это ощущеніе можно описать, сказавъ, что океанъ какимъ-то образомъ вливается въ каплю!

Это сознаніе широкое, какъ море, «съ центромъ вездѣ и съ окружностью нигдѣ»—есть великій фактъ. Но, когда, человѣкъ до-

стигаетъ этого высшаго сознанія ему кажется, что *его* сознаніе расширилось настолько, что все заключается въ немъ самомъ.

Это поглощеніе океана каплей происходитъ потому, что *сознаніе никогда не теряется, т. е. не исчезаетъ, не гаснетъ.* Когда намъ кажется, что сознаніе гаснетъ, въ дѣйствительности оно только измѣняетъ форму, перестаетъ быть аналогичнымъ нашему, — и мы теряемъ средства убѣдиться въ его существованіи.

У насъ нѣтъ никакихъ *опредѣленныхъ* данныхъ думать, что оно исчезаетъ. Для того, чтобы выйти изъ поля нашего возможнаго наблюденія, ему достаточно немного измѣниться.

Въ мірѣ объективномъ сліяніе капли съ океаномъ, конечно, ведетъ къ уничтоженію капли, къ поглощенію ея океаномъ.—Другого порядка вещей мы никогда не наблюдали въ объективномъ мірѣ, и поэтому мы не рисуемъ его себѣ. Но въ *реальномъ*, т. е. въ субъективномъ мірѣ, непремѣнно долженъ существовать и дѣйствовать другой порядокъ. Капля сознанія, сливаясь съ океаномъ сознанія, *познаетъ его, но сама отъ этого не перестаетъ быть.* Поэтому несомнѣнно океанъ поглощается каплей.

Въ «Письмѣ къ Флакку» Плотина мы находимъ поразительный очеркъ психологіи и теоріи познанія, основанный именно на идеѣ расширенія Я.

«Внѣшніе объекты представляются намъ только, какъ видимости. Поэтому относительно нихъ у насъ есть скорѣе мнѣнія, чѣмъ знанія. Различія въ мірѣ видимостей важны только обыкновеннымъ и практическимъ людямъ. Наши вопросы относятся къ идеальной реальности, которая лежитъ за видимостью. Какимъ образомъ умъ воспринимаетъ эти идеи? Лежатъ ли онѣ внѣ насъ, и занимается ли разсудокъ, подобно чувству, объектами внѣшними ему самому? Какую увѣренность можемъ мы тогда имѣть, что наше воспріятіе непогрѣшимо? Воспринимаемый объектъ будетъ тогда чѣмъ то отличнымъ отъ воспринимающаго его ума. И мы будемъ имѣть образъ вмѣсто реальности. Но было бы чудовищно повѣрить даже на мгновеніе, что умъ не способенъ воспринимать идеальную истину такъ, какъ она есть, и что у насъ нѣтъ увѣренности и реальнаго знанія относительно міра разума. Изъ этого слѣдуетъ, что эта область истины не можетъ быть изслѣдуема, какъ вещь внѣшняя намъ и поэтому только несовершенно познаваемая. Она внутри насъ. И въ этой области созерцаемые объекты и то, что созерцаетъ, тожественно—и то и другое есть мысль. Субъектъ не можетъ познавать объектъ, отличный отъ себя. Міръ идей лежитъ внутри нашего разума. Поэтому истина не есть совпаденіе нашего воспріятія внѣшняго объекта съ самимъ объектомъ. Это есть совпаденіе ума съ самимъ собой. Поэтому сознаніе есть единственное основаніе достовѣрности. Умъ есть свой собственный свидѣтель. То, что выше его, разсудокъ видитъ въ себѣ, какъ свой источникъ, и то, что ниже его, онъ тоже видитъ въ себѣ».

«Познаніе имѣетъ три степени:—мнѣніе, знаніе и просвѣтлѣніе. Средство или орудіе перваго есть чувство; второго—діалектика; третьяго—интуиція. Разсудокъ я подчиняю интуиціи. Это есть абсолютное познаніе, основанное на тожествѣ познающаго ума съ познаваемымъ объектомъ...»

«Существуетъ излученіе изъ всѣхъ порядковъ существованія, внѣшняя эманація отъ неисповѣдимаго Единаго. Потомъ опять обратный импульсъ, притягивающій все вверхъ и втягивающій внутрь, въ центръ, откуда все вышло... Мудрый человѣкъ признаетъ идею добра внутри себя. И эту идею онъ развиваетъ, удаляясь въ святое мѣсто своей собственной души. Тотъ, кто не понимаетъ, какъ душа содержитъ прекрасное внутри себя, ищетъ его во внѣ. Но въ дѣйствительности для этой цѣли онъ долженъ бы былъ сосредоточивать и упрощать внѣшнее, расширяя свое существо—и вмѣсто того, чтобы уходить въ многообразное, онъ долженъ былъ бы оставить его и идти къ Единому и плыть такимъ образомъ вверхъ къ божественному роднику существованія, бьющему внутри насъ».

«Ты спрашиваешь, какъ мы можемъ познать безконечное? Я отвѣчу, не разсудкомъ. Обязанность разсудка различать и опредѣлять границы. Поэтому безконечное не можетъ быть поставлено въ ряду его объектовъ. Ты можешь воспринять безконечное только способностью выше разсудка, вступивъ въ состояніе, въ которомъ ты перестанешь быть конечнымъ самимъ собой,—и въ которомъ съ тобой сообщится божественная сущность. Это есть экстазъ. Это освобожденіе твоего ума отъ его конечнаго сознанія. Только подобное можетъ воспринять подобное. И когда ты такимъ образомъ перестанешь быть конечнымъ, ты станешь однимъ съ безконечнымъ. Приводя свою душу къ ея высшему простѣйшему Я, къ ея божественной сущности, ты реализуешь это единство—это тожество».

«Но это возвышенное состояніе не можетъ быть длительнымъ. Только время отъ времени мы можемъ наслаждаться этимъ подъемомъ надъ границами тѣла и міра. Я самъ испытывалъ его до сихъ поръ только три раза, а Порфирій ни разу».

«Все, что клонится къ очищенію и возвышенію ума, поможетъ тебѣ въ этомъ достиженіи и облегчитъ приближеніе и совершеніе этихъ счастливыхъ моментовъ. Поэтому есть различныя дороги, которыя могутъ привести къ этому. Любовь къ красотѣ, которая возвышаетъ душу поэта; благоговѣніе передъ Единымъ и путь науки, который составляетъ гордость философа; любовь и молитвы, въ которыхъ набожныя и горячія души стремятся къ совершенству въ своей моральной истинѣ. Это все великіе пути, ведущіе къ высотамъ, находящимся далеко надъ дѣйствительностью и раздѣленностью, къ тѣмъ высотамъ, гдѣ мы стоимъ въ непосредственномъ присутствіи Безконечнаго, которое сіяетъ, какъ будто изъ глубины духа».

Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій Плотинъ еще точнѣе опредѣляетъ экстатическое познаніе, указывая такія его свойства, которыя совершенно ясно говорятъ намъ, что здѣсь рѣчь идетъ о безконечномъ расширеніи *субъективнаго познанія*.

«Когда мы видимъ Бога, говоритъ Плотинъ, то видимъ его не разумомъ, а чѣмъ то высшимъ, чѣмъ разумъ. Про того, кто видитъ подобнымъ об-

разомъ, собственно нельзя сказать, что онъ видитъ, такъ какъ онъ не различаетъ и не представляетъ себѣ *двухъ различныхъ вещей* (видящаго и видимаго). Онъ совершенно измѣняется, перестаетъ быть самимъ собой, ничего не сохраняетъ отъ своего Я. Поглощенный Богомъ, онъ составляетъ съ нимъ одно цѣлое, подобно центру круга, совпавшаго съ центромъ другого круга».

ГЛАВА XX.

Ощущеніе безконечности. Первое испытаніе неофита. Невыразимая тоска. Потеря всего реальнаго. Что должно было бы испытывать животное, становясь человѣкомъ? Переходъ къ новой логикѣ. Наша логика, какъ основанная на наблюденіи законовъ феноменальнаго міра. Непригодность ея для изученія міра нуменовъ. Необходимость другой логики. Апалогичность аксіомъ логики и математики. Двѣ математики. Математика реальныхъ величинъ (безконечныхъ и перемѣнныхъ); и математика нереальныхъ, воображаемыхъ величинъ (конечныхъ и постоянныхъ). Трансфинитныя числа—числа, лежащія за безконечностью. Возможность разныхъ безконечностей.

Въ книгѣ «Новая эра мысли», о которой я уже много говорилъ, въ интересной главѣ:—«*Пространство, какъ основаніе альтруизма и религіи*», Хинтонъ говоритъ:

«Когда мы тѣмъ или другимъ путемъ мышленія приходимъ къ безконечности—это знакъ, что данный образъ мышленія имѣетъ дѣло съ реальностями болѣе высокаго порядка, чѣмъ тотъ, для котораго онъ предназначенъ и приспособленъ. И, пытаясь представить себѣ этотъ порядокъ, мы можемъ сдѣлать это, только рисуя безконечные ряды реальностей высшаго порядка».

Въ самомъ дѣлѣ, что такое безконечность, какъ ее рисуетъ себѣ обыкновенный умъ?

Это пропасть, бездна, куда падаетъ нашъ умъ, поднявшись на высоту, на которой онъ не можетъ держаться.

Представимъ себѣ теперь на минуту, что человѣкъ *начинаетъ ощущать безконечность во всемъ*; всякая мысль, всякая идея, приводятъ его къ ощущенію безконечности.

Это непремѣнно должно произойти съ человѣкомъ, переходящимъ къ пониманію реальности высшаго порядка.

Что же онъ долженъ чувствовать при этомъ?

Онъ долженъ чувствовать бездну и пропасть вездѣ, куда онъ ни посмотритъ. И, конечно, онъ долженъ испытывать при этомъ невѣроятный страхъ, ужасъ и тоску.

... Невыносимая тоска (sadness) есть первое испытаніе неофита въ оккультизмѣ, говоритъ авторъ «Свѣта на пути» («Light on the Path», p. 44),

Мы разбирали раньше, какимъ путемъ двумѣрное существо могло бы притти къ постиженію третьяго измѣренія. Но мы не задавали себѣ вопроса, что оно должно бы было *чувствовать*, начиная ощущать третье измѣреніе, сознавать вокругъ себя «новый міръ».

Прежде всего оно должно бы было чувствовать удивленіе и испугъ,—испугъ, доходящій до ужаса. Потому что, прежде чѣмъ найти новый міръ, оно должно бы было *потерять старый*.

Представимъ себѣ животное, у котораго начинаютъ являться проблески *человѣческаго сознанія*.

Что должно оно сознавать *прежде всего*? Прежде всего,—что его старый міръ, *міръ животнаго*, удобный, привычный міръ, тотъ міръ, въ которомъ оно родилось, съ которымъ свыклось, который *единственно* оно представляетъ себѣ реальнымъ, рушится и падаетъ кругомъ него. Все, что раньше казалось реальнымъ, становится ложнымъ, обманчивымъ, фантастическимъ, нереальнымъ. Ощущеніе нерельности всего окружающаго должно быть очень сильно.

Пока такое существо научится сознавать реальности другого, высшаго порядка, пока оно пойметъ, что за разрушающимся старымъ міромъ открывается безконечно болѣе прекрасный—новый, пройдетъ много времени. И все это время существо, въ которомъ рождается новое сознаніе, должно переходить изъ одной бездны отчаянія въ другую, отъ одного отрицанія къ другому. Оно должно *все* отвергнуть кругомъ себя. И только, отказавшись отъ всего, оно получитъ возможность перехода къ новой жизни.

Когда начнется постепенная потеря стараго міра, логика двумѣрнаго существа или то, что замѣняло ему логику, начнетъ ежеминутно нарушаться, и самымъ сильнымъ его ощущеніемъ будетъ то, что *никакой* логики, *никакихъ* законовъ вообще не существуетъ.

Раньше, *когда оно было животнымъ*, оно разсуждало:

Это есть то.	*Этотъ домъ свой.*
То есть то.	*Тотъ домъ чужой.*
Это не то.	*Чужой домъ—не свой.*

Т. е. чужой домъ и свой домъ животное считаетъ *разными предметами*, не имѣющими ничего общаго, какъ домъ и дерево. Теперь оно вдругъ пойметъ, что и *чужой домъ*, и *свой домъ*—о д и н а к о в о — *дома*.

Какъ оно выразитъ это на своемъ языкѣ представленій?

Вѣрнѣе всего, что никакъ не будетъ въ состояніи выразить, потому что на языкѣ животнаго понятій выразить нельзя. У животнаго

просто спутаются ощущенія чужого дома и своего дома. Оно начнетъ смутно чувствовать какія то *новыя свойства* въ домахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе ясно ощущать тѣ свойства, которыя дѣлали чужой домъ чужимъ. Одновременно съ этимъ оно начнетъ ощущать *новыя* свойства, которыхъ раньше не знало. Въ результатѣ у него непремѣнно явится потребность въ системѣ для обобщенія этихъ новыхъ свойствъ,—потребность въ новой логикѣ, выражающей отношенія новаго порядка вещей. Но, не имѣя понятій, оно не будетъ въ состояніи построить аксіомъ логики Аристотеля, и выразитъ свое ощущеніе новаго порядка въ формѣ совершенно абсурднаго положенія.

Это есть то.

Дальше, представимъ себѣ, что животному съ зачатками логики, выражающимися у него въ *ощущеніяхъ*,

Это есть это.
То есть то.
Это не то.

кто нибудь старается доказать, что два разныхъ предмета, два дома—*свой* и *чужой*,—одинаковы, что они представляютъ собой *одно и то же*, что они оба *дома*. Животное никогда не повѣритъ этой *одинаковости*. Для него два дома: свой, *гдѣ кормятъ*, и чужой, *гдѣ бьютъ*, если туда зайдешь—останутся *совершенно разными*. Ничего общаго для него въ нихъ не будетъ. И стремленіе доказать ему одинаковость этихъ домовъ ни къ чему не приведетъ, *пока оно само не ощутитъ ее*. Тогда, ощущая смутно идею общности двухъ разныхъ предметовъ, и, не имѣя понятій, животное выразитъ это, какъ нѣчто *нелогическое* съ своей точки зрѣнія. Говорящее двумѣрное существо идею *это и то—одинаковый предметъ* переведетъ на языкъ своей логики въ видѣ формулы: *Это есть то*; и, конечно, скажетъ, что это безсмыслица, что ощущеніе новаго порядка вещей ведетъ къ логическимъ абсурдамъ. Но *иначе* выразить то, что ощущаетъ, оно не будетъ въ состояніи.

Совершенно въ такомъ же положеніи находимся мы,—*когда мы мертвые пробуждаемся*,—т. е. когда мы, *люди*, переходимъ къ самоощущенію другой жизни, къ постиженію высшихъ сущностей.

Тотъ же испугъ, та же *потеря реальнаго*, то же ощущеніе одной сплошной нелогичности.

Чтобы реализовать *новый міръ*, мы должны понять *новую логичность*.

Наша обычная логика помогаетъ намъ разбираться только въ отношеніяхъ феноменальнаго міра. Было очень много попытокъ опредѣлить, *что такое логика*? Но логика по существу неопредѣлима, такъ же какъ математика.

Что такое математика? Наука о величинахъ.

Что такое логика? Наука о понятіяхъ.

Но это не опредѣленія, а только *переводъ* названія. Математика или наука о величинахъ есть система, изучающая *количественныя* отношенія между вещами; логика или наука о понятіяхъ есть система, изучающая *качественныя* (категорическія) отношенія между вещами.

Логика построена совершенно по одному плану съ математикой. Какъ логика, такъ и математика (по крайней мѣрѣ общеизвѣстная математика «конечныхъ» и «постоянныхъ» чиселъ) выведены нами изъ наблюденія феноменовъ *нашего* міра. Обобщая свои наблюденія, мы постепенно нашли отношенія, которыя мы назвали основными законами міра.

Въ логикѣ эти основные законы заключены въ аксіомахъ Аристотеля и Бэкона.

А есть А. (*Что было А, то и будетъ А*).

А не есть не А. (*Что было не А, то и будетъ не А*).

Всякая вещь есть или А, или не А. (*Всякая вещь должна быть А или не А*).

Логика Аристотеля и Бэкона, разработанная и дополненная ихъ многочисленными послѣдователями, оперируетъ *только съ понятіями*.

Слово, *логосъ*, вотъ предметъ логики. Идея, для того, чтобы стать предметомъ логическихъ разсужденій, для того, чтобы подлежать логическимъ законамъ, должна быть выражена въ словѣ. То, что не можетъ быть выражено въ словѣ, не можетъ войти въ логическую систему. И при этомъ *слово* можетъ войти въ логическую систему, подлежать логическимъ законамъ, *только какъ понятіе*.

Само по себѣ *слово* можетъ имѣть еще другое значеніе кромѣ обычно-связаннаго съ нимъ понятія, оно можетъ имѣть *символическое* или *аллегорическое* значеніе, можетъ заключать въ себѣ извѣстную *музыку* или опредѣленный *эмоціональный тонъ*. Но все это войти въ логическую систему не можетъ. Какое бы символическое, аллегорическое, музыкальное или эмоціональное значеніе ни имѣло слово, въ логическое построеніе оно войдетъ *только* въ своемъ *логическомъ* значеніи, т. е.—какъ понятіе.

Въ то же время мы прекрасно знаемъ, что *не все можетъ быть выражено въ словахъ*. Въ нашей жизни и въ нашихъ чувствахъ очень много такого, что не укладывается въ понятія. Такимъ образомъ

ясно, что даже въ настоящій моментъ, на настоящей ступени нашего развитія, далеко не все можетъ быть для насъ *логическимъ*. Есть очень много вещей *внѣ-логическихъ* по существу. Такова вся область чувствъ, эмоцій, религіи. Все искусство—одна сплошная нелогичность. И, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершенно нелогической является *математика*, самая точная изъ наукъ.

Если мы сравнимъ аксіомы логики Аристотеля и Бэкона съ аксіомами общеизвѣстной математики, то мы найдемъ между ними полное сходство.

Аксіомы логики

А есть А.
А не есть не А.
Всякая вещь есть или А, или не А.

вполнѣ соотвѣтствуютъ основнымъ аксіомамъ математики, аксіомамъ тожества и противорѣчія.

Всякая величина равна самой себѣ.
Часть меньше цѣлаго.
Двѣ величины равныя порознь третьей, равны между собой и т. д.

Сходство аксіомъ математики и логики идетъ очень глубоко, и это позволяетъ сдѣлать заключеніе объ ихъ одинаковомъ происхожденіи.

Законы математики и законы логики—это законы отраженія феноменальнаго міра въ нашемъ сознаніи.

Какъ аксіомы логики могутъ оперировать только съ понятіями и относятся только къ понятіямъ, такъ аксіомы математики могутъ оперировать только съ *конечными* и *постоянными* величинами и относятся только къ нимъ.

По отношенію къ безконечнымъ и перемѣннымъ величинамъ эти аксіомы невѣрны, такъ же, какъ аксіомы логики невѣрны по отношенію къ эмоціямъ, къ символамъ, къ музыкальности и *къ скрытому значенію слова*.

Что это значитъ?

Это значитъ, что аксіомы логики и математики выведены нами изъ наблюденія *явленій*, т. е. феноменальнаго міра, и представляютъ собой извѣстную *условную неправильность*, нужную для познанія *нереальнаго* міра.

Раньше было указано, что у насъ собственно есть *двѣ математики*. Одна—*математика конечныхъ и постоянныхъ чиселъ*, представляетъ собой совершенно искусственное построеніе для рѣшенія задачъ на условныхъ данныхъ. Главное изъ этихъ условныхъ данныхъ заключается въ томъ, что въ задачахъ *этой математики* всегда берется *только* t *вселенной*, т. е. берется только одинъ разрѣзъ вселенной, который никогда не смѣшивается съ другимъ разрѣзомъ. Такимъ образомъ математика конечныхъ и постоянныхъ величинъ изучаетъ *искусственную вселенную*, и сама по себѣ есть нѣчто, спеціально созданное на основаніи нашего наблюденія *явленій* и служащее для облегченія этихъ наблюденій.—*Дальше явленій* математика конечныхъ и постоянныхъ чиселъ пойти не можетъ. Она имѣетъ дѣло съ воображаемымъ міромъ, съ воображаемыми величинами.

Другая, *математика безконечныхъ и перемѣнныхъ величинъ*, представляетъ собою нѣчто совершенно реальное, построенное на основаніи умозаключеній о *реальномъ мірѣ*.

Первая относится къ міру феноменовъ, который представляетъ собою ничто иное, какъ *наше неправильное воспріятіе и представленіе міра*.

Вторая относится къ міру нуменовъ, который представляетъ собою *міръ, какъ онъ есть*.

Первая—нереальна, существуетъ только въ *нашемъ* сознаніи, въ нашемъ воображеніи.

Вторая реальна, выражаетъ отношенія *реальнаго* міра.

Примѣромъ «реальной математики», нарушающей основныя аксіомы нашей математики (и логики) являются такъ называемыя *трансфинитныя числа*.

Трансфинитными числами, какъ показываютъ ихъ названіе, называются числа *за* безконечностью.

Безконечность, изображенная знакомъ ∞ есть математическое выраженіе, съ которымъ, какъ съ таковымъ, можно производить всѣ дѣйствія: дѣлить, множить, возводить въ степень. Безконечность можно возвести въ степень безконечности, будетъ ∞^{∞}. Эта величина въ безконечное число разъ больше простой безконечности. *И въ то же время онъ равны* $\infty = \infty^{\infty}$. Вотъ это и есть самое замѣчательное въ трансфинитныхъ числахъ. Вы можете производить съ ними, какія угодно, дѣйствія, *они будутъ соотвѣтствующимъ образомъ измѣняться, оставаясь въ то же время равными*. Это нарушаетъ основные законы математики, принятые для конечныхъ, *финитныхъ*, чиселъ. Измѣнившись, конечное число уже не можетъ быть

равно самому себѣ. А здѣсь мы видимъ, какъ, *измѣняясь*, трансфинитное число остается равнымъ самому себѣ.

При этомъ трансфинитныя числа совершенно реальны. Выраженіямъ ∞ и даже ∞^{∞} и $\infty^{\infty^{\infty}}$ мы можемъ найти соотвѣтствующіе примѣры въ реальномъ мірѣ.

Возьмемъ линію, любой отрѣзокъ линіи. Мы знаемъ, что число точекъ въ этой линіи равно безконечности, потому что точка измѣренія не имѣетъ. Если нашъ отрѣзокъ равенъ вершку, и рядомъ съ нимъ мы представимъ себѣ отрѣзокъ въ версту, то каждой точкѣ въ большомъ отрѣзкѣ будетъ соотвѣтствовать точка въ маломъ. Число точекъ въ отрѣзкѣ, равномъ вершку, безконечно. Число точекъ въ верстѣ тоже безконечно. Получается $\infty = \infty$.

Представимъ теперь себѣ квадратъ, сторону котораго составляетъ данная линія a. Число *линій* въ квадратѣ безконечно. Число точекъ въ каждой линіи безконечно. Слѣдовательно, число точекъ въ квадратѣ равно безконечности, помноженной сама на себя безконечное число разъ ∞^{∞}. Эта величина несомнѣнно безконечно больше первой ∞. И въ то же время онѣ равны, какъ равны всѣ безконечныя величины, потому что, если есть *безконечность*, то она одна, и не можетъ мѣняться.

На полученномъ квадратѣ a^2 представимъ себѣ кубъ. Этотъ кубъ состоитъ изъ безконечнаго числа квадратовъ, такъ же какъ квадратъ состоитъ изъ безконечнаго числа линій, а линія—изъ безконечнаго числа точекъ. Слѣдовательно число точекъ въ кубѣ a^3 равно $\infty^{\infty^{\infty}}$, это выраженіе *равно* выраженію ∞^{∞} и ∞, т. е. это значитъ, что безконечность продолжаетъ возрастать, *въ то же время оставаясь неизмѣнной*.

Такимъ образомъ въ трансфинитныхъ числахъ мы видимъ, что двѣ величины, равныя порознь третьей, могутъ быть не равны между собою. Вообще мы видимъ, что основныя аксіомы нашей математики *здѣсь не дѣйствуютъ*, не примѣнимы сюда. И мы съ полнымъ правомъ устанавливаемъ законъ, что основныя аксіомы математики, указанныя выше, здѣсь не примѣнимы, а примѣнимы и дѣйствительны только для *конечныхъ* чиселъ.

Кромѣ этого мы можемъ сказать, что основныя аксіомы нашей математики дѣйствительны только для *постоянныхъ* величинъ. Или, говоря иначе, онѣ требуютъ *единства времени и дѣйствующихъ лицъ*. Именно: всякая величина равна самой себѣ *въ данный моментъ*. Но если мы возьмемъ величину, которая мѣняется, и возьмемъ ее въ разные моменты, то она не будетъ равна самой себѣ. Конечно,

можно сказать, что, мѣняясь, она становится *другой величиной*, что она есть данная величина, только пока не измѣнится. Но это какъ разъ и есть то, что я говорю.

Аксіомы нашей обычной математики примѣнимы только къ конечнымъ и *постояннымъ* величинамъ.

И какъ разъ обратно обычному взгляду, мы должны признать, что математика конечныхъ и постоянныхъ величинъ нереальна, т. е. имѣетъ дѣло съ нереальными отношеніями нереальныхъ величинъ, а математика безконечныхъ и *текучихъ* величинъ реальна, т. е. имѣетъ дѣло съ реальными отношеніями реальныхъ величинъ.

Въ самомъ дѣлѣ самая большая величина *первой математики* не имѣетъ никакого измѣренія, *равна нулю* или точкѣ въ сравненіи съ любой величиной *второй* математики, всѣ величины которой при всемъ ихъ разнообразіи равны между собою.

Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ логикѣ, аксіомы *новой математики* являются въ видѣ абсурдовъ.

Величина можетъ быть неравна самой себѣ.
Часть можетъ быть равна цѣлому или больше его.
Изъ двухъ равныхъ величинъ одна можетъ быть безконечно больше другой.
Всѣ разныя величины равны между собой.

Между аксіомами математики и логики наблюдается полная аналогія. Логическая единица—понятіе—обладаетъ всѣми свойствами *конечной и постоянной* величины. Основныя аксіомы математики и логики въ сущности однѣ и тѣ же. И онѣ правильны при одинаковыхъ условіяхъ и при одинаковыхъ условіяхъ перестаютъ быть правильными.

Безъ всякаго преувеличенія мы можемъ сказать, что основныя аксіомы логики и математики правильны только до тѣхъ поръ, пока математика и логика оперируютъ съ *искусственными*, *условными*, не существующими въ природѣ единицами.

Дѣло въ томъ, что въ природѣ нѣтъ *конечныхъ*, *постоянныхъ* величинъ, точно такъ же какъ нѣтъ *понятій*. Конечная, постоянная величина и понятіе—это условныя отвлеченія, не дѣйствительность, а только, такъ сказать, разрѣзы дѣйствительности.

Какъ связать идею объ отсутствіи постоянныхъ величинъ съ идеей *неподвижной вселенной*?—На первый взглядъ одно противорѣчитъ другому. Но въ дѣйствительности этого противорѣчія нѣтъ. Неподвижна *не эта*, а бо́льшая вселенная, міръ четырехъ измѣре-

ній, изъ котораго мы знаемъ вѣчно движущійся разрѣзъ, называемый трехмѣрной безконечной сферой.

Мы раньше подробно разбирали, какъ идея движенія вытекаетъ изъ нашего чувства времени, т. е. *изъ несовершенства нашего чувства пространства.*

Если бы наше чувство пространства было совершеннѣе, мы по отношенію къ любому данному предмету, скажемъ къ данному человѣческому тѣлу, охватывали бы всю его жизнь во времени, отъ рожденія до смерти. Тогда въ предѣлахъ нашего охвата оно было бы для насъ постоянной величиной. Но теперь, въ каждый данный моментъ своей жизни, оно есть для насъ не постоянная, а перемѣнная величина. И то, что мы называемъ *тѣломъ*, въ дѣйствительности не существуетъ. Это есть только разрѣзъ четырехмѣрнаго тѣла, котораго мы никогда не видимъ. Мы должны помнить, что весь нашъ трехмѣрный міръ въ дѣйствительности не существуетъ. Это есть созданіе нашихъ несовершенныхъ чувствъ. Результатъ ихъ несовершенности. Это не есть *міръ*. А только то, что мы видимъ изъ міра. Трехмѣрный міръ—это есть четырехмѣрный міръ, наблюдаемый черезъ узкую щелку нашихъ чувствъ. Поэтому всѣ величины, которыя мы считаемъ таковыми въ трехмѣрномъ мірѣ—не есть реальныя величины, а только *искусственно предположенныя.*

Онѣ не существуютъ реально, такъ же какъ не существуетъ реально *настоящее*. Это уже говорилось раньше. *Настоящимъ* мы называемъ переходъ изъ будущаго въ прошедшее. Но этотъ переходъ не имѣетъ протяженія. Поэтому настоящее не существуетъ. Существуетъ *только* будущее и прошедшее.

Такимъ образомъ постоянныя величины въ трехмѣрномъ мірѣ это абстракціи. Точно такъ же, какъ *движеніе* въ трехмѣрномъ мірѣ, есть въ *сущности* абстракція. Въ трехмѣрномъ мірѣ нѣтъ измѣненія, нѣтъ движенія. Для того, чтобы мыслить движеніе, намъ уже нуженъ четырехмѣрный міръ. Трехмѣрный міръ въ дѣйствительности не существуетъ, или существуетъ одинъ идеальный моментъ. Въ слѣдующій идеальный моментъ существуетъ уже *другой* трехмѣрный міръ. Поэтому величина А въ слѣдующій моментъ есть уже не А, а В, въ слѣдующій С и т. д. до безконечности. Она равна самой себѣ только одинъ идеальный моментъ. Иначе говоря, внутри каждаго идеальнаго момента аксіомы математики вѣрны, для сравненія двухъ идеальныхъ моментовъ онѣ только условны, какъ условна логика Бэкона въ сравненіи съ логикой Аристотеля. *Во времени*, т. е. по отношенію къ величинамъ, съ точки зрѣнія идеальнаго момента перемѣннымъ, онѣ невѣрны.

Идея постоянности и перемѣнности вытекаетъ изъ невозможности для нашего ограниченнаго разума постигнуть вещь не въ разрѣзѣ. Если же мы постигнемъ вещь въ четырехъ измѣреніяхъ, скажемъ человѣческое тѣло отъ рожденія до смерти, то это будетъ цѣлое и *постоянное*, разрѣзъ котораго мы называемъ *мѣняющимся во времени* человѣческимъ тѣломъ. Моментъ жизни, т. е. тѣло, какъ мы его знаемъ въ трехмѣрномъ мірѣ, это есть точка на безконечной линіи. Если бы мы могли постигнуть это тѣло въ цѣломъ, то мы знали бы его, какъ *абсолютно постоянную* величину со всѣмъ разнообразіемъ формъ, состояній и положеній, но тогда къ этой постоянной величинѣ были бы непримѣнимы аксіомы нашей математики, потому что это была бы *безконечная* величина.

Эту безконечную величину мы постигнуть не можемъ. Всегда постигаемъ *только ея разрѣзъ*. И къ этому воображаемому разрѣзу вселенной относятся наши математика и логика.

ГЛАВА XXI.

Переходъ къ высшей логикѣ у человѣка. Необходимость отказаться отъ всего реальнаго. «Нищета духомъ». Признаніе реальнымъ только безконечнаго. Законы безконечнаго. Логика конечнаго — «Organon» Аристотеля и «Novum Organum» Бэкона. Логика безконечнаго—Tertium Organum. Высшая логика, какъ орудіе мысли, какъ ключъ къ тайнамъ природы, къ скрытой сторонѣ жизни, къ міру пуменовъ. Опредѣленіе міра пуменовъ на основаніи всего предыдущаго. Ощущеніе пуменальнаго міра неподготовленнымъ сознаніемъ. «Трижды непознаваемая тьма, созерцаніе которой способно всякое знаніе превратить въ невѣдѣніе».

Все сказанное относительно математическихъ величинъ относится также къ логическимъ понятіямъ. *Конечныя* математическія величины и *логическія* понятія подчинены однимъ законамъ.

Мы выяснили теперь, что законы, найденные нами въ пространствѣ трехъ измѣреній, и дѣйствующіе въ этомъ пространствѣ, непримѣнимы, неправильны и невѣрны въ пространствѣ большаго числа измѣреній.

И это одинаково, какъ въ математикѣ, такъ и въ логикѣ.

Какъ только вмѣсто конечныхъ и постоянныхъ величинъ мы начинаемъ разсматривать величины безконечныя и перемѣнныя, мы видимъ, что основныя аксіомы нашей математики къ нимъ относиться не могутъ.

И какъ только вмѣсто понятій мы начнемъ мыслить другими единицами, такъ мы должны быть готовы встрѣтиться съ огромнымъ количествомъ абсурдовъ *съ точки зрѣнія существующей логики.*

Эти абсурды кажутся намъ такими, потому что мы къ міру многихъ измѣреній подходимъ съ логикой трехмѣрнаго міра.

Раньше было доказано, что для животнаго, т. е. двухмѣрнаго существа, мыслящаго не понятіями, а представленіями, наши логическія положенія должны показаться безсмыслицей.

Такой же безсмыслицей кажутся намъ *логическія* отношенія въ мірѣ многихъ измѣреній. Надѣяться на то, что отношенія «потусторонняго міра», или *міра причинъ*, могутъ быть логическими, съ

нашей точки зрѣнія нѣтъ совершенно никакихъ основаній. Наоборотъ, можно сказать, что все логическое не потусторонне, не нуменально, а феноменально. Ничего съ нашей точки зрѣнія логическаго *по ту сторону* быть не можетъ. Все что *тамъ* есть, должно намъ казаться *логическимъ абсурдомъ*, безсмыслицей. И мы должны помнить, что съ *нашей логикой* тутъ итти нельзя.

Отношеніе мысли человѣчества въ ея главныхъ теченіяхъ къ потустороннему міру всегда было очень неправильнымъ.

Въ «позитивизмѣ» люди совсѣмъ отрицали потусторонній міръ, потому что, не признавая возможности другихъ логическихъ отношеній кромѣ тѣхъ, которыя были формулированы Аристотелемъ и Бэкономъ, люди отрицали *самое существованіе* того, что казалось безсмысленнымъ, невозможнымъ съ точки зрѣнія этихъ формулъ. А въ дуалистическомъ спиритуализмѣ пытались построить нуменальный міръ по образцу феноменальнаго, т. е. разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, непремѣнно хотѣли доказать, что потусторонній міръ *логиченъ съ нашей точки зрѣнія*, что въ немъ дѣйствуютъ тѣ же самые законы причинности, какъ въ нашемъ мірѣ, и что потусторонній міръ есть ничто иное, какъ продолженіе нашего.

Новѣйшая теософія, начавъ съ отрицанія дуалистическихъ положеній, какъ абсурдныхъ, пришла къ ихъ утвержденію.

Позитивная философія видѣла абсурдность дуалистическихъ положеній, но, не имѣя возможности расширить кругъ своего дѣйствія, ограниченнаго «безконечной сферой», не могла придумать ничего лучше, какъ отрицать.

Только мистическая философія чувствовала возможность другихъ отношеній, кромѣ отношеній феноменальнаго міра. И къ ней въ концѣ концовъ мы должны притти послѣ долгихъ хожденій по матеріалистическимъ, спиритическимъ и теософическимъ тупикамъ.

Наука должна притти къ мистикѣ.

Того факта, что математика растетъ, расширяется и выходитъ за предѣлы видимаго и измѣряемаго міра, наука отрицать не можетъ. Цѣлые отдѣлы математики разсматриваютъ количественныя отношенія, *которыхъ не было* въ реальномъ мірѣ позитивизма, т. е. отношенія, которымъ не соотвѣтствуютъ никакія реальности въ видимомъ, т. е. трехмѣрномъ мірѣ. Но математическихъ отношеній, которымъ совсѣмъ не соотвѣтствовало бы отношеніе никакихъ реальностей, существовать не можетъ. И слѣдовательно математика выходитъ за предѣлы этого міра и заглядываетъ въ міръ неизвѣстнаго. Это *телескопъ*, при помощи котораго мы начинаемъ изслѣдовать *пространство многихъ измѣреній* съ его мірами. Математика идетъ впереди нашей мысли, впе-

реди нашей силы воображенія и представленія. Она *уже теперь* вычисляетъ отношенія, какихъ мы совершенно не можемъ себѣ представить.

Всего этого даже со строго «позитивной», т. е. *положительной* точки зрѣнія отрицать нельзя. А, признавъ возможность расширенія математики за предѣлы чувственно-постигаемаго міра, т. е. за предѣлы міра *доступнаго* (хотя бы теоретически) органамъ чувствъ и аппаратамъ, наука этимъ самымъ должна будетъ признать расширеніе *реальнаго міра* далеко за предѣлы «безконечной сферы», т. е. признать реальность «міра многихъ измѣреній».

Признаніе реальности міра многихъ измѣреній есть *уже совершившійся* переходъ къ пониманію и признанію міра «чудеснаго». А переходъ къ чудесному невозможенъ безъ признанія *реальности* новыхъ логическихъ отношеній, абсурдныхъ съ точки зрѣнія нашей логики.

Что такое законы нашей логики?

Это законы нашего воспріятія трехмѣрнаго міра или законы *нашего трехмѣрнаго воспріятія міра.*

Если мы хотимъ выйти изъ трехмѣрнаго міра и пти дальше, мы должны прежде всего выработать основные логическіе принципы, которые позволили бы намъ наблюдать отношенія вещей въ мірѣ многихъ измѣреній—видя въ нихъ извѣстную закономѣрность, а не одинъ сплошной абсурдъ. Если мы пойдемъ туда съ принципами логики трехмѣрнаго міра, эти принципы будутъ тащить насъ обратно, не будутъ давать намъ подняться отъ земли.

Мы прежде всего должны сбросить оковы нашей логики. Это первое, великое и главное освобожденіе, къ которому должно стремиться человѣчество. Человѣкъ, сбросивъ оковы «трехмѣрной логики», уже перешелъ сознаніемъ въ другой міръ. И этотъ переходъ не только возможенъ, но постоянно совершается. Хотя къ сожалѣнію мы не вполнѣ сознаемъ свои права на «другой міръ» и часто теряемъ эти права, считая себя замкнутыми въ этомъ *земномъ* мірѣ. Но пути туда есть. Поэзія, мистика, идеалистическая философія всѣхъ вѣковъ и народовъ сохраняютъ слѣды такихъ переходовъ. По этимъ слѣдамъ мы сами можемъ найти путь. Древніе и новые мыслители оставили намъ много ключей, которыми мы можемъ отпереть таинственныя двери; много магическихъ формулъ, передъ которыми эти двери отворяются сами. Но мы не понимали ни цѣли ключей, ни значенія формулъ. И мы утратили пониманіе магическихъ церемоній и обрядовъ посвященія въ мистеріяхъ, преслѣдовавшихъ одну цѣль—создать этотъ переходъ въ душѣ человѣка.

Поэтому двери оставались запертыми, и мы даже отрицали, что за этими дверями что нибудь есть; или, подозрѣвая существованіе другого міра, считали его подобнымъ нашему и отдѣльнымъ отъ нашего и пытались проникнуть туда, не сознавая, что главное препятствіе на нашемъ пути—это наше собственное раздѣленіе міра на *потустороній* и *посюсторонній*.

Міръ одинъ,—способы познанія его разные. И съ несовершенными способами познанія нельзя проникнуть въ то, что доступно только совершеннымъ способамъ.

Попытки проникнуть мысленно въ потусторонній или нуменальный міръ, или міръ причинъ съ логикой феноменальнаго міра, если онѣ не оказывались совсѣмъ неудачными или не заводили человѣка въ міръ *снова на яву*, давали только одинъ результатъ.—Сознавая новый порядокъ вещей, человѣкъ терялъ ощущеніе реальности стараго порядка. Видимый міръ начиналъ ему казаться фантастическимъ, нереальнымъ, все исчезало кругомъ него, разлеталось, какъ дымъ, оставляя жуткое ощущеніе *иллюзіи*. Во всемъ онъ чувствовалъ бездну безконечности, и все проваливалось въ эту бездну.

Ощущеніе безконечности есть первое и самое страшное испытаніе передъ посвященіемъ. Ничего нѣтъ! Маленькая ничтожная душа чувствуетъ себя висящей въ безконечной пустотѣ. Въ мистической литературѣ всѣхъ народовъ есть упоминанія объ этомъ ощущеніи *пустоты и тьмы*.

Таинственное божество древнихъ египтянъ, о которомъ говорится въ миѳахъ Орфея *) это была:

«*Трижды непознаваемая тьма, созерцаніе которой способно всякое знаніе превратить въ невѣдѣніе*».

Это значитъ, что подходя къ міру причинъ со знаніемъ одного міра феноменовъ, со своимъ орудіемъ логики, которое оказывалось ненужнымъ, потому что все новое ускользало отъ него, человѣкъ долженъ былъ испытывать ужасъ, переходящій всѣ границы. Въ *новомъ* онъ ощущалъ пока одинъ хаосъ, *старое* исчезало, отходило въ сторону, становилось нереальнымъ. Ужасъ и сожалѣніе о потерѣ стараго смѣшивался со страхомъ новаго, неизвѣстнаго и *ужаснаго своей безконечностью*.

Человѣкъ на этой ступени долженъ испытывать то же самое, что испытываетъ животное, становясь человѣкомъ. На мгновеніе заглянувъ въ *новый міръ*, оно жизнью притягивается обратно. Міръ, который оно только на мгновеніе увидало, кажется сномъ, мечтой

*) «Древняя мудрость» Анни Безантъ.

созданіемъ воображенія—но прежній старый міръ тоже уже не тотъ, въ немъ уже тѣсно, въ немъ уже нѣтъ мѣста. Пробуждающееся сознаніе уже не можетъ жить прежней дикой и свободной жизнью звѣря. Оно уже знаетъ что-то, слышитъ какіе-то голоса. И въ то же время *тѣло* держитъ его. И оно не знаетъ, куда и какъ оно можетъ уйти отъ него или отъ себя.

Человѣкъ на границѣ новаго міра переживаетъ буквально это самое. Онъ слышалъ звуки небесъ, и скучныя пѣсни земли больше не задѣваютъ, не волнуютъ его; а если задѣваютъ и волнуютъ, то говорятъ о небесныхъ звукахъ, о недостижимомъ, о неизвѣстномъ. Онъ испыталъ чувство необыкновеннаго расширенія сознанія, когда на мгновеніе ему *все* было ясно, и онъ не можетъ примириться съ медленной *земной* работой мозга.

Моменты «ощущенія безконечности» связаны съ совершенно особенными эмоціями.

Въ «теософической» литературѣ и въ книгахъ по оккультизму часто говорится о томъ, что, переходя въ «астральный» міръ, человѣкъ начинаетъ видѣть *новыя краски*, краски, какихъ нѣтъ въ солнечномъ спектрѣ. Въ этой символикѣ новыхъ красокъ «астральной сферы» передается именно мысль о *новыхъ эмоціяхъ*, которыя человѣкъ начинаетъ испытывать вмѣстѣ съ ощущеніями расширеннаго сознанія, «океана, вливающагося въ каплю».—Это «невѣроятное блаженство», о которомъ говорятъ мистики, *небесный свѣтъ*, который «видятъ» святые, «новыя» ощущенія», которыя испытываютъ поэты, Даже разговорная психологія связываетъ «экстазъ» съ совершенно особенными *новыми* ощущеніями, недоступными и неизвѣстными человѣку въ обыкновенной жизни,

Это ощущеніе *свѣта* и безграничной радости испытывается въ моментъ расширенія сознанія (раскрытіе *мистическаго лотоса* индійскихъ іоговъ), въ моментъ ощущенія безконечности, которое въ то же время даетъ ощущеніе тьмы и безграничнаго ужаса,

Что же это значитъ?

Какъ согласовать ощущеніе свѣта съ ощущеніемъ тьмы, ощущеніе радости съ ощущеніемъ ужаса? Можетъ ли это быть одновременно. Бываетъ ли одновременно?

Бываетъ, и непремѣнно должно быть. Мистическая литература даетъ намъ примѣры этого. Одновременное ощущеніе свѣта и тьмы, радости и ужаса, какъ будто символизируетъ странную двойственность и противорѣчивость человѣческой жизни. Оно можетъ быть у человѣка очень сильно раздвоившагося, одной стороной своей природы далеко ушедшаго въ «духъ», и другой стороной

глубоко погруженнаго въ «матерію», т. е. въ иллюзію, въ нереальность черезчуръ глубоко вѣрящаго въ реальность нереальнаго.

Говоря вообще, ощущеніе свѣта, жизни, разлитаго во всемъ сознанія и радости, даетъ *новый* міръ.. Но тотъ же самый міръ *неподготовленному уму* дастъ ощущеніе безконечной тьмы и ужаса. Кромѣ того ощущеніе ужаса должно явиться отъ *потери всего реальнаго*, отъ исчезновенія *этого* міра.

Для того, чтобы не испытать ужаса отъ новаго міра, нужно знать его раньше или эмоціонально: *вѣрой* или *любовью*; или интеллектуально—*умомъ*.

А чтобы не испытать ужаса отъ потери стараго міра, нужно отъ него *добровольно* отказаться заранѣе, тоже или вѣрой, или умомъ.

Нужно добровольно отказаться отъ всего прекраснаго, свѣтлаго міра, въ которомъ мы живемъ, нужно признать, что это призракъ, фантомъ, нереальность, обманъ, иллюзія, *майя*. Нужно примириться съ этой нереальностью, не бояться ея, а радоваться ей. Нужно лишиться всего. Нужно стать нищимъ духомъ, т. е. сдѣлать себя *нищимъ* усиліемъ своего духа.

Въ прекрасномъ Евангельскомъ символѣ выражена глубочайшая философская истина.

Блаженны нищіе духомъ,
ибо ихъ есть Царство Небесное.

Эти слова становятся понятны только въ смыслѣ отказа отъ матеріальнаго міра. «Нищіе духомъ», не значитъ *бѣдные матеріально* въ житейскомъ смыслѣ слова и, конечно, не означаетъ *нищеты духа*. Духовная нищета это—отказъ отъ матеріи, такая «нищета», при которой человѣкъ не имѣетъ подъ ногами земли, а надъ головой неба.

Лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя—гнѣзда,
а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ преклонить голову.

Это — нищета, при которой человѣкъ *совершенно одинъ*, потому что другихъ людей, даже самыхъ близкихъ, отца, мать, *здѣсь на землѣ* онъ считаетъ фантомами, призраками и отказывается отъ нихъ, потому что *за* этими фантомами онъ видитъ *реальныя сущности*, къ которымъ стремится, точно такъ же, какъ, отказываясь отъ феноменальнаго призрака міра, онъ приближается къ истинно реальному.

Моментъ перехода—этотъ страшный моментъ *потери стараго* и *раскрытія новаго*, въ безконечномъ числѣ аллегорій изображался въ древней литературѣ. Облегченіе этого перехода составляло цѣль *мистерій*. Въ Индіи, въ Египтѣ, въ Греціи существовали особые

подготовительные ритуалы, иногда только символическіе, иногда реальные, дѣйствительно подводившіе душу къ самымъ дверямъ новаго міра и раскрывавшіе эти двери въ моментъ *посвященія*. Но внѣшніе обряды и церемоніи, сами по себѣ не могли создать посвященія. Главная работа должна была итти *внутри* въ душѣ и въ умѣ человѣка.

Какимъ же образомъ *логика* можетъ помочь человѣку перейти къ сознанію этого новаго высшаго міра.

Мы видѣли, что математика собственно уже нашла путь въ этотъ высшій порядокъ вещей. Проникая туда, она прежде всего отказывается отъ своихъ *основныхъ аксіомъ* тожества и противорѣчія.

Въ мірѣ безконечныхъ и текучихъ величинъ—величина можетъ быть *неравна самой себѣ*; *часть можетъ быть равна цѣлому*;—*и изъ равныхъ величинъ одна можетъ быть безконечно больше другой*.

Все это звучитъ, какъ абсурдъ съ точки зрѣнія математики конечныхъ и постоянныхъ чиселъ. Но сама математика конечныхъ и постоянныхъ чиселъ есть исчисленіе отношеній несуществующихъ величинъ, т. е. абсурдъ. И поэтому только то, что съ точки зрѣнія этой математики кажется абсурдомъ только и можетъ быть истиной.

Тотъ же самый путь проходитъ логика. Она должна отказаться сама отъ себя, притти къ необходимости своего собственнаго уничтоженія—и тогда изъ нея можетъ возникнуть новая, высшая логика.

Въ «Критикѣ чистаго разума» Кантъ доказывалъ возможность *трансцендентальной логики* *).

Раньше Бэкона и раньше Аристотеля въ древнихъ индійскихъ писаніяхъ давались формулы этой высшей логики, отиравшія собою двери тайнъ. Но значеніе этихъ формулъ быстро терялось. Онѣ сохранялись въ древнихъ книгахъ, но сохранялись, какъ какія-то странныя муміи угасшей мысли, слова безъ реальнаго содержанія.

Новые мыслители снова открывали эти принципы, выражали ихъ въ новыхъ словахъ. Но они опять оставались непонятными, опять превращались въ какой то ненужный словесный орнаментъ. *Но идея существовала.* Сознаніе возможности найти и установить законы высшаго міра не терялось никогда. Мистическая философія никогда не считала логику Аристотеля всеобъемлющей и всесильной. Она строила свои системы *внѣ логики* или выше логики, безсознательно, идя по линіямъ мысли, проложеннымъ въ глубокой древности.

Высшая логика существовала раньше, чѣмъ была формулирована *дедуктивная* и *индуктивная* логика. Высшую логику можно

*) По новѣйшей терминологіи «трансцендентной».

назвать *интуитивной* логикой, логикой безконечности, логикой экстаза.

Эта логика не только возможна, но *существуетъ* и существовала съ незапамятныхъ временъ; много разъ была формулирована; входила въ философскія системы, какъ ихъ ключъ—но страннымъ образомъ *не признавалась, какъ логика.*

Систему этой *логики* можно вывести изъ очень многихъ *философскихъ* системъ. Самую точную и полную формулировку законовъ этой логики я нахожу у Плотина въ трактатѣ «О Красотѣ».—Я привожу это мѣсто въ слѣдующей главѣ.

Я назвалъ систему этой высшей логики «Tertium Organum», потому что *для насъ* это—*третье орудіе мысли* послѣ Аристотеля и Бэкона. Первымъ былъ Organon, вторымъ Novum Organum. Но *третье* существовало раньше перваго.

Человѣкъ, владѣющій этимъ орудіемъ, можетъ безъ страха раскрыть двери *міра причинъ.*

Аксіомы, которыя заключаетъ въ себѣ «Tertium Organum», не могутъ быть формулированы на нашемъ языкѣ. Если ихъ всетаки пытаться формулировать, онѣ будутъ производить впечатлѣніе абсурдовъ. Беря за образецъ аксіомы Аристотеля, мы можемъ на нашемъ бѣдномъ земномъ языкѣ выразить главную аксіому новой логики слѣдующимъ образомъ:

А есть и А, и не А.

или

Всякая вещь есть и А, и не А.

или

Всякая вещь есть Все.

Но эти формулы совершенно невозможны по существу. И это не есть *аксіомы высшей логики.* Это только *попытки* выразить аксіомы этой логики въ понятіяхъ. Въ дѣйствительности идеи высшей логики въ понятіяхъ *невыразимы.* И когда мы приходимъ къ такой невыразимости, это значитъ, что мы соприкоснулись съ міромъ причинъ.

Логическая формула *А есть и А, и не А* соотвѣтствуетъ математической формулѣ: *величина можетъ быть больше или меньше самой себя.*

Абсурдность обоихъ положеній показываетъ, что они не могутъ относиться къ нашему міру. Конечно, *абсурдность* сама по себѣ еще не признакъ принадлежности къ *нуменамъ.* Но принадлежность къ нуменамъ непремѣнно будетъ выражаться для насъ въ абсурдности. Надѣяться найти что-нибудь *логическое* съ нашей точки зрѣнія въ

мірѣ причинъ, такъ же безплодно, какъ думать, что *реальный міръ* можетъ существовать по законамъ *міра тѣней.*

Усвоить основные принципы *высшей логики*—это значитъ усвоить основы пониманія *пространства высшихъ измѣреній* или міра чуднаго.

Чтобы подойти къ ясному пониманію отношеній многомѣрнаго міра, мы должны отдѣлаться отъ всѣхъ «идоловъ» *нашего міра*, выражаясь на языкѣ Бэкона, т.-е. отъ всѣхъ препятствій къ *правильному* воспріятію и мышленію. А главное мы должны имѣть внутреннее сродство съ міромъ чудеснаго.

Двумѣрное существо для того, чтобы подойти къ пониманію трехмѣрнаго міра, должно прежде всего *быть въ сущности трехмѣрнымъ*, а затѣмъ отдѣлаться отъ своихъ «идоловъ», т.-е. отъ своихъ принятыхъ, ставшихъ аксіомальными, путей чувствованія и мышленія, создающихъ для него иллюзію двумѣрности.

Отъ чего *именно* должно освободиться двумѣрное существо?

Прежде всего, и это самое главное, отъ увѣренности, *что то, что оно видитъ и ощущаетъ, дѣйствительно существуетъ*; изъ этого должно получиться сознаніе имъ неправильности его представленія міра и затѣмъ идея, что *реальный, новый* міръ долженъ существовать въ какихъ-то совсѣмъ другихъ формахъ, новыхъ, несравнимыхъ, несоизмѣримыхъ со старыми. Затѣмъ двумѣрное существо должно избавиться отъ увѣренности въ правильности своихъ *дѣленій*. Оно должно понять, что вещи, кажущіяся ему совершенно разными и отдѣльными одна отъ другой, могутъ быть частью какого-то непостижимаго ему *цѣлаго* или имѣть между собой много общаго, чего оно не замѣчаетъ а вещи, кажущіяся ему цѣлыми и недѣлимыми, на самомъ дѣлѣ безконечно сложны и многообразны.

Умственный ростъ двумѣрнаго существа долженъ итти по пути признанія *неизвѣстныхъ ему раньше*, общихъ свойствъ предметовъ, вытекающихъ изъ ихъ сходнаго происхожденія или сходныхъ функцій, непонятныхъ на плоскости.

Разъ двумѣрное существо признало возможность существованія неизвѣстныхъ ему раньше *общихъ* свойствъ предметовъ, оно уже приблизилось къ нашему пониманію міра. Оно приблизилось къ нашей логикѣ, для него уже становится понятно *общее имя*, т.-е. слово, *не какъ собственное имя*, а какъ нарицательное имя, т.-е. слово, выражающее понятіе.

«Идолы» двумѣрнаго существа, препятствующіе развитію его сознанія—это *собственныя имена*, которыя оно само даетъ всѣмъ окружающимъ его предметамъ. У него всѣ предметы имѣютъ каждое

свое собственное имя, соотвѣтствующее его представленію объ этомъ предметѣ; общихъ именъ, соотвѣтствующихъ понятіямъ, у него нѣтъ. Только отдѣлавшись отъ этихъ *идоловъ*, понявъ, что имена могутъ быть не только собственныя, но и общія, оно получитъ возможность итти дальше, умственно развиваться, приближаться, къ человѣческому пониманію міра. Иначе самая простая фраза:

Иванъ и Петръ оба люди

будетъ имѣть для двумѣрнаго существа видъ *абсурда* и будетъ представляться ему приблизительно такъ:

Иванъ и Петръ оба Иваны и Петры.

Иначе говоря, всякое наше *логическое* положеніе будетъ представляться ему абсурдомъ. Понятно, почему это такъ должно быть. У него нѣтъ понятій; *собственныя имена*, изъ которыхъ состоитъ его рѣчь, не имѣютъ множественнаго числа. Ясно, что всякое множественное число нашей рѣчи будетъ представляться ему абсурдомъ.

Гдѣ же наши «идолы»? Отъ чего должны избавиться мы, чтобы перейти къ пониманію отношеній многомѣрнаго міра?

Прежде всего, мы, конечно, должны *быть* не трехмѣрными. Безъ этого условія ничего не будетъ. Затѣмъ мы должны избавиться отъ увѣренности, что мы видимъ и ощущаемъ то, что дѣйствительно существуетъ и что реальный міръ похожъ на міръ, который мы видимъ, т.-е. избавиться отъ иллюзіи матеріальнаго міра. Мы должны мысленно понять всю иллюзорность міра, воспринимаемаго нами во времени и пространствѣ, и понять, что *реальный* міръ не можетъ имѣть съ нимъ ничего общаго; понять, что реальный міръ нельзя представлять себѣ въ формахъ; и затѣмъ понять *условность* аксіомъ нашей математики и логики, относящихся къ нереальному феноменальному міру.

Въ математикѣ намъ поможетъ сдѣлать это *идея безконечности*. Нереальность *конечныхъ* величинъ въ сравненіи съ безконечными очевидна. Въ логикѣ мы можемъ основываться на *идеѣ монизма*, т.-е. основного единства всего существующаго.

Логика Аристотеля и Бэкона въ основѣ своей *дуалистична*. Если мы дѣйствительно глубоко проникнемся идеей монизма, мы побѣдимъ «идола» этой логики.

Основныя аксіомы нашей логики сводятся такъ же, какъ математическія аксіомы, къ тожеству и противорѣчію. Въ глубинѣ ихъ всѣхъ лежитъ признаніе одной общей аксіомы—именно, что всякое данное *нѣчто* имѣетъ *нѣчто*, ему противоположное; поэтому всякое

положеніе имѣетъ противоположеніе, всякая *теза* имѣетъ *антитезу*. *Бытію* всякой вещи противополагается *небытіе* этой вещи. Бытію міра противополагается небытіе міра. *Субъекту* противополагается *объектъ*. Субъективному міру — объективный. Я — противополагается Не я. Движенію—неподвижность. Перемѣнности—постоянность. Единству—многообразіе. Истинѣ—ложь. Добру—зло. И въ заключеніе вообще всякому *А* противополагается *не А*.

Признаніе реальности этихъ раздѣленій необходимо для принятія основныхъ аксіомъ логики Аристотеля и Бэкона, т.-е. необходимо абсолютное и безспорное признаніе идеи *двойственности міра*— дуализма. Признаніе *персальности* этихъ раздѣленій и единства всѣхъ противоположностей необходимо для начала постиженія *высшей логики*.

Въ самомъ началѣ этой книги было допущено существованіе міра и сознанія, — «Я», и «Не я», т.-е. реальность двойственнаго дѣленія всего существующаго, потому что всѣ другія противоположенія вытекаютъ изъ противоположенія *Я* и *Не я*.

Дальше была выяснена возможность расширенія *сознанія* до полнаго поглощенія имъ всего *міра*. Мы признали, что одно *Я* можетъ включить въ себѣ все *Не я*; признали, что раздѣленіе *Я* и *Не я* условно, что оно необходимо на извѣстной стадіи познанія міра, но что *оно само отрицаетъ себя*, когда познаніе переходитъ на высшую ступень. *Двойственность* есть условіе *нашего* познанія феноменальнаго (трехмѣрнаго) міра; это — *орудіе* нашего познанія феноменовъ. Но когда мы приходимъ къ познанію нуменальнаго міра (или міра многихъ измѣреній), эта двойственность начинаетъ намъ мѣшать, является препятствіемъ къ познанію.

Дуализмъ—главный «идолъ», отъ него мы должны избавиться.

Двумѣрное существо, чтобы постигнуть отношенія вещей въ трехъ измѣреніяхъ и нашу логику, должно отказаться отъ «идола»— *абсолютной единичности* предметовъ, которая позволяетъ ему называть предметы только собственными именами.

Мы, для того чтобы постигнуть міръ многихъ измѣреній, должны отказаться отъ *идола двойственности*.

Но примѣненіе *монизма* въ практическомъ мышленіи наталкивается на непреодолимое препятствіе нашего языка. Нашъ языкъ не можетъ выразить *единства противоположностей*, точно такъ же, какъ онъ не можетъ выразить *пространственно* отношенія причины къ слѣдствію. Поэтому мы должны быть готовы къ тому, что всѣ попытки выразить на нашемъ языкѣ *сверхъ-логическія* отношенія бу-

дутъ казаться абсурдами, и на самомъ дѣлѣ будутъ только *намекать* на то, что мы хотимъ выразить.

Такъ формула:

А есть А и не А

или

Всякая вещь есть А и не А.

представляющее собой основную аксіому высшей логики, выраженную на нашемъ языкѣ понятій,—съ точки зрѣнія нашей обычной логики, звучитъ, какъ абсурдъ, *и по существу не вѣрна.*

Мы должны быть готовы къ тому, что на нашемъ языкѣ *нельзя* выразить сверхъ-логическихъ отношеній.

Формула «*А есть А и не А*» невѣрна, потому что въ мірѣ причинъ нѣтъ самаго противоположенія «А» и «не А». Но мы не можемъ выразить дѣйствительнаго отношенія. Правильнѣе было бы сказать:

А есть все.

Но и это было бы не вѣрно, потому что *А* есть не только *все*, но и *любая* часть *всего.*

Вотъ этого именно нашъ языкъ не можетъ выразить. И къ этому именно мы должны пріучать и пріучить свою мысль.

Думая о своемъ сознаніи, мы должны перестать считать его—*или индивидуальнымъ, или частью мірового сознанія.* Представляя себѣ возможность сохраненія сознанія послѣ смерти, мы не должны спрашивать себя, сохранится ли индивидуальность нашего сознанія, или оно сольется съ безконечнымъ сознаніемъ міра и потеряется въ немъ.

Въ книжкѣ «L'Inde sans les Anglais», которая вспоминается мнѣ по этому поводу, Пьеръ Лоти ѣдетъ въ Индію, чтобы познакомиться съ индійской мудростью и главнымъ образомъ со взглядомъ индійской философіи на смерть. По его мнѣнію европейская мысль (христіанская) не можетъ отказаться отъ идеи индивидуальнаго существованія сознанія послѣ смерти, а мысль Востока совершенно отказывается отъ этой идеи и примиряется съ тѣмъ, что сознаніе разольется во всемъ мірѣ, *переставъ быть*, какъ индивидуальность. Лоти не можетъ примириться съ этой идеей «прекращенія личности», и онъ стремится найти отвѣтъ на вопросъ—останется ли онъ *самимъ собой* послѣ смерти, потому что для европейскаго ума цѣнно только *такое* продолженіе существованія.

Взглядъ Лоти очень типиченъ. Это характерное проэктированіе въ *міръ причинъ* отношеній нашего трехмѣрнаго міра. Но наше со-

знаніе не феноменально, а нуменально. Оно не подлежитъ законамъ трехмѣрнаго міра. Оно не должно быть *или индивидуальнымъ*, *или частью* мірового сознанія. И оно не можетъ быть однимъ *до смерти* тѣла и другимъ *послѣ смерти* тѣла. *Если оно существуетъ*, то оно существуетъ неизмѣнно, мѣняется только его *проявленіе* въ нашей сферѣ. Какъ *нуменъ*, оно должно совмѣщать въ себѣ всѣ возможности, быть *и А, и не А*, т. е. одновременно быть и индивидуальнымъ, и частью мірового сознанія, и отраженіемъ всего мірового сознанія.

Мы должны понять, что оно не можетъ быть *такимъ или другимъ*, а должно быть *и такимъ, и другимъ*. Каждое индивидуальное сознаніе есть *отраженіе* всего мірового сознанія, и оно не можетъ быть частью чего либо.

Мы должны пріучить себя къ мысли, что отдѣльность и общность не противоположны въ реальномъ мірѣ а существуютъ вмѣстѣ и сразу, не противорѣча другъ другу, Мы должны понять, что въ реальномъ мірѣ одна и та же вещь можетъ быть и частью, и цѣлымъ, т. е. что *цѣлое*, не мѣняясь, можетъ быть своей собственной частью. Должны понять, что противоположеній вообще не существуетъ, что *всякая вещь* есть извѣстное *изображеніе всего*.

И тогда, начиная понимать все это, мы начнемъ схватывать отдѣльныя идеи о сущности «нуменальнаго міра» или *міра многихъ измѣреній*, въ которомъ мы собственно живемъ.

И въ этихъ случаяхъ *высшая логика* даже со своими несовершенными формулами, какъ онѣ являются на нашемъ грубомъ языкѣ понятій, всетаки представляетъ собой могучее орудіе познанія міра, единственное средство для предохраненія насъ отъ заблужденій.

Примѣненіе этого орудія мысли даетъ ключъ къ тайнамъ природы, къ *міру*, *какъ онъ есть*.

Попробуемъ перечислить тѣ свойства міра причинъ, которыя вытекаютъ изъ всего сказаннаго раньше.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что свойства міра причинъ невозможно передать словами. Всякая *высказанная* мысль о нихъ *будетъ невѣрна*. Именно объ «идеальномъ мірѣ» можно сказать, что (по отношенію къ нему) *мыслъ, изреченная, есть ложь*». О немъ можно говорить только условно, приблизительно, намеками, символами. И если, что *нибудь сказанное понять буквально*, то это будетъ абсурдъ. Вообще *все*, *высказанное* о мірѣ причинъ, можетъ казаться абсурдомъ, *и въ дѣйствительности есть уже его искаженіе*. Истину передать нельзя. Самое большое можно намекнуть на нее, дать толчокъ

мысли. Но истину для себя каждый долженъ найти самъ. «Чужая истина», это—хуже, чѣмъ ложь, потому что это—*двѣ лжи*. Это же объясняетъ почему часто истина можетъ быть выражена только въ формѣ парадокса.

Что же мы можемъ сказать о мірѣ многихъ измѣреній, о мірѣ нуменовъ или о мірѣ причинъ?

1) Въ этомъ мірѣ «в р е м я» должно существовать пространственно; т. е. *временныя событія* должны существовать, а не случаться, т. е. существовать до и послѣ совершенія и лежать какъ бы на одной плоскости. Слѣдствія должны существовать одновременно съ причинами. То, что мы называемъ *закономъ причинности*, тамъ существовать не можетъ, потому что для него необходимымъ условіемъ является время. Тамъ не можетъ быть ничего, измѣряемаго годами, днями или часами. Не можетъ быть прежде, теперь и послѣ. *Моменты* разныхъ эпохъ, раздѣленные большими промежутками времени, существуютъ одновременно и могутъ соприкасаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ *возможности* даннаго момента, даже противоположныя одна другой, и всѣ ихъ результаты до безконечности должны быть *осуществлены* одновременно съ даннымъ моментомъ.

2) Тамъ нѣтъ ничего измѣряемаго нашими мѣрами, ничего *соизмѣримаго* съ нашими тѣлами, ничего *больше или меньше* нашихъ тѣлъ. Нѣтъ ничего, лежащаго справа или слѣва, сверху или снизу отъ нашихъ тѣлъ. Ничего, *похожаго* на наши тѣла, линіи или фигуры. Различные *пункты* нашего пространства, раздѣленные для насъ большими разстояніями, тамъ должны соприкасаться. «Дальность» или «близость» опредѣляется тамъ внутреннимъ «сродствомъ» или «несродствомъ», симпатій или антипатій, т. е. свойствами, которыя кажутся намъ субъективными.

3) Тамъ нѣтъ матеріи и движенія. Нѣтъ ничего, что бы можно было бы свѣшать или сфотографировать, или выразить въ формулахъ физической энергіи. Нѣтъ ничего, имѣющаго *форму*, *цвѣтъ* или *запахъ*. Ничего обладающаго свойствами физическихъ тѣлъ.

4) Тамъ нѣтъ ничего мертваго и безсознательнаго. Все живетъ, все дышитъ, все думаетъ, все чувствуетъ, все сознаетъ и все говоритъ.

5) Въ томъ мірѣ не могутъ быть примѣнимы аксіомы нашей математики, потому что тамъ нѣтъ ничего *конечнаго*. Тамъ все безконечно и, съ нашей точки зрѣнія, *перемѣнно*.

6) Тамъ не могутъ дѣйствовать законы нашей логики. Съ точки зрѣнія нашей логики тотъ міръ *внѣ-логиченъ*. Это область, законы которой выражаетъ Tertium Organum.

7) Тамъ не можетъ быть *раздѣленности* нашего міра. *Все—есть цѣлое*. И каждая отдѣльная пылинка, не говоря уже о каждой отдѣльной жизни и о каждомъ человѣческомъ сознаніи,—живетъ одной жизнью съ *цѣлымъ* и заключаетъ въ себѣ все *цѣлое*.

8) Въ томъ мірѣ не можетъ существовать двойственность, *дуалистичность* нашего міра. *Бытіе* тамъ не противоположно *небытію*. *Жизнь* не противоположна *смерти*. Наоборотъ одно включаетъ въ себя другое. Единство и множественность Я; Я и Не я; движеніе и неподвижность; единство и раздѣленность; добро и зло; истина и ложь—всѣ эти дѣленія тамъ невозможны. *Все субъективное—объективно и все объективное—субъективно*. Тотъ міръ—міръ *единства противоположностей*.

9) Ощущеніе *реальности* того міра должно сопровождаться ощущеніемъ *нереальности* этого міра. И въ то же время разница между реальнымъ и нереальнымъ тамъ существовать не можетъ, такъ же какъ не можетъ существовать разница между субъективнымъ и объективнымъ.

10) *Тотъ міръ* и *нашъ міръ*—не два разныхъ міра. Міръ одинъ.—То, что мы называемъ *нашимъ* міромъ, есть только *наше неправильное представленіе о мірѣ*, міръ, разсматриваемый черезъ узкую щелку. *Тотъ міръ* начинаетъ ощущаться нами, какъ *чудесное*, т. е. какъ нѣчто противоположное реальности *этого міра*. И вмѣстѣ съ тѣмъ *этотъ*, т. е. земной міръ, начинаетъ казаться нереальнымъ. *Чувство чудеснаго* есть ключъ къ тому міру.

ГЛАВА XXII.

Теософія Макса Мюллера. Древняя Индія. Философія Веданты. Tat tvam asi. Познаніе расширеннымъ сознаніемъ, какъ реальность. Мистика разныхъ вѣковъ и народовъ. Единство переживаній. «Tertium Organum», какъ ключъ къ мистикѣ. Признаки нуменальнаго міра. Трактатъ Плотина «О Красотѣ», какъ непонятая система высшей логики. Просвѣтленія Якова Бёме. «Арфа со многими струнами, изъ которыхъ каждая струна такая же Арфа». Мистики «Добротолюбія», св. Авва Дорофей и другіе. Климентъ Александрійскій. Лао-Тзе и Чуангъ-Тзе. «Свѣтъ на Пути» и «Голосъ Молчанія». Мусульманскіе мистики. Поэзія суфіевъ. Мистическія состоянія подъ наркозомъ. Апэстезическое откровеніе. Опыты проф. Джемса. Достоевскій о «времени» (Идіотъ). Вліяніе природы на душу человѣка.

Прослѣдить исторически ходъ развитія идей и системъ, основанныхъ на высшей логикѣ или вытекающихъ изъ нея, было бы, конечно, въ высшей степени важно и интересно. Но это очень трудно, почти невозможно, сдѣлать, потому что мы въ сущности совершенно не знаемъ времени возникновенія и способовъ передачи, и преемственности идей въ древнихъ философскихъ системахъ и религіозныхъ ученіяхъ. Относительно путей этой преемственности существуетъ очень много догадокъ и предположеній. Многія изъ этихъ догадокъ и предположеній считаются несомнѣнными, пока не являются новыя, ихъ опровергающія. Относительно многихъ вопросовъ мнѣнія изслѣдователей крайне разнообразны—и разобраться въ этомъ хаосѣ вообще очень трудно. Особенно мѣшаютъ здѣсь «теософическіе» авторы, напр., Шюрэ, Ледбитеръ, д-ръ Рудольфъ Штейнеръ и др., *которые все знаютъ*.

Я совсѣмъ не буду останавливаться на вопросѣ о *преемственности идей* ни съ исторической, ни съ какой другой точки зрѣнія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаемый очеркъ системъ, относящихся къ міру причинъ, не претендуетъ на полноту. Это не «исторія мысли» а только примѣры теченій мысли, приводившихъ къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ я прихожу въ этой книгѣ.

Въ книгѣ «Теософія или психологическая религія» («Theosophy or Psychological Religion»), извѣстный ученый Максъ Мюллеръ даетъ

очень интересный анализъ мистическихъ религій и близкихъ къ нимъ философскихъ системъ. Особенно долго онъ останавливается на Индіи и на ея ученіяхъ.

«Чего мы нигдѣ не можемъ изучать кромѣ Индіи» говоритъ онъ, это всепоглощающаго вліянія, какое религія и философія могутъ имѣть на человѣческій умъ. Насколько мы можемъ судить, въ Индіи большой классъ людей, не только священники и не только люди благороднаго происхожденія, даже не только мужчины, но и женщины, никогда не смотрѣли на свою жизнь на землѣ, какъ на что либо реальное. Реальнымъ для нихъ была невидимая, грядущая жизнь. То реальное, что единственно дастъ нѣкоторый признакъ реальности этому нереальному феноменальному міру, составляло тему ихъ разсужденій, образовывало предметъ ихъ размышленій. И человѣка, относительно котораго думали, что онъ нашелъ новый лучъ истины, посѣщали молодые и старые, чтили принцы и короли; даже больше, его считали гораздо выше королей и принцевъ. Эта сторона жизни древней Индіи заслуживаетъ изученія, потому что нигдѣ не было ничего подобнаго во всемъ мірѣ, даже въ Греціи и Палестинѣ».

«Я знаю хорошо, говоритъ М. Мюллеръ дальше, что никогда вся нація не можетъ состоять изъ философовъ и метафизическихъ мечтателей... но мы не должны забывать, что черезъ всю исторію именно немногіе, а никакъ не большинство, налагаютъ свой отпечатокъ на націю и имѣютъ право представлять ее, какъ цѣлое. Что мы знаемъ о Греціи временъ іоническихъ и элеатическихъ философовъ, кромѣ изреченій семи мудрецовъ? Что мы знаемъ о евреяхъ времени Моисея, кромѣ преданій, сохраненныхъ въ законахъ и въ книгахъ пророковъ? Именно пророки, поэты, законодатели и учителя, какъ бы мало ни было ихъ число, говорятъ во имя народа и представляютъ большинство, стоящее сзади нихъ, выражаютъ его мысли и его чувства».

«Подлинная Индійская философія даже въ томъ зачаточномъ состояніи, въ какомъ мы находимъ ее въ Упанишадахъ, стоитъ совершенно самостоятельно. И если мы спросимъ, въ чемъ заключается высшая идея ученія Упанишадъ, мы можемъ выразить это въ трехъ словахъ, какъ это было выражено величайшими учителями Веданты (Веданта—*конецъ Ведъ*, конспектъ и комментаріи къ Ведамъ)—именно Tat tvam asi. Это значитъ: *Ты есть То*. Словомъ *То* въ этой фразѣ обозначается нѣчто, извѣстное намъ подъ различными именами, въ различныхъ системахъ древней и новой философіи.—Это *Зевсъ* или *Богъ* или to on въ Греціи, это то, что Платонъ называлъ *Вѣчной*

Идеей, что агностики называютъ *Непознаваемымъ*, и что я называю *Безконечнымъ въ природѣ*. Это то, что въ Индіи называется *Брама* (Brahman), существо, стоящее за всѣми существами, сила, которая испускаетъ изъ себя вселенную, поддерживаетъ ее и втягиваетъ ее опять въ себя. *Ты* въ этой фразѣ обозначаетъ *безконечное въ человѣкѣ*, душу, существо, стоящее за человѣческимъ «Я», свободное отъ всѣхъ тѣлесныхъ оковъ, свободное отъ страстей, свободное отъ всѣхъ привязанностей (Atman). Выраженіе: *Ты есть То*—значитъ: *твоя душа есть Брама*; или другими словами: субъектъ и объектъ всякаго бытія и всякаго познанія—одно и то же.

«Это сущность и духъ того, что я называю *Психологической религіей* или *Теософіей*, говоритъ Максъ Мюллеръ—высочайшая вершина мысли, которой достигъ человѣческій умъ;—оно нашло себѣ различное выраженіе въ различныхъ религіяхъ и философскихъ системахъ, но нигдѣ не нашло такого яснаго и могущественнаго проявленія, какъ въ древнихъ Упанишадахъ Индіи».

Максъ Мюллеръ обращаетъ наше вниманіе на то, что это признаніе тожества понятій Ты и То не является поэтической метафорой, которая говоритъ, что человѣческая душа выдѣлилась изъ божественной души или составляетъ ея часть. Нѣтъ, здѣсь именно утверждается полная тожественность того, что долгое время неправильно различалось, какъ субъектъ и объектъ міра.

«Потому что, пока индивидуальная душа не освободится отъ незнанія или отъ вѣры въ двойственность, она принимаетъ нѣчто другое за себя. Истинное познаніе себя или самопознаніе выражается въ словахъ: *Ты есть То* или *Я—Брама*, потому что природа Брамы—это неизмѣнное и вѣчное познаваніе. Пока эта ступень не достигнута, индивидуальная душа остается индивидуальной душой, скованной тѣломъ, органами чувствъ, умомъ и его различными функціями».

«Душа (The Self), говоритъ философъ Веданты, не можетъ быть отлична отъ Брамы, потому что Брама содержитъ всю реальность, и ничто, что реально существуетъ, не можетъ быть отлично отъ Брамы. И затѣмъ индивидуальная душа не можетъ быть разсматриваема, какъ видоизмѣненіе Брамы, потому что Брама не можетъ мѣняться ни въ себѣ, потому что онъ одинъ и совершененъ, ни внѣ себя (потому что внѣ его ничего не существуетъ). Здѣсь мы видимъ, говоритъ М. Мюллеръ, какъ философія Веданты идетъ по той же самой линіи мысли, по которой шли элеатическіе философы Греціи. Если есть одно Безконечное, говорили они, то не можетъ быть другого, потому что другое ограничивало бы первое и дѣлало его конечнымъ. Или въ примѣненіи

къ Богу элеатическіе философы разсуждали: если Богъ есть всемогущій, всеблагой, онъ долженъ быть однимъ, потому что, если бы были два Бога или больше, то онъ не былъ бы самымъ могущественнымъ и самымъ благимъ. Элеатическіе философы продолжали свои монистическія утвержденія, доказывая, что это Единое Безконечное Существо не можетъ быть дѣлимо, такъ что ничто не можетъ быть названо его частью, потому что нѣтъ силы, которая могла бы отдѣлить что либо отъ него. Оно не можетъ имѣть частей, потому что у него нѣтъ ни начала, ни конца, а всякая часть имѣетъ начало и конецъ».

«Эти элеатическія идеи, о томъ что есть и можетъ быть только одно Единое Абсолютное Существо безконечное, неизмѣнное, не имѣющее себѣ подобнаго, не имѣющее частей—это тѣ же самыя идеи, которыя лежатъ въ основѣ Упанишадъ и полностью разработаны въ «Веданта-сутрахъ».

«Въ большинствѣ религій древняго міра—говоритъ М. Мюллеръ, отношенія между душой и Богомъ разсматриваются, какъ возвращеніе души къ Богу. Жажда Бога, стремленіе къ нему, тоска по немъ, какъ тоска по родинѣ, находитъ себѣ выраженіе во многихъ религіяхъ, хотя путь къ Богу и принятіе души въ эту божественную форму въ разныхъ религіяхъ изображается различно».

«Согласно нѣкоторымъ учителямъ религіи возвращеніе души къ Богу возможно только послѣ смерти»...

«Другіе находятъ, что сліяніе души съ Богомъ возможно въ этой жизни... Это сліяніе требуетъ только знанія, знанія единства божественнаго въ человѣкѣ съ божественнымъ въ Богѣ. Браманисты называютъ это знаніе самопознаніемъ, т. е. знаніемъ того, что наша душа (Self), если она вообще существуетъ, можетъ быть только той душой, которая есть Все во Всемъ, и кромѣ которой нѣтъ ничего. Иногда эта идея связи между человѣческой и божеской природой приходитъ внезапно, какъ результатъ необъяснимой интуиціи или *воспоминанія*. Иногда къ тому же самому результату приводитъ человѣческій умъ, сила логическихъ разсужденій. Если Бога признать, какъ Безконечное въ природѣ, душу, какъ Безконечное въ человѣкѣ, то изъ этого должно слѣдовать, что не можетъ быть двухъ безконечностей. Черезъ ту же самую фазу мысли проходили элеатическіе философы:—если есть безконечное, говорили они, оно должно быть одно, потому что если бы ихъ было два, то одно было бы конечнымъ по отношенію къ другому. Но то, что существуетъ, безконечно, и другого такого быть не можетъ. Поэтому то, что существуетъ, едино».

«Ничего не можетъ быть опредѣленнѣе монизма элеатической

школы, и для нея было бы непостижимо допущеніе различія между душой, Безконечнымъ въ человѣкѣ и Богомъ—Безконечнымъ въ природѣ».

«Въ Индіи это выражалось такъ, что *Брама* и *Атманъ* (духъ) по своей природѣ одно и то же».

«Точно такъ же, говоритъ М. Мюллеръ, и первые христіане, по крайней мѣрѣ тѣ, которые были воспитаны въ школахъ философіи нео-платониковъ, имѣли ясную идею того, что, если душа безконечна и безсмертна по своей природѣ, то она не можетъ быть ничѣмъ кромѣ Бога, но что она должна быть Богомъ и въ Богѣ. Ап. Павелъ далъ свое собственное смѣлое выраженіе этому вѣрованію или познанію, произнеся слова, смутившія многихъ теологовъ»:

Мы Имъ живемъ и движемся, и существуемъ.

«Если бы кто нибудь другой произнесъ эти слова, это было бы названо пантеизмомъ. И, безъ сомнѣнія, это есть пантеизмъ, хотя въ то же время—ключъ ко всему христіанству. Человѣкъ, какъ сынъ Божій, это только метафора. Но первоначально это выраженіе заключало въ себѣ ту же самую идею... И когда ставился вопросъ, какимъ образомъ люди потеряли сознаніе того, что они сыны Божіи, христіанство отвѣчало: вслѣдствіе *грѣха*, а Упанишады отвѣчали: вслѣдствіе *авидіи*, незнанія. Это показываетъ близость и въ то же время характерное различіе между двумя религіями. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ *незнаніе* наложило свою власть на человѣческую душу и заставило воображать, что она можетъ жить или двигаться, или имѣть бытіе отдѣльно отъ Брамы—остается въ Индійской философіи безъ отвѣта, такъ же какъ въ христіанствѣ вопросъ, какимъ образомъ грѣхъ впервые пришелъ въ міръ».

«Какъ западная, такъ и восточная философія, говоритъ М. Мюллеръ, начинаются отъ одного общаго исходнаго пункта, именно изъ убѣжденія, что наше обычное знаніе ненадежно и невѣрно или даже совершенно ложно. Это возстаніе человѣческаго ума противъ самого себя есть первый шагъ во всей философіи».

«На нашемъ собственномъ философскомъ языкѣ мы можемъ поставить вопросъ такъ: какимъ образомъ реальное стало феноменальнымъ, и какимъ образомъ феноменальное можетъ стать опять реальнымъ? Или другими словами: какимъ образомъ безконечное превратилось въ конечное; какимъ образомъ вѣчное превратилось во временное, и какимъ образомъ временное вернется къ своей вѣчной природѣ? Или высказывая это болѣе привычнымъ языкомъ: какимъ

образомъ сотворенъ міръ, и какимъ образомъ онъ опять можетъ притти къ небытію»?

«Незнаніе или *Авидія* признается причиной феноменальной видимости».

«Въ Упанишадахъ мѣняется значеніе Брамы. Иногда это почти объективный Богъ, существующій отдѣльно отъ міра. Но затѣмъ мы видимъ Браму, какъ сущность всѣхъ вещей... и душа, не чувствуя себя болѣе отдѣленной отъ этой сущности, учитъ высшій урокъ всей доктрины Веданты:—tat tvam asi; *ты есть то*, т. е. Ты, который въ теченіе извѣстнаго времени казался чѣмъ то отдѣльнымъ, *самимъ собой*, на самомъ дѣлѣ не есть что либо отдѣльное отъ божественной сущности. Знать Браму—значитъ быть Брамой»...

«Почти тѣми же самыми словами, какъ греческіе философы элеатической школы или нѣмецкіе мистики четырнадцатаго столѣтія, ведантисты доказываютъ, что было бы противорѣчиво допустить существованіе чего нибудь, кромѣ безконечнаго или Брамы, который есть Все во Всемъ, и что поэтому душа не можетъ быть ничѣмъ, отличнымъ отъ него, не можетъ требовать себѣ отдѣльнаго и независимаго существованія».

«Браму можно мыслить, только какъ совершеннаго и поэтому неизбѣжнаго—поэтому и душу нельзя мыслить, какъ реальное видоизмѣненіе или ухудшеніе Брамы».

«И затѣмъ, разъ Брама не имѣетъ ни начала, ни конца и не можетъ имѣть частей,—душа не можетъ быть частью Брамы, но весь Брама долженъ присутствовать въ каждой индивидуальной душѣ. Это то же самое, что ученіе Плотина, который утверждалъ съ равной основательностью, что Истинное Существо въ цѣломъ присутствуетъ въ каждой части вселенной».

«Философія Веданты стоитъ на томъ, что душа и Абсолютное Существо или Брама едины по своей сущности»...

«Основной принципъ философіи Веданты заключается въ томъ, что въ дѣйствительности не существуетъ и не можетъ существовать ничего кромѣ Брамы, что Брама есть все»...

«Въ Индіи, какъ и вездѣ, человѣкъ сначала воображаетъ, что онъ индивидуально, тѣлесно и духовно есть нѣчто существующее, и что всѣ вещи внѣшняго міра также существуютъ, какъ объекты. Но идеалистическая философія поколебала этотъ старый, какъ міръ, предразсудокъ въ Индіи болѣе основательно, чѣмъ гдѣ либо».

«Незнаніе (создающее раздѣленіе между индивидуальной душой и Брамой) можетъ быть побѣждено только знаніемъ. И это знаніе или *видія* дается Ведантой, которая показываетъ, что все наше обыч-

ное знаніе есть просто результатъ невѣжества или незнанія, что оно невѣрно, обманчиво и бренно или, какъ мы можемъ это выразить, феноменально, относительно и условно. Истинное знаніе или полное проникновеніе не можетъ быть достигнуто путемъ чувственнаго воспріятія—или путемъ умозаключеній. Согласно ведантистамъ только одно *Шрути* или откровеніе можетъ дать истинное знаніе и удалить незнаніе, свойственное человѣческой природѣ».

«О Брамѣ ничего не можетъ быть сказано кромѣ того, что онъ есть и вслѣдствіе нашего незнанія кажется тѣмъ или другимъ».

«Когда одного великаго индійскаго мудреца попросили описать Браму,—онъ замолчалъ и сидѣлъ, молча. Это былъ его отвѣтъ».

«Ничто, что существуетъ (въ нашемъ, чувственномъ смыслѣ этого слова), не можетъ быть названо Брамой, потому что оно можетъ не существовать, а Брама не можетъ не существовать».

«Мы не можемъ, говоритъ М. Мюллеръ, не признать метафизической смѣлости и логической послѣдовательности этой философіи. Если Брама есть все во всемъ, Единое безъ чего либо другого, то ни о чемъ, что существуетъ, нельзя сказать, что оно не есть Брама. Нѣтъ мѣста для чего либо внѣ Безконечнаго и Всеобщаго, и нѣтъ мѣста для двухъ безконечностей, для безконечнаго въ природѣ и для безконечнаго въ человѣкѣ. Есть только одна Безконечность, одинъ Брама. Это начало и конецъ Веданты».

«Часто цитируются, какъ самое краткое изложеніе идей Веданты, двѣ строчки комментатора и толкователя Веданты Шанкара.

Брама—истиненъ, міръ—ложенъ.
Душа есть Брама и ничто иное.

«Это, дѣйствительно, все содержаніе Веданты. Оно значитъ: что то, что истинно и реально существуетъ, есть Брама, Единое, Абсолютное Существо; міръ ложенъ; или скорѣе не есть то, чѣмъ кажется; т. е. все то, что представляется намъ нашими чувствами—феноменально и относительно, и не можетъ быть ничѣмъ другимъ. Душа каждаго человѣка въ дѣйствительности есть ничто иное, какъ Брама».

Относительно происхожденія міра два знаменитыхъ толкователя Веданты Шанкара и Рамануджа расходятся между собою. Рамануджа держится теоріи эволюціи; Шанкара—теоріи иллюзіи.

«Необходимо отмѣтить, говоритъ М. Мюллеръ, что ведантисты не идутъ такъ далеко, какъ нѣкоторые буддійскіе философы, которые смотрятъ на феноменальный міръ, какъ просто на *ничто*. Ихъ міръ реаленъ, только онъ не таковъ, какимъ кажется. Шанкара устана-

вливаетъ для феноменальнаго міра реальность, достаточную для всѣхъ практическихъ цѣлей, достаточную для устройства нашей практической жизни и нашихъ моральныхъ обязанностей».

«Это завѣса. Но философія Веданты учитъ насъ, что вѣчный свѣтъ, находящійся за этой завѣсой, можетъ быть болѣе или менѣе ясно видѣнъ при помощи философскаго знанія. Его можно увидѣть, потому что въ дѣйствительности онъ всегда тамъ».

Хотя совершенно различными путями ведантисты на самомъ дѣлѣ приходятъ въ концѣ концовъ къ тому же самому результату, какъ Кантъ и болѣе новые философы, которые вмѣстѣ съ Кантомъ держатся мнѣнія, что—«нашъ опытъ даетъ намъ стороны Безусловнаго только такъ, какъ онѣ являются въ условіяхъ нашего сознанія». Эти условія или ограниченія человѣческаго сознанія въ Индіи назывались *Авидія*; ихъ результатъ есть *Майя*,—иллюзорный міръ.

«Можетъ показаться страннымъ, говоритъ М. Мюллеръ, что результаты философіи Канта и его послѣдователей какъ бы предупреждены и предвидѣны въ различныхъ выраженіяхъ Упанишадъ и въ философіи Веданты древней Индіи».

Въ главахъ о *Логосѣ* и о *христіанской теософіи* Максъ Мюллеръ говоритъ, что р е л и г і я является мостомъ между Видимымъ и Невидимымъ, между Конечнымъ и Безконечнымъ.

«Можетъ быть сказано съ основаніемъ, пишетъ онъ, что основатели міровыхъ религій всѣ были строителями мостовъ. Какъ только признавалось существованіе Потустороннято, Неба или Силъ, выше или ниже насъ, сейчасъ же образовывались пропасти между земнымъ и небеснымъ, матеріальнымъ и духовнымъ, феноменальнымъ и нуменальнымъ, видимымъ и невидимымъ,—и главная цѣль всякой религіи заключалась въ томъ, чтобы соединить опять эти оба міра сводами надежды и страха или желѣзными цѣпями логическихъ силлогизмовъ».

«Идея *Логоса* представляла именно этотъ мостъ. Она принимала самыя разнообразныя формы, выражая *первую божественную мысль*, и затѣмъ олицетворялась и превращалась въ *Сына Божія*, воплощеннаго на землѣ. При чемъ кругомъ этой идеи собирался миѳологическій элементъ древнихъ религій».

Изъ современныхъ мыслителей къ идеямъ теософіи Макса Мюллера ближе всѣхъ извѣстный психологъ, недавно умершій, проф. Уильямъ Джемсъ.

Въ послѣдней главѣ своей книги «Многообразіе Религіознаго опыта» проф. Джемсъ говоритъ:

«Боги и вѣроученія различныхъ религій, конечно, противорѣчатъ другъ другу, но существуетъ однообразное явленіе, свойственное всѣмъ религіямъ—это душевное освобожденіе... Человѣкъ начинаетъ сознавать, что высшая часть его существа родственна *чему то*, общему ей по качеству, но безконечно *превосходящему* ее; въ то же время онъ постигаетъ, что можетъ пріобщиться къ этому «нѣчто» и спастись, если его низшее «я» будетъ окончательно имъ подавлено»...

«Въ чемъ же состоитъ объективная истина содержанія религіознаго опыта»? «Представляетъ ли это «нѣчто» только продуктъ нашего воображенія или реальное бытіе? Если оно реально существуетъ, то въ какой формѣ?.. Какъ слѣдуетъ понимать это «общеніе», въ реальности котораго такъ убѣждены религіозные люди?»

«Теоретическая задача различныхъ богословскихъ ученій состоитъ именно въ отвѣтѣ на эти вопросы, и здѣсь проявляется все ихъ разнорѣчіе. Всѣ они согласны съ тѣмъ, что это «нѣчто» существуетъ реально, хотя нѣкоторые утверждаютъ, что оно существуетъ въ образѣ личнаго Бога или нѣсколькихъ боговъ, тогда какъ другіе видятъ въ немъ только идеальное стремленіе... Разногласіе всѣхъ этихъ ученій ярче всего обнаруживается въ истолкованіи переживаній общенія, теизмъ и пантеизмъ, природа и второе рожденіе, спасеніе и Карма, безсмертіе и перевоплощеніе доставляютъ матеріалъ для нескончаемыхъ споровъ объ этомъ вопросѣ».

«Я высказалъ мнѣніе, говоритъ проф. Джемсъ, что безпристрастная наука о религіяхъ можетъ выдѣлить изъ разногласицы этихъ споровъ общій остовъ ученія, который она должна облечь въ такую форму, чтобы оно не противорѣчило выводамъ естествознанія. Это общее всѣмъ религіямъ ученіе наука о религіяхъ должна принять за примиряющую гипотезу, въ которую могли бы увѣровать всѣ безъ исключенія люди».

«И я считаю возможнымъ высказать, какъ гипотезу, предположеніе, что, чѣмъ бы ни было въ *потустороннемъ* то «нѣчто», общеніе съ которымъ мы переживаемъ въ религіозномъ опытѣ, *по эту сторону* оно является подсознательнымъ продолженіемъ нашей сознательной жизни».

«Сознательное Я человѣка является непосредственнымъ продолженіемъ болѣе широкаго по объему Я»...

«Послѣдніе предѣлы нашего существа пребываютъ, какъ намъ

кажется, въ совершенно иной области бытія, чѣмъ чувственный и «постигаемый» міръ».

«Эту область можно назвать мистической или сверхъестественной... Мы принадлежимъ къ этой области въ гораздо большей степени и въ гораздо болѣе интимномъ смыслѣ, чѣмъ къ видимому міру, потому что мы больше и интимнѣе всего живемъ въ томъ мірѣ, гдѣ родятся наши духовныя стремленія и идеалы... Общеніе съ этимъ невидимымъ міромъ есть реальный процессъ съ реальными результатами..

Это о б щ е н і е мы видимъ въ мистикѣ.

«Всѣ корни религіозной жизни и центръ ея мы должны искать въ мистическихъ состояніяхъ сознанія»—говоритъ проф. Джемсъ.

Что же такое мистика?

Возвращаясь къ терминологіи, установленной въ предыдущихъ главахъ, мы можемъ сказать, что это есть п о з н а н і е р а с ш и р е н н ы м ъ с о з н а н і е м ъ.

До самаго послѣдняго времени научная психологія не признавала реальности мистическаго опыта, и считала всѣ мистическія состоянія *патологическими*, болѣзненными состояніями обычнаго сознанія. Очень многіе психологи-позитивисты и теперь держатся этого взгляда, смѣшивая въ одну общую массу реальныя мистическія состоянія и псевдо-мистическія извращенія обычнаго сознанія, и чисто психопатическія состоянія.

Это, конечно, не можетъ способствовать правильному пониманію вопроса. Поэтому, прежде чѣмъ итти дальше, мы должны установить какимъ образомъ мы выдѣлимъ реальныя мистическія состоянія.

Проф. Джемсъ даетъ нѣкоторые критеріи для распознаванія мистическихъ состояній: невыразимость въ словахъ, интуитивность, непроизвольность и т. п., но онъ самъ же указываетъ, что всѣ эти признаки принадлежатъ также *простымъ эмоціональнымъ состояніямъ*. И онъ не опредѣляетъ точно, чѣмъ отличаются мистическія состоянія отъ эмоціональныхъ, къ которымъ они дѣйствительно близки по своему характеру.

Разсматривая мистическія состоянія, какъ познаніе расширеннымъ сознаніемъ, мы можемъ дать совершенно точные критеріи для ихъ распознаванія и выдѣленія изъ массы остального психическаго опыта.

1) Мистическія состоянія даютъ *познаніе*, к о т о р а г о н е м о ж е т ъ д а т ь н и ч т о д р у г о е.

2) Мистическія состоянія даютъ познаніе *ноуменальнаго міра* со всѣми его признаками.

3) Мистическія состоянія людей разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ обнаруживаютъ поразительное сходство, а иногда полную тожественность.

4) Результаты мистическаго опыта *совершенно нелогичны* съ нашей обычной точки зрѣнія. Они *сверхъ-логичны* т.-е. къ нимъ вполнѣ примѣнимъ Tertium Organum, который и является ключемъ къ мистическому опыту.

Послѣднее особенно важно—*нелогичность* данныхъ мистическаго опыта заставляла науку отвергать ихъ. Теперь мы установили, что *нелогичность* (съ нашей точки зрѣнія) есть необходимое условіе потусторонняго или нуменальнаго міра. Это не значитъ, что все, что нелогично, принадлежитъ къ тому міру, но безусловно значитъ, что все, что принадлежитъ къ тому міру, *нелогично* съ нашей точки зрѣнія.

Мы установили, что съ нашей логикой проникнуть туда нельзя, и установили возможность *новаго орудія мысли*, позволяющаго ей проникать въ области, бывшія раньше недоступными.

Сознаніе необходимости такого орудія мысли несомнѣнно существовало очень давно, потому что, что представляетъ собой въ сущности формула Tat tvam asi, какъ не основную аксіому трансцендентной логики.

Ты есть то значитъ: *ты есть и ты, и не ты*, и соотвѣтствуетъ сверхъ-логической формулѣ: *А есть и А, и не А*.

Если мы посмотримъ съ этой точки зрѣнія на древнія писанія, то поймемъ, что ихъ авторы искали *новой логики*, и не удовлетворялись *логикой вещей* феноменальнаго міра. Тогда намъ станетъ понятна та кажущаяся *нелогичность* древнихъ философскихъ системъ, какъ-будто строившихъ себѣ *идеальный* міръ вмѣсто существующаго. Именно въ этихъ построеніяхъ идеальнаго міра и кроются очень часто системы *высшей логики*.

Одной изъ такихъ *непонятыхъ* попытокъ построить систему высшей логики, дать точное орудіе мысли, проникающей за предѣлы видимаго міра, является трактатъ Плотина «О Красотѣ».

Описывая небо и боговъ, Плотинъ говоритъ.

«Всѣ Боги достойны поклоненія и прекрасны, и красота ихъ безпредѣльна, потому что она есть разумъ. И они прекрасны потому, что разумъ дѣлаетъ ихъ видимыми въ своемъ свѣтѣ, а не потому что тѣла ихъ прекрасны. Такъ какъ Боги, имѣющіе тѣла, не отъ нихъ получаютъ свое существованіе въ качествѣ Боговъ, а дѣлаются Богами черезъ разумъ, и они не бываютъ одно время мудры, а другое время лишены мудрости,

но они всегда мудры въ безстрастномъ, постоянномъ и чистомъ разумѣ. И они знаютъ все, не человѣческія дѣла, но свои собственныя, которыя божественны и таковы, какъ ихъ видитъ разумъ... Потому что все тамъ есть небо; и земля тоже небо, а также море, животныя, растенія и люди. И Боги, находящіеся тамъ, не думаютъ, что люди не достойны ихъ вниманія... потому что тамъ все божественно. И Боги занимаютъ и наполняютъ собой непрерывно всю эту блаженную область. Потому что жизнь, идущая тамъ, не сопровождается работой, и истина (какъ говоритъ Платонъ въ Федрѣ) есть ихъ родоначальникъ, и ихъ пища, ихъ сущность и ихъ кормилица. И они видятъ все не въ видѣ образующихся вещей, а въ самой сущности. И они замѣчаютъ себя въ другихъ. Потому что все тамъ прозрачно, и нѣтъ ничего темнаго и непроницаемаго, и все ясно и видимо всѣмъ и внутри, и со всѣхъ сторонъ. Потому что свѣтъ вездѣ встрѣчается со свѣтомъ; *такъ какъ каждая вещь содержитъ все въ себѣ и видитъ все въ другой. Поэтому все есть вездѣ, и все есть все. И каждая вещь есть все.* И сіяніе тамъ безконечно. Потому что все тамъ велико и даже то, что мало, тоже велико. *И солнце, которое свѣтитъ тамъ, заключаетъ въ себѣ всѣ звѣзды, и каждая звѣзда есть солнце и всѣ звѣзды. Въ каждой однако преобладаетъ особое свойство, но въ то же время всѣ вещи видимы въ каждой.* И движеніе тамъ чисто, потому что его не разстраиваетъ двигатель, отличный отъ него. Постоянность также не испытываетъ измѣненій въ своей природѣ, потому что она не смѣшана ни съ чѣмъ неустойчивымъ. И прекрасное тамъ прекрасно, потому что красота его не зависитъ отъ субъективнаго воспріятія. И вещи не находятся тамъ, какъ въ чужой землѣ, но наоборотъ мѣсто каждой вещи есть эта самая вещь... И вещь не отлична отъ мѣста, въ которомъ она находится. Потому что содержаніе ея-разумъ, и сама она разумъ... *И каждая часть тамъ всегда происходитъ изъ цѣлаго, и есть въ одно и то же время и часть, и цѣлое. Потому что она дѣйствительно является, какъ часть, но тотъ, у кого острое зрѣніе, увидитъ ее, какъ цѣлое...* И зрѣніе, которымъ видятъ тамъ, не можетъ утомляться, и воспріятіе не можетъ быть переполненнымъ, поэтому интуиція никогда не приходитъ къ концу. И нѣтъ тамъ никакой пустоты, которая, будучи ненаполненной, остановила бы зрѣніе. И не есть—это одна вещь, а то—другая, и поэтому части одной вещи не отличаются отъ частей другой.

И знаніе, возможное тамъ, ненасытимо... Потому что, видя себя наполненнымъ болѣе обильно, оно замѣчаетъ, что оно само и объекты его воспріятія безконечны—и оно слѣдуетъ своей собственной природѣ въ непрестанномъ созерцаніи... И жизнь тамъ есть мудрость; мудрость, не полученная процессомъ разсужденія, потому что она всегда существовала въ цѣломъ видѣ, и никогда не оказывалась ни въ какомъ отношеніи недостаточной, почему и не требовала изслѣдованія. Но это первая мудрость и не извлечена изъ другой» *).

Къ Плотину удивительно близокъ Яковъ Бёме, бывшій самымъ обыкновеннымъ сапожникомъ въ нѣмецкомъ городѣ Гёрлицѣ въ

*) Сокращенный переводъ изъ Select Works of Plotinus, Translated by Thomas Taylor. Bohn's Library.

концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія и оставившій цѣлый рядъ замѣчательныхъ книгъ.

Первое его «просвѣтлѣніе» произошло въ 1600 году, когда ему было 25 лѣтъ *).

Разъ сидя въ своей комнатѣ, *онъ бросилъ взглядъ на блестящее оловянное блюдо, отражавшее солнечный свѣтъ съ такимъ удивительнымъ сіяніемъ, что онъ впалъ во внутренній экстазъ*, и ему казалось, что онъ можетъ теперь смотрѣть въ начала и глубочайшія основанія вещей. Онъ подумалъ, что это только воображеніе, и, чтобы изгнать его изъ ума, онъ вышелъ на воздухъ. Но здѣсь онъ замѣтилъ, что его взглядъ проникаетъ въ самое сердце вещей, даже травъ и растеній, и что природа гармонируетъ съ тѣмъ, что онъ видитъ внутренно. Онъ ничего не разсказывалъ объ этомъ никому, но прославлялъ и благодарилъ Бога въ молчаніи.

«Послѣ этого «просвѣтлѣнія», говоритъ біографъ Бёме, «онъ научился знать внутреннее основаніе природы и пріобрѣлъ способность отнынѣ видѣть глазами души самое сердце вещей, эта способность осталась у него и въ спокойномъ состояніи».

Въ томъ же 1600 году онъ былъ разъ опять окруженъ божественнымъ свѣтомъ и наполненъ небеснымъ знаніемъ. Проходя зелеными полями вблизи Гёрлица, онъ сѣлъ, и, разсматривая полевыя травы и растенія въ своемъ внутреннемъ свѣтѣ, онъ видѣлъ, точно смотря внутрь ихъ, ихъ сущность, пользу и свойства, которыя открывались ему въ ихъ *очертаніяхъ, фигурахъ и знакахъ*. Подобнымъ образомъ онъ разсматривалъ все твореніе, и на основаніи этого откровенія онъ написалъ впослѣдствіи свою книгу De Signatura Rerum. При развертываніи этихъ тайнъ передъ его пониманіемъ онъ испытывалъ огромную радость и, вернувшись домой, жилъ въ мирѣ и молчаніи, никому не говоря до 1610 года объ удивительныхъ вещахъ, которыя случились съ нимъ. Въ 1610 году онъ опять былъ *взятъ въ свѣтъ* и написалъ свою первую книгу «Заря или красный свѣтъ утра», не думая опубликовывать ее, больше для памяти, для того, чтобы тайны, открывавшіяся ему, не проходили черезъ него безслѣдно, какъ потокъ воды.

Его первыя откровенія 1600 года были неполны, но въ 1601 году все, что онъ видѣлъ раньше въ хаотическихъ, отрывочныхъ и отдѣльныхъ проблескахъ, явилось ему, какъ связное цѣлое и въ болѣе опредѣленныхъ очертаніяхъ.

Въ этомъ третьемъ «просвѣтлѣніи» все, что въ первыхъ видѣніяхъ являлось ему хаотическимъ и многообразнымъ, было теперь сознано имъ, какъ единство, какъ Арфа со многими струнами, изъ которыхъ каждая струна та же самая Арфа и все вмѣстѣ опять одна Арфа **). Онъ узналъ теперь божествен-

*) Послѣдующія цитаты изъ книгъ проф. Джемса и д-ра Бекка.

**) См. гл. XI цит. изъ книги ванъ-Манена. стр. 111.

ный порядокъ природы и узналъ, какъ отъ ствола дерева жизни возникаютъ различныя вѣтви, несущія разнообразные листья, цвѣты и плоды,— и онъ почувствовалъ необходимость написать все, что онъ видѣлъ, и сохранить написанное.

Онъ самъ объ этомъ окончательномъ и полномъ просвѣтлѣніи разсказываетъ слѣдующимъ образомъ.

«Дверь открылась передо мной, и въ четверть часа я увидѣлъ и узналъ больше, чѣмъ если бы я много лѣтъ провелъ въ университетѣ,—чему я чрезвычайно радовался и возносилъ хвалу Богу. Потому что я увидѣлъ и узналъ существо всѣхъ существъ, восхожденіе и захожденіе и вѣчное зарожденіе Святой Троицы, происхожденіе и начало міра и всѣхъ твореній отъ божественной мудрости... И я увидѣлъ и узналъ всю творящую сущность, какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ, и происхожденіе, и существованіе добра и зла; и увидѣлъ, и узналъ, какъ рождаетъ плодовитое чрево вѣчности. И я не только крайне изумлялся всему этому, но и чрезвычайно радовался».

Описывая «просвѣтлѣнія», Бёме въ одномъ изъ своихъ сочиненій пишетъ:

«Внезапно... мой духъ прорвался... до самаго глубокаго внутренняго зарожденія Божества, и тамъ я былъ обнятъ съ любовью такимъ объятіемъ, какимъ обнимаетъ жениха нѣжно любимая невѣста. Но величіе торжества, бывшее въ духѣ, я не могу выразить ни устно, ни письменно; и ни съ чѣмъ это нельзя сравнить, кромѣ какъ съ жизнью, зарождаемой среди смерти—и это подобно воскресенію изъ мертвыхъ. Въ этомъ свѣтѣ мой духъ внезапно увидѣлъ сквозь все и проникъ во всѣ творенія, и увидѣлъ все въ нихъ и даже въ травѣ и листьяхъ, и я узналъ Бога,—кто онъ и какъ онъ дѣйствуетъ, и какова его воля. И внезапно въ этомъ свѣтѣ могущественнымъ толчкомъ моя воля была направлена на то, чтобы описать существо Бога. Но такъ какъ я не могъ сразу охватить глубочайшія рожденія Бога въ ихъ существѣ и понять ихъ въ моемъ разсудкѣ, то прошло двѣнадцать лѣтъ прежде, чѣмъ дано было мнѣ ясное пониманіе ихъ. И со мной произошло, какъ съ молодымъ деревомъ, которое посажено въ землю и сначала молодо и нѣжно и радуетъ глазъ, разростаясь... Но оно не приноситъ плодовъ сейчасъ же, и, хотя оно цвѣтетъ, они отпадаютъ, и много холодныхъ вѣтровъ будутъ дуть на него, и падать снѣга, и дышать морозы, пока оно достигнетъ полнаго роста и начнетъ приносить плоды».

Книги Бёме полны удивленія передъ тѣми тайнами, которыя онъ узналъ.

«Я былъ такъ же несвѣдущъ относительно скрытыхъ тайнъ, пишетъ онъ, какъ самый простой человѣкъ, но *моя дѣва чудесъ Божіихъ* научила меня, что я долженъ написать о его чудесахъ, хотя все таки моей цѣлью, когда я началъ писать это, было записать то, что я узналъ для памяти, для себя»...

«Не я, который есмь я, знаю эти вещи, говоритъ онъ, но Богъ знаетъ ихъ во мнѣ».

«Если вы увидите вашу собственную природу и внѣшній міръ, и что происходитъ тамъ, вы найдете, что вы по отношенію къ вашему внѣшнему существу есть этотъ внѣшній міръ».

Замѣчательны его «Діалоги» *Ученика* и *Учителя*, (подъ Ученикомъ и Учителемъ нужно понимать низшее и высшее сознаніе человѣка *).

...*Ученикъ* спросилъ своего Учителя:

— Какъ могу я достигнуть сверхчувственной жизни такъ, чтобы видѣть Бога и слышать, и говорить съ нимъ?

Его *Учитель* сказалъ:

— Когда ты будешь въ состояніи, хотя бы на минуту заставить себя войти туда, гдѣ не живетъ ни одно живое существо, ты услышишь Бога.

Ученикъ.—Близко это или далеко?

Учитель.—Это въ тебѣ, и если ты можешь на время остановить свои мысли и желанія, ты услышишь невыразимыя слова Бога.

Ученикъ.—Какъ могу я услышать рѣчь Бога, когда я не буду ни думать, ни желать?

Учитель.—Когда ты не будешь ни думать отъ себя самого, ни желать отъ себя самого; когда твой умъ и воля станутъ спокойны, и пассивно отдадутся воспріятію выраженій Вѣчнаго Слова и Духа; и когда твоя душа расправитъ крылья и поднимется надъ тѣмъ, что временно; и когда ты отвлеченнымъ мышленіемъ запрешь на замокъ воображеніе и внѣшнія чувства, тогда Вѣчный Слухъ, Зрѣніе и Рѣчь откроются въ тебѣ, и Богъ услышитъ и увидитъ черезъ тебя, потому что теперь ты будешь органомъ *его* Духа, и Богъ будетъ говорить въ *тебѣ* и будетъ шептать твоему Духу и твой Духъ услышитъ его голосъ. Поэтому блаженъ ты, если можешь удержаться отъ самодуманія и саможенанія и можешь остановить колесо твоего воображенія и чувствъ. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, кромѣ твоего собственнаго слуха и желанія, которыя препятствуютъ тебѣ, и не даютъ видѣть и слышать Бога.

. . . . . .

Ученикъ.—Милый Учитель, я не могу больше выносить, чтобы что нибудь отвлекало меня. Какъ найти мнѣ ближайшій путь къ Богу?

Учитель.—Гдѣ путь труднѣе, тамъ ты и иди; бери то, что бросаетъ міръ; и, что дѣлаетъ міръ, ты не дѣлай. Иди противно міру во всѣхъ вещахъ, и тогда ты придешь къ Нему ближайшимъ путемъ.

. . . . . .

Ученикъ. ...О, какъ могу я достигнуть Единства Воли и какъ притти къ Единству Зрѣнія?

Учитель. Замѣчай, что я говорю. Правый Глазъ смотритъ въ тебѣ впередъ, въ Вѣчность. Лѣвый Глазъ смотритъ въ тебѣ назадъ, во Время. Если теперь ты позволишь себѣ смотрѣть всегда на природу и на вещи Времени, тебѣ невозможно будетъ когда либо достигнуть Единства, котораго ты желаешь. Помни это и будь на стражѣ. Не позволяй твоему уму входить въ то, что внѣ тебя и наполнять себя тѣмъ, что внѣ тебя, и не смотри

*) Цит. по англійскому переводу Dialogues on the Supersensual Life by Jacob Behmen.

назадъ на себя... Не позволяй твоему Лѣвому Глазу обманывать тебя, постоянно представляя тебѣ то то, то другое и возбуждая въ тебѣ жажду обладанія. Но пускай твой правый глазъ управляетъ лѣвымъ... И только, подчинивъ Глазъ Времени Глазу Вѣчности... и пройдя черезъ Свѣтъ Бога въ Свѣтъ Природы... ты достигнешь Единства Знанія и Единства Воли.

Въ третьемъ діалогѣ бесѣда идетъ между ученикомъ Юніемъ и учителемъ Теофоромъ, относительно неба и ада.

Ученикъ спросилъ Учителя:

— Куда идетъ душа, когда тѣло умираетъ?

Учитель отвѣчалъ ему:

— Нѣтъ необходимости ей итти куда либо.

— Какъ нѣтъ, спросилъ Юній, развѣ душа послѣ смерти не должна оставить тѣло и пойти въ рай или въ адъ?

— Ей нѣтъ никакой надобности итти, отвѣчалъ Теофоръ... Душа имѣетъ Небо и Адъ внутри самой себя согласно писанію... и что изъ двухъ проявится въ ней, въ томъ она и будетъ находиться.

Приведенныхъ выдержекъ достаточно для характеристики писаній нигдѣ не учившагося *сапожника* изъ захолустнаго городка Германіи XVI—XVII столѣтія. Бёме замѣчателенъ именно яркой интеллектуальностью своихъ «постиженій», хотя въ то же время въ нихъ очень силенъ моральный элементъ.

Проф. Джемсъ въ упомянутой книгѣ («Многообразіе религіознаго опыта») съ большимъ вниманіемъ останавливается на христіанскомъ мистицизмѣ, давшемъ очень много для установленія *познавательной* стороны мистики.

Я заимствую у него описаніе мистическихъ переживаній нѣкоторыхъ христіанскихъ святыхъ.

Святой Игнатій признался однажды отцу Лайнецу, что часъ молитвеннаго созерцанія, пережитаго однажды въ Манрезѣ, открылъ ему больше истины о небесныхъ вещахъ, чѣмъ всѣ поученія ученыхъ докторовъ, взятыя вмѣстѣ... Однажды, когда онъ молился на ступеняхъ хоровъ доминиканской церкви, онъ ясно уразумѣлъ весь смыслъ божественной мудрости, проявившейся въ созиданіи міра. Другой разъ во время одной церковной процессіи духъ его возрадовался о Богѣ, и ему было дано увидѣть *въ образѣ, доступномъ слабому пониманію обитателя земли*, глубокую тайну сущности Святой Троицы. Это видѣнье наполнило сердце его такой сладостью, что впослѣдствіи лишь одно воспоминаніе о немъ заставило его проливать обильныя слезы.

«Однажды во время молитвы, пишетъ Св. Тереза, я получила способность сразу постигнуть, какимъ образомъ всѣ вещи могутъ быть созерцаемы въ Богѣ и содержаться въ немъ. Я видѣла ихъ не въ ихъ обычной формѣ,

однако съ поразительной ясностью, и видъ ихъ остался живо запечатлѣннымъ въ моей душѣ. Это одна изъ наиболѣе выдающихся милостей, дарованныхъ мнѣ Богомъ. Видъ этотъ былъ до такой степени утонченный и нѣжный, что описать его нѣтъ возможности».

«Дальше она разсказываетъ, что Божество представляетъ собой словно громадный и поразительно прозрачный брилліантъ, въ которомъ каждый изъ нашихъ поступковъ отражается такимъ образомъ, что вся его грѣховность становится ясной и очевидной».

«Господь далъ мнѣ уразумѣть, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ Богъ можетъ быть въ трехъ лицахъ. Онъ такъ показалъ мнѣ это, что удивленіе мое было равно охватившему меня чувству утѣшенія. И теперь, когда я думаю о Святой Троицѣ, или когда я слышу упоминаніе о ней, я понимаю, какимъ образомъ три лица составляютъ только одного Бога, и испытываю при этомъ неизрѣченное блаженство.

Христіанскій мистицизмъ, какъ указываетъ Джемсъ, очень близокъ къ Упанишадамъ и къ Ведантѣ. Глава христіанскаго мистицизма Діонисій Ареопагитъ говоритъ объ абсолютномъ только въ *отрицательныхъ формулахъ*.

«Причина всѣхъ вещей не есть душа или разумъ; у нея нѣтъ ни воображенія, ни мысли, ни разума, ни пониманія, въ то же время она сама не разумъ, не пониманіе. Ее нельзя ни высказать, ни подумать. Она не является ни количествомъ, ни порядкомъ, ни величіемъ, ни ничтожествомъ, ни равенствомъ, ни неравенствомъ, ни подобіемъ, ни различіемъ. Она не стоитъ, не движется и не находится въ состояніи покоя... Она не представляетъ собою ни сущности, ни вѣчности, ни времени. Даже сама мысль не принадлежитъ ей. Она—ни знаніе, ни истина, ни царское достоинство, ни мудрость, ни Единый, ни единство, ни божественность, ни доброта, ни даже духъ въ такомъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ.

Сочиненія мистиковъ православной церкви собраны въ сборникахъ «Добротолюбіе», представляющихъ собою пять, трудно читаемыхъ, большихъ томовъ. Я заимствую нѣсколько примѣровъ глубокой и тонкой мистики изъ книги «Сверхсознаніе и пути къ его достиженію» М. В. Лодыженскаго, изучавшаго «Добротолюбіе» и нашедшаго тамъ замѣчательные образцы философской мысли.

«Представьте себѣ кругъ, говоритъ Св. Авва Дорофей (VII вѣкъ), средину его—центръ—и изъ центра исходящіе радіусы, лучи. Эти радіусы, чѣмъ дальше идутъ отъ центра, тѣмъ больше расходятся и удаляются другъ отъ друга; напротивъ, чѣмъ ближе подходятъ къ центру, тѣмъ больше сближаются между собою. Положите теперь, что кругъ сей есть міръ; самая середина края—Богъ, а прямыя линіи (радіусы), идущія отъ центра къ окружности или отъ окружности къ центру, суть пути жизни людей. И тутъ тоже—насколько святые входятъ внутрь круга къ серединѣ онаго, желая приблизиться къ Богу, настолько по мѣрѣ вхожденія они становятся ближе къ Богу и другъ другу... Такъ разумѣйте и объ удаленіи.—

Когда удаляются отъ Бога... въ той же мѣрѣ удаляются другъ отъ друга, и сколько удаляются другъ отъ друга, столько удаляются и отъ Бога. Таково и свойство любви: насколько мы находимся внѣ и не любимъ Бога, настолько каждый удаленъ и отъ ближняго. Если же возлюбимъ Бога, то сколько приближаемся къ Богу любовію къ нему, столько соединяемся любовію и съ ближними и сколько соединяемся съ ближними, столько соединяемся и съ Богомъ» *). (*Сверхсозн.*, стр. 266, *Добр. II.* 617).

«Послушай теперь, говоритъ Св. Исаакъ Сиріянинъ (VI вѣкъ), какъ человѣкъ утончается, пріобрѣтаетъ духовное и уподобляется въ житіи невидимымъ силамъ... Когда видѣніе вознесется надъ земнымъ и надъ попеченіями о дѣланіи земного и начнетъ испытывать свои помышленія въ томъ, что сокрыто отъ очей внутри, и прострется горѣ и послѣдуетъ вѣрѣ въ попеченіи о будущемъ вѣкѣ и въ вождѣленіи обѣтованнаго намъ, и въ изысканіи сокровенныхъ тайнъ, тогда сама вѣра поглощаетъ сіе вѣдѣніе и обращается, и рождается оное снова, такъ что всецѣло дѣлается оно духомъ». Тогда можетъ оно воспарять на крыльяхъ въ области безплотныхъ, касаться глубинъ неосязаемаго моря, представляя въ умѣ Божественныя и чудныя дѣйствія правленія въ естествахъ существъ мысленныхъ и чувственныхъ, и разыскиваетъ духовныя тайны, постигаемыя умомъ простымъ и тонкимъ. Тогда внутреннія чувства пробуждаются для духовнаго дѣланія по тому чину, какой будетъ въ оной жизни безсмертія и нетлѣнія; потому что еще въ здѣшнемъ, какъ бы въ тайнѣ пріяло мысленное воскресенье, въ истинное свидѣтельство о всеобщемъ воскресеніи. (*Сверхсозн.*, стр. 370, *Добр. II*, 658)».

«Когда благодать Духа Святого, говоритъ Максимъ Капсокаливитъ сойдетъ на кого либо, то не что либо обычное показываетъ ему изъ вещей чувственнаго міра сего, но показываетъ то, что тотъ никогда не видѣлъ и не воображалъ. Тогда умъ такого человѣка научается отъ Св. Духа высшимъ и сокровеннымъ тайнамъ, которыхъ по божественному Павлу ни око человѣческое не можетъ видѣть, ни умъ уразумѣть самъ собою никогда. (1. Коринф. II, 9). И чтобы тебѣ понять, какъ умъ нашъ видитъ ихъ, вникни въ то, что я скажу тебѣ. Воскъ, когда далеко отъ огня находится, бываетъ твердъ и можно взять его и держать, но какъ только ввергнешь его въ огонь, тотчасъ растаиваетъ и такъ въ огнѣ возгорается, и горитъ, и бываетъ все свѣтомъ, и такимъ образомъ кончается все среди огня. Такъ и умъ человѣческій, когда одинъ самъ о себѣ бываетъ, не срѣтясь съ Богомъ, тогда

---

*) Авторъ «Сверхсознанія» М. В. Лодыженскій разсказывалъ мнѣ, что лѣтомъ 1910 года онъ былъ въ Ясной Полянѣ у Л. Н. Толстого и говорилъ съ нимъ о мистикахъ и о «Добротолюбіи». Л. Н. сначала очень скептически отнесся къ искѣ, но, когда М. В. Лодыженскій прочиталъ ему приводимый здѣсь отрывокъ изъ Аввы Дорофея, кругѣ, Л. Н. пришелъ въ восторгъ, побѣжалъ въ другую комнату и принесъ письмо, въ которомъ былъ нарисованъ треугольникъ. Оказалось, что онъ самостоятельно почти схватилъ мысль Аввы Дорофея, и писалъ кому-то, что Богъ это вершина треугольника люди—точки въ углахъ; сближаясь другъ съ другомъ, они приближаются къ Богу, приближаясь къ Богу, сближаются другъ съ другомъ. А черезъ нѣсколько дней Л. Н. пріѣхалъ верхомъ къ М. В. Лодыженскому, живущему подъ Тулой, и читалъ у него разныя мѣста «Добротолюбія», очень сожалѣя, что раньше не зналъ этихъ книгъ. *Л. У.*

уразумѣваетъ, какъ обычно, окружающее его по силѣ своей; когда же приблизится къ огню Божества и къ Духу Святому, тогда весь всецѣло овладѣваетъ онымъ огнемъ Божескимъ и бываетъ весь свѣтъ, и такъ въ пламени Духа Святого возгорается и разливается въ Божескихъ помышленіяхъ, и никакъ невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своемъ и о томъ, чего хочетъ. (*Сверхсозн.*, стр. 370. *Добр.* V, 475).

Св. Василій Великій говоритъ объ откровеніи Божества.—«Неизрѣченны всецѣло и неописанны молніеносная блистанія Божественной красоты; ни слово не можетъ выразить сего, ни слухъ вмѣстить. Наименуемъ ли блескъ денницы или свѣтлость луны, или сіяніе солнца—все это недостойно къ употребленію славы и въ сравненіи съ истиннымъ свѣтомъ далѣе отстоитъ отъ него, нежели глубокая ночь и ужаснѣйшая тьма отъ полуденной ясности. Если красота сія, незримая тѣлесными очами, а постижимая только душою и мыслію, озаряла кого-либо изъ святыхъ и оставляла въ нихъ невыносимое уязвленіе желаніемъ, чтобы зрѣніе красоты Божіей простиралось на всю вѣчную жизнь, то возмущенные здѣшнею жизнью они тяготились ею, какъ узилищемъ». (*Сверхсозн.*, ст. 372. *Добр.* V.).

Преп. Феогностъ говоритъ:—«Странное скажу тебѣ слово, не дивись. Есть нѣкое сокровенное таинство, между Богомъ и душой совершающееся. Бываетъ же сіе съ тѣми, которые достигаютъ высшихъ мѣръ совершенной чистоты любви и вѣры, когда человѣкъ, совершенно измѣнившись, соединяется съ Богомъ, какъ свой ему, непрестанно молитвою и созерцаніемъ». (*Сверхсозн.*, стр. 381. *Добр. III*, 396).

Замѣчательно интересны нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Климента Александрійскаго (II вѣкъ). (Приводимые отрывки взяты изъ маленькой англійской книжки «Extracts from the Writings of Clement of Alexandria»).

Намъ кажется, что въ картинахъ живопись охватываетъ все поле зрѣнія, видимое въ представляемыхъ сценахъ. Но на самомъ дѣлѣ она даетъ ложное изображеніе вида, дѣйствуя согласно правиламъ искусства и употребляя средства, вытекающія изъ условій линій видѣнія. При помощи этихъ способовъ сохраняется отношеніе высшихъ и низшихъ точекъ вида и точекъ, лежащихъ посединѣ; и этимъ же достигается, что нѣкоторые предметы кажутся стоящими на переднемъ планѣ и другіе на заднемъ, и третьи въ сторонѣ,—и все это на ровной и гладкой поверхности. Точно такъ же и философы изображаютъ истину по образу живописи.

Климентъ Александрійскій указываетъ здѣсь на очень важную сторону *истины*, именно на ея *невыразимость въ словахъ* и на *условность* всѣхъ философскихъ системъ и формулировокъ.—Діалектически истина изображается только въ перспективѣ,—т.-е. *неизбѣжно* въ искаженномъ видѣ,—вотъ его идея.

Какъ много труда и времени было бы спасено, и отъ какого количества ненужныхъ страданій избавилось бы человѣчество, если бы

оно поняло простую вещь, что *истина не можетъ быть выражена на нашемъ языкѣ*. Тогда люди перестали бы думать, что они обладаютъ истиной, перестали бы заставлять другихъ во что бы то ни стало принимать *ихъ истину*, стали бы думать, что другіе *съ другой стороны* могутъ подходить къ истинѣ, такъ же какъ они подходятъ со своей. Сколько споровъ, сколько религіозныхъ распрей, сколько насилія надъ чужой мыслью стало бы совершенно ненужно и невозможно, если бы люди поняли, что *никто* не обладаетъ истиной, а всѣ ищутъ ее, каждый по своему.

Интересны идеи Климента Александрійскаго о *Богѣ*, очень близкія къ Ведантѣ и особенно къ идеямъ китайскихъ философовъ.

Разсужденія относительно Бога вести труднѣе всего, говоритъ онъ. Потому что, если трудно найти первое начало всего, то не менѣе трудно выразить въ словахъ содержаніе абсолютно перваго и старѣйшаго начала, которое есть причина всѣхъ вещей. Потому что, какъ говорить о томъ, что не имѣетъ ни роду, ни различія, ни видовъ, ни индивидуальности, ни числа; и далѣе больше, которое само не есть: ни событіе, ни то, съ чѣмъ событіе случается. Никто не можетъ правильно выразить его въ цѣломъ. Оно велико и поэтому его называютъ Всѣмъ и Отцомъ Вселенной. Но нельзя у него предположить никакихъ частей. Потому что Единое нераздѣльно и въ то же время безконечно, не въ смыслѣ своей неисповѣдимости, а въ томъ смыслѣ, что оно не имѣетъ измѣреній и границъ. И поэтому оно не имѣетъ ни формы, ни имени. И если мы даемъ ему имя, мы дѣлаемъ это неправильно, какъ бы мы ни называли его—Единымъ, Добромъ или Разумомъ, или Абсолютнымъ Существомъ, или Отцомъ, или Богомъ, или Творцомъ, или Господомъ. Говоря все это, мы не даемъ Ему имени, а только по необходимости пользуемся хорошими именами для того, чтобы они служили уму точками опоры, и не давали ему заблуждаться въ другихъ отношеніяхъ.

Изъ китайскихъ философовъ мистиковъ наше вниманіе останавливаютъ Лао-Тзе (VI вѣкъ до Р. Х.) и Чуангъ-Тзе (IV вѣкъ до Р. Х.) ясностью мысли, необыкновенной простотой, съ какой они выражаютъ глубочайшія доктрины идеализма.

Сказанья Лао-Тзе.

Тао, которое можетъ быть выражено въ словахъ, не есть вѣчное Тао; имя, которое можетъ быть произнесено, не есть Вѣчное Имя *).

Тао не поддается чувству зрѣнія, и поэтому называется безцвѣтнымъ. Тао не поддается чувству слуха, и поэтому называется беззвучнымъ. Тао не поддается осязанію, и поэтому называется безтѣлеснымъ. Эти три свойства не могутъ быть восприняты, и поэтому ихъ можно слить въ одно.

Непрерывное въ дѣйствіи оно не можетъ быть названо, и поэтому

*) Отрывки изъ «The Sayings of Lao Tzu». Wisdom of the East Series.

возвращается въ ничто. Мы можемъ назвать его формой того, что не имѣетъ формы; образомъ того, что не имѣетъ образа; текучимъ и неопредѣлимымъ.

Есть нѣчто хаотическое, но полное, что существовало раньше неба и земли. О, какъ тихо оно, какъ безформенно и стоитъ одно, не мѣняясь, и достигая всего безъ вреда для себя!

Его имени я не знаю. Чтобы обозначить его, я называю его Тао. Стараясь описать его, я называю его великимъ.

Будучи великимъ, оно проходитъ; проходя, оно становится отдаленнымъ; становясь отдаленнымъ, оно возвращается.

Законъ Тао есть его собственная самопроизвольность.

Тао въ своемъ неизмѣнномъ аспектѣ не имѣетъ имени.

Самыя могущественныя проявленія дѣйствующей силы вытекаютъ исключительно изъ Тао.

Тао, какъ оно существуетъ въ мірѣ, подобно великимъ рѣкамъ и морямъ, которыя принимаютъ въ себя ручьи изъ долинъ.

Великое Тао все проникаетъ. Оно можетъ быть одновременно и справа, и слѣва.

Тао есть великій квадратъ безъ угловъ, великій звукъ, который не можетъ быть слышенъ, великій образъ, не имѣющій формы.

Тао произвелъ единство; единство произвело двойственность; двойственность произвела тройственность; тройственность произвела всѣ существующіе объекты.

Кто дѣйствуетъ согласно съ Тао, становится однимъ съ Тао.

Всѣ говорятъ, что мое Тао велико, но непохоже на другія ученія. Но именно потому, что оно велико, оно кажется непохожимъ на другія ученія. Если бы оно имѣло съ ними сходство, оно давно стало бы такъ же мало, какъ они.

Мудрый служитъ внутреннему, а не внѣшнему; онъ отбрасываетъ объективное и держится за субъективное.

Мудрый занимается бездѣйствіемъ и передаетъ поученія безъ словъ.

Кто можетъ сдѣлать чистой мутную воду? Но предоставь ей стоять, и постепенно она станетъ чистой сама собой. Кто можетъ создать состояніе абсолютнаго покоя? Но предоставьте времени итти, и состояніе покоя придетъ само собой.

Тао вѣчно бездѣятельно, однако оно ничего не оставляетъ несдѣланнымъ.

Книжное ученіе приноситъ ежедневное увеличеніе (т.-е. увеличеніе знанія). Практика Тао приноситъ ежедневную потерю (т.-е. потерю незнанія). Повторяйте эту потерю опять и опять, и вы достигнете бездѣйствія. Практикуйте бездѣйствіе, и не будетъ ничего, чего бы вы не могли сдѣлать.

Практикуйте бездѣйствіе, занимайтесь недѣланіемъ ничего.

Предоставьте всѣмъ вещамъ итти ихъ естественнымъ ходомъ, и не вмѣшивайтесь.

Все въ природѣ работаетъ молчаливо.

У людей признаніе красоты предполагаетъ идею безобразія и признаніе добра включаетъ въ себя идею зла.

Отбросьте свою святость, освободитесь отъ своей мудрости, и вы сдѣлаете въ сто разъ больше добра людямъ.

Кто знаетъ—не говоритъ; кто говоритъ—не знаетъ.

Кто дѣйствуетъ—разрушаетъ; кто беретъ, тотъ теряетъ. Мудрый не дѣйствуетъ и поэтому не разрушаетъ; не беретъ и поэтому не теряетъ.

Мягкое побѣждаетъ твердое; слабое побѣждаетъ сильное. Нѣтъ никого на свѣтѣ, кто не зналъ бы этой истины, и никого, кто бы умѣлъ пользоваться ею.

Размышленіе Чуанзе-Тзе.

Нельзя говорить объ океанѣ лягушкѣ, живущей въ колодцѣ—существу ограниченной сферы*). Нельзя говорить о снѣгѣ лѣтнему насѣкомому—существу одного времени года. Нельзя говорить о Тао педагогу, кругъ его идей слишкомъ узокъ.

Но вы вышли изъ вашей ограниченной сферы и видѣли великій океанъ. Вы знаете свое ничтожество, и я могу говорить съ вами о великихъ началахъ.

Измѣренія безграничны, время безконечно. Условія не неизмѣнны; слова не окончательны.

Нѣтъ ничего, что не объективно; нѣтъ ничего, что не субъективно. Но невозможно исходить изъ объективнаго. Только отъ субъективнаго знанія можно перейти къ объективному знанію.

Когда субъективное и объективное теряютъ свое соотношеніе, это есть самая ось Тао.

Тао имѣетъ свои законы и свои свидѣтельства. Оно лишено и дѣйствія, и формы.

Оно можетъ быть получено, но не можетъ быть видимо.

Духовныя существа извлекаютъ свою духовность изъ Тао.

Для Тао ни одинъ пунктъ во времени не далекъ.

Тао не можетъ существовать. Если бы оно существовало, оно могло бы не существовать. Самое имя Тао принято для удобства. Предопредѣленіе или случайность относятся только къ матеріальному существованію.—Какъ могутъ они относиться къ безконечному?

Тао есть нѣчто, лежащее за матеріальнымъ существованіемъ? Оно не можетъ быть передано ни словами, ни молчаніемъ. Въ томъ состояніи, которое не есть ни рѣчь, ни молчаніе, можетъ быть постигнута природа Тао.

Въ современной намъ теософической литературѣ стоятъ совершенно особо двѣ маленькія книжки: «Голосъ Молчанія» Блаватской и «Свѣтъ на Пути» М. Коллинзъ. Въ обоихъ заключено много неподдѣльныхъ мистическихъ ощущеній.

Голосъ Молчанія.

Кто хочетъ услышать Голосъ Молчанія, безвучный звукъ, и понять его, тотъ долженъ изучить природу совершеннаго сосредоточія ума внутри себя, сопровождаемаго полнымъ отвлеченіемъ отъ всего, принадлежащаго внѣшней вселенной или міру чувствъ.

---

*) Отрывки изъ «Musings of a Chinese Mystic». Wisdom of the East Series.

Ставъ совершенно безразличнымъ къ объектамъ воспріятія, ученикъ долженъ искать владыку чувствъ, производителя мыслей, того, кто пробуждаетъ иллюзію.

Умъ—великій убійца Реальнаго.

Пускай ученикъ убьетъ убійцу.

Потому что только тогда, когда его собственная форма покажется ему нереальной, какъ кажутся при пробужденіи нереальными всѣ формы, видѣнныя во снѣ, и когда онъ перестанетъ слышать многіе звуки, онъ различитъ одинъ внутренній звукъ, убивающій внѣшніе.

Тогда и только тогда покинетъ онъ область ложнаго и перейдетъ въ область истиннаго.

Прежде чѣмъ душа можетъ видѣть, гармонія внутри должна быть достигнута, и тѣлесныя глаза должны стать слѣпыми для всѣхъ иллюзій.

Прежде чѣмъ душа можетъ слышать, человѣкъ долженъ стать глухимъ и къ крикамъ трубящихъ слоновъ, и къ серебряному жужжанію золотой, свѣтящейся мухи.

. . . . . .

И тогда въ ухо души начнетъ говорить *Голосъ Молчанія* и скажетъ:

— Если твоя душа улыбается, купаясь въ солнцѣ жизни; если твоя душа поетъ въ своей оболочкѣ изъ тѣла и матеріи; если твоя душа плачетъ въ своемъ замкѣ иллюзіи; если твоя душа стремится оборвать серебряную нить, которая связываетъ ее съ Учителемъ (*т.-е. съ высшимъ Я человѣка*), —знай ученикъ, что душа твоя принадлежитъ землѣ.

. . . . . .

Отдай жизнь, если ты хочешь жить.

... Научись отличать реальное отъ ложнаго, вѣчно-убѣгающее отъ вѣчно остающагося... Самое главное научись отличать ученіе ума отъ мудрости души; доктрину «глаза» отъ доктрины «сердца».

. . . . . .

«*Свѣтъ на Пути*» такъ же, какъ и «*Голосъ Молчанія*», полонъ символовъ, намековъ и скрытаго смысла. Это маленькая книжка, въ которую нужно вчитываться. Ея смыслъ то пропадаетъ, то является. Ее нужно читать въ особенномъ настроеніи. «Свѣтъ на Пути» приготовляетъ «ученика» къ бесѣдѣ съ «Учителемъ», т. е. обычное сознаніе къ общенію съ высшимъ сознаніемъ.—«Въ терминѣ Учителя какъ говоритъ авторъ «*Свѣта на Пути*» символически выражается «Божественная жизнь» *).

Свѣтъ на Пути.

Прежде чѣмъ глаза будутъ видѣть, они должны стать неспособны къ слезамъ. Прежде чѣмъ уши станутъ слышать, они должны потерять чувствительность. Прежде чѣмъ голосъ будетъ въ состояніи говорить въ присутствіи Учителей, онъ долженъ потерять способность наносить раны.

---

*) «Light on the Path», стр. 92; русскій переводъ изд. «Новый Человѣкъ», стр. 50.

Прежде чѣмъ душа получитъ возможность стоять въ присутствіи Учителей, ея ноги должны быть омыты въ крови сердца.

. . . . . .

Убей въ себѣ чувство отдѣльности...
Желай только того, что внутри тебя.
Желай только того, что выше тебя.
Желай только того, что недостижимо.

Потому что внутри тебя свѣтъ міра... Если ты не можешь замѣтить его внутри себя, безполезно искать его въ другомъ мѣстѣ... Онъ недостижимъ, потому что вѣчно отступаетъ. Ты войдешь въ свѣтъ, но никогда не коснешься Пламени...

Ищи пути...
Жди цвѣтка, который зацвѣтетъ послѣ бури, не раньше...

И въ глубокомъ безмолвіи совершится таинственное событіе, которое докажетъ, что путь найденъ. Называйте это, какъ хотите.—Или голосъ заговоритъ тамъ, гдѣ некому говорить, или придетъ посланникъ, не имѣющій ни формы, ни субстанціи, или распустится цвѣтокъ души. Это нельзя описать никакой метафорой. . . . . .

. . . . . .

Услышать Голосъ Безмолвія это значитъ понять, что только изъ самого себя можетъ итти истинное руководство... Потому что, когда ученикъ готовъ, Учитель тоже готовъ...

Держись за то, что не имѣетъ ни субстанціи, ни существованія.
Слушай только голоса, который говоритъ беззвучно.
Смотри только на то, что невидимо.

Проф. Джемсъ въ своей книгѣ указываетъ на необыкновенно яркую эмоціональность мистическихъ переживаній и на совершенно особенныя ощущенія, испытываемыя мистиками.

«Восторгъ, испытываемый мистиками во время этихъ состояній, говоритъ онъ, повидимому, превосходятъ тѣ радости, которыя намъ можетъ дать нормальное сознаніе. Такой восторгъ, очевидно, возбуждаетъ и физическую природу, потому что объ этомъ чувствѣ восхищенія всегда говорятъ, какъ о чемъ-то такомъ, что трудно вынести, и что почти граничитъ съ физической болью. И это слишкомъ утонченное, слишкомъ необычно глубокое наслажденіе, чтобы его можно было выразить обыкновенными словами. «Непосредственное прикосновеніе Бога», «рана отъ его копья», «восторгъ опьяненія», «экстазъ брачнаго единенія», вотъ обычныя выраженія для описанія этого восторга».

Примѣромъ подобнаго состоянія можетъ служить описываемая имъ самимъ радость прикосновенія къ Божеству преп. Симеона Новаго Богослова (X в.) *).

---

*) Павелъ Аникіевъ. *Мистика преп. Симеона Новаго Богослова.* Спб. 1906.

«Я раненъ, пишетъ преп. Симеонъ, стрѣлою его любви... Онъ самъ внутри меня, въ моемъ сердцѣ, обнимаетъ меня, цѣлуетъ, наполняетъ свѣтомъ... Возрастаетъ во мнѣ новый цвѣтокъ, новый, ибо онъ радостный... Цвѣтокъ сей неизрѣченнаго вида, зрится лишь пока выходитъ, а потомъ вдругъ исчезаетъ... Онъ несказаннаго вида; влечетъ къ себѣ умъ мой, не даетъ помнить ничего изъ того, что соединено со страхомъ, но заставляетъ забыть обо всемъ и вдругъ отлетаетъ. Тогда древо страха опять остается безъ плода; я стенаю въ печали и молюсь тебѣ, Христе мой, снова зрю на вѣтвяхъ цвѣтокъ, приковываю свое вниманіе къ нему одному, и вижу не только дерево, но и блестящій цвѣтокъ, влекущій меня къ себѣ неудержимо; цвѣтокъ сей наконецъ обращается въ плодъ любви... Неизъяснимо, какъ изъ страха вырастаетъ любовь.

Мистика проникаетъ собой всѣ религіи.

«Въ Индіи, говоритъ Джемсъ, упражненіе въ развитіи способности къ мистическому прозрѣнію извѣстно еще съ незапамятныхъ временъ подъ именемъ і о г а (yoga). Іога—внутреннее единеніе индивидуума съ божествомъ. Оно достигается упорными упражненіями. Предписанія относительно положенія тѣла, сосредоточенія мыслей и моральной дисциплины въ различныхъ системахъ почти одинаковы. Іогъ, т. е. ученикъ, который въ достаточной степени побѣдилъ свои низшія наклонности, вступаетъ въ высшее состояніе, именуемое *самади* (samâdhi), въ которомъ онъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ тѣмъ, чего никогда не подозрѣвалъ ни инстинктъ его, ни разсудокъ.

...Переживъ состояніе *самади*, человѣкъ, по словамъ Ведъ, становится «свыше одареннымъ мудрецомъ, пророкомъ, святымъ, характеръ его перерождается, и жизнь становится другою».

Буддисты употребляютъ слово *самади* въ томъ же значеніи, какъ индуисты, но для обозначенія еще болѣе высокаго состоянія чистаго созерцанія у нихъ есть слово *дъяна* (dhyana).

Есть и еще болѣе высокая ступень созерцанія, гдѣ всякое представленіе о существованіи исчезаетъ, и гдѣ созерцающій говоритъ: «не существуетъ абсолютно ничего», и останавливается. Послѣ этого онъ достигаетъ новой ступени и говоритъ: «не существуетъ даже идей, не существуетъ и отсутствія идей», и снова останавливается. За этимъ слѣдуетъ область, гдѣ, «достигнувъ уничтоженія идей и воспріятій, онъ окончательно останавливается». Это еще не Нирвана (Nirvana), но самое большое приближеніе къ ней, какое только возможно въ жизни» *).

Въ мусульманствѣ тоже очень много мистики. Наиболѣе ха-

*) Джемсъ. *Многообразіе религіознаго опыта*, рус. пер. Москва, 1910.

рактернымъ выраженіемъ мусульманскаго мистицизма является персидскій *суфизмъ*. «Суфизмъ»—это одновременно религіозная секта и философская школа очень высокаго идеалистическаго характера, боровшаяся одновременно противъ матеріализма и противъ узкаго фанатизма и пониманія только буквы Корана. Суфіи толковали Коранъ мистически. Суфизмъ—это философское свободомысліе мусульманства, соединенное съ совершенно своеобразной символической и ярко чувственной поэзіей, всегда имѣющей скрытый мистическій смыслъ. Расцвѣтъ суфизма—первыя столѣтія второго тысячелѣтія христіанской эры.

Для европейской мысли суфизмъ долго оставался непонятнымъ. Съ точки зрѣнія христіанской теологіи и христіанской морали смѣшеніе чувственности и религіознаго экстаза недопустимо, но на Востокѣ это прекрасно уживалось вмѣстѣ. Въ христіанскомъ мірѣ «плотское» считалось всегда враждебнымъ «духовному». Въ мусульманскомъ мірѣ плотское и чувственное принималось, какъ символъ духовнаго. Выраженіе религіозныхъ и философскихъ истинъ «на языкѣ любви» было обще-распространеннымъ обычаемъ на Востокѣ. Это и есть «восточные цвѣты краснорѣчія». Всѣ аллегоріи, всѣ метафоры брались «изъ любви».—«*Магометъ влюбился въ Бога* *) говорятъ арабы, желая передать яркость религіознаго жара Магомета. *Выбирай себѣ новую жену каждую весну на Новый годъ, потому что прошлогодній календарь уже никуда не годится* **), говоритъ персидскій поэтъ и философъ Сади. И въ такой курьезной формѣ Сади выражаетъ мысль, которую Ибсенъ высказалъ устами доктора Штокмана: ...«*истины не походятъ на долговѣчныхъ Маѳусаиловъ, какъ многіе полагаютъ. При нормальныхъ условіяхъ истина можетъ просуществовать лѣтъ семнадцать—восемнадцать, рѣдко болѣе*»...

Поэзія суфіевъ станетъ понятнѣе для насъ, если мы будемъ имѣть въ виду этотъ общій чувственный характеръ литературнаго языка Востока, идущій изъ глубокой древности. Образецъ этой *древней* литературы—«Пѣснь Пѣсней».

Странной для насъ чувственностью образовъ отличаются многія мѣста книгъ Библіи и всѣ древніе восточные миѳы и сказанья.

«Персидскіе мистики-поэты суфіи и большей части писали о любви къ Богу въ выраженіяхъ, примѣнимыхъ къ ихъ прекраснымъ женщинамъ»,—говоритъ переводчикъ Джами и другихъ поэтовъ, Дэ-

*) Confessions of Al-Ghazzali. Claud Field.

**) Sadi,s Scroll of Wisdom. (Wisdom of The East Series).

висъ,—«по той причинѣ, какъ они объясняли это, что никто не можетъ писать небеснымъ языкомъ и быть понятымъ». («Persian Mystics»).

«Идея суфіевъ, говоритъ Максъ Мюллеръ—*это любовное слiяніе души съ Богомъ*». «Суфіи утверждали, что на человѣческомъ языкѣ ничто не можетъ выразить любовь между душой и Богомъ, кромѣ любви между мужчиной и женщиной, и что, если мы хотимъ говорить о единеніи души съ Богомъ, мы можемъ выразить это только на символическомъ языкѣ земной любви». И когда мы читаемъ нѣкоторыя изъ ихъ восторженныхъ стихотвореній, мы должны понимать, что поэты-суфіи употребляли большое число выраженій, имѣющихъ свое опредѣленное и признанное значеніе въ ихъ языкѣ, т. е. что многія выраженія имѣютъ у нихъ особенное значеніе. Такъ *сонъ* означаетъ размышленіе, медитацію; *ароматъ*—надежду; *поцѣлуи* и *объятія* — порывы благоговѣнія; *вино* означаетъ духовное знаніе и т. д.».

Цвѣты, которые возлюбленный Бога собираетъ въ его розовомъ саду, и которые онъ хочетъ дать своимъ друзьямъ, настолько обезсиливаютъ его умъ своимъ благоуханіемъ, что онъ выпускаетъ ихъ изъ рукъ, и они вянутъ, говоритъ Сади. Поэтъ хочетъ сказать этимъ, что сіяніе и блескъ экстатическихъ видѣній блѣднѣетъ и теряетъ краски при попыткахъ передать ихъ человѣческимъ языкомъ. (Max Müller—«Theosophy»).

Вообще нигдѣ на свѣтѣ и никогда поэзія не сливалась съ мистикой такъ, какъ въ суфизмѣ. И поэты-суфіи часто вели странныя жизни отшельниковъ, пустынниковъ, странниковъ, воспѣвая въ то же время любовь, красоту женщинъ, ароматъ розъ и вина.

Джелаль Эддинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ соединеніе души съ Богомъ:

«Возлюбленная сказала своему милому, желая испытать его, однажды утромъ: Я хотѣла бы знать, кто тебѣ дороже, ты самъ или я, скажи мнѣ правду, мой горячо любимый. Онъ отвѣчалъ: я такъ поглощенъ тобой такъ полонъ тобой отъ головы до ногъ, что отъ моего собственнаго существованія остается только имя, и въ моемъ существѣ нѣтъ ничего кромѣ тебя, о предметъ моихъ желаній. Я потерянъ въ тебѣ, какъ чистый рубинъ, наполненный свѣтомъ солнца, теряется настолько, что въ немъ не видно больше ничего, кромѣ сіянія солнца». (M. Müller).

Въ двухъ знаменитыхъ поэмахъ Джами (XV вѣкъ) «*Саламанъ и Абсалъ*», и «*Юсуфъ* и *Зюлейка*», въ самыхъ страстныхъ формахъ изображается «восхожденіе души», ея очищеніе и сліяніе съ Божествомъ.

Большое вниманіе въ своей книгѣ проф. Джемсъ удѣляетъ *мистическимъ состояніямъ подъ наркозомъ*.

«Это область, говоритъ онъ, которую общественное мнѣніе и этика съ давнихъ поръ относятъ къ области патологіи. Тѣмъ не менѣе всегда были отдѣльныя личности и между ними выдающіеся лирическіе поэты, которые говорятъ объ этихъ переживаніяхъ, какъ о возвышенномъ состояніи».

«Эфиръ и въ особенности окись азота, въ извѣстной дозѣ примѣшанные къ воздуху, являются также могучими стимулами къ пробужденію мистическаго сознанія. Передъ вдыхающимъ ихъ точно разверзаются бездны истины одна за другою. Когда человѣкъ приходитъ въ нормальное состояніе, истина отъ него ускользаетъ, и если остается отъ нея какая-нибудь формула, то для нормальнаго разсудка она оказывается безсмысленной. Тѣмъ не менѣе у человѣка остается чувство, что эта формула полна глубокаго значенія. Я лично знаю многихъ людей, которые убѣждены, что въ трансѣ, вызванномъ окисью азота, возможны настоящія мистическія откровенія».

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сдѣлалъ сообщеніе въ печати о произведенныхъ лично надо мною опытахъ опьяненія окисью азота. На основаніи ихъ я пришелъ тогда къ такому выводу—который и до настоящаго времени не поколебался въ моихъ глазахъ—именно, что наше нормальное или, какъ мы его называемъ, разумное сознаніе представляетъ лишь одну изъ формъ сознанія, при чемъ другія, совершенно отъ него отличныя формы существуютъ рядомъ съ нимъ, отдѣленныя отъ него лишь тонкой перегородкой. Мы можемъ совершить нашъ жизненный путь, даже и не подозрѣвая объ ихъ существованіи; но какъ только будетъ примѣненъ необходимый для ихъ пробужденія стимулъ, онѣ сразу оживутъ для насъ, представляя готовыя и опредѣленныя формы духовной жизни, которыя, быть можетъ, имѣютъ гдѣ-нибудь свою область примѣненія. Наше представленіе о мірѣ не можетъ быть законченнымъ, если мы не примемъ во вниманіе и этихъ формъ сознанія. И онѣ должны помѣшать слишкомъ поспѣшнымъ заключеніямъ о предѣлахъ реальнаго».

«Вся совокупность моихъ знаній убѣждаетъ меня въ томъ, что міръ, составляющій содержаніе моего яснаго сознанія, есть только одинъ изъ многихъ міровъ, существующихъ въ болѣе отдаленныхъ областяхъ моего сознанія, и что эти иные міры порождаютъ во мнѣ опытъ, имѣющій огромное значеніе для всей моей жизни».

«Возвращаясь къ моимъ собственнымъ переживаніямъ этого рода, я долженъ признать, что они сводятся къ особому просвѣтленному состоянію, которому я не могу не придать мистической окраски».

«Основной чертой такого состоянія всегда является примиренность, словно двѣ противоположныя стороны міра, столкновенія

между которыми составляютъ причину всѣхъ нашихъ внутреннихъ бурь и неурядицъ, расплавились и образовали единое цѣлое. Они не принадлежатъ къ одному роду, какъ два различныхъ вида, но *одинъ изъ видовъ*, болѣе возвышенный,—самъ *становится родомъ* по отношенію къ противоположному виду и растворяетъ его въ себѣ. Я знаю, что эта мысль съ логической стороны темна, но я не могу избавиться отъ ея вліянія на меня. Я чувствую, что въ ней есть смыслъ, соприкасающійся съ сущностью гегелевской философіи. Имѣющій уши, да слышитъ. Для меня эта мысль постижима лишь этимъ путемъ искусственнаго разбуженнаго мистическаго состоянія сознанія».

«У кого изъ читавшихъ Гегеля можетъ явиться сомнѣніе, что его идея о совершенномъ Существѣ, поглощающемъ въ себѣ все, что внѣ его существуетъ,—идея, господствующая надъ всей гегелевской философіей,—родилась, какъ слѣдствіе преобладанія въ сознаніи этого философа подобныхъ мистическихъ состояній, которыя для большинства людей являются подсознательными. Выясненіе этой мысли, столь характерной для мистическаго состоянія сознанія, является задачей гегелевской философіи, зиждущейся безъ сомнѣнія на мистическомъ чувствѣ».

«У меня есть друзья, которые вѣрятъ въ откровеніе, обусловленное наркозомъ. Для нихъ оно также метафизическая интуиція, въ которой міръ въ своихъ многообразныхъ проявленіяхъ воспринимается какъ бы растворившимся въ Единомъ *).

«Мы погружаемся въ этотъ повсюду разлитый духъ, пишетъ одинъ изъ нихъ, всецѣло, безраздѣльно, въ полномъ самозабвеніи. Все перестаетъ тогда существовать для насъ, все, что выше, и что ниже насъ, все, гдѣ бы то ни было, сущее. Остается лишь жизнь и мы въ нее, погруженные».

«Существуетъ только единое, множественное теряетъ свою множественность, исчезаетъ; и каждый изъ насъ есть этотъ единый существующій... Это предѣльная черта. И насколько достовѣрно то наше существованіе, которое составляетъ обычный источникъ нашихъ заботъ, настолько же достовѣрна и радость, царящая надъ всѣмъ дуализмомъ, надъ всѣми антитезами, та радость, какой я достигъ въ моемъ уединеніи, равномъ божескому» (B. P. Blood: The Anaestetic Revelation and the Gist of Philosophy Amsterdam (New Iork. 1874— Б. П. Блэдъ: *Анэстезическое откровеніе и сущность философіи*).

Ксеносъ Клэркъ, рано умершій (въ Амгерстѣ въ 80-хъ годахъ) философъ, такъ же испыталъ такое откровеніе.

«Прежде всего, пишетъ онъ, я согласенъ съ Блѣдомъ, что откровеніе относится къ области чувствъ».

---

*) Проф. Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта. Москва, 1910. Лекціи XCI и XCII. Мистицизмъ.

«Это, какъ говоритъ Блѣдъ, единственное и совершенное прозрѣніе, въ которомъ мы постигаемъ, почему или вѣрнѣе какъ настоящее вырастаетъ изъ прошедшаго и поглощается пустотой будущаго... Это непрерывное раскрытіе прошедшаго. Какая загадка въ этомъ постоянномъ исчезновеніи настоящаго, при чемъ настоящее никогда не перестаетъ существовать... Мы попросту заполняемъ яму тою же землей, какую вырыли изъ нея... Обыкновенную философію можно уподобить собакѣ, гоняющейся за собственнымъ хвостомъ. Какъ бы скоро она ни бѣжала, хвостъ будетъ всегда впереди ея морды, и никогда ей не догнать его. Такъ и настоящее всегда является для насъ выводомъ изъ прошедшаго, и мы вѣчно опаздываемъ понять его. *Но въ тотъ моментъ, когда мы пробуждаемся отъ паркоза, когда мы, такъ сказать, г о т о в и м с я н а ч а т ъ ж и т ъ*, намъ *дано уловить вѣчный процессъ становленія въ томъ мигѣ, когда движеніе не продолжается, но возникаетъ*. Истина заключается въ томъ, что мы постоянно отправляемся въ путешествіе, которое закончилось, прежде чѣмъ мы успѣли въѣхать. И цѣль философіи... въ томъ, чтобы освѣтить наше пребываніе въ этомъ процессѣ... Но достигнуть этой цѣли въ здѣшней жизни можно лишь тогда, когда смолкаютъ вопросы разсудка. Вотъ почему мы всегда видимъ улыбку на лицѣ Откровенія. Она говоритъ намъ, что мы всегда опаздываемъ на полсекунды».

«Вы могли бы поцѣловать ваши собственныя губы, говоритъ эта улыбка, если бы уловили эту тайну. Если бы ваши губы задержались на одно лишь мгновеніе на одномъ мѣстѣ, вы бы догнали ихъ. Почему вы этого не умѣете достигнуть?»

Въ своей недавней брошюрѣ Блѣдъ слѣдующимъ образомъ описываетъ значеніе анэстезическаго откровенія для жизни.

«Анэстезическое откровеніе посвящаетъ человѣка въ безначальную тайну бытія, которая представляется намъ неизбѣжнымъ вихремъ непрерывности. Неизбѣжнымъ—нѣтъ для этого лучшаго слова. Причина его лежитъ въ немъ самомъ; оно есть именно то, чѣмъ должно быть. Оно не производитъ ни любви, ни ненависти, ни радости, ни печали, ни добра, ни зла. Оно не знаетъ ничего ни о началѣ, ни о концѣ, ни о цѣляхъ».

«Изъ него нельзя почерпнуть понятія о многочисленности и многообразіи вещей. Но лишь благодаря ему, человѣческая исторія и религія озаряется глубокимъ чувствомъ сущности и причины бытія»...

«Въ началѣ это чувство кажется подавляющимъ по своему величію, но скоро становится такимъ естественнымъ и знакомымъ, что вызываетъ вмѣсто страха ощущеніе радости и безопасности, точно отнынѣ мы слились съ предвѣчнымъ источникомъ общаго бытія. Но никакія слова не въ силахъ выразить этой всепоглощающей увѣренности человѣка въ томъ, что онъ познаетъ самую основу вещей и того первобытнаго удивленія, какое испыталъ Адамъ передъ жизнью».

«Каждое новое переживаніе этого рода сопровождается тѣми же ощущеніями, и человѣкъ чувствуетъ, что они не могутъ быть иными. Въ нормальномъ состояніи отъ нихъ остаются лишь частичные отрывки воспоминаній. И тщетны старанія свести ихъ къ опредѣленной формулѣ; но утѣшеніемъ для человѣка можетъ послужить здѣсь та мысль, что онъ позналъ первичную истину и покончилъ съ человѣческими теоріями о происхожде-

ніи, о внутренней цѣнности и предназначеніи человѣчества. И въ духовной области ему не нужны больше никакія указанія».

«Откровеніе это приноситъ съ собой чувство полнаго довѣрія ко всему, совершающемуся съ нами. Царство внутри насъ. Каждый день—день Суда, но при этомъ мы ничего не узнаемъ о цѣляхъ вѣчности, не представляемъ себѣ общей схемы цѣлаго. Астрономъ сокращаетъ рядъ гигантскихъ чиселъ, увеличивая единицу измѣренія; такъ и мы подавляющую насъ множественность вещей можемъ свести къ тому единству, къ которому стремимся».

«Съ тѣхъ поръ, какъ я позналъ это откровеніе, оно стало моимъ духовнымъ хлѣбомъ. Въ моей первой печатной статьѣ о немъ я писалъ: «Міръ уже не кажется мнѣ такимъ чуждымъ и страннымъ, какимъ меня пріучили его считать».

«Съ презрѣніемъ покинувъ окутанныя душными и грозными облаками крѣпости, изъ-за которыхъ еще такъ недавно грохотали громы Іеговы, я, какъ сѣрая чайка, вздымаюсь на встрѣчу сгущающейся ночи и безстрашнымъ взглядомъ окидываю мрачныя пространства. И теперь, послѣ двадцати семи лѣтъ такихъ переживаній, крылья мои посѣдѣли, но мои глаза попрежнему безстрашно смотрятъ впередъ, когда я снова и съ большей силой, чѣмъ прежде, говорю то, что говорилъ прежде. Я постигъ смыслъ существованія, тотъ истинный центръ вселенной, который одновременно приноситъ и восторгъ, и покой человѣческой душѣ, и которому языкъ разсудка далъ названіе *анэстезическаго откровенія*».

Я прибавлю, говоритъ проф. Джемсъ, еще любопытный случай откровенія, обусловленнаго наркозомъ. Вотъ что пишетъ одна интеллигентная женщина о томъ, что съ ней было подъ вліяніемъ эфира, который она вдыхала, готовясь къ операціи.

«Я спрашивала себя, не въ тюрьмѣ ли я, не подвергаютъ ли меня пыткѣ? Я припомнила выраженіе «страданіе—путь къ спасенію». Но передъ тѣмъ, что я испытывала, выраженіе это настолько показалось мнѣ слабымъ, что я вскрикнула громко: «страданіе само по себѣ уже есть познаніе». Послѣ этого наступилъ обморокъ. За нѣсколько секундъ передъ тѣмъ, какъ я проснулась, мнѣ приснился потрясающій и необыкновенно отчетливый сонъ, который очень трудно описать.

Кто-то необъятно могущественный шелъ по небу, и нога его была на молніи, какъ колесо на рельсахъ: это была его дорога. Молнія же состояла изъ безчисленнаго количества человѣческихъ душъ, тѣснящихся одна къ другой, и я была также среди нихъ. Это Существо двигалось по прямой линіи, и каждая точка этой свѣтящейся линіи становилась сознательной на мигъ для того, чтобы совершалось Его движеніе. Я почувствовала себя подъ ногой Божіей; раздавливая меня, Онъ какъ бы покупалъ цѣною моей боли свое существованіе. Я также замѣтила, что Онъ старался всей силой своего могущества *измѣнить направленіе, согнуть* линію молніи, на которую Онъ опирался, въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ итти. Чувствуя себя безсильной къ сопротивленію, я поняла, что Онъ сдѣлаетъ то, что хочетъ. Онъ согнулъ меня, и уголъ, который при этомъ образовался, былъ моимъ страданіемъ, страданіемъ такимъ острымъ, какого я никогда еще не испыты-

вала, на вершинѣ котораго,—когда Богъ проходилъ надо мной—*я прозрѣла*.

Въ ту минуту я поняла такія вещи, которыя теперь забыла, и которыя нельзя припомнить, не перешагнувъ порога безумія. Уголъ былъ тупой, и у меня осталось впечатлѣніе, когда я проснулась, что, если бы онъ былъ прямой или острый, я бы страдала и «видѣла» еще больше и, безъ сомнѣнія, умерла бы отъ этого.

Онъ прошелъ, и сознаніе вернулось ко мнѣ. Въ тотъ мигъ вся моя жизнь встала передо мной до самыхъ маленькихъ огорченій, *и я поняла все*. Вотъ она цѣль, къ которой всѣ стремятся, вотъ та частица дѣла, которую всѣ они выполняютъ.

Я не видѣла Божьяго замысла, я видѣла только его усилія и его безпощадность по отношенію къ людямъ. Онъ не думалъ обо мнѣ... какъ не думаютъ о боли дробинки, когда стрѣляютъ изъ ружья. Тѣмъ не менѣе мое первое чувство, какое было у меня послѣ пробужденія, вылилось словами, какія я произнесла въ слезахъ: Господи, я недостойна, такъ какъ я дѣйствительно поднялась на такую высоту, какой не была достойна. Для меня стало ясно, что за эти полчаса я служила Богу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ когда бы то ни было, и какъ я даже не смѣла раньше мечтать. Черезъ меня онъ свершилъ нѣчто,—что именно и по отношенію къ кому, не знаю—употребивъ на это все страданіе, на какое я была способна.

Въ то время, какъ я приходила въ сознаніе, я спрашивала себя, почему въ моментъ такого глубокаго прозрѣнія я ничего не увидѣла изъ того, что вѣрующіе называютъ *любовью* Божіей, а только одну безпощадность. Тогда я услышала отвѣтъ, который сразу поняла: «Познаніе и Любовь—одно, а страданье *мѣра* ихъ». Я привожу слова эти въ томъ видѣ, въ какомъ они для меня прозвучали. Послѣ этого я окончательно вернулась въ дѣйствительность, въ міръ, который казался сномъ рядомъ съ реальностью того, гдѣ я только что была»...

Сайсмондсъ, о которомъ упоминаетъ Джемсъ, разсказываетъ объ интересномъ мистическомъ опытѣ, пережитомъ подъ дѣйствіемъ хлороформа:

«Когда исчезли ощущенія удушья, я почувствовалъ себя въ состояніи забытья. Потомъ, какъ бы въ проблескахъ молніи, являлось отчетливымъ видѣніемъ все, происходившее вокругъ меня, но при полномъ отсутствіи чувства осязанія. Я думалъ, что я на волоскѣ отъ смерти. И вдругъ вспыхнуло въ душѣ сознаніе Бога. Онъ снизошелъ на меня. Онъ управлялъ мною во всей ярко ощутимой реальности Своей. Онъ хлынулъ на меня потокомъ свѣта... Я не могу описать радости, какую тогда пережилъ. По мѣрѣ того, какъ съ пробужденіемъ возвращалось мое обычное отношеніе къ міру, это чувство новаго отношенія къ Богу разсѣялось. Я сорвался съ моего кресла и застоналъ:—это слишкомъ ужасно, слишкомъ, слишкомъ ужасно».—Для меня невыносимо было это разочарованіе. Проснувшись, я увидѣлъ передъ собою двухъ испуганныхъ хирурговъ и закричалъ имъ:—«почему вы не убили меня? почему не дали мнѣ умереть?»...

Анэстезическія состоянія очень близки къ тѣмъ страннымъ моментамъ, которые переживаются эпилептиками во время припадковъ. Художественное описаніе эпилептическихъ состояній мы находимъ у *Достоевскаго* въ «Идіотѣ». (*Стр. 240, Спб., 1894 г.*).

«Онъ задумался между прочимъ о томъ, что въ эпилептическомъ состояніи его была одна степень, почти предъ самымъ припадкомъ, когда вдругъ воспламенялся его мозгъ, и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія почти удесятерялось въ эти мгновенія, продолжавшіяся, какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ; всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое то высшее спокойствіе, полное ясной гармонической радости и надежды».

«... Раздумывая объ этомъ мгновеніи впослѣдствіи, уже въ здоровомъ состояніи, онъ часто говорилъ самъ себѣ, что вѣдь всѣ эти молніи и проблески высшаго самоощущенія и самосознанія, а стало быть и «высшаго бытія», не что иное, какъ болѣзнь... И однако же, онъ все-таки дошелъ, наконецъ, до чрезвычайно парадоксальнаго вывода: «что же въ томъ, что это болѣзнь» рѣшилъ онъ, «наконецъ, какое до того дѣло, что это напряженіе ненормальное, если самый результатъ, если минута ощущенія, припоминаемая и разсматриваемая уже въ здоровомъ состояніи, оказывается высшей степени гармоніей, красотой, даетъ неслыханное и негаданное дотолѣ чувство полноты, вѣры, примиренія и восторженнаго молитвеннаго слитія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни?» Эти туманныя выраженія казались ему самому очень понятными, хотя еще слишкомъ слабыми. Въ томъ же, что это дѣйствительно «красота и молитва», что это дѣйствительно «высшій синтезъ жизни», въ этомъ онъ сомнѣваться не могъ, да и сомнѣній не могъ допустить... Объ этомъ онъ здраво могъ судить по окончаніи болѣзненнаго состоянія. Мгновенія эти были именно однимъ только необыкновеннымъ усиліемъ самосознанія,—если бы надо было выразить это состояніе однимъ словомъ,—самосознанія и въ то же время самоощущенія, въ высшей степени непосредственнаго. Если въ ту секунду, то есть въ самый послѣдній сознательный моментъ передъ припадкомъ, ему случалось успѣвать ясно и сознательно сказать себѣ:—Да, за этотъ моментъ можно отдать всю жизнь, то, конечно, этотъ моментъ самъ по себѣ и стоилъ всей жизни... Вѣдь это самое бывало же, вѣдь онъ самъ же успѣвалъ сказать себѣ, что эта секунда по безпредѣльному счастію, имъ вполнѣ ощущаемому, пожалуй, и могла бы стоить всей жизни».

«Въ этотъ моментъ, какъ говорилъ онъ однажды Рогожину въ Москвѣ... въ этотъ моментъ мнѣ какъ то становится понятно необычайное слово о томъ, что *времени больше не будетъ*. Вѣроятно, прибавилъ онъ, улыбаясь,— это та же самая секунда, въ которую не успѣлъ пролиться опрокинувшійся кувшинъ съ водой эпилептика Магомета, успѣвшаго, однако, въ ту самую секунду обозрѣть всѣ жилища Аллаховы».

Наркозъ или эпилепсія совсѣмъ не необходимыя условія мистическихъ состояній у обыкновенныхъ людей.

«Въ нѣкоторыхъ условіяхъ окружающей насъ природы кроется особая власть, вызываетъ подобныя мистическія состоянія», говоритъ Джемсъ.

Правильнѣе было бы сказать, что *во всѣхъ условіяхъ* окружающей насъ природы кроется эта власть. Перемѣна временъ года:— первый снѣгъ, начало весны, дождливые и теплые лѣтніе дни, запахъ осени—будятъ въ насъ странныя «настроенія», которыхъ мы сами не понимаемъ. Иногда эти настроенія усиливаются и доходятъ до ощущенія полной слитости съ природой. У каждаго человѣка есть свои моменты, которые на него дѣйствуютъ сильнѣе. На нѣкоторыхъ мистически дѣйствуетъ *гроза*, на другихъ *восходъ солнца*, третьихъ точно гипнотизируетъ и втягиваетъ въ себя *море*, четвертыхъ поглощаетъ заполняетъ и подчиняетъ себѣ *лѣсъ*, пятымъ безконечно много говорятъ и притягиваютъ ихъ къ себѣ *скалы*, шестые подчинены *огню*. Голосъ пола, вліяніе женщины на мужчину и мужчины на женщину заключаетъ въ себѣ много этого мистическаго ощущенія *природы*, которое дается лѣсомъ, степью, моремъ...

Голосъ пола, вліяніе «вѣчно женскаго» на мужчину и «вѣчно мужского» на женщину заключаетъ въ себѣ наиболѣе сильное и наиболѣе личное ощущенье природы; въ чувствѣ пола человѣкъ становится въ наиболѣе личныя отношенія съ природой. Очень часто встрѣчается сравненіе ощущенія женщины мужчиной или обратно съ чувствомъ природы. И на самомъ дѣлѣ это *то же самое ощущеніе*, которое дается лѣсомъ, степью, моремъ, горами, только здѣсь оно еще ярче; будитъ больше внутреннихъ голосовъ; заставляетъ звучать больше внутреннихъ струнъ.

Часто, мистическое ощущеніе природы даютъ людямъ животныя. Почти у каждаго есть свое любимое животное, съ которымъ у него есть какое то внутреннее сродство. Въ этихъ животныхъ или черезъ этихъ животныхъ люди интимно и лично ощущаютъ природу.

Въ индійской магіи распространено повѣріе, что у каждаго человѣка есть свое животное, черезъ которое на него можно дѣйствовать, черезъ которое онъ самъ можетъ дѣйствовать на другихъ, и въ которое онъ можетъ превращаться или его можно превращать.

У всѣхъ индійскихъ боговъ есть свои животныя.

У Брамы—гусь; у Вишну—орелъ; у Шивы—быкъ; у Индры—слонъ; у Кали (Дурга)—тигръ; у Рамы—буйволъ; у Ганеша—крыса; у Агни—баранъ; у Картиккейи (или Субрананійя)—павлинъ и у Камы (божество любви)—попугай.

То же самое было у грековъ, всѣ божества Олимпа имѣли своихъ животныхъ.

Въ египетской религіи огромную роль играли священныя животныя и въ Египтѣ священнымъ животнымъ считалась *кошка*—самое магическое изъ животныхъ.

Чувство природы иногда раскрываетъ что-то безконечно глубокое и новое въ вещахъ, которыя, казалось, давно были извѣстны, и никогда не заключали въ себѣ ничего мистическаго.

«Меня посѣщало иногда сознаніе близости Бога, пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ Джемса,... это было *нѣчто*... куда я входилъ какъ часть входитъ въ цѣлое, и что управляло мною. Я чувствовалъ тогда родство съ деревьями, травами, съ птицами, насѣкомыми, со всѣмъ, что есть въ природѣ. Сознаніе, что я существую, что я часть падающаго дождя, облачныхъ тѣней, древесныхъ стволовъ—наполняло меня восторгомъ».

Въ своей записной книжкѣ я нашелъ описаніе подобнаго же пережитаго состоянія.

«Это было въ Мраморномъ морѣ, зимой, дождливый день. Высокій берегъ и скалы вдали были совершенно фіолетоваго цвѣта всѣхъ оттѣнковъ до самаго нѣжнаго, переходившаго въ сѣрый и сливавшагося съ сѣрымъ небомъ. Море было свинцовое съ серебромъ. Я запомнилъ всѣ эти краски. Пароходъ шелъ на сѣверъ. Немного качало. Я стоялъ у борта и смотрѣлъ на волны. Бѣлые гребни издалека бѣжали къ намъ навстрѣчу. Волна подбѣгала, вздымалась, точно желая забросить свой гребень на пароходъ, и съ ревомъ бросалась подъ него. Пароходъ накренялся, вздрагивалъ и медленно выпрямлялся, а издали бѣжала новая волна. Я смотрѣлъ на эту игру волнъ съ пароходомъ и чувствовалъ, что волны тянутъ меня къ себѣ. Это совсѣмъ не было желаніе прыгнуть внизъ, какое испытываешь въ горахъ, а нѣчто безконечно болѣе тонкое. Волны втягивали въ себя мою душу. И вдругъ я почувствовалъ, что она пошла къ нимъ. Это было мгновеніе, можетъ быть, меньше, чѣмъ мгновеніе. Но я вошелъ въ волны, вмѣстѣ съ ними съ ревомъ побѣжалъ на пароходъ. И въ этотъ моментъ *сталъ всѣмъ*. Волны — это былъ я. Фіолетовыя горы вдали — это былъ я. Вѣтеръ — это былъ я. Тучи, бѣжавшія съ сѣвера, дождь, это былъ я. Огромный пароходъ, качавшійся и неуклонно стремившійся впередъ—это былъ я. Я ощутилъ это огромное тяжелое желѣзное тѣло, *мое тѣло*, всѣ его движенія, колебанія, качанія и дрожь, огонь, напряженіе пара и машину *внутри меня*, безпощадный неуклонный винтъ съ каждымъ ударомъ гнавшій и гнавшій меня впередъ, ни на секунду не отпускавшій *меня*, слѣдившій за каждымъ моимъ движеніемъ рулъ. *Все это былъ я.* И дежурный помощникъ на мостикѣ былъ я. И два матроса... и черный дымъ, валившій изъ трубы... все».

«Это было мгновеніе необыкновенной свободы, радости и расширенія. Секунда—и очарованіе исчезло. Оно прошло, какъ начинающійся сонъ, когда вы подумаете о немъ. Но ощущеніе было настолько сильное, яркое

необыкновенное, что я боялся двинуться и ждалъ, что оно вернется. Но оно не вернулось, и черезъ минуту я уже не могъ сказать—было это, или не было, испыталъ я это въ дѣйствительности или только *подумалъ*, смотря на волны, что это можетъ быть».

«Потомъ, черезъ два года, желтоватыя волны Финскаго залива и зеленое небо дали мнѣ отвкусъ того же самаго ощущенія. Но на этотъ разъ оно оборвалось прежде, чѣмъ появилось»...

Дальнѣйшія испытанныя ощущенія такого рода и описаніе опытовъ искусственнаго вызыванія ихъ при помощи наркотиковъ и безъ наркотиковъ войдутъ въ книгу «Мудрость боговъ», въ главы объ опытной мистикѣ.

Приведенные въ этой главѣ примѣры, конечно, не исчерпываютъ мистическаго опыта человѣчества.

Но что мы видимъ изъ нихъ?

Прежде всего *единство переживанія*. Всѣ люди въ мистическихъ ощущеніяхъ испытываютъ нѣчто общее и имѣющее одинаковый смыслъ и связь одно съ другимъ. Мистики разныхъ вѣковъ и народовъ говорятъ однимъ языкомъ и одними словами. Это первое и самое главное, что говоритъ за реальность мистическаго опыта. А затѣмъ полная согласованность данныхъ этого опыта съ теоретически выведенными *условіями міра причинъ*. Ощущеніе *единства всего*, характерное въ мистикѣ. Новое ощущеніе *времени*. Чувство *безконечности*. Радость или ужасъ. Познаніе цѣлаго въ части. Безконечная жизнь и безконечное сознаніе. Все это реальные *ощущаемые* факты въ мистическомъ опытѣ. И эти факты *теоретически правильны*. Они таковы, какими должны быть на основаніи заключеній математики безконечнаго и высшей логики. Это все, что можно сказать о нихъ.

ГЛАВА XXIII.

«Космическое сознаніе» д-ра Бёкка. Три формы сознанія по Бёкку. Простое сознаніе или сознаніе животныхъ. Самосознаніе или сознаніе человѣка. Космическое сознаніе. Въ чемъ оно выражается? Ощущеніе, представленіе, понятіе, высшее моральное понятіе — творческая интуиція. Люди космическаго сознанія. Грѣхопаденіе Адама. Познаніе добра и зла. Христосъ и спасеніе человѣка. Примѣчанія къ книгѣ д-ра Бёкка. Рожденіе новаго человѣчества. Двѣ расы. Сверхчеловѣкъ. Таблица четырехъ формъ проявленія сознанія.

Очень многіе люди думаютъ, что основные вопросы жизни абсолютно неразрѣшимы, что человѣчество никогда не узнаетъ, зачѣмъ и къ чему оно стремится, для чего страдаетъ, куда идетъ. Поднимать эти вопросы считается почти неприличнымъ. Полагается жить «такъ» «просто жить». Люди отчаялись найти отвѣты на эти вопросы и махнули на нихъ рукой.

И въ то же время люди плохо отдаютъ себѣ отчетъ, *что собственно* создало имъ ощущеніе безнадежности и неразрѣшимости. Откуда идетъ то, *о чемъ лучше не думать*.

Въ дѣйствительности эту безнадежность мы ощущаемъ только тогда, когда начинаемъ считать человѣка чѣмъ то «конечнымъ», законченнымъ, не видимъ ничего дальше человѣка и думаемъ, что мы уже все въ человѣкѣ знаемъ. Въ такомъ видѣ вопросъ на самомъ дѣлѣ безнадеженъ. Отъ всѣхъ соціальныхъ теорій, обѣщающихъ намъ неисчислимыя блага на землѣ, вѣетъ холодомъ, и остается чувство неудовлетворенности и непріятный отвкусъ.

— *Зачѣмъ? Къ чему все это?* Ну, всѣ будутъ сыты.—Прекрасно *А дальше?*

Конечно, пока человѣчество не освободится отъ голода и нужды, пока рядомъ съ роскошными дворцами и комфортабельными домами будутъ вонючія и грязныя трущобы, пока рядомъ съ нами люди будутъ топиться и вѣшаться отъ голода и отъ отчаянія, пока будутъ существовать войны, тюрьмы, насилія, мы не имѣемъ права говорить ни о культурѣ, ни о цивилизаціи.

Но допустимъ, что ничего этого больше нѣтъ. Хотя и очень трудно, почти невозможно предположить, чтобы матеріальная куль-

тура, сама по себѣ, привела людей къ благополучному существованію, мы всетаки предположимъ, что это совершилось. На землѣ настоящая, неподдѣльная цивилизація и культура! Никто больше не душитъ никого. Всѣ могутъ жить и дышать. *Ну, а дальше?*

Дальше, нѣсколько трескучихъ фразъ о «невѣроятныхъ горизонтахъ», открывающихся передъ *наукой*.—«Сообщеніе съ планетой Марсъ», «химическое приготовленіе протоплазмы», «утилизація вращенія земли вокругъ солнца», «сыворотки отъ всѣхъ болѣзней», «*жизнь до ста лѣтъ*» даже до ста пятидесяти!—дальше, можетъ быть, «искусственное приготовленіе людей»,—но дальше уже фантазія истощается.

Можно еще прорыть насквозь земной шаръ. Но это будетъ уже совершенно безполезно.

Вотъ тутъ и приходитъ ощущеніе неразрѣшимости основныхъ вопросовъ о цѣляхъ бытія и чувство безнадежности передъ нашимъ непониманіемъ этого.

Въ самомъ дѣлѣ, ну прорыли земной шаръ, а дальше? Въ другомъ направленіи рыть? Вѣдь это же скучно. Но ничего другого не обѣщаютъ и не могутъ обѣщать намъ позитивныя соціальныя теоріи, «историческій матеріализмъ» и т. п. Чтобы получить какой нибудь отвѣтъ на мучающіе насъ вопросы, нужно обратиться совсѣмъ въ другую сторону къ психологическому методу изученія человѣка и человѣчества. И тутъ мы съ удивленіемъ видимъ, что психологическій методъ въ сущности очень удовлетворительно отвѣчаетъ на главные вопросы, которые кажутся намъ неразрѣшимыми и вокругъ которыхъ мы безплодно ходимъ съ негодными орудіями позитивныхъ методовъ.

Психологическій методъ даетъ отвѣтъ на вопросъ по крайней мѣрѣ о ближайшей цѣли нашего бытія. Только люди почему то не хотятъ принять этого отвѣта. И хотятъ непремѣнно получить отвѣтъ въ той формѣ, какая имъ нравится, отказываясь признать то, что непохоже на эту форму. Имъ нужно разрѣшеніе вопроса о судьбѣ такого человѣка, какого они себѣ представляютъ. И они не хотятъ признать, что *человѣкъ*, это—нѣчто совсѣмъ другое.—Въ немъ есть непроявленныя свойства, которыя должны проявиться, и только проявленіе этихъ свойствъ освѣтитъ для человѣка его будущее. Человѣкъ не можетъ и не долженъ остаться такимъ, какой онъ есть сейчасъ. Думать о будущемъ *этого* человѣка такъ же нелѣпо, какъ думать о будущемъ ребенка, считая, что онъ всегда останется ребенкомъ. Аналогія не совсѣмъ полная, потому что къ росту способна, вѣроятно, только очень малая часть человѣчества, но тѣмъ не менѣе

это сравненіе вѣрно рисуетъ картину обычнаго отношенія къ вопросу. И судьба той большей части человѣчества, которая окажется неспособной къ росту, зависитъ не отъ нея самой, а отъ меньшей части, которая будетъ расти. Только внутренній ростъ, раскрытіе новыхъ силъ дастъ человѣку правильное пониманіе его самого, и его путей, и его будущаго, и дастъ возможность устроить жизнь на землѣ. Въ настоящее время *человѣкъ* еще слишкомъ недифференцированное существо. Общее понятіе «человѣкъ» включаетъ въ себя типы *совершенно различнаго будущаго*, способные къ развитію и неспособные, и, можетъ быть, даже типы *различнаго происхожденія*. Затѣмъ въ человѣкѣ, способномъ къ развитію, есть очень много уже вполнѣ готовыхъ новыхъ свойствъ, которыя тоже еще не проявляются, такъ какъ для своего проявленія требуютъ особой культуры, особаго воспитанія. *Новый взглядъ на человѣчество разстается съ идеей равенства*, котораго все равно нѣтъ, и стремится установить признаки и факты различія людей, потому что человѣчеству уже скоро нужно будетъ *отдѣлить* «идущихъ впередъ» отъ «неспособныхъ итти», *пшеницу отъ плевелъ*, такъ какъ плевелы разрастаются черезчуръ сильно и заглушаютъ ростъ пшеницы.

Это и есть ключъ къ пониманію нашей жизни. И ключъ этотъ давно уже найденъ!

Загадка давно разгадана. Но разные мыслители разныхъ эпохъ, находя ея рѣшенія, называли ихъ разными именами и часто, не зная другъ друга, съ огромнымъ трудомъ проходили по одной и той же дорогѣ, не подозрѣвая о своихъ предшественникахъ и о современникахъ, шедшихъ и идущихъ по одному и тому же пути.

Во всемірной литературѣ существуютъ книги, обыкновенно мало извѣстныя, которыя случайно или не случайно могутъ оказаться на одной полкѣ, въ одной библіотекѣ. И тогда, взятыя вмѣстѣ, онѣ дадутъ настолько полную и ясную картину разныхъ сторонъ человѣческаго существа, что у насъ больше не останется сомнѣній относительно назначенія человѣчества (хотя бы въ малой его части) *иного*, чѣмъ каторжныя работы по прорытію насквозь земного шара, которыя сулитъ ему позитивная философія и «историческій матеріализмъ».

И если намъ кажется, что мы еще не знаемъ своей судьбы, если мы еще сомнѣваемся, и не рѣшаемся разстаться съ безнадежностью «положительнаго» взгляда на жизнь, то это происходитъ: во-первыхъ потому, что въ нашемъ представленіи смѣшиваются въ одинъ *два* человѣческихъ типа, которыхъ ожидаетъ совершенно различное будущее, а во-вторыхъ, нужныя намъ идеи, изъ которыхъ мы могли

бы понять реальное отношеніе силъ, не завоевали себѣ мѣста въ оффиціальномъ знаніи, не составляютъ никакой *признанной* отрасли или вѣтви знанія, и ихъ рѣдко можно встрѣтить сразу въ одной книгѣ и даже рѣдко можно встрѣтить собранными вмѣстѣ книги, выражающія эти идеи.

Мы многаго не понимаемъ, потому что слишкомъ легко и слишкомъ основательно спеціализируемся. Философія, религія, психологія, математика, естествознаніе, соціологія, исторія культуры. искусство,—все имѣетъ свою особенную, отдѣльную литературу, Общаго цѣлаго, ничего нѣтъ. Даже *мостики* между отдѣльными литературами построены плохо и неудачно, а часто ихъ и совсѣмъ нѣтъ. И это образованіе спеціальныхъ литературъ является главнымъ зломъ и главнымъ препятствіемъ къ правильному пониманію вещей. Каждая «литература» вырабатываетъ свою собственную терминологію, свой собственный языкъ, непонятный для представителей другихъ литературъ и *не совпадающій* съ другими языками, и этимъ еще рѣзче опредѣляетъ свои границы, отдѣляетъ себя отъ другихъ и дѣлаетъ свои границы непереходимыми.

Что намъ нужно уже давно, это—синтезъ.

Слово *синтезъ* было поставлено на знамени современнаго теософическаго движенія, начатаго Блаватской. Но это слово осталось однимъ словомъ, потому что на дѣлѣ получалась новая спеціализація и своя собственная *теософическая* литература, отдѣльная и стремящаяся еще больше отдѣлиться и отгородиться отъ общаго движенія мысли.

Но есть направленія мысли, стремящіяся не на словахъ, а на дѣлѣ бороться со спеціализаціей.

Появляются книги, которыя невозможно отнести ни къ какой изъ принятыхъ библіотечныхъ рубрикъ, нельзя «приписать» ни къ какому факультету. Эти книги являются предвѣстниками новой литературы, которая снесетъ всѣ перегородки, построенныя въ области мысли, и ясно покажетъ человѣчеству, куда оно идетъ.

Имена авторовъ этихъ книгъ даютъ самыя неожиданныя сочетанія. Я не буду останавливаться сейчасъ на перечнѣ авторовъ или заглавій книгъ, а укажу только на сочиненія Эдуарда Карпентера и на мало извѣстное у насъ американское движеніе мысли, представителемъ котораго можно считать канадскаго психіатра д-ра Р. Бекка (R. Bucke).

Эдуардъ Карпентеръ прямо и безъ всякихъ аллегорій и символовъ формулировалъ мысль о томъ, что настоящее сознаніе, которымъ живетъ современный человѣкъ, есть только переходная форма къ

другому высшему сознанію, которое *уже теперь* проявляется у нѣкоторыхъ людей, послѣ соотвѣтствующей подготовки и тренировки.

Это высшее сознаніе Эд. Карпентеръ назвалъ *космическимъ сознаніемъ*.

Карпентеръ путешествовалъ по Востоку, былъ въ Индіи и на Цейлонѣ и нашелъ тамъ людей, стремившихся къ овладѣнію *космическимъ сознаніемъ*, пустынниковъ и іоговъ, и онъ держится того мнѣнія, что путь къ космическому сознанію уже найденъ на Востокѣ.

Въ книгѣ «Отъ пика Адама до Элефанты», въ главахъ: «Мое знакомство съ іогомъ» и «Сознаніе безъ мысли», онъ говоритъ:

Западъ стремится къ индивидуальному сознанію—къ обогащенію ума, воспріятій, памяти, живетъ индивидуальными надеждами, страхами, честолюбіемъ, любовью, побѣдами—все это выраженіе *себя, ограниченнаго себя* во всѣхъ фазахъ и формахъ, и Западъ глубоко сомнѣвается даже въ самомъ существованіи универсальнаго сознанія. Востокъ стремится къ универсальному сознанію и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти исканія достигаютъ цѣли, индивидуальное *Я* и индивидуальная жизнь дѣлаются тонкими и прозрачными, какъ легкая оболочка, становятся какъ бы тѣнью, отбрасываемой какимъ то колоссальнымъ явленіемъ, стоящимъ за ними.

Индивидуальное сознаніе принимаетъ форму мысли, которая текуча и подвижна какъ ртуть, постоянно находится въ состояніи измѣненій и безпокойства, переплетающагося со страданіемъ и усиліемъ. Универсальное сознаніе не принимаетъ формы мысли. Осязая, видя, слыша, оно становится тѣми вещами, которыя воспринимаетъ; и воспріятіе происходитъ въ этомъ случаѣ безъ измѣненія, безъ усилія, безъ различенія субъекта и объекта, но съ глубокой, невыразимой радостью.

Индивидуальное сознаніе соединено съ тѣломъ. Органы тѣла въ значительной степени его органы. Но все тѣло есть только органъ универсальнаго или космическаго сознанія. И чтобы достигнуть этого сознанія человѣкъ долженъ обладать способностью ощущать и сознавать свое Я отдѣльно и независимо отъ тѣла, т. е. переходить въ состояніе экстаза. Безъ этого не можетъ быть испытано космическое сознаніе.

Всѣ послѣдующія сочиненія Карпентера и особенно сборникъ стихотвореній въ прозѣ «Къ демократіи» приводятъ къ психологіи экстатическихъ переживаній и рисуютъ путь, какимъ идетъ человѣкъ къ этой *главной цѣли своего существованія*.

Только достиженіе этой первой цѣли освѣтитъ для человѣка прошедшее и будущее; это будетъ прозрѣніе, пробужденіе.—Безъ этого, только съ земнымъ «индивидуальнымъ» сознаніемъ человѣкъ — слѣпой; и онъ не можетъ надѣяться узнать то, чего не можетъ нащупать его клюка.

Психологическую картину этого пробужденія новаго сознанія даетъ д-ръ Р. Бёккъ въ книгѣ «Космическое сознаніе».

Я приведу въ сокращенномъ видѣ нѣсколько отзывовъ изъ его книги.

I.

Что такое космическое сознаніе? Космическое сознаніе, есть форма сознанія высшая, чѣмъ та, которой обладаетъ обыкновенный человѣкъ. Послѣднее называется самосознаніемъ, и это есть способность, на которой основывается вся наша жизнь, (какъ субъективная, такъ и объективная), которая не является общей съ жизнью высшихъ животныхъ; къ самосознанію не относится только та часть нашей жизни (отдѣльной отъ животной), которая заимствована нами у немногихъ индивидуумовъ, обладавшихъ высшимъ, т. е. космическимъ сознаніемъ. Чтобы уяснить это себѣ, нужно понять, что существуютъ три формы или степени сознанія: 1) *простое сознаніе*, которымъ обладаетъ высшая половина животнаго царства. 2) *Самосознаніе*, которымъ обладаетъ человѣкъ въ добавленіе къ простому сознанію, которое у него одинаково съ животными. 3) *Космическое сознаніе*. При помощи простого сознанія собака или лошадь не только сознаютъ вещи вокругъ себя, но сознаютъ также свои члены и тѣло и знаютъ, что это часть ихъ. Самосознаніе дѣлаетъ человѣка не только сознающимъ деревья, скалы, воду, его собственные члены и тѣло, но даетъ ему возможность сознавать себя, какъ существо отдѣльное отъ всей остальной вселенной.

Можно сказать съ увѣренностью, что ни одно животное не можетъ реализовать себя такимъ образомъ. Дальше при помощи самосознанія, человѣкъ пріобрѣтаетъ способность обращаться со своими душевными состояніями, какъ съ объектами сознанія. И онъ не только сознаетъ деревья, скалы, воду, свои собственные члены и тѣло, но онъ сознаетъ себя, какъ отдѣльное существо... Животное, такъ сказать, погружено въ свое сознаніе, какъ рыба въ морѣ; оно не можетъ даже въ воображеніи выйти изъ него, хотя бы на одно мгновеніе, для того, чтобы реализовать его. Но человѣкъ при помощи самосознанія можетъ, такъ сказать, отступить въ сторону отъ себя и подумать:—да, эта мысль, которая была у меня по поводу того дѣла, вѣрна. Я знаю, что она вѣрна, и я знаю, что я это знаю.—Животное не можетъ такъ думать. Если бы оно могло, мы бы давно знали это. Между существами, живущими такъ близко другъ къ другу, какъ люди съ одной стороны и собаки или лошади съ другой, не было бы ничего легче установить сношенія, если бы тѣ, и другіе обладали самосознаніемъ. Мы и такъ часто знаемъ, что происходитъ въ умѣ собаки. Если бы она обладала самосознаніемъ, мы бы узнали это. Но мы не узнаемъ этого, и это даетъ намъ право сказать, что ни собака, ни лошадь, ни слонъ, ни обезьяна—никогда не были самосознательными. Затѣмъ, на самосознаніи человѣка построено все, что есть вокругъ насъ опредѣленно человѣческаго. Языкъ есть объективная сторона того, субъективной стороной чего является самосознаніе. «Самосознаніе и языкъ (два въ одномъ, потому что это двѣ половинки одной и той же вещи) представляютъ собой sine qua non человѣческой общественной жизни, обычаевъ, учрежденій, промышленности, ремеслъ и искусствъ. Если бы какое-нибудь животное обладало самосознаніемъ, оно создало бы себѣ языкъ... Но ни одно животное не сдѣлало этого,

и мы выводимъ заключеніе, что животное не обладаетъ самосознаніемъ». «Обладаніе самосознаніемъ и языкомъ создаетъ огромный промежутокъ между человѣкомъ и высшими животными, обладающими только простымъ сознаніемъ».

«Космическое сознаніе есть третья форма, которая настолько же выше самосознанія, насколько самосознаніе выше простого сознанія... Главная характеристика космическаго сознанія, какъ говоритъ самое его имя, есть сознаніе космоса, т. е. жизни и порядка вселенной. Вмѣстѣ съ сознаніемъ космоса приходитъ интеллектуальное просвѣтлѣніе, которое уже само по себѣ переноситъ существо, обладающее имъ, на новый планъ бытія—дѣлаетъ изъ него почти существо новаго вида. Къ этому присоединяется чувство моральной экзальтаціи, неописуемое чувство возвышенія и радостности и усиленіе моральнаго чувства, которое само по себѣ настолько же поражающе и настолько же важно, какъ для индивидуума, такъ и для всей расы, какъ и усиленіе интеллектуальной силы. Вмѣстѣ съ этимъ приходитъ то, что можетъ быть названо чувствомъ безсмертія,—сознаніе вѣчной жизни; не увѣренность въ томъ, что она будетъ, а сознаніе того, что она уже есть».

Только личный опытъ или продолжительное изученіе людей, переходившихъ въ эту новую жизнь, можетъ помочь намъ реализовать ея сущность. Авторъ надѣется, что его работа будетъ полезна въ двухъ отношеніяхъ:—во-первыхъ она должна расширить общій взглядъ на человѣческую жизнь, давъ нашему умственному зрѣнію картину слѣдующей (скрытой отъ насъ) фазы человѣческой жизни, и затѣмъ должна помочь намъ до извѣстной степени реализовать истинное состояніе людей, которые до сихъ поръ считались или близкими къ божеству или умалишенными. Авторъ держится взгляда, что наши потомки рано или поздно достигнутъ космическаго состоянія, какъ раса, совершенно такъ же, какъ много тысячелѣтій тому назадъ наши предки перешли отъ простого сознанія къ самосознанію. И онъ находитъ, что этотъ шагъ въ эволюціи совершается уже теперь, такъ какъ для него ясно, что люди, обладающіе космическимъ сознаніемъ, появляются все чаще и чаще и что мы, какъ раса, все ближе и ближе подходимъ къ той стадіи самосознанія, отъ которой совершится переходъ къ космическому сознанію. И онъ знаетъ, что разумное соприкосновеніе съ умами космическаго сознанія должно помогать людямъ восходить на высшую ступень.

II.

Ближайшее будущее человѣчества, какъ думаетъ авторъ, полно не поддающихся описанію надеждъ. Въ настоящее время передъ нами стоятъ три неизбѣжныхъ революціи, самая маленькая изъ которыхъ сведетъ совершенно на нѣтъ всѣ извѣстные историческіе перевороты, называвшіеся революціями[1]). Первая революція, матеріальная (политическая), которая произойдетъ въ результатѣ установленія воздухоплаванія. Вторая—экономическая и соціальная революція, которая уничтожитъ частную собственность и освободитъ землю сразу отъ двухъ страшныхъ золъ—отъ богатства и отъ бѣдности. И третья—психическая революція, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

[1]) См. примѣч. 1, стр. 305.

Уже каждая изъ первыхъ двухъ революцій радикально измѣнитъ условія человѣческой жизни и подниметъ ее на большую высоту. Но третья сдѣлаетъ въ сотни и тысячи разъ больше, чѣмъ двѣ первыя взятыя вмѣстѣ.

А всѣ три, дѣйствуя вмѣстѣ, буквально создадутъ новое небо и новую землю. Со старымъ порядкомъ вещей будетъ покончено и наступитъ новый.

Передъ воздухоплаваніемъ, какъ тѣни, исчезнутъ національныя границы, таможенные тарифы и, можетъ быть, даже различія языковъ. Большіе города не будутъ болѣе имѣть смысла для своего существованія и расплывутся. Люди, которые теперь живутъ въ городахъ, будутъ жить въ горахъ или у моря, строя свои жилища на возвышенныхъ мѣстахъ, теперь почти недоступныхъ, откуда будутъ открываться роскошные виды. Зимой они будутъ, вѣроятно, жить небольшими общинами. И одинаково, какъ скученная жизнь большихъ городовъ, такъ и изолированность отъ культурной жизни земледѣльца, станутъ дѣломъ прошлаго. Разстоянія будутъ фактически уничтожены и не будетъ ни скопленія большихъ массъ въ одномъ мѣстѣ, ни вынужденнаго одиночества.

Соціализмъ уничтожитъ давящій трудъ, жестокую нужду, оскорбительное и деморализующее богатство, бѣдность и все проистекающее отъ нея зло. Все это останется только темой историческихъ романовъ [1]).

Подъ вліяніемъ прилива космическаго сознанія всѣ извѣстныя и существующія религіи расплывутся. Революція произойдетъ въ человѣческой душѣ. Религія будетъ абсолютно господствовать надъ человѣчествомъ. Но эта религія не будетъ зависѣть отъ преданія. Въ нее не будутъ вѣрить или не вѣрить. Она не будетъ частью жизни, связанной съ извѣстными часами, днями или событіями жизни. Она не будетъ въ устахъ священнослужителей или въ священныхъ книгахъ. Она не будетъ обитать въ храмахъ и не будетъ связана ни съ какими формами. Ея жизнь не будетъ состоять въ молитвахъ, гимнахъ и проповѣдяхъ. Она не будетъ зависѣть отъ спеціальныхъ откровеній, отъ божественныхъ словъ учителей, приходившихъ на землю, и ни отъ какой библіи или библій. Она не будетъ имѣть задачей спасать людей отъ грѣховъ и обезпечивать имъ доступъ на небо. Она не будетъ учить будущему безсмертію и будущей славѣ, потому что безсмертіе и вся слава будутъ существовать здѣсь и въ настоящемъ. Очевидность безсмертія будетъ жить въ каждомъ сердцѣ, какъ зрѣніе живетъ въ каждомъ глазѣ. Сомнѣніе въ Богѣ и въ будущей жизни будетъ такъ же невозможно, какъ сомнѣніе въ своемъ собственномъ существованіи. Очевидность того и другого будетъ одинакова. Религія будетъ управлять каждой минутой, каждымъ днемъ жизни. Церкви, священники, обряды, вѣроисповѣданія, молитвы, всѣ посредники между индивидуальнымъ человѣкомъ и Богомъ будутъ замѣнены прямымъ и безошибочнымъ обращеніемъ человѣка къ Богу. Грѣхъ не будетъ болѣе существовать и спасеніе не будетъ ставиться цѣлью. Люди не будутъ мучиться относительно смерти или будущей жизни, относительно Царства Небеснаго, относительно того, что можетъ наступить послѣ прекращенія жизни тѣла. Каждая душа будетъ чувствовать и знать, что она безсмертна; будетъ чувствовать и знать, что вся вселенная со всѣми ея благами и со свей красотой существуетъ для нея и принадлежитъ ей навсегда. Міръ, населенный людьми, обладающими космическимъ сознаніемъ,

---

[1]) См. примѣч. 2, на стр. 306.

будетъ такъ же отличаться отъ міра, населеннаго обыкновенными людьми, какъ міръ людей отличается отъ міра животныхъ.

III.

Существуетъ преданіе, вѣроятно, очень старое, о томъ какъ первый человѣкъ былъ невиненъ и счастливъ, пока не поѣлъ плодовъ дерева познанія добра и зла. О томъ, какъ поѣвъ этихъ плодовъ, онъ увидѣлъ, что онъ нагъ, и почувствовалъ стыдъ. И дальше о томъ, какъ родился въ мірѣ грѣхъ, жалкое чувство, замѣнившее въ душѣ перваго человѣка чувство невинности. И о томъ, какъ тогда и не раньше этого человѣкъ началъ трудиться и покрывать свое тѣло. И что наиболѣе странно изъ всего, какъ разсказываетъ преданіе, тогда же одновременно съ первымъ ощущеніемъ грѣха, въ умѣ человѣка возникло убѣжденіе, которое съ тѣхъ поръ поддерживалось ученіями всѣхъ истинныхъ провидцевъ, пророковъ и поэтовъ, что человѣка спасетъ, долженствующій родиться въ его душѣ Спаситель—Христосъ.

Предокъ человѣка обладалъ только «простымъ сознаніемъ». И онъ былъ неспособенъ (такъ же какъ наши животныя) на чувство грѣха и стыда, во всякомъ случаѣ въ человѣческомъ смыслѣ этого слова. У него не было чувства или познанія добра и зла. Онъ не зналъ того, что мы называемъ трудомъ или заботой, и ни когда не трудился. Изъ этого состоянія онъ упалъ (или поднялся) въ состояніе самосознанія, его глаза открылись; онъ увидалъ, что онъ нагъ, почувствовалъ стыдъ, пріобрѣлъ чувство грѣха (и въ дѣйствительности сталъ грѣшнымъ) и научился дѣлать извѣстныя вещи для того, чтобы не прямымъ путемъ достигать своей цѣли,—т. е. научился работать.

Длинные эоны лѣтъ длилось такое состояніе—и чувство грѣха до сихъ поръ постоянно перемѣняетъ его путь—въ потѣ лица своего онъ зарабатываетъ свой хлѣбъ—и до сихъ поръ чувствуетъ стыдъ. Гдѣ же избавитель? Гдѣ Спаситель? Кто онъ или что онъ?

Спаситель человѣка есть Космическое Сознаніе—на языкѣ Св. Павла—Христосъ. Космическое сознаніе, въ той душѣ, въ которой оно появляется, раздавливаетъ голову змія—т. е. уничтожаетъ грѣхъ, стыдъ и чувство добра и зла, какъ противоположныхъ началъ и оно уничтожитъ *работу*, конечно, не подразумѣвая подъ этимъ всю человѣческую дѣятельность.

IV.

Личное изложеніе космическаго опыта самого автора и предшествовавшихъ переживаній можетъ помочь читателю уяснить себѣ сущность, излагаемыхъ фактовъ.

Въ дѣтствѣ онъ нѣсколько разъ испытывалъ особаго рода экстазъ любознательности и надежды; и разъ, когда ему было десять лѣтъ, страстно желалъ умереть, для того чтобы узнать тайну потусторонняго міра, если есть какой нибудь потусторонній міръ...

Въ возрастѣ около тридцати лѣтъ, онъ первый разъ прочиталъ «Leaves of the Grass» Уотъ Уитмана и сразу почувствовалъ, что эта книга содержитъ въ себѣ того, что онъ искалъ всю жизнь, больше, чѣмъ всѣ другія книги

взятыя вмѣстѣ. Онъ читалъ «Листья» страстно и съ надеждой, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мало извлекъ оттуда. Пока, наконецъ, свѣтъ не прорвался и не открылъ ему (насколько, вѣроятно, эти вещи могутъ быть открыты) часть значенія этой книги. И тогда произошло то, о чемъ хочетъ разсказать авторъ.

«Это было ранней весной въ началѣ тридцать шестого года его жизни. Онъ провелъ вечеръ съ двумя друзьями, читая поэтовъ Уордсуорта, Шелли, Китса, Броунинга и особенно Уитмана. Они разстались въ полночь, и ему предстояло далеко ѣхать домой въ экипажѣ. Дѣло было въ Англіи, въ большомъ городѣ. Его умъ, находившійся глубоко подъ впечатлѣніемъ идей, образовъ и эмоцій, вызванныхъ чтеніемъ и разговорами, былъ настроенъ тихо и мирно. Онъ находился въ состояніи, спокойной, почти пассивной радости. И вдругъ, безъ всякаго предупрежденія, онъ увидѣлъ себя какъ бы окутаннымъ облакомъ огненнаго цвѣта. На мгновеніе онъ подумалъ о пожарѣ гдѣ-нибудь въ городѣ, но въ слѣдующее мгновеніе онъ уже зналъ, что свѣтъ внутри его самого. Непосредственно за этимъ явилось чувство восторга, огромной радости, за которой послѣдовало интеллектуальное просвѣтлѣніе, которое невозможно описать. Въ его мозгъ проникла мгновенная молнія Брамическаго Сіянія и съ того времени навсегда освѣтила всю его жизнь. На его сердце упала капля Брамическаго Блаженства, оставивъ тамъ навсегда ощущеніе неба. Среди другихъ вещей, въ которыя онъ не то что сталъ вѣрить, а которыя онъ увидѣлъ и узналъ, было сознаніе того, что Космосъ не есть мертвая матерія, но живое Присутствіе, что душа человѣка безсмертна, и что вселенная построена и создана такъ, что безъ всякой возможности случайностей все дѣйствуетъ для блага каждаго и всѣхъ, что основной принципъ міра—это есть то, что мы называемъ любовью, и что счастье каждаго изъ насъ въ результатѣ абсолютно несомнѣнно. Онъ утверждаетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ секундъ пока длилось просвѣтлѣніе, онъ увидѣлъ и узналъ больше, чѣмъ за всѣ предыдущіе годы своей жизни, и что онъ узналъ нѣчто такое, чего не можетъ дать никакое изученіе».

«Просвѣтлѣніе длилось только нѣсколько мгновеній, но его слѣды остались неизгладимыми. Забыть то, что было увидѣно и узнано, было невозможно, точно такъ же не могло быть никакихъ сомнѣній въ истинѣ того, что явилось уму. Ни въ ту ночь, ни послѣ этотъ опытъ не повторился»...

«Необыкновенное событіе этой ночи было реальнымъ и единственнымъ посвященіемъ въ высшій порядокъ идей. Но это было только посвященіе»... Онъ видѣлъ свѣтъ, но не могъ сказать откуда онъ, какъ человѣкъ, который въ первый разъ увидѣлъ бы солнце и онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета относительно того, что съ нимъ случилось, и только много лѣтъ спустя, встрѣтивъ человѣка, испытавшаго то же самое въ большемъ объемѣ, который разсказалъ ему о своихъ переживаніяхъ, онъ понялъ истинное значеніе того, что испыталъ самъ.

«Его собственный случай помогъ ему уяснить себѣ то, что произошло нѣкогда съ апостоломъ Павломъ и съ Магометомъ. И ему открылся секретъ необыкновеннаго величія Уитмана. Затѣмъ встрѣчи и разговоры съ людьми [1]), которымъ были знакомы такого рода переживанія, помогли ему

---

[1]) Среди которыхъ былъ Эд. Карпентеръ.

расширить свой взглядъ». Послѣ долгихъ и трудныхъ размышленій онъ пришелъ къ заключенію: «что существуетъ с е м е й с т в о, возникшее среди обыкновеннаго человѣчества и живущее среди него, но едва ли составляющее его часть. Члены этого семейства разсѣяны среди передовыхъ расъ человѣчества на протяженіи послѣднихъ сорока вѣковъ міровой исторіи».

Черта, которая отличаетъ этихъ людей отъ обыкновенныхъ, заключается въ слѣдующемъ: ихъ духовные глаза были открыты, и они в и д ѣ л и. Наиболѣе извѣстные члены этой группы, если ихъ собрать вмѣстѣ, помѣстятся одновременно въ небольшой гостиной; и однако они создали всѣ великія современныя религіи... и, говоря вообще, создали черезъ религію и литературу, всю современную цивилизацію. Это не значитъ, что они написали численно большое количество книгъ, но они создали тѣ немногія книги, которыя вдохновили собой большую часть книгъ, написанныхъ послѣ нихъ. Эти люди господствуютъ надъ послѣдними двадцатью пятью столѣтіями, какъ звѣзды первой величины господствуютъ надъ полуночнымъ небомъ.

V.

Остается сказать нѣсколько словъ о психологическомъ происхожденіи космическаго сознанія.

Хотя въ рожденіи космическаго сознанія моральная природа играетъ очень важную роль, тѣмъ не менѣе по многимъ причинамъ лучше ограничить наше вниманіе сначала эволюціей интеллекта. Въ этой эволюціи ясно видны четыре шага. Первый былъ сдѣланъ, когда на основной способности раздражаемости, возникла способность ощущенія. На этой стадіи развитія началось пріобрѣтеніе и болѣе или менѣе совершенная регистрація чувственныхъ впечатлѣній, т. е. ощущеній. Ощущеніе, конечно, есть чувственное впечатлѣніе. Если мы пойдемъ достаточно далеко назадъ, мы найдемъ среди нашихъ предковъ существо, весь интеллектъ котораго состоитъ изъ однихъ ощущеній. Но это существо обладало тѣмъ, что можетъ быть названо пригодностью къ росту и съ нимъ произошло слѣдующее: какъ индивидуально, такъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе оно накопляло эти ощущенія, постоянное повтореніе которыхъ, требовавшее все новой и новой регистраціи ихъ, вело къ накопленію нервныхъ клѣтокъ. И наконецъ создалось положеніе, когда группы ощущеній начали комбинироваться въ то, что мы теперь называемъ представленіемъ. Этотъ процессъ очень похожъ на процессъ сложной фотографіи, когда на одномъ негативѣ дѣлается рядъ повторныхъс нимковъ, напр. съ лицъ одного семейства. Подобныя ощущенія (напр., ощущенія дерева), регистрируются одно на другомъ, до тѣхъ поръ пока не получится представленія о деревѣ.

Затѣмъ работа аккумулированія начинается уже на болѣе высокомъ планѣ. Органы чувствъ упорно работаютъ, фабрикуя ощущенія; воспринимательные центры упорно работаютъ, фабрикуя представленія. Нервные центры постоянно обременены регистраціей ощущеній, вырабатываніемъ представленій изъ ощущеній и регистраціей представленій. И по мѣрѣ того, какъ самые нервные центры отъ работы развиваются и усложняются, они начинаютъ вырабатывать изъ представленій и основныхъ простыхъ ощущеній болѣе и болѣе сложныя представленія.

И, наконецъ послѣ того какъ многія тысячи поколѣній жили и умерли, умъ достигаетъ наивысшей возможной точки разумности, живущей представленіями; аккумуляція ощущеній и представленій шла до тѣхъ поръ, пока было возможно и дальше итти не можетъ. Тогда происходитъ новый переломъ и высшія представленія замѣняются понятіями. Отношеніе понятія къ представленію до нѣкоторой степени похоже на отношеніе алгебры къ ариѳметикѣ. Представленіе есть, какъ было сказано, сложный образъ многихъ тысячъ ощущеній, понятіе—тотъ же самый сложный образъ, но получившій имя, занумерованный и, такъ сказать, отложенный въ сторону. Понятіе есть ни что иное, какъ *названное представленіе*, при чемъ названіе, т. е. знакъ, (какъ въ алгебрѣ) замѣняетъ отнынѣ самую вещь.

Всякому, кто немного подумаетъ объ этомъ, легко понять, какую революцію должна была произвести замѣна представленій понятіями. Эта замѣна должна была насколько же усилить производительность ума въ мышленіи, насколько введеніе машинъ усилило производительность человѣчества въ его работѣ—или настолько пользованіе алгеброй увеличиваетъ силу ума въ математическихъ вычисленіяхъ. Замѣнить большое громоздкое представленіе простымъ знакомъ, значитъ почти то же самое, что замѣнить настоящіе товары—пшеницу, мануфактуру или желѣзо—записью въ конторской книгѣ.

Но какъ было отмѣчено раньше, для того чтобы представленіе могло быть замѣнено понятіемъ, оно должно быть названо, другимъ словами отмѣчено знакомъ, который замѣняетъ его, совершенно такъ же, какъ квитанція замѣняетъ багажъ, или запись въ товарной книгѣ замѣняетъ штуку товара; другими словами—раса, обладающая понятіями, необходимо должна обладать языкомъ. Дальше нужно замѣтить, что какъ обладаніе понятіями требуетъ обладанія языкомъ, такъ обладаніе понятіями и языкомъ (представляющими два разныхъ аспекта одного и того же) требуетъ обладанія самосознаніемъ. Это значитъ, что есть моментъ въ эволюціи ума, когда интеллектъ, обладающій только представленіями и способный только на простое сознаніе, становится почти внезапно или совершенно внезапно, интеллектомъ, обладающимъ понятіями, языкомъ и самосознаніемъ.

Нашъ нынѣшній интеллектъ представляетъ собой очень сложную смѣсь ощущеній, представленій и понятій.

Слѣдующей главой въ описаніи процесса развитія интеллекта будетъ аккумулированіе понятій. Это двойной процессъ, во-первыхъ идетъ накопленіе понятій все въ большемъ и въ большемъ количествѣ, а затѣмъ усложненіе самыхъ понятій.

Можно поставить вопросъ:—долженъ ли быть предѣлъ количественному росту понятій и ихъ усложненію. И кто серьезно подумаетъ объ этомъ, увидитъ, что предѣлъ непремѣнно долженъ быть. Ни тотъ, ни другой процессъ не могутъ продолжаться безконечно.

Мы видѣли, что развитіе ума, обладавшаго только ощущеніями, имѣло свой предѣлъ и неизбѣжно вело къ образованію ума, обладавшаго представленіями. И дальше ростъ ума, обладавшаго представленіями, неизбѣжно велъ къ образованію ума, обладающаго понятіями. Апріорныя разсужденія дѣлаютъ неизбѣжнымъ аналогичный выходъ для ума, обладающаго понятіями.

Но намъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ отвлеченнымъ разсужденіямъ для доказательства необходимости существованія ума, стоящаго выше понятій, такъ какъ такой умъ существуетъ и можетъ быть изучаемъ не съ большимъ затрудненіемъ, чѣмъ всѣ остальныя естественныя явленія. Умъ, стоящій выше понятій, элементами котораго являются вмѣсто понятій интуиціи, есть уже (правда въ небольшомъ количествѣ) установленный фактъ и форма сознанія, которая принадлежитъ этому интеллекту можетъ быть названа и уже названа—космическимъ сознаніемъ.

Основной фактъ космическаго сознанія выражается въ самомъ его названіи. Это—сознаніе космоса,—то что на Востокѣ называется «Брамическимъ сліяніемъ» и то, что по словамъ Данте, превращаетъ человѣка въ бога. Уитманъ, который имѣлъ очень много что сказать объ этомъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ о «невыразимомъ свѣтѣ—свѣтѣ рѣдкомъ, непередаваемомъ въ словахъ, освѣщающемъ самый свѣтъ—стоящемъ по ту сторону всѣхъ обозначеній, описаній, языковъ». Это сознаніе показываетъ, что космосъ состоитъ не изъ мертвой матеріи, управляемой безсознательнымъ, негибкимъ и ненамѣреннымъ закономъ, и наоборотъ весь нематеріаленъ, весь духовенъ и весь живъ; оно показываетъ, что смерть есть абсурдъ, что всѣ и все имѣютъ вѣчную жизнь; что вселенная есть Богъ, и Богъ есть вселенная... Значительная часть этого съ человѣческой точки зрѣнія (т. е. съ точки зрѣнія само-сознающаго ума), кажется абсурднымъ, но тѣмъ не менѣе это совершенно вѣрно. Но необходимо замѣтить, что конечно все это не значитъ, что, пріобрѣтая космическое сознаніе, человѣкъ узнаетъ все обо всей вселенной. Мы всѣ знаемъ, что когда въ возрастѣ около трехъ лѣтъ мы пріобрѣтаемъ самосознаніе, мы не узнаемъ о себѣ сразу всего, что можно узнать... Точно такъ же человѣкъ не узнаетъ все относительно Космоса только потому, что онъ начинаетъ сознавать космосъ...

Человѣчеству понадобились сотни лѣтъ послѣ пріобрѣтенія самосознанія для того чтобы создать себѣ маленькое знаніе и ему понадобятся можетъ быть, милліоны лѣтъ для того, чтобы овладѣть космическимъ сознаніемъ.

Какъ на самосознаніи основанъ весь человѣческій міръ, который мы знаемъ, такъ на космическомъ сознаніи основаны высшія религіи и философскія міросозерцанія и все, что идетъ отъ нихъ; и на космическомъ сознаніи, когда оно станетъ болѣе распространеннымъ, будетъ основанъ новый міръ, о которомъ было бы безполезно говорить теперь.

Философія рожденія космическаго сознанія въ индивидуумѣ очень похожа на рожденіе самосознанія. Умъ становится какъ бы переполненнымъ понятіями, понятія дѣлаются все шире, все многочисленнѣе и все сложнѣе. Въ одинъ прекрасный день при благопріятныхъ условіяхъ можетъ произойти сліяніе или какъ бы химическое соединеніе нѣкоторыхъ понятій съ извѣстными моральными элементами. Въ результатѣ этого является интуиція или другими словами космическое сознаніе [1]).

Схема, по которой строится умъ, однообразна отъ начала до конца: представленіе создается изъ ощущеній; понятіе—изъ представленій и ощущеній; и интуиція изъ понятій, представленій и ощущеній въ соединеніи съ другими элементами, принадлежащими къ моральной природѣ. Космиче-

[1]) См. примѣч. 3, на стр. 307.

ское видѣніе или космическая интуиція, отъ которой получаетъ свое названіе «новый умъ», является такимъ образомъ просто комплексомъ и соединеніемъ всего предыдущаго мышленія и опыта—точно такъ же какъ самосознаніе есть комплексъ и соединеніе всего предшествовавшего ему мышленія и опыта.

«Космическое сознаніе», подобно другимъ формамъ сознанія, способно къ росту, оно можетъ имѣть разныя формы, разныя степени.

«Не слѣдуетъ предполагать, что, имѣя космическое сознаніе, человѣкъ поэтому всезнающъ или непогрѣшимъ... Люди космическаго сознанія достигли высокаго уровня, но на этомъ уровнѣ возможны различныя степени сознательности.—И должно быть ясно, что хотя эта способность дѣлаетъ человѣка похожимъ на боговъ, люди, пріобрѣтающіе ее, живя въ разные вѣка и въ разныхъ странахъ, проводя жизнь въ разныхъ условіяхъ, воспитанные въ различныхъ интересахъ и въ различныхъ взглядахъ, необходимо должны истолковывать нѣсколько различно тѣ вещи, которыя они видятъ въ томъ новомъ мірѣ, куда вступаютъ.

«Языкъ соотвѣтствуетъ интеллекту, и поэтому способенъ выражать его прямо и совершенно. Но функціи моральной природы не связаны съ языкомъ, и поэтому способны только къ непрямому и несовершенному выраженію при помощи языка. Можетъ быть, музыка, которая, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои корни въ моральной природѣ, есть уже въ своемъ настоящемъ видѣ начало языка, который будетъ совпадать съ эмоціями и выражать ихъ такъ же, какъ слова выражаютъ идеи»...

«...Языкъ совершенно точно совпадаетъ съ интеллектомъ: для каждаго понятія существуетъ слово или слова; и для каждаго слова есть понятіе... Ни одно слово не можетъ получить существованія иначе, какъ выражая понятіе, и не можетъ новое понятіе образоваться безъ образованія въ то же самое время новаго слова, которое является его выраженіемъ. Но такъ какъ девяносто девять изъ ста нашихъ чувственныхъ впечатлѣній и эмоцій никогда не были представлены въ интеллектѣ понятіями, то поэтому они остаются невыраженными и, если выражаются, то только очень несовершенно, при помощи далекихъ описаній и намековъ».

Такъ какъ соотношеніе словъ и понятій не случайно и не временно, но лежитъ въ самой природѣ понятій и сохраняется при всѣхъ обстоятельствахъ, то перемѣны въ одномъ должны быть перемѣнами въ другомъ. Эволюція интеллекта должна сопровождаться эволюціей языка. Эволюція языка будетъ свидѣтельствомъ эволюціи интеллекта».

«Повидимому въ каждомъ или почти въ каждомъ человѣкѣ, вступающемъ въ космическое сознаніе, первое ощущеніе его сопровождается возбужденіемъ. Человѣкъ сомнѣвается въ себѣ и думаетъ, не есть ли новое чувство признакъ сумасшествія. Магометъ былъ сильно напуганъ своимъ первымъ просвѣтлѣніемъ. Апостолъ Павелъ былъ взволнованъ подобнымъ же образомъ».

«Первое, что человѣкъ спрашиваетъ себя, испытывая это новое чувство, непремѣнно будетъ:—реально ли то, что я вижу и чувствую, или это иллюзія и самообманъ? Тотъ фактъ, что знаніе, полученное отъ новаго опыта кажется ему даже болѣе реальнымъ, чѣмъ прежнія знанія человѣческаго сознанія, плохо успокаиваетъ его, потому что онъ знаетъ силу иллюзій».

«Одновременно или непосредственно слѣдуя за эмоціональнымъ подъемомъ въ моменты пробужденія космическаго сознанія, у человѣка наступаетъ интеллектуальное просвѣтлѣніе, которое совершенно невозможно описать. Въ одной вспышкѣ сознанію рисуется ясное понятіе въ одномъ общемъ абрисѣ значенія и цѣли вселенной. Человѣкъ не просто начинаетъ вѣрить, но онъ видитъ и узнаетъ, что вселенная, которая обыкновенному человѣческому уму кажется сдѣланной изъ мертвой матеріи, на дѣлѣ есть живое присутствіе. Онъ видитъ, что люди это не островки жизни, разсѣянные въ безпріютномъ морѣ не живого вещества..., а что они погружены въ безконечный океанъ жизни. Онъ видитъ, что жизнь, заключенная въ человѣкѣ—вѣчная, и что вся жизнь—вѣчная; что душа человѣка такъ же безсмертна, какъ Богъ»...

«Человѣкъ узнаетъ безконечно много новаго. Особенно ясно получаетъ онъ понятіе о ц ѣ л о м ъ, о такомъ ц ѣ л о м ъ, которое превосходитъ всѣ силы воображенія, и въ сравненіи съ которымъ всѣ его прежнія попытки охватить вселенную и ея значеніе кажутся ему мелкими и смѣшными».

«Это расширеніе интеллекта колоссальнымъ образомъ увеличиваетъ способности къ пріобрѣтенію и накопленію знаній и равнымъ образомъ усиливаетъ способность иниціативы».

«Исторія развитія и появленія космическаго сознанія *у человѣчества* совершенно одинакова съ появленіемъ всѣхъ отдѣльныхъ психическихъ способностей. Эти способности сначала проявляются у отдѣльныхъ исключительныхъ личностей, потомъ дѣлаются болѣе частыми, дальше становятся доступными для развитія или пріобрѣтенія у всѣхъ и наконецъ начинаютъ принадлежать всѣмъ людямъ отъ рожденія. При этомъ рѣдкія, исключительныя, *геніальныя* способности проявляются у человѣка въ зрѣломъ возрастѣ, иногда даже въ старости. Дѣлаясь болѣе обыкновенными, превращаясь въ «таланты», онѣ начинаютъ проявляться у болѣе молодыхъ людей. Становясь «способностями», онѣ проявляются уже у дѣтей. И наконецъ онѣ дѣлаются общимъ достояніемъ отъ рожденія. И отсутствіе ихъ уже разсматривается, какъ недостатокъ».

Такова *способность рѣчи* (т. е. способность образовывать понятія). Вѣроятно, въ отдаленномъ прошломъ, на границѣ появленія человѣческаго сознанія, эта способность была удѣломъ немногихъ, исключительныхъ индивидуальностей и тогда начинала появляться, можетъ быть, только къ старости. Потомъ она начала встрѣчаться чаще и проявляться раньше. Вѣроятно, былъ такой періодъ, когда р ѣ ч ь была достояніемъ не всѣхъ людей, такъ же какъ теперь художественные таланты—музыкальный слухъ, чувство красокъ или линій. Постепенно она стала в о з м о ж н о й для всѣхъ, а затѣмъ уже неизбѣжной и необходимой, если ей не препятствуетъ какой-нибудь физическій недостатокъ.

Примѣчанія къ приведеннымъ выдержкамъ изъ книги д-ра Бёкка.

1) Я привожу это мнѣніе о трехъ грядущихъ революціяхъ, но я долженъ замѣтить, что я совершенно не раздѣляю оптимизма д-ра

Бёкка по отношенію къ матеріальной жизни, которая, какъ выходитъ у него, можетъ и должна измѣниться отъ матеріальныхъ же причинъ (побѣда надъ воздухомъ и соціальная революція). По моему мнѣнію единственнымъ основаніемъ для благопріятныхъ перемѣнъ во внѣшней жизни (если таковыя вообще возможны), должны быть перемѣны во внутренней жизни, — т. е. тѣ перемѣны, которыя д-ръ Бёккъ называетъ психической революціей. Это единственно, что можетъ создать лучшее будущее людей. Всѣ культурныя завоеванія въ области матеріальнаго являются обоюдо-острыми, могутъ служить одинаково добру и злу. Только измѣненіе самаго сознанія можетъ быть гарантіей, что прекратятся злоупотребленія силами даваемыми культурой и культура перестанетъ быть «ростомъ варварства». Демократическое устройство и власть большинства (при современномъ низкомъ уровнѣ людей) ничего не гарантируютъ и наоборотъ уже теперь тамъ, гдѣ осуществляются, немедленно же создаютъ, и въ еще большей мѣрѣ обѣщаютъ дальше, насилія надъ меньшинствомъ, стѣсненія личности и ограниченія свободы.

2) Д-ръ Бёккъ говоритъ, что разъ достигнуто человѣческое сознаніе, то неизбѣжна дальнѣйшая эволюція. Въ этомъ утвержденіи д-ръ Бёккъ дѣлаетъ ошибку, общую для всѣхъ людей, догматизирующихъ идеи эволюціи. Нарисовавъ очень правильную картину постепенной градаціи, наблюдаемыхъ нами формъ сознанія: животно-растенія, животнаго и человѣка, д-ръ Бёккъ разсматриваетъ эту градацію исключительно въ свѣтѣ эволюціи одной формы изъ другой, совершенно не допуская возможности другихъ точекъ зрѣнія. Напримѣръ того, что каждая изъ существующихъ формъ есть звено *отдѣльной* эволюціонной цѣпи, т. е. что эволюціи животно-растеній, животныхъ и людей различны, идутъ разными путями и не переходятъ одна въ другую. А эта точки зрѣнія очень правдоподобна принимая во вниманіе, что намъ *никогда неизвѣстны* переходныя формы. А затѣмъ д-ръ Бёккъ дѣлаетъ уже совершенно произвольный выводъ о *неизбѣжности* дальнѣйшей эволюціи человѣка. Между тѣмъ безсознательная эволюція (т. е. безсознательная для индивидуума, направляемая сознаніемъ вида) въ растительномъ и животномъ царствѣ должна сильно измѣниться съ появленіемъ самосознанія въ человѣкѣ. Необходимо признать, что самосознающій умъ человѣка гораздо больше зависитъ самъ отъ себя, чѣмъ умъ не-самосознающій, т. е. умъ животнаго и гораздо меньше зависитъ отъ законовъ эволюціи, (если даже мы ихъ признаемъ). Самосознающій умъ имѣетъ надъ собой гораздо больше власти и можетъ очень помочь своей эволюціи, а также можетъ очень легко *помѣшать* ей. Вообще вопросъ: мо-

жетъ ли съ появленіемъ самосознанія итти безсознательная эволюція? Гораздо вѣрнѣе думать, что появленіе самосознанія уничтожаетъ возможность безсознательной эволюціи. Власть надъ эволюціей отъ духа вида (или отъ Природы) переходитъ къ самому индивидууму. Дальнѣйшая эволюція, если она будетъ, не можетъ быть дѣломъ стихійнымъ и безсознательнымъ, а будетъ зависить только отъ сознательныхъ *усилій роста**). Это—самое интересное во всемъ процессѣ, но д-ръ Беккъ на это не указываетъ. *Человѣкъ*, не стремящійся къ эволюціи, не сознающій ея возможности, не помогающій ей, не будетъ эволюціонировать. А индивидуумъ не-эволюціонирующій не остается въ статическомъ состояніи, а идетъ внизъ, *вырождается*, (т. е. нѣкоторые изъ его элементовъ начинаютъ свою собственную эволюцію, враждебную цѣлому). Это общій законъ. И если мы сообразимъ какой ничтожный процентъ людей думаетъ и способенъ думать о своей эволюціи (или эмоціонально стремиться къ высшему), то мы увидимъ, что говорить о неизбѣжности этой *эволюціи по меньшей мѣрѣ наивно*.

3) Говоря объ образованіи интуиціи д-ръ Бёккъ упускаетъ изъ виду одно очень важное обстоятельство.—Онъ самъ замѣчаетъ раньше, что въ умѣ происходитъ сліяніе понятій съ моральными элементами, и *въ результатѣ этого* является интуиція и затѣмъ космическое сознаніе.— Такимъ образомъ изъ его собственныхъ словъ выходитъ, что интуиція или космическое сознаніе не есть просто сліяніе понятій съ моральными элементами или идей съ чувствами, а есть *результатъ* этого сліянія. Но д-ръ Бёккъ не останавливается на этомъ съ достаточнымъ вниманіемъ. И дальше разсматриваетъ интуицію (т. е. основной элементъ космическаго сознанія), какъ сліяніе ощущенія, представленій и понятій съ элементами, принадлежащими моральной природѣ. А это уже невѣрно, такъ какъ интуиція есть не просто *сліяніе* мысли и чувства, а *результатъ* этого сліянія, или говоря иначе:—мысль и чувство *плюсъ еще что-то*, плюсъ еще что-то, чего нѣтъ ни въ интеллектѣ, ни въ эмоціональной природѣ.

Объективно это выражается въ томъ, что интуиція дѣйствуетъ, помимо мозга и нервныхъ центровъ, какъ бы сверхъ нихъ. Это было бы доказано, если бы было доказано, часто описываемое «ясновидѣніе»). А субъективно выражается *въ чувствѣ чудеснаго*, т. е. въ чувствѣ необыкновеннаго подъема и расширенія сознанія

---

*) См. стр. 102 цит. изъ М. Коллинзъ.

и *въ реальномъ узнаваніи* того, чего человѣкъ раньше не зналъ, въ нахожденіи новыхъ путей познанія, какъ въ совершенно недоступныхъ раньше областяхъ (напр. въ будущемъ), такъ и въ вещахъ, которыя казались хорошо знакомыми и до конца извѣстными, а при свѣтѣ интуиціи вдругъ раскрываютъ въ себѣ безконечно много новаго и неожиданнаго.

Но д-ръ Бёккъ разсматриваетъ интуицію, какъ продуктъ *эволюціи мозга* и это сильно обезцѣниваетъ всѣ его выводы. Представимъ себѣ, что какой нибудь ученый съ другой планеты, не подозрѣвающій о существованіи *человѣка*, изучаетъ лошадь и ея «эволюцію» отъ жеребенка до верховой лошади; при чемъ высшую степень эволюціи лошади онъ видитъ въ лошади съ человѣкомъ на спинѣ. Съ нашей точки зрѣнія ясно, что нельзя человѣка, сидящаго верхомъ на лошади, разсматривать, какъ фактъ *лошадиной* эволюціи. Но съ точки зрѣнія ученаго не знающаго о человѣкѣ, это будетъ только логично. Въ такомъ положеніи какъ разъ оказывается д-ръ Бёккъ, когда разсматриваетъ, какъ фактъ человѣческой эволюціи то, что выходитъ изъ области человѣческаго. Человѣкъ, обладающій космическимъ сознаніемъ или приближающійся къ космическому сознанію, это уже не просто человѣкъ, а человѣкъ съ присоединеніемъ чего-то высшаго. Д-ру Бёкку такъ же какъ во многихъ случаяхъ Эд. Карпентеру мѣшаетъ желаніе не пойти черезчуръ круто противъ позитивныхъ воззрѣній (хотя это неизбѣжно); желаніе примирить позитивныя воззрѣнія съ «новой мыслью», сгладить противорѣчія, привести все къ одному — что, конечно, невозможно, какъ невозможно примиреніе правильнаго и неправильнаго, истиннаго и ложнаго взгляда на одинъ и тотъ же предметъ.

Большую часть книги Бёкка занимаютъ примѣры и отрывки изъ ученій и писаній «людей космическаго сознанія» въ міровой исторіи. Онъ проводитъ параллели между этими ученіями и устанавливаетъ *единство* формъ перехода въ новое состояніе сознанія у людей разныхъ вѣковъ и народовъ и единство ихъ ощущеній міра и себя, больше всего свидѣтельствующее о подлинности и реальности ихъ переживаній.

Основатели міровыхъ религій, пророки, философы, поэты—вотъ «люди космическаго сознанія» въ книгѣ Бёкка. Онъ совсѣмъ не претендуетъ на полный перечень, и, конечно, можно прибавить много именъ къ его списку.

Но въ концѣ концовъ важны не несовершенства книги Бёкка и не дополненія, которыя къ ней можно сдѣлать. Важно общее заклю-

ченіе, къ которому приходитъ Бёккъ о возможности и близости нового сознанія.

Это говоритъ намъ о близости новаго человѣчества. Мы строимъ, не имѣя въ виду, что долженъ притти новый хозяинъ, которому можетъ совсѣмъ не понравиться все, что мы настроили. Наши «общественныя науки», соціологія и пр. имѣютъ въ виду только *человѣка*. Между тѣмъ какъ я уже указывалъ нѣсколько разъ, понятіе «человѣкъ»—сложное и включаетъ въ себя два типа, идущіе по разнымъ путямъ. И будущее принадлежитъ не *человѣку*, а *сверхчеловѣку*, который уже родился и живетъ среди насъ.

Высшая раса быстро выдѣляется изъ человѣчества—и выдѣляется своимъ совершенно особеннымъ пониманіемъ міра и жизни. Признакъ людей новой расы—это новое сознаніе—новая совѣсть. Мы узнаемъ ихъ по тому, что они будутъ больше сознавать, больше видѣть и больше знать, чѣмъ обыкновенный человѣкъ. Они не будутъ въ состояніи *закрывать глаза* на то, что видятъ, и поэтому будутъ видѣть больше; не будутъ въ состояніи *не думать* о томъ, что знаютъ, и поэтому будутъ знать больше; не будутъ въ состояніи *оправдывать себя*, и поэтому будутъ сознавать больше. Эти люди будутъ всегда ясно видѣть *свою отвѣтственность* за то, что *они* дѣлаютъ. И они не будутъ въ состояніи возлагать эту отвѣтственность на другихъ. Они не будутъ удовлетворяться простымъ исполненіемъ «долга», и будутъ чувствовать себя обязанными *знать* прежде, чѣмъ *дѣлать*. Они не будутъ въ состояніи отдѣлаться отъ своей совѣсти *ничѣмъ*, и она будетъ руководить ихъ поступками, и ничто другое. Въ нихъ не будетъ трусости и не будетъ уклоненія отъ того, что *они* считаютъ должнымъ. Они никогда не будутъ безотвѣтными исполнителями *чужой воли*, потому что у нихъ будетъ *своя воля*. Они будутъ требовать отъ себя прежде всего яснаго сознанія, *что* и *зачѣмъ* они дѣлаютъ. И они будутъ чувствовать свою отвѣтственность до *конца*, *передъ всѣми*, кого касается ихъ дѣятельность.

Это будетъ дѣйствительно высшая раса—и тутъ не будетъ возможна никакая фальсификація, никакой подмѣнъ, никакая узурпація. Ничего нельзя будетъ *купить*, ничего нельзя будетъ *присвоить* обманомъ или силой. И эта раса не только будетъ, но она уже есть.

И люди новой расы уже начинаютъ узнавать другъ друга. Уже устанавливаются лозунги и пароли... И, можетъ быть, соціальные и политическіе вопросы, такъ остро выдвинутые нашимъ временемъ, разрѣшатся совсѣмъ на другой плоскости, чѣмъ мы это думаемъ, и со-

вершенно другимъ образомъ—разрѣшатся выступленіемъ на сцену с о з н а ю щ е й с е б я новой расы, которая явится судьей старыхъ.

Въ примѣчаніяхъ я указалъ недостатки книги д-ра Бёкка, зависящіе больше всего отъ какой-то его нерѣшительности, отъ боязни признать преобладающее значеніе *новаго сознанія*. Изъ этого и вытекаетъ стремленіе д-ра Бёкка обосновать будущее человѣчества съ позитивной точки зрѣнія на политическихъ и соціальныхъ революціяхъ. Но этотъ взглядъ можно считать окончательно утратившимъ всякую цѣнность. Банкротство матеріализма въ смыслѣ устроенія жизни очевидно, теперь, въ переживаемую нами кровавую эпоху даже людямъ вчера еще кричавшимъ о «культурѣ» и о «цивилизаціи». И все больше и больше становится ясно, что измѣненія внѣшней жизни, если они должны притти, придутъ *въ результатѣ* внутреннихъ измѣненій человѣка, и *сознанія* человѣкомъ такихъ свойствъ и сторонъ самого себя, какихъ онъ раньше не зналъ и не признавалъ и безъ которыхъ считалъ возможнымъ обойтись.

Дальше относительно всей книги д-ра Бёкка можно сказать, что, остановившись на идеѣ *естественнаго роста* сознанія, д-ръ Бёккъ не замѣчаетъ именно того, что, можетъ быть, дѣло совсѣмъ не въ ростѣ, а въ развитіи или неразвитіи *уже существующихъ* свойствъ. Стихійнымъ образомъ эти свойства не раскрываются, необходима сознательная работа надъ ними. Дальше, если даже признать идею роста, д-ръ Бёккъ не замѣчаетъ тѣхъ измѣненій, которыя должны быть внесены въ естественный процессъ появленіемъ самосознанія. И онъ совершенно не останавливается на сознательныхъ усиліяхъ въ этомъ направленіи, на идеѣ *культуры* космическаго сознанія. А между тѣмъ существуетъ цѣлый рядъ психологическихъ ученій (оккультизмъ, іога и пр.) и большая литература, имѣющіе въ виду именно систематическую культуру высшаго сознанія. Д-ръ Бёккъ, какъ будто не замѣчаетъ этого, хотя самъ нѣсколько разъ касается этого и стоитъ на идеѣ естественнаго роста. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ очень презрительно говоритъ о примѣненіи наркотиковъ для созданія экстатическихъ состояній, не учитывая того обстоятельства, что наркотики не могутъ *дать* ничего, чего нѣтъ у человѣка, (чѣмъ и объясняется совершенно различное дѣйствіе наркотиковъ на разныхъ людей), а могутъ только въ извѣстныхъ случаяхъ *раскрыть* то, что уже есть въ душѣ человѣка. А это совершенно измѣняетъ взглядъ на наркотики, какъ это и указалъ проф. Джемсъ въ книгѣ «Многообразіе религіознаго опыта».

Вообще увлекаясь эволюціонной точкой зрѣнія и смотря на

будущее, д-ръ Беккъ подобно многимъ другимъ, не отдаетъ достаточно вниманія *настоящему*. Тогда какъ для людей разумѣется важнѣе то космическое сознаніе, которое они могутъ найти или разбудить *въ себѣ*, чѣмъ то, которое появится или не появится *у другихъ людей* черезъ тысячи лѣтъ.

Разсматривая съ разныхъ точекъ зрѣнія сложныя формы проявленія духа и разбирая мнѣнія и взгляды различныхъ мыслителей, мы все время наталкиваемся на то, что кажется постепенными этапами или послѣдовательными стадіями развитія сознанія. И такихъ этаповъ или стадій мы находимъ четыре. Разсматривая дальше извѣстный намъ живой міръ отъ низшаго живого организма до высшаго тѣла человѣка, мы видимъ одновременное существованіе всѣхъ четырехъ формъ сознанія, которымъ соотвѣтствуютъ всѣ другія стороны внутренней жизни: чувство пространства и времени, форма активности и т. п. Дальше, разсматривая *человѣка высшаго типа*, мы видимъ въ немъ наличность всѣхъ четырехъ формъ сознанія, которыя имѣются въ живой природѣ, съ соотвѣтствующими имъ формами.

Виды сознаній.	Живой міръ	Человѣкъ «высшаго типа».
Скрытое сознаніе	Клѣтки, группы клѣтокъ, растенія и низшія животныя и органы и части тѣла высшихъ животныхъ и человѣка.	Клѣтки, группы клѣтокъ, ткани и органы тѣла.
Простое сознаніе	Животныя, обладающія сложными организмами Отсутствіе сознанія смерти.	Тѣло, инстинктъ, влеченія, голоса тѣла.
Самосознаніе	Человѣкъ (стадное существо) Сознаніе смерти.	Простыя эмоціи и логическій умъ, разумъ.
Космическое сознаніе	Человѣкъ высшаго типа (единичное и самостоятельное существо) Начало безсмертія.	Высшія эмоціи, высшій интеллектъ, интуиція, мистическое познаніе.

Одновременное существованіе всѣхъ четырехъ формъ сознанія сразу, какъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ высшаго типа дѣлаетъ

исключительно эволюціонную точку зрѣнія черезчуръ натянутой и искусственной. Эволюціонная точка зрѣнія (чего многіе не реализуютъ) это, очень часто, отказъ отъ трудной задачи, нежеланіе много думать. Есть много случаевъ, которые можно объяснить безъ всякой «эволюціи». Но съ эволюціей они легче укладываются въ рамки обычныхъ понятій, не требуютъ такого напряженія ума, не требуютъ пересмотра и переоцѣнки установившихся цѣнностей. «Эволюція»—очень удобная идея. И потому эволюціонную точку зрѣнія примѣняютъ тогда, когда въ ней совсѣмъ нѣтъ надобности. Очень часто, это—компромиссъ мысли. Не понимая существующаго разнообразія формъ и не обладая достаточно сильнымъ интеллектомъ, чтобы мыслить все это, *какъ единство*, люди хватаются за эволюціонный взглядъ и разсматриваютъ разнообразіе формъ въ видѣ восходящей лѣстницы, что конечно вытекаетъ не изъ реальныхъ фактовъ, а изъ желанія систематизировать во что бы то ни стало, хотя бы на совершенно искусственныхъ основаніяхъ. Людямъ кажется, что построивъ систему, они уже что то знаютъ. Тогда какъ на дѣлѣ отсутствіе системы очень часто ближе къ истинному знанію, чѣмъ искусственная система.

«Эволюціонисты», не способные понять цѣлаго, не представивъ его себѣ въ видѣ цѣпи, одно звено которой выходитъ изъ другого, очень похожи на слѣпыхъ въ восточной баснѣ, ощупывающихъ съ разныхъ сторонъ слона и утверждающихъ: одинъ, что слонъ похожъ на столбы; другой, что слонъ похожъ на толстый канатъ и т. д. Но эволюціонисты еще прибавляютъ къ этому, что хоботъ слона долженъ былъ *эволюціонировать* изъ ногъ, уши изъ хобота и т. д.—Но вѣдь мы знаемъ, что это все *слонъ*, т. е. одно существо, неизвѣстное слѣпымъ. Такое же одно существо—живой міръ. И гораздо правильнѣе по отношенію къ формамъ сознанія разсматривать ихъ, не какъ послѣдовательныя стадіи, или ступени эволюціи, отдѣльныя одна отъ другой, а какъ различныя стороны или части одного *цѣлаго*, котораго мы не знаемъ.

Въ «человѣкѣ» это единство очевидно. Всѣ формы сознанія въ немъ одинаково необходимы. Жизнь клѣтокъ и органовъ съ ихъ сознаніями; жизнь всего тѣла, взятаго въ цѣломъ; жизнь эмоцій и логическаго ума и жизнь интуиціи.

Высшая интуитивная форма сознанія необходима прежде всего *для жизни*, для устройства жизни на землѣ, какъ мы теперь уже начинаемъ въ этомъ убѣждаться. Долгое время подъ господствомъ матеріализма и позитивнаго мышленія люди, забывая и искажая религіозныя идеи, думали, что можно жить однимъ логическимъ

умомъ. Но теперь понемногу становится очевиднымъ для тѣхъ, у кого есть глаза, что люди, предоставленные одному логическому уму, не въ состоянія устроить свою жизнь на землѣ и, если не истребятъ другъ друга окончательно какъ истребляли одно другое племена полинезійцевъ, то во всякомъ случаѣ создадутъ (и уже создали) совершенно невозможныя условія жизни, въ которыхъ будетъ теряться все, что пріобрѣтено, т. е. все, что дано имъ людьми космическаго сознанія,

---

Живой міръ природы (включая человѣка) аналогиченъ человѣку и разныя формы сознанія въ разныхъ частяхъ и слояхъ живой природы гораздо удобнѣе и правильнѣе разсматривать, не какъ отдѣльныя и эволюціонирующія одна изъ другой, а какъ принадлежащія *одному организму* и выполняющія разныя, но связанныя вмѣстѣ функціи. Тогда исчезаетъ надобность въ наивномъ теоретизированіи на тему эволюціи. Вѣдь мы не разсматриваемъ органы и члены тѣла человѣка, какъ эволюціонировавшіе одинъ изъ другого *въ данномъ индивидуумѣ* и мы не должны дѣлать того же относительно органовъ и членовъ тѣла живой природы.

Я не отрицаю закона эволюціи. Но примѣненіе его для объясненія многихъ явленій жизни нуждается въ большихъ поправкахъ.

Во-первыхъ, если принять идею одной общей эволюціи то все-таки необходимо помнить, что отстающіе типы, остатки эволюціи, могутъ не продолжать позади и медленнымъ шагомъ *ту же самую* эволюцію, а могутъ начинать свою собственную эволюцію во многихъ случаяхъ вырабатывая именно тѣ свойства, за которыя они были выброшены изъ основной эволюціи.

Во-вторыхъ, нѣтъ никакой необходимости, принимая законъ эволюціи, разсматривать всѣ существующія формы, какъ происшедшія одна изъ другой. Гораздо правильнѣе въ такомъ случаѣ разсматривать ихъ всѣ, какъ *высшіе типы*, въ *ихъ* эволюціи. Отсутствіе переходныхъ формъ дѣлаетъ этотъ взглядъ гораздо болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ тотъ, который обычно принятъ и даетъ такой богатый матеріалъ для «теософическихъ» разсужденій объ обязательномъ и неизбѣжномъ совершенствованіи всего.

Разумѣется приводимые здѣсь взгляды, такъ же какъ разсмотрѣніе живого міра, какъ *цѣлаго* организма, гораздо труднѣе обычной эволюціонной точки зрѣнія. Но нужно стараться побѣдить эту трудность. Я уже говорилъ, что реальный міръ долженъ быть нелогиченъ для обычнаго угла зрѣнія и никакъ не можетъ быть простъ и понятенъ всѣмъ и каждому. Теорія эволюціи нуждается

во многихъ поправкахъ въ дополненіи и расширеніи. Если мы возьмемъ существующія формы на любой плоскости, то никакъ нельзя сказать, что всѣ эти формы эволюціонировали изъ простѣйшихъ формъ на этой плоскости. Несомнѣнно нѣкоторыя эволюціонировали изъ низшихъ. Другія получились путемъ вырожденія болѣе высокихъ; третьи образовались изъ остатковъ какой нибудь эволюціонировавшей формы—и четвертыя получились благодаря проникновенію на данную плоскость свойствъ и характеристикъ высшей плоскости. Тогда эти сложныя формы уже нельзя разсматривать, какъ образовавшіяся эволюціоннымъ путемъ на первоначально взятой плоскости.

Помѣщаемая таблица яснѣе покажетъ это соотношеніе формъ проявленія сознанія или различныхъ состояній сознанія.

1-я форма.—Чувство одномѣрнаго пространства. Все проходитъ, какъ бы на одной линіи. Ощущенья недифференцированы. Это—состояніе клѣтки, группы клѣтокъ, растенія, тканей и органовъ тѣла животнаго. Сознаніе какъ бы погружено въ сонъ. Смутныя тѣни ощущеній заставляютъ его слабо и безсознательно реагировать на внѣшнія раздраженія. Не сознавая себя, оно слабо тянется къ теплу, къ свѣту, къ пищѣ.

2-я форма.—Чувство двумѣрнаго пространства. Это—состояніе животнаго. То, что для насъ третье измѣреніе, для него—движеніе. Одновременно оно сознаетъ только два измѣренія. Оно уже ощущаетъ, чувствуетъ, но не мыслитъ. Все, что оно видитъ кажется ему реальнымъ. Міръ для него полонъ несуществующаго иллюзорнаго движенія.

3-я форма.—Чувство трехмѣрнаго пространства. Человѣкъ—стадное существо. Самосознаніе и логическое мышленіе. Раздѣленіе Я и Не я. Догматическія религіи или дуалистическій спиритуализмъ и теософія. Кодефицированная мораль. Раздѣленіе духа и матеріи или матеріалистическій монизмъ. Позитивная наука. Идея эволюціи. Механическая вселенная. Пониманіе космическихъ идей, какъ метафоръ. «Историческій матеріализмъ» имперіализмъ и т. п. Подчиненіе личности обществу и закону. Сложныя и сознательныя дѣйствія вызываемыя инстинктами, внѣшними впечатлѣніями или образами представленія и воспоминанія. Сознательный автоматизмъ. Смерть, какъ исчерпываніе личности.

4-я форма.—Чувство четырехмѣрнаго пространства. Новое ощущеніе времени. Интуиція. Космическое сознаніе. Мистическое ощу-

щеніе живой вселенной. Реальность чудеснаго. Ощущеніе безконечнаго. Проявленіе «души». Отдѣльный человѣкъ, какъ самостоятельная единица. Мораль, какъ ощущеніе высшаго міра. Человѣкъ центръ силъ и центръ исходящаго изъ него дѣйствія. Возможность личнаго безсмертія.

Такимъ образомъ 3-я форма охватываетъ того «человѣка», котораго изучаетъ позитивная наука. А 4-я форма говоритъ о «человѣкѣ», уже вышедшемъ изъ поля зрѣнія позитивизма.

Прилагаемая въ концѣ таблица резюмируетъ содержаніе всей книги и болѣе подробно показываетъ соотношеніе наблюдаемыхъ въ живомъ мірѣ и въ «человѣкѣ» четырехъ формъ сознанія.

Эволюція или культура.

Самый главный и самый интересный вопросъ, который возникаетъ при разсмотрѣніи идеи космическаго сознанія, сводится къ слѣдующему:—есть ли появленіе космическаго сознанія дѣло далекаго будущаго и другихъ поколѣній, т. е. должно ли космическое сознаніе появиться эволюціоннымъ путемъ черезъ столѣтія и тысячелѣтія—или оно можетъ появиться *теперь* у современнаго человѣка, въ результатѣ извѣстнаго воспитанія и самовоспитанія, которое будетъ помогать раскрытію въ немъ дремлющихъ силъ и способностей, т. е. въ результатѣ извѣстной *культуры*?

Мнѣ кажется въ этомъ отношеніи можно остановиться на слѣдующихъ положеніяхъ:

На землѣ живутъ двѣ разныхъ породы людей. Возможность появленія или развитія космическаго сознанія, это—признакъ одной изъ этихъ породъ, очень немногочисленной. У другой, безконечно болѣе многочисленной породы, космическое сознаніе не появляется и никогда появиться не можетъ.

Но и у тѣхъ людей, у которыхъ можетъ проявиться космическое сознаніе, оно нуждается для своего проявленія въ извѣстныхъ очень опредѣленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ, въ извѣстной *культурѣ*, въ воспитаніи въ человѣкѣ элементовъ родственныхъ космическому сознанію и въ уничтоженіи враждебныхъ.

Иначе говоря космическое сознаніе не можетъ быть создано у того, у кого нѣтъ его задатковъ. Но и у того, у кого эти задатки есть, они могутъ быть развиты и могутъ быть не развиты, заглушены и уничтожены.

Признаки людей, у которыхъ можетъ проявиться космическое сознаніе совершенно не изучены. Хотя идея двухъ расъ (нѣсколько въ другой формѣ) существуетъ очень давно. Ярче всего эта идея выражена въ христіанствѣ *).

---

*) Идея ада и рая. —(«Мудрость боговъ»).

Первый изъ этихъ признаковъ—постоянное или частое ощущеніе, что міръ совсѣмъ не таковъ, какимъ онъ кажется, что самое важное и главное въ немъ совсѣмъ не то, что считается самымъ важнымъ и главнымъ. Затѣмъ вытекающее изъ этого ощущеніе нереальности міра и всѣхъ его отношеній и стремленіе къ «чудесному», которое въ этомъ случаѣ ощущается, какъ единственно реальное и истинное.

Затѣмъ очень характернымъ признакомъ людей космическаго сознанія служитъ отсутствіе у нихъ *внутренняго раздѣленія* и неспособность ихъ мыслить однимъ образомъ и жить другимъ образомъ. Ихъ внѣшняя и внутренняя жизнь всегда связаны и внѣшняя зависитъ отъ внутренней.

Высокая умственная культура, высокія интеллектуальныя достиженія, совсѣмъ не являются обязательнымъ условіемъ. Примѣры многихъ *святыхъ*, которые часто совсѣмъ не были интеллектуальными людьми, но несомнѣнно достигали космическаго сознанія, показываютъ, что космическое сознаніе можетъ развиваться на чисто эмоціональной почвѣ, т. е. въ данномъ случаѣ на почвѣ религіозной эмоціи. Точно такъ же возможно достиженіе космическаго сознанія путемъ эмоцій творчества у художниковъ, у музыкантовъ, у поэтовъ. Искусство въ своихъ высшихъ проявленіяхъ и есть путь къ космическому сознанію. Очень интересна роль эротики въ развитіи и появленіи космическаго сознанія.

Но во всѣхъ случаяхъ одинаково раскрытіе космическаго сознанія требуетъ соотвѣтственной *культуры*, соотвѣтственной жизни. Изъ всѣхъ примѣровъ, приведенныхъ Бёккомъ, изъ всѣхъ примѣровъ, которые можно привести еще, нельзя найти ни одного случая, когда космическое сознаніе раскрывалось бы въ условіяхъ внутренней жизни, противоположныхъ ему, т. е. въ моменты поглощенія *внѣшней* жизнью съ ея борьбой, съ ея интересами и съ ея эмоціями. Для появленія космическаго сознанія необходимо, чтобы центръ тяжести *всего* для человѣка лежалъ во внутреннемъ мірѣ, а не во внѣшнемъ. А такъ какъ могутъ быть условія жизни, которыя опредѣленно мѣшаютъ переносу центра тяжести интересовъ человѣка во внутренній міръ, то слѣдовательно нужны такія условія, которыя бы этому не мѣшали.

Если мы предположимъ, что самъ Беккъ находился бы совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ былъ въ моментъ появленія космическаго сознанія, то, вѣроятно, просвѣтленіе у него совсѣмъ бы не появилось.

Онъ провелъ вечеръ за чтеніемъ поэтовъ въ компаніи людей

высокаго интеллектуальнаго и эмоціональнаго развитія и возвращался домой, полный мыслей и чувствъ этого вечера.

Но, если бы вмѣсто этого онъ провелъ вечеръ за картами въ обществѣ людей съ обывательскими интересами и съ обывательскими разговорами или на политическомъ митингѣ; или если бы онъ стоялъ на ночной смѣнѣ у фабричнаго станка; или писалъ бы газетную передовую статью, которой онъ самъ не вѣритъ и которой никто не повѣритъ, то навѣрное можно сказать, что никакого космическаго сознанія у него бы не появилось, такъ какъ оно несомнѣнно требуетъ извѣстнаго *настроенія*, очень большой *свободы* и сосредоточенія на внутреннемъ мірѣ.

Это заключеніе о необходимости спеціальной культуры и опредѣленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій разумѣется совсѣмъ не значитъ, что *во всякомъ человѣкѣ*, поставленномъ въ соотвѣтствующія условія можетъ проявиться космическое сознаніе. Есть люди, вѣроятно огромное большинство современнаго человѣчества, у которыхъ этой возможности нѣтъ совсѣмъ. И у кого этого нѣтъ, это не можетъ быть создано никакой культурой, совершенно такъ же какъ никакая культура не можетъ заставить животное заговорить на человѣческомъ языкѣ. Возможность проявленія космическаго сознанія не можетъ быть привита искусственно. Человѣкъ родится съ ней или безъ нея. Эта возможность можетъ быть заглушена или развита, но создана быть не можетъ. И когда она есть, она указываетъ на принадлежность даннаго человѣка къ особой расѣ, живущей среди человѣчества, которому въ массѣ это совершенно чуждо.

Не зная, что у нихъ есть этотъ «даръ боговъ» или не умѣя воспользоваться имъ, люди высшаго типа очень часто теряютъ его, погружаясь въ матеріальный міръ съ его интересами и заботами и начиная вѣрить въ реальность этого міра, въ реальность иллюзіи или Майи.

Научиться отличать реальное отъ ложнаго могутъ не всѣ. Но и тотъ кто можетъ, не получитъ этого даромъ. Это дѣло труда, дѣло большой работы, требующей смѣлости мысли и смѣлости чувства.

Въ книгѣ «Мудрость боговъ» я надѣюсь разобрать пути, по которымъ люди шли и идутъ къ этой цѣли.

Заключеніе.

Въ заключеніе я хочу упомянуть о тѣхъ удивительныхъ и полныхъ тайны словахъ «*Апокалипсиса*» и «*Посланія къ Эфесянамъ*», апостола Павла, которыя поставлены эпиграфомъ къ этой книгѣ.

Апокалипсическій Ангелъ клянется, что времени больше не будетъ.

Мы не знаемъ, что хотѣлъ сказать авторъ Апокалипсиса, но мы знаемъ состоянія духа, когда время исчезаетъ. Мы знаемъ, что именно въ этомъ, *въ измѣненіи чувства времени* выражается начало четвертой формы сознанія, начало перехода къ космическому сознанію.

Въ этой и подобныхъ ей фразахъ проскальзываетъ глубокое философское содержаніе евангельскаго ученія. И пониманіе того, что тайна времени есть первая тайна, которая должна быть раскрыта, его—первый шагъ къ развитію космическаго сознанія интеллектуальнымъ путемъ.

Что же означала апокалипсическая фраза? То ли именно, что мы теперь можемъ вложить въ нее — или это былъ просто художественный, риторическій образъ, случайный ударъ по клавишѣ, звучащей до насъ черезъ вѣка и тысячелѣтія такимъ удивительно сильнымъ и вѣрнымъ тономъ мысли? — Мы не знаемъ и никогда не узнаемъ. Но слова прекрасны. И мы можемъ принять ихъ, какъ символъ далекой и недостижимой истины.

Слова апостола Павла еще болѣе странны, еще болѣе поразительны своей *математической* точностью. (Мнѣ указали эти слова у А. Добролюбова «Изъ книги Невидимой», который видитъ въ нихъ прямое указаніе на «четвертую мѣру пространства»).

Въ самомъ дѣлѣ, что это можетъ значить?

«Чтобы вы, укорененные и утвержденные въ *любви*, могли постигнуть со всѣми *святыми*, что—широта и долгота, и глубина, и высота».

Прежде всего что значитъ: *постиженіе широты и долготы, и глубины и высоты?* Что это, какъ не *постиженіе пространства?* А мы знаемъ уже, что постиженіе тайнъ пространства есть начало высшаго постиженія.

Апостолъ говоритъ, что «укорененные и утвержденные въ *любви*, со всѣми *святыми*, постигнутъ, *что такое пространство*.

Здѣсь вопросъ: почему *любовь* должна давать постиженіе? Что *любовь* ведетъ къ *святости* — это понятно. Любовь въ такомъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово ап. Павелъ (глава XIII перваго посланія къ Коринѳянамъ)—это высшая изъ эмоцій, это *синтезъ*, сліяніе всѣхъ высшихъ эмоцій. Безспорно, она ведетъ къ *святости*. *Святость* это состояніе духа, освобожденнаго отъ *двойственности* человѣка, отъ его вѣчной дисгармоніи души и тѣла. На языкѣ ап. Павла *святость* даже немного меньше, чѣмъ на нашемъ настоящемъ языкѣ. Онъ называлъ *святыми* всѣхъ членовъ своей церкви, святость у него значила праведность, моральность, религіозность. Мы говоримъ, что это все только *путь къ святости*. Святость нѣчто особое, *достигнутое*. Но все равно, какъ ни брать на его языкѣ или на нашемъ—*святость* это сверхчеловѣческое свойство. Въ области морали это то же самое, что *геніальность* въ области ума. *Любовь путь къ* святости.

Но ап. Павелъ соединяетъ со *святостью* п о з н а н і е. Святые *постигаютъ*, что—широта и долгота, и глубина и высота; и онъ говоритъ, что всѣ—черезъ любовь—могутъ *постигнуть* это вмѣстѣ съ ними. Но что же именно постигнуть? П о с т и г н у т ь п р о с т р а н с т в о. Потому что «широта и долгота и глубина и высота» въ переводѣ на нашъ языкъ болѣе краткихъ опредѣленій, это и значитъ *пространство*.

Вотъ это послѣднее наиболѣе странно.

Какъ могъ ап. Павелъ знать и д у м а т ь, что святость даетъ новое пониманіе *пространства?* Мы *знаемъ, что она должна давать*, но о т к у д а онъ могъ знать?

Никто изъ его современниковъ не соединялъ со святостью идеи постиженія пространства. Да и вообще о «пространствѣ» тогда еще не было рѣчи, по крайней мѣрѣ у римлянъ и грековъ. Только мы теперь, *послѣ Канта*, и получивъ доступъ въ сокровищницы мысли Востока, понимаемъ, что переходъ на новую ступень сознанія невозможенъ безъ расширенія чувства пространства.

Но это ли хотѣлъ сказать ап. Павелъ, этотъ странный человѣкъ—римскій чиновникъ, гонитель перваго христіанства, ставшій его проповѣдникомъ, философъ, мистикъ, человѣкъ «видѣвшій

Бога», смѣлый реформаторъ и моралистъ для своего времени, боровшійся за «духъ» противъ «буквы», и, конечно, не отвѣтственный за то, что его самого послѣ стали понимать не въ «духѣ», а въ «буквѣ»; это ли хотѣлъ сказать онъ?—Мы не знаемъ.

Но попробуемъ посмотрѣть на эти же слова *Апокалипсиса* и *Посланій* съ точки зрѣнія нашего обычнаго «позитивнаго мышленія», милостиво соглашающагося иногда признать «метафорическій смыслъ» мистики. Что мы увидимъ?

Ничего не увидимъ.

Проблескъ *тайны*, мелькнувшій на мгновеніе, сейчасъ же исчезнетъ. Это будутъ слова безъ всякаго содержанія, ничѣмъ не привлекающія къ себѣ нашего усталаго вниманія, которое скользнетъ по нимъ, какъ оно скользитъ по всему. Мы равнодушно перевернемъ страницу и равнодушно закроемъ книгу.

Интересная метафора, да. Но больше ничего!

И мы не замѣчаемъ того, что мы сами обворовываемъ себя, лишаемъ жизнь всей красоты, всей тайны, всего содержанія и удивляемся потомъ, что намъ скучно и противно, и не хочется жить, и что мы ничего не понимаемъ вокругъ; что побѣждаетъ грубая сила, или обманъ и фальсификація, которымъ намъ нечего противопоставить.

Методъ не годится.

Въ свое время «позитивизмъ» явился, какъ нѣчто освѣжающее, трезвое, здоровое и *прогрессивное*, прокладывавшее новые пути мысли.

Послѣ сантиментальныхъ построеній наивнаго дуализма, это, конечно, былъ большой шагъ впередъ. Позитивизмъ сталъ символомъ *прогресса* мысли.

Но мы видимъ теперь, что онъ неизбѣжно приводитъ къ *матеріализму*. И въ такомъ видѣ онъ останавливаетъ мысль, которой уже давно тѣсно въ узкихъ рамкахъ *матеріи и движенія*. Изъ революціоннаго, гонимаго, анархическаго, вольнодумнаго позитивизмъ сталъ основой оффиціальной науки. На него надѣтъ мундиръ. Ему пожалованы ордена. Къ его услугамъ университеты, академіи. Онъ признанъ. Онъ учитъ. Онъ управляетъ мыслями.

Но, достигнувъ благоденствія и преуспѣянія, позитивизмъ прежде всего поставилъ препятствіе дальнѣйшему ходу мысли. Все, выходящее изъ схемы энергетизма, объявлено *суевѣріемъ*. Все, выходящее изъ рамокъ обычнаго сознанія, объявлено *патологическимъ*. Передъ свободнымъ изслѣдованіемъ поставлены китайскія стѣны

«положительныхъ» наукъ и методовъ. Все, поднимающееся выше этихъ стѣнъ, объявлено *ненаучнымъ*.

И въ такомъ видѣ позитивизмъ, бывшій раньше символомъ прогресса, уже является *консервативнымъ*, *реакціоннымъ*.

Въ области мысли уже установился *существующій порядокъ*, и борьба съ нимъ уже объявлена преступленіемъ.

Съ удивительной быстротой принципы, вчера еще выражавшіе собой наивысшій радикализмъ въ области мысли, дѣлаются опорой идейнаго оппортюнизма, служатъ тупиками, останавливающими мысль. На нашихъ глазахъ это происходитъ съ идеей эволюціи, на которой теперь можно построить что угодно и при помощи которой можно отказаться отъ чего угодно.

Идея эволюціи сближаетъ «позитивизмъ» съ «теософіей».

Теософія проходитъ по тому же самому пути, по которому раньше проходило много движеній мысли. Начавъ со смѣлаго и революціоннаго исканія чудеснаго, теософія очень скоро стала отрекаться отъ этого и остановилась на какихъ то «найденныхъ» истинахъ, постепенно превращаемыхъ въ непреложные догматы.

Но свободная мысль не можетъ остановиться ни на какихъ рамкахъ. Никакой *одинъ* методъ, никакая *одна* система не можетъ удовлетворить ее. Она должна брать отъ всѣхъ, что въ нихъ есть цѣннаго. Она не должна ничего признавать *рѣшеннымъ* и не должна ничего считать *невозможнымъ*.

Истинное *движеніе*, лежащее въ основѣ всего, есть *движеніе мысли*. Истинная *энергія*, это есть *энергія сознанія*. И сама *истина*, есть движеніе и никогда не можетъ вести къ остановкѣ, къ прекращенію исканія.

Все, что останавливаетъ движеніе мысли,—ложно.

Поэтому настоящій *реальный* прогрессъ мысли—только въ самомъ широкомъ стремленіи къ познанію, не признающемъ возможности остановки на какихъ либо *найденныхъ* формахъ. Смыслъ жизни въ вѣчномъ исканіи. *И только въ исканіи* можемъ мы найти что-нибудь дѣйствительно новое.

